

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

3 (93)

Июль – Август – Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2026

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва),

акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),

член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),

акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),

д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент), проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва),

д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн), д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), к.и.н. *М.М. Холод* (Санкт-Петербург),

д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history26062009@mail.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2026
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2026
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2026

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

3 (93)

July – August – September

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2026

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Chairman, Moscow),

Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),
Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent), Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin),
Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow), Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Dr. *Maksim Kholod* (Saint Petersburg),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Aleksey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history26062009@mail.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 5–28

© The Author(s) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-5–28

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 5–28

©Автор(ы) 2026

О НЕКОТОРЫХ МНИМЫХ ОЙКИСТАХ

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Основная цель данной статьи – рассмотрение приведенного в двух недавних работах В.П. Яйленко источникового материала о греческих колониях, получивших название в честь своих ойкистов (основателей), на предмет его достоверности и релевантности. Автор приходит к выводу, что ни один из примеров В.П. Яйленко не обладает совокупностью этих качеств и, соответственно, не является убедительным доводом в пользу существования подобной практики у греков эпохи архаики.

Ключевые слова: архаическая Греция, греческая колонизация, ойкисты, эпонимы, топонимы, Стефан Византийский, Скилак Кариандский, Киос

Основная цель данной статьи – рассмотрение приведенного в двух работах В.П. Яйленко, одна из которых является совсем недавней¹, источникового материала о греческих колониях, получивших название в честь своих ойкистов (основателей), на предмет его достоверности и релевантности. Но прежде всего следует дать краткий экскурс в историю проблемы, которая ведет начало, насколько можно судить, с 1985 г., когда увидела свет имевшая значительный резонанс статья израильского антиковеда И. Малкина² – тогда еще достаточно молодого ученого,

Данные об авторе. Игорь Евгеньевич Суриков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

¹ Яйленко 2016, 518–519; 2024, 514.

² Malkin 1985.

а с тех пор получившего заслуженную репутацию одного из лучших в мире специалистов по Великой греческой колонизации (а теперь, после кончины сэра Джона Бордмэна, пожалуй, просто лучшего), ставшего автором многочисленных посвященных ей и ее контексту работ, в том числе монографического формата³.

Основной полемический пафос статьи, о которой идет речь, заключался в следующем. Традиционно считалось, что наречение ойкистом основанного им города в свою честь начало практиковаться в греческом мире достаточно поздно – с 357 г. до н.э., когда македонский царь Филипп II основал в восточной части своей страны колонию Филиппы⁴. Он продолжал подобную практику и далее (342 г. до н.э. – основание Филиппополя во Фракии). Обычай, начало которому было положено Филиппом, охотно подхватил его сын Александр Великий и, похоже, сделал его для себя чуть ли не фетишем – вряд ли стоит напоминать читателю, хоть скольконибудь знакомому с историей античности, о многочисленных Александриях. По той же стезе активно шли диадохи и их преемники – владыки эпохи эллинизма, для которых создание всяческих Кассандрий, Лисимахий, Антиохий, Селевкий и т.п. стало делом повседневной рутины.

Итак, считалось, что перед нами – эллинистическая практика (точнее, также и предэллинистическая, учитывая инициативы Филиппа II), не находящая соответствия в греческом мире полисного периода. Именно это положение и пожелал оспорить И. Малкин, задавшись целью показать, что и до Филиппа, даже в период архаики, известны, пусть и редко, случаи наименования колоний по своим реальным ойкистам. Он привел свидетельства о случаях, представлявшихся ему таковыми. Нами они были в свое время подробно проанализированы⁵; досконально повторять нашу тогдашнюю аргументацию не видим смысла и ограничимся ее кратким суммированием, к которому присовокупим кое-какие новые соображения по вопросу.

Малкин начинает со случаев наименования городов в честь мифических основателей⁶; такие примеры хорошо известны и существуют во множестве (придется в дальнейшем о них еще поговорить, поскольку к этому вынуждают нас некоторые утверждения В.П. Яйленко), однако не имеют прямого отношения к ойкистам – историческим лицам. Далее израильский исследователь переходит к примерам, которые, по его мнению, уже более непосредственно относятся к постулируемой им модели⁷. Но что получается, если всмотреться в эти примеры пристально? Мегары Гиблейские, колония на востоке Сицилии, основанная мегарянами из Балканской Греции в 728 г. до н.э., получила свое второе название (но город иногда именовался и просто Гиблой), по сообщению Фукидида (Thuc. VI. 4. 1), оттого, что «Гиблон, царь сиколов, отдал им эту землю и сам привел туда». Даже если это не этимологическая легенда, Гиблон нигде не фигурирует в источниках как ойкист Гиблы. Да и не мог быть таковым в силу того, что являлся «варваром», а не элли-

³ Укажем важнейшие из них: Malkin 1987; 1998; 2011; 2024. Более широким, концептуальным вопросам посвящена написанная в соавторстве книга: Malkin, Blok 2024.

⁴ Malkin 1985, 114.

⁵ См. Суриков 2012, 449–458.

⁶ См. Суриков 2012, 116–117.

⁷ См. Суриков 2012, 116–117.

ном⁸. Схожая ситуация с Даскилеем, что находился неподалеку от Пропонтиды. Город, скорее всего, получил название в честь Даскила, отца Гигеса – лидийского царя, основателя династии Мермнадов. Ойкистом Даскилея, милетской колонии, Даскил уж точно не был.

Настойчиво подчеркнем, что не следует смешивать между собой два совершенно разных вопроса: называли ли колонии в честь ойкистов и называли ли их в честь реальных лиц? Второе, разумеется, происходило, и спорить с этим невозможно. Лампсак, что на Геллеспонте (колония ионийской Фокеи), по авторитетному свидетельству его уроженца, одного из наиболее ранних греческих историков Харона Лампсакского⁹, получил свое название в честь туземной царевны Лампсаки, которая стала почитаться в городе как героиня (*Char. FGrHist.* 262 F7). И тем не менее И. Малкин совершенно напрасно включил ее в свой список: основательницей Лампсака эта царица не являлась. Кто на самом деле был ойкистом этого города – об этом в сочинении Харона имелась информация, но до нас она дошла в несколько искаженном и потому противоречивом виде.

Фрагмент Харона, ссылка на который дана чуть ниже, дошел до нас через посредство двух поздних авторов – Плутарха (*Plut. Mor.* 255a–e) и Полиена (*Polyaen. Strat.* VIII. 37); Плутарх свой источник называет, Полиен – нет, но два рассказа сходны практически во всем, кроме отдельных деталей, и не приходится сомневаться в том, что оба они восходят к одному и тому же пассажи лампсакского историка. Пр процитируем начало свидетельства Плутарха: «Были братья-близнецы из Фокеи¹⁰, из рода Кодридов¹¹, – Фоб и Блепс; из них Фоб первым бросился в море с Левкадских скал¹², как рассказал Харон Лампсакский...». Несколько смущает, правда, странноватое имя первого из братьев, буквально означающее «страх». Далее рассказывается о том, как Фоб прибыл на Геллеспонт и, «став другом и гостеприимцем Мандрону, царствовавшему над бебриками¹³, которых прозвали питиоесцами¹⁴, он оказал им помощь и воевал вместе с ними, когда тех беспокоили соседи. А Мандрон оказал Фобу и многие другие знаки дружелюбия, когда тот отплывал, и в том числе пообещал отдать ему часть своей страны и города, если он пожелает прибыть в Питиоессу, взяв с собой фокейцев в качестве дополнитель-

⁸ Значительно более вероятно, что Мегары Гиблейские были так названы потому, что неподалеку находился сиккульский город Гибла, столица Гиблона (Пальцева 1999, 134).

⁹ О нем см.: Суриков 2025, 152–174.

¹⁰ Фокея – один из самых значимых городов материковой Ионии.

¹¹ Знаменитый древнегреческий аристократический род, ветвь Нелеидов из Пилоса. Основатель рода – Кодр, легендарный афинский царь. Согласно легендарной традиции (данные которой в этом случае, безусловно, в общей форме соответствуют действительности), некоторые из сыновей Кодра возглавили ионийскую колонизацию и основали эллинские города на восточном побережье Эгейского моря. Поэтому Кодриды зафиксированы и в ряде полисов Ионии.

¹² Знаменитая скала на острове Левкада у западных берегов Греции; с нее бросались те, кто страдал безнадежной любовью (например, источники часто называют в данной связи поэтессу Сапфо). Те, кому удалось выжить после прыжка, будто бы исцелялись от страсти.

¹³ Фракийское (?) племя. Довольно часто упоминается в мифах о событиях «героической» эпохи (особенно в мифе об аргонавтах).

¹⁴ От упоминаемого чуть ниже города с названием Питиоесса («Сосновый», распространенный топоним, иногда пишущийся как «Питиусса»).

ных поселенцев¹⁵. Итак, Фоб, убедив сограждан, послал вождем этих поселенцев брата».

Как видим, по Плутарху инициатором основания Лампсака выступает Фоб, но ойкистом в собственном смысле слова оказывается Блепс. Несколько иначе – у Полиена, у которого ни Фоб, ни Блепс ни появляются, а написано вот что: «Фокейцы, имея вождем Фокса, стали союзниками Мандрону, царю бебриков, когда на него напали соседние варвары. Мандрон убедил фокейцев поселиться у него, получив часть его страны и города». А между тем оба читали Харона (если не напрямую, то, во всяком случае, через опосредующего автора). Так кто же из двух прочел правильно, а у кого возникла путаница?

Один вариант – напутал Полиен, сконтаминировав из имен «Фоб» и «Блепс» гибридное «Фокс»¹⁶. Но возможен и другой вариант – верно как раз у него, а у Плутарха один персонаж оказался разделен на двух, причем одного из этих двух, повторим, зовут как-то подозрительно. Как бы то ни было, ясно одно: ойкистом Лампсака стал грек, кто-то из представителей фокейской ветви аристократического рода Кодридов. А отнюдь не Лампсака из племени бебриков, которая просто выдала колонистам планы ее соплеменников погубить их и тем побудила их принять меры безопасности.

Двинемся дальше. Особое место в аргументации И. Малкина занимает случай с Солоном¹⁷. Афинский законодатель, совершая свое известное путешествие на Восток, побывал и на Кипре. Там он, по рассказу Плутарха (Plut. Sol. 26), был принят Филокипром, царем города Эпеи, указал ему на неудачное местоположение этого города, предложил перенести его на новое место и сам надзирал за переносом. За это Филокипр переименовал Эпею в Солю – в честь Солона. Данное сообщение Плутарха Малкин принимает без малейшей попытки критически отнестись к нему. А между тем имеется факт, который заставляет безоговорочно отвергнуть утверждение биографа: в ассирийских документах времен Ассархаддона и Ашшурбанипала (правивших в VII в. до н.э., то есть заведомо до времени Солона) кипрский город, о котором идет речь, фигурирует как «Силлуа»¹⁸. Вывод однозначен: уже тогда он не был никакой «Эпесей», а именовался Солами. Стало быть, Солон здесь совершенно ни при чем: налицо всего лишь случайное созвучие антропонима и топонима.

Почти все остальные примеры Малкина зиждутся на столь же шаткой основе. Самосская колония Нагид на южном побережье Малой Азии (в Киликии), согласно Стефану Византийскому (Steph. Byz. s.v. Νάγιδος), ссылающемуся на Гекатея Милетского (Hecat. *FGrHist.* F266), получила название «от кибернета Нагида». В буквальном понимании кибернет – это кормчий на корабле. Но израильский исследователь полагает, что в данном случае слово употреблено метафорически и означает вождя, предводителя, иными словами, ойкиста¹⁹. Кажется, понятно, что

¹⁵ Именно так обычно понимают употребленный здесь термин «эпойки» (в отличие от «апойков» – первоначальных колонистов).

¹⁶ У русскоязычного читателя может сложиться впечатление, что это имя даже коррелирует с названием города Фокеи. Однако в оригинале этого нет: Фокея пишется через *омегу* (Φόκαια), а Фокс – через *омикрон* (Φόξος).

¹⁷ Malkin 1985, 119–121.

¹⁸ Maier 2004, 1230.

¹⁹ И. Малкин датирует основание Нагида VII в. до н.э. (Malkin 1985, 123). Однако более вероятно, что это произошло в предшествующем столетии (Shingley 1987, 41).

это явная натяжка, сделанная с целью подогнать факты под *желаемый* результат. Кстати, в том же свидетельстве Гекатея – Стефана указано, что рядом с городом Нагидом находился остров Нагидуса. Уж не от него ли в действительности получил название и сам город (практика использования колонистами местной, «туземной» топонимики широко распространена в истории²⁰)? А связь этого названия с именем некоего человека может быть просто плодом народной этимологии. Или даже догадки Гекатея: нам еще предстоит познакомиться с тем, как много в его географическом труде встречается разного рода фиктивных «основателей-эпонимов.

Коринфом в правление тирана Периандра (627–585 гг. до н.э.) была основана Аполлония Иллирийская. Стефан Византийский (Steph. Byz. s.v. Ἀπολλωνία) пишет, что этот город «основал Гилак, который назвал его Гилакией». И он же в другом месте (Steph. Byz. s.v. Γυλάκεια): «Так называлась Иллирийская Аполлония, от коринфянина Гилака». Как относиться к данным Стефана? Малкин их безоговорочно принимает²¹. Но известно, что этот очень поздний (VI в. н.э.) – собственно, уже не античный, а византийский – автор не прочь был пофантазировать. Ему не очень-то стоит доверять, если нет свидетельств, подтверждающих его заявления²². А в данном случае дело обстоит скорее противоположным образом: из одного замечания Плутарха (Plut. *Mor.* 552e) делается вывод, что Аполлонию основал сам Периандр²³.

Возможно, в роли ойкиста тиран не выступил. Но здесь необходимо сказать несколько слов о коринфских колониях, возникших при Кипселидах. Их совокупность иногда называют «колониальной империей» (“*Kolonialreich*”²⁴) по той причине, что эти города, вопреки общепринятой греческой практике, не становились полностью независимыми полисами: тираны удерживали контроль над ними через ойкистов, которых они назначали из числа членов своей семьи и делали фактически наместниками. А эти самые члены семьи Периандра (то есть его довольно многочисленные братья, сыновья, племянники) очень хорошо известны²⁵, и никакого Гилака среди них нет. Было бы совершенно необъяснимо, если бы вдруг было совершено беспричинное отступление от устоявшейся практики.

²⁰ Приведем несколько примеров, связанных как раз с Великой греческой колонизацией. Основанные коринфянами Сиракузы получили свое имя по близлежащему болоту Сирако (Ps.-Scymn. 281–282), само же название болота признаётся негреческим, скорее всего – иллирийским (Frisk 1970, 821). Город Элея (Эла, Гиела – топоним в источниках встречается в нескольких вариантах), фокейская колония в Лукании, по данным Антиоха Сиракузского (3-я четверть V в. до н.э.), авторитетнейшего автора, основоположника западногреческого историописания (см. о нем: Суриков 2025, 279–303) был назван по местному источнику (Antioch. *FGrHist.* 555. F8), ахейский Сибарис – по соседней реке (Antioch. *FGrHist.* 555. F10), спартанский Тарент (Тарант) – тоже (Antioch. *FGrHist.* 555. F13; Антиох говорит: «В честь какого-то героя», но имеется в виду именно герой Тарант, эпоним одноименной реки: Fischer-Hansen, Nielsen, Ampolo 2004, 299). Кирена, знаменитая колония Феры в Ливии, получила название от местного источника Киры (Callim. *Hymn.* II. 88–89).

²¹ Malkin 1985, 123–125.

²² Или если он не ссылается на какой-нибудь более авторитетный источник. Очень часто он так, указывая, что взял информацию из Гекатея, Гелланика или какого-нибудь другого раннего писателя. Такие свидетельства Стефана, разумеется, приобретают значительно больший вес. Но в данном случае никакой ссылки нет.

²³ Wilkes, Fischer-Hansen 2004, 328.

²⁴ Berve 1967, 18.

²⁵ См. о всех них: Berve 1967, 14–27.

Итак, вопрос о том, действительно ли Аполлония Иллирийская была основана неким Гилагом и вначале называлась Гилакией, нельзя априорно решать в положительном смысле, и тем более нельзя использовать этот положительный ответ как аргумент в пользу того, что архаические колонии могли быть названы в честь своих ойкистов. А если чуть-чуть углубиться в проблему – вспомним, каким жестоким и крутым (воистину «грозным»!) правителем был Периандр. Допустим, что в случае с Аполлонией ему не хватило родственников (хотя это не так) и он поручил основать этот город человеку, не принадлежащему к их числу. Разве допустил бы он, чтобы тот проявил неслыханную дерзость, дав колонии свое имя? Он даже своим братьям и сыновьям, которые выступали в роли ойкистов, не позволял подобного: ни один из них не стал эпонимом города.

У И. Малкина есть еще пример с Гагноном, основателем Амфиполя (первая половина 430-х гг. до н.э.)²⁶. Но в честь Гагнона были названы только какие-то «Гагноновы постройки» (τὰ Γαγνόνεια οἰκοδομήματα, Thuc. V. 11. 1), существовавшие в Амфиполе, сам же город носил название, не имеющее ничего общего с именем ойкиста²⁷. Таким образом, этот пример является совсем irrelevantным. В результате из всего перечня Малкина остаются только два города-соседа на Тамани: Фанагория и Гермонасса²⁸. Вопрос о них очень сложен, особенно о первом из этих двух полисов (он еще более усложнился с публикацией архаического граффити²⁹, на котором многие специалисты читают искаженное имя «Фанагор»), мы к нему обращались последний раз совсем недавно³⁰ (придя к выводу, что вопрос этот отнюдь еще не решен и не закрыт) и здесь останавливаться на нем не будем: в рамках данной статьи нас интересуют другие ойкисты или, точнее, «ойкисты».

Об одном из таковых вспомнил греческий ученый П. Харалампакис, полемизируя с нами: «Было бы преувеличением заявлять, что ни одна архаическая колония не получила своего названия в честь основателя: например, Византий был наименован по Византу, полуисторической-полумифической личности, в зависимости от источника»³¹. С ним позже согласился В.П. Яйленко: «Город Византий (τὸ Βυζάντιον, получил имя полумифического, полуреального (это зависит от упоминающего его источника, замечает Харалампакис) основателя Βύζας (gen. -αντος)»³².

Очевидно, все-таки необходимо остановиться на вопросе о Византе и Византии, хотя мы это уже и делали³³. Прежде всего, как понимать эти выражения – «полуисторической-полумифической» (Харалампакис), «полумифического, полуреального» (Яйленко)? Что же, Визант был наполовину мифическим, наполовину

²⁶ Malkin 1985, 125–127.

²⁷ О «городе Гагнонии» близ Амфиполя, наличие которого постулирует В.П. Яйленко (Яйленко 2016, 519), будет сказано ниже.

²⁸ Есть еще странным образом упущенная Малкиным Горгиппия, расположенная тоже неподалеку от двух вышеназванных колоний. Этот случай совершенно бесспорен: город был переименован из Синдской Гавани по поводу его «нового основания» Горгиппом, братом Левкона I. Но тут перед нами IV в. до н.э., то есть уже поздняя классика, а не архаика. Как отмечает А.А. Завойкин, реколонизация и переименование имели место «во второй четверти – середине IV в. до н.э.» (Завойкин 2013, 419), а более точная датировка невозможна. Иными словами, мы не знаем, имело ли оно место до или после 357 г. до н.э., когда Филипп II впервые назвал в свою честь город.

²⁹ Завойкина 2020.

³⁰ Суриков 2023.

³¹ Charalampakis 2013, 182.

³² Яйленко 2016, 517.

³³ См.: Суриков 2015.

реальным? Таких химер не бывает. Что бы то ни было может являться *либо* реальным, *либо* мифическим. Даже странно, что приходится объяснять такое.

Далее, хорошо известно, что Византий появился в ходе Великой греческой колонизации, будучи основан выходцами из Мегар³⁴. Датировка возникновения колонии определяется указанием Геродота на то, что она была основана на 17 лет позже Калхедона (Herod. IV. 144). Калхедон те же мегаряне основали в 685/684 г. до н.э., и, соответственно, Византий – в 668/667 г. до н.э.³⁵; впрочем, предлагались и альтернативные даты около 660 г. до н.э.³⁶, но это совершенно не принципиально: в любом случае событие имело место в VII в. до н.э. Стало быть, Визант жил именно тогда, был мегарянином и возглавил колонизационную экспедицию на Боспор Фракийский? Отнюдь нет. Вот кто такой Визант (приведем основные свидетельства о нем).

«Аргонавты же прибыли к устью Понта и пристали к берегу. В то время в этой стране царствовал Визант, по имени которого и назван город византийцев» (Diod. IV. 49. 1). «Семистра же, нимфа-наяда, была кормилицей Кероессы. Ведь Ио, когда она в результате уловок Зевса и гнева Геры была отпущена в образе коровы и бежала через многие земли, спасаясь от крылатого овода, именно в этом месте, мучимая родильными схватками – ибо она была беременна божественным отпрыском – разрешается младенцем женского пола. Взяв ребенка, Семистра вскармливает этот знак превращения матери: у девочки по обеим сторонам лба выступали как бы образы рожек. Потому-то ее и называли Кероессой (рогатой). У нее от Посейдона родился сын Визант – муж, почитаемый подобно богу и давший имя Византию» (Dionys. Byz. 24). «Византий <...> был основан Византом, сыном Кероессы, дочери Ио, и Посейдона» (Steph. Byz. s.v. Βυζάντιον). «Итак, Кероесса, вскормленная нимфой Семестрой и отличавшаяся необычной внешностью, не имела себе равных среди фракийских девушек. И, совокупившись с морским Посейдоном, она рождает того, кого называли Византом. Имя он получил от вскормившей его во Фракии нимфы Визии – ее водами еще и поныне пользуются граждане» (Hesych. Illustr. Patr. Const. 9).

Это уводит нас всецело в мир мифа. Правда, известный византийский эрудит Евстафий Солунский высказывает два альтернативных мнения: Византий был так назван «в честь Византа, сына Кероессы, которая была дочерью Ио, или потому, что Виз (Βύζης) командовал флотом мегарян, которые и основали Византий...» (Eustath. Comm. in Dion. Perieg. 803). Но, думается, вторая из двух версий Евстафия представляет собой всего лишь искусственную конструкцию, родившуюся в уме этого высокоученого клирика. И в любом случае топоним Βυζάντιον имеет, несомненно, фракийскую этимологию³⁷, то есть произошел от местной топонимики, а не от имени ойкиста-мегарянина (имя этого исторического ойкиста не сохранилось³⁸).

³⁴ Robu 2014, 248–292.

³⁵ Tsetskhladze 2006, LXVIII.

³⁶ Loukopoulou, Laitar 2004, 916.

³⁷ Robu 2014, 285–286.

³⁸ Упоминание в некоторых поздних источниках (Iustin. IX. 1. 2; Oros. III. 13. 2) в качестве ойкиста Византия спартанского регента Павсания связано с действиями последнего в Византии в 470-х гг. до н.э. (подробнее см.: Суриков 2020).

В.П. Яйленко в статье 2016 г.³⁹ приводит еще некоторые примеры городов, названных, как он считает, в честь своих основателей, а перед тем в характерном для него желчном тоне подвергает критике наши аргументы. Нами был незамедлительно дан ответ на эту критику⁴⁰, но он вышел в малоизвестном издании, и, как мы полагаем, многим коллегам просто не довелось с ним ознакомиться. Поэтому придется вновь остановиться на этом вопросе. По поводу нашего спора с И. Малкиным В.П. Яйленко резюмирует: «бить слабого легко»⁴¹. Вот так «слабый»! В начале настоящей работы было сказано, ученым какого масштаба является Ирад Малкин⁴².

Затем Яйленко обращается к некоторым из проанализированных нами ситуаций. В частности, с Мегарами Гиблейскими на Сицилии. Наш оппонент указывает, что город мог называться и просто «Гибла» (что соответствует действительности, как и нами было сказано выше) и что «это было основное его название... Посему это сикульский топоним Гибла»⁴³. Относительно «основного» – тут можно спорить, но главное не в этом, а в том, что сам же Валерий Петрович, получается, признаёт: греки заимствовали сикульский топоним (вещь очень естественная, во все эпохи мировой истории переселенцы, прибывавшие в новые места, повторим, активно использовали туземную топонимику), и, значит, ни о каком имени ойкиста тут речь идти не может, тем более что царь сикулов Гиблон, естественно, не мог выступить в качестве такового по отношению к эллинской колонии. Вот этот наш главный (и вряд ли опровержимый) аргумент В.П. Яйленко даже не упоминает, фактически замалчивает его. Интересный способ полемики: те доводы, против которых не удастся возразить, просто скрыть.

Не иначе обстоит дело с Даскилеем, названным в честь Даскила, отца Гигеса Лидийского (с чем мы совершенно согласны). Тут придется дать пространную цитату: «И.Е. Суриков счел, что по археологическим данным город явно греческий, а ойкист эллинской апойкии не может быть негреком. И тут он не знаком с ономастическими реалиями: в Эолии, Фригии, Ионии, Карии было несколько городов, называвшихся Δασκύλιον, и личное имя Δάσκυλος распространено там же в качестве династического у лидийских Мермнадов (отец, сын, внук Гигеса) и легендарного у мисийцев (отец и сын царя мисов Лика) <...> Совпадение территории распространения топонимов и династического личного имени (это все Западная Анатолия) свидетельствует об их взаимосвязи – города определенно получали имя по династам, тем более что Стефан Византиец (*с. л. Δασκύλιον*) прямо указал: Даскилей в Карии назван по имени сына тирана Периандра Даскила»⁴⁴.

³⁹ Яйленко 2016, 517–519.

⁴⁰ Суриков 2017.

⁴¹ Яйленко 2016, 517.

⁴² С гордостью (которую кто-то, возможно, сочтет за хвастовство) вспоминаем, как несколько лет этот выдающийся специалист по собственной инициативе написал нам, обратившись с просьбой прислать ему для ознакомления одну из наших статей (а именно Суриков 2012). То, что статья опубликована на русском, его не смутило (впрочем, это понятно, учитывая, что он живет и работает в Израиле, «а там на четверть бывший наш народ», хотя сам Малкин – еврей американского происхождения) Так завязалась наша переписка со знаменитым коллегой, продолжающаяся и поныне.

⁴³ Яйленко 2016, 517.

⁴⁴ Яйленко 2016, 517–518.

Даже не очень понятно, для чего написан этот многословный пассаж. Если он представляет собой попытку доказать, что лидиец Даскил, отец Гигеса, был ойкистом Даскилея, греческой колонии близ Пропонтиды, и дал этому городу свое имя, то попытка эта не удалась, да и не могла удалиться в силу заведомой абсурдности такого утверждения. Если же речь идет просто о том, что города (и греческие, и негреческие) могли получать названия в честь реальных лиц (в том числе лидийских или мисийских династов и т.п.), то это банальность; сей факт и нами констатировался в начале данной статьи. Спор совершенно не об этом, а о том, были ли в архаическую эпоху эллинские колонии, носившие имена своих ойкистов.

Не можем также не обратить внимания на грубую ошибку, содержащуюся в конце только что приведенной цитаты. Согласно В.П. Яйленко, Даскилей в Карию – этот населенный пункт явно тождествен «Даскиловой деревне», которую упоминают Павсаний (Paus. IV. 35. 11) и Афинея (Athen. II. 43a), – назван по имени Даскила, который будто бы был сыном *тирана Периандра*. Встретив такое, конечно, нельзя не удивиться. Во-первых, семья коринфского тирана Периандра, как говорилось и выше, хорошо известна; ни о каком члене этой семьи, которого звали бы Даскилом, в источниках ничего не говорится. Во-вторых, какое отношение может иметь родственник Периандра к городу в Карию? Колонизационная деятельность Коринфа при Кипселидах (равно как и ранее, при Бакхиадах) шла почти исключительно в западном направлении. Единственное исключение – Потидея на Халкидике (основанная как раз при Периандре, а ойкистом был его сын Евагор, Nic. Damasc. *FGrHist.* 90. F59), но и Халкидика находится, мягко говоря, далековато от Карию.

Совокупность этих соображения побудила нас обратиться к соответствующему месту у Стефана Византийского. Вначале, понятно, мы заглянули в электронный TLG (это легче всего) и прочли там следующее: Δασκύλιον, πόλις Καρίας ἐπὶ τοῖς ὄροις τῆς Ἐφεσσίας, ἀπὸ Δασκύλου τοῦ υἱοῦ Περιαύδου – «Даскилей, город в Карию у ее границы с Эфесской областью, [названный] по Даскилу, сыну *Периавда* (курсив наш – И.С.)» (Steph. Byz. s.v. Δασκύλιον).

«Периавд», конечно, немного похоже на «Периандр» (собственно, похоже только приставкой *περι-*), но это два совершенно разных имени. Тут нам подумалось: неужели В.П. Яйленко совершил столь нелепый промах? Может быть, он обладает какими-то недавно появившимися данными, позволяющими исправить здесь Περιαύδου на Περιάνδρου? Все-таки в TLG текст лексикона Стефана приведен по очень старому изданию Майнеке 1849 г. (точнее, по его репринту 1958 г.). Что скажет по этому поводу новейшее издание Стефана Византийского, осуществлявшееся в 2006–2017 гг. (в пяти томах) М. Биллербеком при участии ряда других специалистов? Открываем нужный том в нужном месте⁴⁵ и видим там то же самое – ἀπὸ Δασκύλου τοῦ υἱοῦ Περιαύδου. В аппарате – ни малейшего намека на то, что кто-либо когда-либо предлагал чтение Περιάνδρου.

Кто такой Периавд – совершенно неизвестно. В полном индексе TLG, кроме этого его упоминания у Стефана, фигурируют еще два. Оба – тоже в родительном падеже, и оба – у Элия Геродиана, грамматика II в. н.э., то есть автора более раннего, чем Стефан Византийский. Вот оба этих упоминания: Δασκύλης

⁴⁵ Billerbeck, Zubler 2011, 14.

ὁ υἱὸς Περιάρδου, ἀφ' οὗ Δασκύλιον πόλις Καρίας – «Даскил, сын Периандра, по которому [назван] Даскилей, город в Кариин» (Herodian. *De pros. cath.* III. 1, p. 69, 32–33); Δασκύλιον πόλις Καρίας ἐπὶ τοῖς ὄροις τῆς Ἐφεσσίας ἀπὸ Δασκύλου τοῦ υἱοῦ Περιάρδου – «Даскилей, город в Кариин у ее границы с Эфесской областью, [названный] по Даскилу, сыну Периавда» (Herodian. *De pros. cath.* III. 1, p. 362, 23–24). Как видим, сказано ровно то же самое, что и у Стефана, во втором случае – просто дословно. Саму информацию Стефан, скорее всего, у Геродиана и взял.

Как видим, В.П. Яйленко то ли по странному недосмотру, то ли сознательно создал буквально из ничего сына коринфского тирана Периандра, основавшего город в Кариин и давшего ему свое имя. Таков его вклад в полемику, но этим он не ограничивается. Рассмотрим, какие еще этот антиковед может предложить новые, ранее не указывавшиеся прецеденты наименования колонии в честь основателя. Вот его примеры: «...Город Этил в Лакедемоне назван по имени героя Этила, аргосца по происхождению, известна и его родословная – он сын Амфианакта, внук Антимаха (далее ссылки на Павсания – *И.С.*), и Сурикову не найти весомых доказательств, что это только легендарная традиция и в ней нет исторической основы»⁴⁶.

Как видим, темперамент Валерия Петровича таков, что он ради полемики по конкретному вопросу готов «наступить на горло собственной песне» и отказаться от базовых положений, провозглашенных им в одной из основных своих работ, об «отсутствии преемственности между микенской Грецией и последующей эпохой»⁴⁷. Из данного тезиса (в целом, на наш взгляд, гиперкритического) не может не вытекать признание недостоверности легендарной традиции греков. А в процитированном месте ученый ничтоже сумняшеся говорит об историчности Антимаха, правнука Геракла, и внука этого Антимаха – Этила. Кстати, у Павсания, строго говоря, не сказано даже и того, что герой Этил (именно *герой*, отнюдь не исторический ойкист) основал город Этил. У него стоит: ὁ δὲ ἥρωϊς ἀφ' οὗ τῇ πόλει τὸ ὄνομα ἐγένετο, Ἀργεῖος τὸ ἀνέκαθεν κτλ. – «герой, от которого пошло название города (Этила – *И.С.*), – аргивянин по происхождению» и т.д. (Paus. III. 25. 10). И в любом случае данный эпизод не имеет никакого отношения к наименованию колоний, под которыми здесь имеются в виду полисы, основанные в ходе Великой греческой колонизации: город Этил не принадлежал к таковым.

Таким образом, мы вступили в область передержек. Непосредственно далее нас ждет очередная: «Историчен и рассказ Павсания (X. 17) о колонизации греками острова Сардиния, в котором трижды говорится о тождестве имен города и ойкиста»⁴⁸. Да, говорится, но в каком контексте? «Передают, что первыми переехали на этот остров на кораблях ливийцы. Вождем их был Сард, сын Макерида, которого египтяне и ливийцы называли Гераклом <...> И по имени этого Сарда остров получил свое новое наименование». Павсаний говорит о ливийцах, а не греках; к тому же города, колонии под названием «Сардон» никогда не было, речь идет об острове.

Нет, В.П. Яйленко явно имеет в виду что-то другое. Движемся дальше, и там уже начинает попадаться материал, как-то связанный с Грецией: «...На Сарди-

⁴⁶ Яйленко 2016, 519.

⁴⁷ Яйленко 1990, 3.

⁴⁸ Яйленко 2016, 519.

нию прибыли иберы; начальником их отряда был Норак; ими был построен город Нора. Этот город сохранился в памяти живущих на этом острове как первый построенный здесь. А о Нораке говорят, что он был сыном Эрифии, дочери Гериона, и Гермеса. Четвертый отряд поселенцев, которые пришли на Сардинию, состоял из феспийцев и войска из Аттики и был под начальством Иолая. Они выстроили и заселили город Ольвию; афиняне же отдельно построили город Огрилу, сохранив в нем название одного из своих родных демов (в Аттике был дем Агрила⁴⁹, название которого несколько созвучно названию этого города, но не совпадает с ним, – И.С.), а, может быть, и сам Огрил принимал участие в походе. И до моего еще времени есть в Сардинии место (χωρία), которое называется Иолаями, и местные жители воздают поклонение Иолаю».

Насколько мы понимаем, это и есть свидетельство, в котором «трижды говорится о тождестве имен города и ойкиста», как пишет В.П. Яйленко. Больше ничего похожего в рассматриваемой здесь довольно длинной главе периегезы Павсания мы не нашли. Итак, Норак, Иолай и Огрил. Первый – мифологический персонаж, внук великана Гериона. Второй – племянник Геракла, то есть тоже мифологический персонаж (гораздо более известный). Кстати, по Павсанию, в его честь назван не город, а лишь какая-то местность. Кто такой Огрил – неизвестно; нигде, кроме этого пассажа периегета, он не упоминается. К тому же о том, что он стал эпонимом города, Павсаний пишет без уверенности, только как об одном из вариантов.

Но самое главное – позволительно спросить: какое же отношение имеет все это к греческой колонизации архаической эпохи, к именам эллинов-ойкистов? Примеры настолько иррелевантны, что это уж даже не передержка, а подтасовка какая-то (по принципу «дадим ссылку на источник, ведь вряд ли кто из читателей полезет проверять»). Естественно, И. Малкин данного свидетельства не указал, он не так «слаб», как полагает В.П. Яйленко, и заведомо негодными аргументами пользоваться не стал бы.

Наконец, у В.П. Яйленко появляется город Гагнония, и он заявляет по этому поводу: «Гагнония – не плохо понятые Суриковым “какие-то постройки”, а город близ Амфиполя»⁵⁰. Здесь следовало бы вместо «Суриковым» написать «Фукидидом» (именно этот автор говорит о «Гагноновых постройках»), после чего, разумеется, придется убрать слова «плохо понятые»: уж Фукидид-то знал местности на северном побережье Эгейского моря прекрасно и в Амфиполе, разумеется, бывал; собственно, из-за событий, связанных именно с этим городом, Фукидид оказался в изгнании, в результате чего стал из второстепенного военачальника великим историком⁵¹.

Поясним ситуацию. Около 437 г. до н.э. афинская апойкия Амфиполь была основана Гагноном (Thuc. IV. 102. 3), достаточно видным полководцем и политиком эпохи Перикла. После этого Гаггон возвратился в Афины: в классическую эпоху, в отличие от архаической, ойкист далеко не всегда оставался в выведенной им вплоть до своей смерти⁵². Однако положенные ойкисту почести Гаггон в

⁴⁹ Kirchner 1903, 496.

⁵⁰ Яйленко 2016, 519.

⁵¹ Cloché 1925, 104–105.

⁵² Malkin, Blok 2024, 187. Афинским ойкистом Фурий в Италии, основанных в 444–443 гг. до н.э., был Лампон (Diod. XII. 10. 4), известный жрец и прорицатель, принадлежавший к ближайшему

Амфиполе получал (Thuc. V. 11. 1). Но в 424 г. до н.э. (уже шла Пелопоннесская война) Амфиполь перешел на сторону Спарты, и в нем имел свое местопребывание знаменитый Брасид. Когда этот последний в 422 г. до н.э. погиб в сражении с Клеоном, амфиполиты провозгласили его ойкистом взамен Гагнона. Вот тогда-то ими, по свидетельству Фукидида (Thuc. V. 11. 1), и были разрушены «Гагноновы постройки» (τὰ Ἀγνώνεια οἰκοδομήματα).

Ни о каком основанном тем же Гагноном городе Гагнии Фукидид (а он, повторим, был знатоком этих мест) ни малейшего понятия не имеет. Как ни парадоксально, о нем гораздо лучше осведомлен В.П. Яйленко, который сообщает нам даже неизвестно откуда взятые детали о его местоположении: по мнению ученого, на существование Гагнии «указывает и само имя Ἀμφίπολις – “двойной город”, так что Гагния и Амфиполь составляют приблизительно то же, что Буда и Пешт на противоположных берегах Дуная»⁵³. Итак, почтенный коллега поправляет Фукидида, который вполне четко и внятно объяснил, почему Амфиполь так именовался: «Гаггон назвал город Амфиполем потому, что Стримон омывает город дугой с двух сторон (ἦν Ἀμφίπολιν Ἀγών ὠνόμασεν, ὅτι ἐπ’ ἀμφοτέρᾳ περιρρέοντος τοῦ Στρυμόνος)» (Thuc. IV. 102. 3). Ἀμφίπολις, вопреки Яйленко, означает не «двойной город» (было бы δίπολις), а «отовсюду окруженный [водой] город»: Амфиполь стоял в излучине Стримона.

Фукидид подробнейшим образом описывает операцию Брасида по овладению Амфиполем, и из его изложения становится предельно понятна топография окрестной местности. Город располагался на восточном берегу Стримона, а с западным его связывал мост. По логике В.П. Яйленко, на противоположном конце этого моста и должен был находиться город Гагния. Но что же читаем у Фукидида? «У переправы находился лишь малочисленный сторожевой пост (φυλακή δέ τις βραχεῖα). Брасид <...> легко взял этот пост. Затем он перешел мост...» (Thuc. IV. 103. 5). Вот так-то. Напротив Амфиполя не было не только никакого города, но даже крепостцы (φρούριον или χωρίον), а всего лишь φυλακή – караулка, так сказать.

Итак, существование во времена Фукидида основанного Гагноном города Гагнии является измышлением. А откуда вообще известно о таком городе? В.П. Яйленко отсылает за указаниями на «источники» к словарю Папе – Бензеле-ра⁵⁴. Открываем указанное им место⁵⁵ и встречаем там не «источники», а единственный источник – пресловутого Стефана Византийского. Вот соответствующий пассаж (Steph. Byz. s.v. Ἀγνώνεια): «Гагния – город во Фракии, близ Амфиполя, основанный Гагноном, стратегом афинян. Название жителя – гагонит (Ἀγνώνεια, πόλις Θράκης πλησίον Ἀμφιπόλεως, Ἀγώνος κτίσμα τοῦ στρατηγοῦ

окружению Перикла. В дальнейшем Лампон жил в Афинах и неоднократно упоминается в источниках в связи с различными событиями их истории. В частности, когда в 421 г. до н.э. афинская делегация в Спарте подписывала Никиев мир, именно Лампон первым из ее членов поставил свою подпись под этим документом (Thuc. V. 19). В свое время мы предположили (Суриков 1999, 148), что, когда в ходе понтийской экспедиции Перикла, имевшей место также около 437 г. до н.э., город Амис, что в Южном Причерноморье, был превращен в афинскую колонию Пирей, ойкистом выступил сам Перикл. Он, разумеется, тоже после этого вернулся домой.

⁵³ Яйленко 2016, 519.

⁵⁴ Яйленко 2016, 519.

⁵⁵ Rare 1911, 13 (Яйленко ссылается на более раннее издание 1884 г., но номера страниц совпадают).

τῶν Ἀθηναίων. τὸ ἐθνικὸν Ἀγώνειτης)...» (далее следуют примеры образования этникона от топонима по аналогичной модели). Откуда взял Стефан эту информацию – он не указывает. Но совершенно тождественный (не указанный у Папе – Бензелера) пассаж (Ἀγώνεια πόλις Θράκης πλησίον Ἀμφιπόλεως, Ἀγώνος κτίσμα τοῦ στρατηγοῦ τῶν Ἀθηναίων) имеется опять же у Элия Геродиана (Herodian. *De pros. cath.* III. 1, p. 277, 12–14) – ровно такой же случай, как уже встречался нам выше в связи с Даскилеем.

Как можно трактовать ситуацию? Вариантов несколько⁵⁶, но один из них представляется гораздо более вероятным, чем все остальные: Геродиан и за ним Стефан неверно поняли фукидидовское τὰ Ἀγώνεια οἰκοδομήματα, приняв это выражение за свидетельство о не существовавшем на самом деле городе⁵⁷. По этому же пути вслед за ними идет В.П. Яйленко. Но он не задается вот каким вопросом: эти самые οἰκοδομήματα амфиполиты, меняя себе ойкиста, разрушили (у Фукидида причастие καταβάλοντες) Гаггонию. Таким образом, если город Гаггония и существовал (но странным образом оказался не замечен тем же Фукидидом), то после описываемого события он перестал существовать – так откуда же о нем узнали вышеуказанные поздние авторы? Добавим еще: если город даже и не был разрушен, название «Гаггония» он уж точно не сохранил бы, учитывая тогдашние настроения жителей Амфиполя, стремившихся избавиться абсолютно от всего «наследия Гаггона».

Нужно учитывать также и то, что уж когда-когда, а во времена афинской демократии, всячески принижавшей значение знатных лидеров, меньше всего можно ожидать, чтобы ойкисту разрешили назвать город в свою честь. Каждый, кто вплотную занимался историей классических Афин, не сможет с этим не согласиться. Мильтиаду, при Марафоне спасшему афинян от порабощения, было отказано в ничего не стоившем венке из листьев оливы (Plut. *Cim.* 8). Его сын Кимон, взяв у персов Эйон (кстати говоря, впоследствии бывший портовым пригородом Амфиполя), с разрешения народного собрания установил в Афинах несколько стел со стихотворными надписями в ее честь (их текст см.: Plut. *Cim.* 7). Характерно, что в них идет речь только об «афинянах» и нигде не упоминается имя самого Кимона⁵⁸. Однако даже в подобном «безличном» виде надписи, как замечает Плутарх, «казались, по содержанию своему, людям того времени верхом почета» (Plut. *Cim.* 8): ведь до Кимона и такая скромная почесть никому не даровалась. А после Кимона демократия претерпела дальнейшую радикализацию, и вождам стали позволять еще меньше. Даже сам Перикл, «первый гражданин», не

⁵⁶ Например: во времена Фукидида города Гаггонии не было, но он был основан позже. Тогда это могли сделать только афиняне, поскольку городу было дано имя их соотечественника Гаггона, ойкиста соседнего Амфиполя. Но исторического контекста для подобной акции не обнаруживается. Афиняне, потеряв Амфиполь в 424 г. до н.э., так и не вернули его себе, хотя долго и упорно за это боролись (о некоторых эпизодах этой борьбы см.: Heskell 1997). Потом Амфиполь взял, как известно, Филипп II. Теоретически он или кто-либо из его преемников на македонском престоле мог основать поблизости с Амфиполем новый город. Но уж точно не назвал бы его Гаггонией: что царям Македонии было до Гаггона?

⁵⁷ В фундаментальном, отличающемся исчерпывающей полнотой каталоге греческих полисов, составленном в Копенгагенском центре М. Хансена, никакая Гаггония не значится. См.: соответствующую главу: Flensted-Jensen 2004.

⁵⁸ Анализ стихов см. в: Jacoby 1945, 185 ff.

смог бы назвать какой-либо город в свою честь – так что уж говорить о куда менее влиятельном Гагноне?⁵⁹

Мы довольно обстоятельно задержались на проблеме мнимой «Гагнии», поскольку встала необходимость развенчать сотворенный на наших глазах историографический миф. Но, между прочим, даже если бы действительно существовал город, названный именем Гагна, который действовал во второй половине V в. до н.э., это не имеет никакого отношения к вопросу о том, получали ли *архaisкие* греческие колонии имена своих ойкистов.

Перейдем теперь к тем «новым ойкистам», которых В.П. Яйленко обнаружил в статье 2024 г.⁶⁰ Там упоминается та же Гагния, о которой уже было сказано, а рядом с ней – Лампония и Мемнония. О Лампонии существуют прекрасные ранние свидетельства, принадлежащие таким авторитетам, как Гекатей Милетский (Hecat. *FGrHist.* 1. F223) и Гелланик Лесбосский (Hellan. *FGrHist.* 4. F159). Их сохранил для нас тот же Стефан Византийский (Steph. Byz. s.v. Λαμπώνεια): «Лампония. Город в Троаде (πόλις Τρωάδος). Гекатей в “Азии”. Название жителя – лампонец (Λαμπώνεύς). Гелланик же именует этот город Лампонием (Λαμπώνιον), а жителя – лампонийцем (Λαμπώνιεύς)». Имеется еще сообщение Страбона, также со ссылкой на Гелланика: «Мирсил же говорит, что Асс (полис в Троаде – *И.С.*) – колония мефимнейцев; а Гелланик называет его эолийским городом, подобно тому, как и Гаргары, и Лампония – города эолийцев» (Strab. XIII. 610 = Hellan. *FGrHist.* 4. F160).

Итак, Лампония (Лампоний) – эолийская колония в Троаде⁶¹, город вполне реальный (в отличие от Гагнии), в копенгагенский каталог полисов включенный⁶². А вот утверждение В.П. Яйленко, что он будто бы назван по имени ойкиста Лампона⁶³, не основано *абсолютно ни на чем*, оно представляет собой чистой воды домысел, в котором к тому же не возникает ровно никакой нужды. Зачем создавать из пустоты «ойкиста Лампона»? Существовал широкоупотребительный глагол λάμπω с весьма позитивным значением «светить, сиять, блистать»; он породил ряд дериватов (λαμπάς, λαμπρός и др.). От него же, ясное дело, происходит и название колонии, о которой идет речь.

Далее у В.П. Яйленко – Мемнония. «Название столичного города в египетской части Эфиопии Μεμόνεια связано с именем фараона Аменофиса, которого греки звали Μέμνων»⁶⁴. Пример не имеет совершенно никакого отношения к древнегреческим колониям, он настолько иррелевантен, что тут и говорить больше ничего не нужно.

⁵⁹ У нас в некоторых совсем уж старых работах можно встретить следующий ход мысли: Плиний Старший упоминает близ Фанагории и Гермонассы некую Стратоклию (Plin. *Nat. hist.* VI. 18) – так, значит, ее основали афиняне и назвали ее в честь Стратокла, который был у них архонтом-эпонимом в 425/424 г. до н.э. О полной несостоятельности подобных рассуждений см.: Брашинский 1955, 152.

⁶⁰ Яйленко 2024, 514.

⁶¹ Троада уже с VIII–VII вв. до н.э. активно осваивалась и заселялась эолийцами (Schwertheim 2002, 649), так что со временем она стала восприниматься как территория, неразрывно связанная с Эолидой, или даже как ее часть (Strab. XIII. 583).

⁶² Mitchell 2004, 1011.

⁶³ При этом В.П. Яйленко даже не оговаривает, что высказывает лишь свое собственное предположение, а пишет об «ойкисте» Лампоне как о чем-то безоговорочно доказанном. Это дезориентирует читателя. А собственноручно проверить, что сказано в источниках, далеко не у каждый может.

⁶⁴ Яйленко 2024, 514.

Следующий случай В.П. Яйленко взял из Павсания: городку Фаланфу в Аркадии «дал имя основатель Фаланф, сын Агелая, внук Стимфала из Тегеи»⁶⁵. Почитаем, что написано у Павсания: «...Гора Фаланф, а на ней развалины города Фаланфа. Говорят, что Фаланф был сыном Агелая и внуком Стимфала» (Paus. VIII. 35. 9). Ни о каком основателе ни сказано ни слова; речь идет, естественно, о легендарном герое-эпониме. Указанный здесь дед Фаланфа Стимфал тоже был эпонимом другой аркадской местности (Стимфала), а дедом Стимфала, в свою очередь, считался Аркад – эпоним всей Аркадии (Paus. VIII. 4. 1–5). Ясно, что здесь мы всецело в мире мифа. К тому же город Фаланф к колониям архаической эпохи не принадлежал.

Еще один пример у В.П. Яйленко на первый взгляд вроде бы выглядит вполне убедительным: «Городок на Сицилии Φιντιάς основал тиран Акраганта Φιντιάς (Diod. XXII. 4. 15)». Вот только ссылка ложная: должно быть Diod. XXII. 2. 2, и там сказано: «А Финтий основал город, который назвал Финтиадой, поселив в нем изгнанных из родного города жителей Гелы». Вот тут уж точно перед нами не мифологический герой, а вполне реальный тиран, выступивший ойкиста-эпонима. Но вот только жил и действовал он в эллинистическую эпоху, в 280-х гг. до н.э.⁶⁶, то есть уже после того, как появились многочисленные Александрии и т.п. Таким образом, списываем пример со счетов.

Идем дальше. «Согласно Гекатею <...> на месте южноиталийского Метапонта изначально был город Μέταβον, заложенный героем по имени Μέταβος»⁶⁷. На самом деле ссылку здесь нужно давать не на Гекатея (Hecat. *FGrHist.* 1. F84), а на Стефана Византийского (Steph. Byz. s.v. Καυλωνία), автора куда меньшей авторитетности. Чтобы показать, что это так, процитируем соответствующую статью Стефана: «Кавлония. Город в Италии, который Гекатей называет “Авлонией”, поскольку он находится посреди долины (αὐλῶνος). Ведь позже Кавлония была переименована в честь Авлоны, подобно тому, как Метапонтий – в честь героя Метаба (ἀπὸ Μετάβου ἥρωος), и как Эпидавр был Эпитавром, а Клазомены – Плазоменами. Есть и другой город того же названия – на Сицилии. Есть и еще один – у локров».

Как видим, Стефан ссылается на Гекатея *только* в связи с Кавлонией, а о Метапонте говорит совершенно независимо от милетского автора. Уже не первый раз В.П. Яйленко допускает подобного рода методологическую ошибку: в еще одной недавней статье он приписал тому же Гекатею свидетельство об острове Гермонассе в Киммерийском Боспоре⁶⁸, хотя в соответствующей статье Стефана (Steph. Byz. s.v. Ἐρμόνασσα) Гекатей (наряду с Феопомпом) выступает только как источник сведений о городке Гермонассе в Малой Азии (Hecat. *FGrHist.* 1. F208), а информация об «острове Гермонассе» дается без ссылки на него⁶⁹.

Вернемся к Метапонту. Если не из Гекатея узнал Стефан о том, что этот город когда-то назывался Метабом, то из кого? У нас есть возможность ответить на этот вопрос: из Антиоха Сиракузского, если не прямо, то через посредника, каковым, скорее всего, был Страбон. Как сообщает этот последний, «Антиох считал, что город Метапонтий сначала назывался Метабом, а переименован был позже»

⁶⁵ Яйленко 2024, 514.

⁶⁶ О Финтии Акрагантском см.: Berve 1967, 459–460.

⁶⁷ Яйленко 2024, 514.

⁶⁸ Яйленко 2023, 456.

⁶⁹ Это показано нами в: Суриков 2024, 427–429.

(Antioch. *FGrHist.* 555. F12). Относительно названного автора мы совершенно согласны с В.П. Яйленко, что «данные Антиоха об основаниях городов Сицилии и Южной Италии справедливо считаются надежными»⁷⁰. Как считается, именно на эти данные опирался Фукидид в своем знаменитом «сицилийском» пассаже в начале VI книги⁷¹. Но тщетно мы стали бы искать у Антиоха или у кого-либо другого указания на то, что Метаб – ойкист Метапонта. В связи с этим городом в источниках фигурируют совершенно другие имена ойкистов.

Вообще говоря, предание о возникновении Метапонта выглядит весьма запутанным и противоречивым; в наиболее полной форме оно представлено у Страбона (Strab. VI. 264–265). Согласно этому преданию, город основывался дважды, причем первый раз – еще во II тыс. до н.э. Нестором Пилосским. Нередко информацию о его столь раннем основании отвергают как имеющую чисто мифологический характер⁷². Однако она может нести в себе зерно реальности: в районе Метапонта есть археологические следы пребывания микенских греков, причем от них тянется цепочка континуитета (проявляющаяся, в частности, в культовой сфере) к ахейской апойкии периода архаики⁷³. Точно известно, что на месте последней уже в доколониционный период обитало какое-то греческое население, смешанное с туземцами⁷⁴.

Затем Метапонт, по словам Страбона, был разрушен самнитами, а впоследствии вновь основан выходцами из Ахайи⁷⁵. В связи с этим географ приводит два альтернативных имени ойкиста: Давлий и Левкипп (для первого случая дается ссылка на Эфора). Метаб же – явно не ойкист, а герой-эпоним (как, например, Тарант в соседнем с Метапонтом Таренте, где почитались как он, так и исторический ойкист Фаланф). У Страбона тут же упомянут и героон Метаба в Метапонте.

Наконец, последний пример, фигурирующий у В.П. Яйленко и взятый им из того же Страбона: «Из Лакедемона прибыли в местность на р. Меандр (восточнее Магнесии) три брата Афимбр, Афимбрад, Гидрел, которые основали соименные городки, ввиду недостаточности населения все три объединились и составили город Ниса, жители которого считают Афимбра основателем»⁷⁶. Тут мы явно имеем дело с легендой, причем имеющей отношение к дорийской миграции в Азию на рубеже II–I тыс. до н.э. (в ходе которой по соседству, в Карии, были основаны Галикарнасс, Книд и др.), а отнюдь не к Великой греческой колонизации. В последней Спарта, как известно, приняла участие лишь единожды, основав Тарент (причиной стал набор конкретных обстоятельств), а на восток она никаких колоний не выводила.

В.П. Яйленко убежден в том, что есть и другие многочисленные случаи, когда колонию называли в честь ойкиста: «На самом деле материал большой, немало его во фрагментах Гелланика, у Павсания, Страбона, этим и надо было заниматься И. Малкину да И.Е. Сурикову»⁷⁷. Материал действительно большой. Но, думается, давно прошли те времена, когда некритически принимали за чистую монету

⁷⁰ Яйленко 2024, 514.

⁷¹ Высокий 2004, 329.

⁷² Например: Vanschoonwinkel 2006, 75–76.

⁷³ Muggia, 2000, 85.

⁷⁴ Fischer-Hansen et al. 2004, 280.

⁷⁵ По археологическим данным – в середине VII в. до н.э.: Graham 1982, 161.

⁷⁶ Яйленко 2024, 514.

⁷⁷ Яйленко 2024, 514.

всё, что сказали в эпоху Римской империи Страбон или Павсаний о делах времен колонизации и еще более ранних.

Гелланик – другое дело. Это действительно ранний автор, работавший в V в. до н.э. Имеет смысл дать сводку тех данных по рассматриваемой здесь теме, которые наличествуют в его дошедших фрагментах. И уж вряд ли кому-то пристало это в большей степени, чем автору этих строк, переведшему на русский язык сохранившееся наследие и Гелланика, и других древнейших греческих историков.

Hellan. *FGrHist.* 4. F13: «Каллиар. Город у локров; название – от Каллиара, сына Годока и Лаономы, как пишет Гелланик в 1-й книге “Девкалионии”». Hellan. *FGrHist.* 4. F14: «Фемии. Город в Арнее⁷⁸; название – от Фемия, сына Ампики. Гелланик в 1-й книге “Девкалионии”». Hellan. *FGrHist.* 4. F15: «Аспенд. Город в Памфилии, основанный Аспендом, как пишет Гелланик в 1-й книге “Девкалионии”». Hellan. *FGrHist.* 4. F30: «Фетии. Город в Акарнании, название – от Фетия, сына Алкмеона, сына Амфиарая». Hellan. *FGrHist.* 4. F75: «Нисея. Гавань в Мегариде... Название – от Ниса, сына Пандиона⁷⁹. Гелланик в 1-й книге “Жриц”». Hellan. *FGrHist.* 4. F81: «Херонея. Город у границ Фокиды... Назван в честь Херона». Hellan. *FGrHist.* 4. F105: «Абдеры. Два города. Один – во Фракии, названный в честь Абдера, сына Гермеса и возлюбленного Геракла; его разорвали кобылицы Диомеда, как говорят Гелланик и другие». Hellan. *FGrHist.* 4. F112: «Акела. Город в Лидии... Похоже, что он называется в честь Акела, сына Геракла и Малиды, рабыни Омфалиды, как пишет Гелланик». Hellan. *FGrHist.* 4. F122: «Триопий. Город в Карии, названный в честь Триопа, отца Эрисихтона». Hellan. *FGrHist.* 4. F144: «Амфитрион ходил туда (на Кефаллению – И.С.) походом с Кефалом, сыном Деионея, принятым им изгнанником из Афин, а овладев островом – передал его Кефалу, и так остров получил по нему название, а города – по его детям». Hellan. *FGrHist.* 4. F151: «Фимбра. Город в Троаде, основанный Дарданом и названный в честь Фимбра, его друга». Hellan. *FGrHist.* 4. F197 bis: «Прежде называемый Полтимбрией (речь идет о городе Эносе на северном побережье Эгейского моря – И.С.)... Со своей стороны, он назывался Полтимбрией в честь Полтия, его царя, как пишет Гелланик». Hellan. *FGrHist.* 4. F199: «Гела. Город на Сицилии... А Проксен⁸⁰ в 1-й книге сочинения “Сицилийские дела при Пирре” и Гелланик утверждают, что название – в честь Гелона, сына Этны и Гимара».

А еще больше примеров такого рода можно было бы привести из Гекатея Милетского, знаменитого предшественника Гелланика. Во избежание разрастания статьи процитируем лишь некоторые из них. Hecat. *FGrHist.* 1. F6: «Псофида. Город в Аркадии. Назван в честь Псофида, сына Ликаона, которым, как говорят, он в древности был основан». Hecat. *FGrHist.* 1. F77: «Солунт. Город на Сицилии, как говорит Гекатей в “Европе”. А назывался он в честь негостеприимного Солунта, которого убил Геракл». Hecat. *FGrHist.* 1. F111: «Лизия. Город в Акарнании. Гекатей в “Европе”. Название – от какого-то Лизея». Hecat. *FGrHist.* 1. F115: «Криса. Город в Фокиде. Гекатей в “Европе”. Назван в честь Криса, сына Фоки⁸¹». Hecat.

⁷⁸ Арнея – другое название Пеласгиотиды, одной из тетрад Фессалии.

⁷⁹ Пандион – один из мифических афинских царей. Нис, правивший Мегарами, считался его братом наряду с Эгеем (отцом Тесея). Полагают, что этот миф, включающий Мегариду в состав Афинского царства, отразил претензии Афин на контроль над Мегарами.

⁸⁰ Историк III в. до н.э.

⁸¹ Фока (Фок) – мифологический эпоним Фокиды и фокидян.

FGrHist. 1. F117: «Коронея. Город в Беотии. Гекатей в “Европе”. Назван в честь Корона, сына Ферсандра⁸²». *Hecat. FGrHist.* 1. F133: «Краннон. Город в Фессалии, в Пеласгиотиде, в Темпейской долине, как говорит Гекатей в “Европе”. Есть и другой город того же названия в Афамании⁸³, названный в честь Краннона, сына Пеласга». *Hecat. FGrHist.* 1. F138с: «Мирина. Город на Лемносе. Гекатей в “Европе”. Есть и другой город того же названия в Эолиде. Оба названы в честь некой Мирины или Мирина». *Hecat. FGrHist.* 1. F139: «Тенедос. Остров из числа Спорад, как говорит Гекатей, в Геллеспонте. Назван в честь Тенна и Амфифеи (или Гемифеи), детей Кикна⁸⁴, – как бы “Теннуедос”». *Hecat. FGrHist.* 1. F152: «Галепс. Город во Фракии и у пеонов... А назван город в честь Галепса, что родился от Фаса⁸⁵...». *Hecat. FGrHist.* 1. F224: «Гаргары. Город в Троаде... Назван он был в честь Гаргара, сына Зевса, уроженца Лариссы в Фессалии...». *Hecat. FGrHist.* 1. F255: «Ксанф. Город в Ликийи... А назван город в честь основателя Ксанфа, египтянина или критянина». *Hecat. FGrHist.* 1. F256: «Патары. Город в Ликийи. Гекатей в «Азии». А назван город в честь Патара, сына Аполлона и Ликийи, дочери Ксанфа». *Hecat. FGrHist.* 1. F372: «Амир. Город в Фессалии. Назван в честь одного из аргонавтов».

Что можно сказать по поводу всех этих свидетельств? В большинстве случаев речь идет, несомненно, о персонажах мифологии, панэллинской или локальной. Это демонстрирует их приводящаяся тут же генеалогия, где тот или иной эпоним обозначается как сын такого-то или такого-то божества или героя. Встречаются также имена, которые по иным данным совершенно неизвестны, но и в них тоже чрезвычайно мало оснований видеть имена исторических ойкистов. Ход мысли идет, в общем-то, по одной и той же модели: если город носит название, то он должен был быть в честь кого-то назван. Если Херонея – то в честь Херона, если Коронея – то в честь Корона... Вот типичный образчик подобной логики: «Митилена. Величайший город на Лесбосе. Гекатей в “Европе”. Назван в честь Митилены, дочери Макара или Пелопа. А некоторые говорят, что основателем был некий Митил. А еще другие говорят, что город назван в честь Митона, сына Посейдона и Митилены» (*Hecat. FGrHist.* 1. F140).

Как видим, предлагается несколько несовместимых друг с другом версий, и из этого ясно только одно: достоверными сведениями о деталях и обстоятельствах возникновения Митилены, о ее основателе или основателях не располагали уже античные авторы. Нередко, кстати, в качестве эпонима города указывается женщина (такие примеры мы, как правило, не приводили, поскольку женщины ойкистами не бывали⁸⁶). И это логично: поскольку названия древнегреческих городов, за редкими исключениями, представляют собой существительные женского рода, они с наибольшей легкостью производились от женских имен.

⁸² Ферсандр – согласно мифам сын Полиника (сына Эдипа), после «похода эпигонов» ставший царем Фив.

⁸³ Область в Эпире.

⁸⁴ Кикн («Лебедь») – местный мифологический герой.

⁸⁵ Мифологического эпонима острова Фасоса.

⁸⁶ Нам, однако, могут напомнить Гермонассу, которая, согласно Арриану, дала свое имя соответствующему городу на Тамани (*Arrian. Bith.* fr. 55 Roos – Wirth). Однако Гермонасса в этом свидетельстве не является ойкистом. Ойкист – ее муж Семандр, который основал колонию, но вскоре умер, а она унаследовала его власть.

Перейдем к подведению итогов. Ни один из примеров ойкистов-эпонимов, приведенных В.П. Яйленко в двух неоднократно цитировавшихся нами статьях, не является хоть в какой-то степени убедительным доводом в пользу существования подобной практики у греков эпохи архаики. Все они должны быть отброшены с ходу, поскольку в них фигурируют либо герои мифов и легенд, либо хронологически irrelevantные персонажи (тиран III в. до н.э. Финтий), либо несуществующие города (Гагнония). Из примеров, приведенных ранее И. Малкиным (напомним, что Фанагорию и Гермонассу мы изначально «вывели за скобки»), один – а именно Гилакия – сохраняет некоторое (минимальное) право на существование, но и он остается в высшей степени сомнительным.

На самом деле существует несколько упоминаний архаических ойкистов-эпонимов в достаточно авторитетных источниках, которые выглядят, во всяком случае, более весомыми, чем любой из рассмотренных выше, и мы сейчас к ним обратимся. Но и они тоже при более пристальном анализе оказываются подозрительными. Один из них дал Гекатей Милетский, у которого встречается топоним «Кнопуполь» (Κνωποῦπολις), то есть «город Кнопа», как параллельное название ионийских Эрифр. Это почти *hara*х (есть еще у Геродиана и Стефана Византийского, которые, ясное дело, взяли его у того же Гекатея). Процитируем соответствующее место из милетского ученого: «Эрифры. Город у ионийцев. Гекатей в “Азии”. Он же назывался Кнопуполем, в честь Кнопа» (Hecat. *FGrHist.* 1. F228).

Кто такой Кноп? Г. Берве считает его историческим лицом, эрифрским басилеем, правившим в VII в. до н.э.⁸⁷ Но по Страбону Кноп – сын Кодра, основатель Эрифр. Если это так, то мы опять в мире мифа. Если же прав Берве и Кноп реально царствовал в этом полисе в архаическую эпоху, то он не был ойкистом Эрифр, основанных намного раньше.

Наконец, переходим к случаю с Киосом в Мисии, который кажется наиболее убедительным, но до недавнего времени был упущен из виду решительно всеми, кто занимался рассматриваемым здесь кругом вопросов. Обнаружив его несколько лет назад, мы немедленно обнародовали эту находку⁸⁸. Остановимся на ней подробнее, повторив то, что мы писали тогда.

Свидетельство, о котором пойдет речь, принадлежит такому авторитетному ученому, как Аристотель (Arist. fr. 514 Rose = Schol. Apoll. Rhod. I. 1177, единственный сохранившийся фрагмент из трактата «Киосская полития»). Киос – милетская колония, основанная во второй половине VII в. до н.э.⁸⁹ Во фрагменте Аристотеля о Киосе сказано: «Это – город в Мисии, названный в честь Кия, основавшего там колонию милетян, как повествует Аристотель в “Киосской политии”. Населяли же его вначале мисийцы, затем – карийцы, третьими – милетяне». Таким образом, Стагирит указывает, что ойкистом Киоса был некий Кий (собственно, в оригинале имя этого человека полностью совпадает с названием города), в честь которого апойкия и была названа.

Встретив это сообщение (честно признаемся, что совершенно случайно: мы занимались тогда Скилаком Кариандским, и, поскольку тут же в схолиях к Апол-

⁸⁷ Berve 1967, 96.

⁸⁸ Суриков 2022. Мы также уведомили об этом И. Малкина, который отреагировал эмоционально: “...But I totally missed Kios! That is fascinating, thanks”.

⁸⁹ Tsatskheladze 2006, LXVIII.

лонию Родосскому содержится ссылка на него, открыли это место и обнаружили там информацию, почерпнутую из Аристотеля), мы рассуждали так: отвергать его достоверность вроде бы нет серьезных оснований. Над циклом «Политий», как известно, работал под руководством Аристотеля весь Ликей, сотрудники которого, следуя традициям этой школы, скрупулезнейшим образом собирали данные. Из этого цикла до нас дошла «Афинская полития», и про нее ответственно можно сказать, что это один из самых ценных и надежных нарративных источников по древнегреческой истории. Следует полагать, что теми же характеристиками отличались и остальные «Политии».

Да и кому (а главное, зачем) потребовалось бы придумывать информацию о происхождении названия Киоса? Подчеркнем, что здесь перед нами не мифологический персонаж, как, скажем, упоминавшийся выше Визант, которого традиция называла основателем Византия, но при этом помещала в далекую легендарную эпоху, до Троянской войны, в то время как Византий в действительности возник тоже в VII в. до н.э.⁹⁰ Нет, тут перед нами вполне историческое время: архаический период, пора Великой греческой колонизации, едва ли не самым активным участником которой, как известно, являлся как раз Милет, ставший метрополией для нескольких десятков апоек⁹¹. В территориальном отношении милетская колонизационная активность была направлена преимущественно в зону Черноморских проливов, а далее – на побережья Понта Евксинского.

Заметку, ссылка на которую была дана чуть выше, мы завершили словами: «Итак, если бы И. Малкин в своей вышеупомянутой статье привел данный пример с Киосом, он стал бы чрезвычайно весомым аргументом в пользу его гипотезы о том, что уже в период архаики город мог получить имя своего основателя. настолько весомым, что, собственно, вопрос можно было бы считать практически решенным положительно». Однако теперь, по прошествии нескольких лет, у нас нет уже тогдашней уверенности. Пожалуй, и в этом случае все не так-то просто, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что есть и альтернативная версия происхождения названия города Киоса, возводящая его к названию (звучавшему точно так же) реки, в устье которой он был основан. Об этом говорится в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (Apoll. Rhod. I. 1321: ἐπὶ προχοῇσι Κίοιο – «в устье Киоса»). Рассказ Аполлония следует достаточно ранней традиции, зафиксированной, как указывается в литературе, уже в IV в. до н.э.⁹² А на самом деле – даже еще раньше. Вот что читаем у Скилака Кариандского (а это один из самых первых античных географов, писавший в конце VI в. до н.э., тогда же, когда и Гекатей Милетский, и даже, судя по всему, чуть раньше), во фрагменте, сохраненном в том же месте схолий к Аполлонию: «Есть и река, называемая так же и обтекающая город (Киос – И.С.); о ней упоминает Скилак Кариандский» (Scyl. *FGrHist.* 709. F10).

⁹⁰ Подробнее об основании Византия и проблеме его основателя или основателей см. теперь: Russell 2017, 205–241; Prandi 2020, 17–28.

⁹¹ По утверждению Плиния Старшего, он основал более 90 колоний (Plin. *Nat. hist.* V. 112). Впрочем, в современной литературе эта цифра считается завышенной и предлагается оценивать количество милетских апоек примерно в 40, с субколониями – в 70 (Cobet, Starke 2000, 174). Перечень колоний Милета см. в: Rubinstein 2004, 1088.

⁹² Avram 2004, 982.

Когда мы имеем два совпадающих топонима, один из которых представляет собой название города, а другой – название реки, можно с полной уверенностью утверждать, что гидроним первичен, поскольку река, будучи природным объектом, существовала, естественно, раньше города – творения рук человеческих. Люди, приходя и селясь на берегах реки, заимствуют ее имя для своего поселения – практика, всем известная и имеющая широчайшее распространение, так что подтверждающие примеры даже вряд ли уместны (к тому же несколько таких примеров было приведено в примечании 20). О том, что города называли по рекам, говорит и Платон в своем важнейшем пассаже о колониях (Plat. *Legg.* IV. 704a). «Ойкист-эпоним» Киос, весьма вероятно, был просто речным богом/героем, силой народной традиции превращенным в главу милетских апоектов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Avram, A. 2004: The Propontic Coast of Asia Minor. In: *IACP*, 974–999.
- Berve, H. 1967: *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd. 1: *Darstellung*. München.
- Billerbeck, M., Zubler, C. 2011: *Stephani Byzantii Ethnica*. Vol. II: *A – I. Recensuerunt Germanice vertuerunt adnotationibus indicibusque instruxerunt M. Billerbeck et C. Zubler*. Berlin–New York.
- Brashinskiy, I.B. 1955: К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н.э. [Towards the Problem of Nymphaeum's Status in the Second Half of the 5th Century BC]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2 (52), 148–161.
- Брашинский, И.Б. 1955: К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н.э. *ВДИ* 2 (52), 148–161.
- Charalampakis, P. 2013: Some Notes on the Names ΦΑΝΑΓΟΡΕΙΑ and ΦΑΝΑΓΟΡΗΣ. *Antichnyy mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology] 16, 180–189.
- Cloch , P. 1925: Les proc s des strat ges ath niens. *Revue des  tudes anciennes* 27/2, 97–118.
- Cobet, J., Starke, F. 2000: Miletos [1]. I. Geschichte. In: H. Cancik, H. Schneider (Hrsg.), *Der neue Pauly: Enzyklop die der Antike*. Bd. 8: Mer – Op. Stuttgart–Weimar, 170–175.
- Fischer-Hansen, T., Nielsen, T.H., Ampolo, C. 2004: Italia and Kampania. In: *IACP*, 249–320.
- Flensted-Jensen, P. 2004: Thrace from Axios to Strymon. In: *IACP*, 810–853.
- Frisk, H. 1970: *Griechisches etymologisches W rterbuch*. Bd. 2: *Kp – Ω*. Heidelberg.
- Graham, A.J. 1982: The Colonial Expansion of Greece. In: J. Boardman, N.G.L. Hammond (eds.), *The Cambridge Ancient History*. 2 ed. Vol. 3. Pt. 3. *The Expansion of the Greek World, Eighth to Sixth Century B.C.* Cambridge, 83–162.
- Heskel, J. 1997: *The North Aegean Wars, 371–360 B.C.* Stuttgart.
- Jacoby, F. 1945: Some Athenian Epigrams from the Persian Wars. *Hesperia* 14/3, 157–211.
- Kirchner, I. 1903. *Prosopographia Attica*. Vol. 2. Berlin.
- Loukopoulou, L., Laitar, A. 2004: Propontic Thrace. In: *IACP*, 912–923.
- Maier, F.G. 2004: Cyprus. In: *IACP*, 1223–1332.
- Malkin, I. 1985: What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies. *Athenaeum* 63, 114–130.
- Malkin, I. 1987: *Religion and Colonization in Ancient Greece*. Leiden; New York; K benhavn: K ln.
- Malkin, I. 2011: *A Small Greek World: Networks in the Ancient Mediterranean*. Oxford.
- Malkin, 2024: *I. Myth and Territory in the Spartan Mediterranean*. 2nd ed. Cambridge.
- Malkin, I., Blok, J. 2024: *Drawing Lots: From Egalitarianism to Democracy in Ancient Greece*. Oxford.

- Mitchell, S. 2011: Troas. In: *IACP*, 1000–1017.
- Muggia, A. 2000: Metapontion. In: H. Cancik, H. Schneider (eds.), *Der neue Pauly: Enzyklopädie der Antike*. Bd. 8: *Mer – Op*. Stuttgart–Weimar, 85–87.
- Paltseva, L.A. 1999: *Iz istorii arkhaicheskoy Gretsii: Megary i megarskie kolonii* [From the History of Archaic Greece: Megara and Megarian Colonies]. St. Petersburg.
- Пальцева, Л.А. 1999: *Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии*. СПб.
- Pape, W. 1911: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. 3 Aufl., neu bearbeitet von G.E. Benseler. Ht. 1: *A – K*. Braunschweig.
- Prandi, L. 2020: *Bisanzio prima di Bisanzio: Una città greca fra due continenti*. Roma–Bristol.
- Robu, A. 2014: *Mégare et les établissements mégariens de Sicile, de la Propontide et du Pont-Euxin: Histoire et institutions*. Berne.
- Rubinstein, L. 2004: Aiolis and South-western Mysia. In: *IACP*, 1033–1052.
- Russell, T. 2017: *Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople*. Oxford.
- Schwertheim, E. 2002: Troas. In: H. Cancik, H. Schneider (eds.), *Der neue Pauly: Enzyklopädie der Antike*. Bd. 12/1: *Tam – Vel*. Stuttgart–Weimar, 848–850.
- Shipley, G. 1987: *A History of Samos 800–188 BC*. Oxford.
- Surikov, I.E. 1999: Perikl, Amis i amazonki [Pericles, Amisus and the Amazons]. *Iz istorii antichnogo obshchestva* [From the History of Classical Society] 6, 147–152.
- Суриков, И.Е. 1999: Перикл, Амис и амазонки. *Из истории античного общества* 6, 147–152.
- Surikov, I.E. 2012: Ob etimologii nazvaniy Fanagorii i Germonassy (k postanovke problemy) [On etymology of the names of Phanagoria and Hermonassa (towards the statement of a problem)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 16, 440–469.
- Суриков, И.Е. 2012: Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы). *ДБ* 16, 440–469.
- Surikov, I.E. 2015: Eshche raz o proiskhozhdenii nazvaniya Fanagorii [Once again on the etymology of Phanagoria's name]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan studies] 31, 325–333.
- Суриков, И.Е. 2015: Еще раз о происхождении названия Фанагории. *БИ* 31, 325–333.
- Surikov, I.E. 2017: Eshche raz o nekotorykh problemakh ranney istorii Bospora (v svyazi s kritikoy nashikh idey so storony V.P. Yaylenko) [Once again on Some Problems of Early History of Bosphorus (in Connection with Criticism of Our Ideas by V.P. Yaylenko)]. *Studia historica* 15, 264–278.
- Суриков, И.Е. 2017: Еще раз о некоторых проблемах ранней истории Боспора (в связи с критикой наших идей со стороны В.П. Яйленко). *Studia historica* 15, 264–278.
- Surikov, I.E. 2020: Pavsanii Spartanskiy, osnovatel' Vizantiya [Pausanias the Spartan, a Founder of Byzantium]. In: A.V. Belousov, E.V. Ilyushechkina (eds.), *Homo omnium horarum: Sbornik statey v chest' 70-letiya A.V. Podosinova* [Homo omnium horarum: A Collection of Articles on the Occasion of A.V. Podosinov's 70th Birthday]. Moscow, 523–533.
- Суриков, И.Е. 2020: Павсаний Спартанский, основатель Византия. В кн.: А.В. Белузов, Е.В. Илюшечкина (ред.), *Ното omnium horarum: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова*. М., 523–533.
- Surikov, I.E. 2022: Antroponimy i toponimy: oikisty i nazvaniya drevnegrecheskikh gorodov [Anthroponyms and Toponyms: Oecists and Names of Ancient Greek cities]. In: I.G. Kononova, E.V. Pchelov (eds.), *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXXIV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Auxiliary Historical Disciplines in Contemporary Scientific Thought: Materials of the XXXIV All-Russia Scientific Conference with International Participation]. Moscow, 248–250.

- Суриков, И.Е. 2022: Антропонимы и топонимы: ойкисты и названия древнегреческих городов. В кн.: И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов (ред.), *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIV Всероссийской научной конференции с международным участием*. М., 248–250.
- Surikov, I.E. 2023: Vozvrashchenie Fanagora? [The Return of Phanagoras?] *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 28, 383–397.
- Суриков, И.Е. 2023: Возвращение Фанагора? *ДБ* 28, 383–397.
- Surikov, I.E. 2024: Tamanskiy p-ov kak “dva ostrova”, ili O chem *ne* govorit Gekatey (polemicheskaya zametka) [The Taman Peninsula as “two islands”, or What Hecataeus does *not* tell us (a polemical note). *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosporus] 29, 425–436.
- Суриков, И.Е. 2024: Таманский п-ов как «два острова», или О чем *не* говорит Гекатей (полемиическая заметка). *ДБ* 29, 425–436.
- Surikov, I.E. 2025: “Praottsy istorii”: *Drevneyshie predstaviteli antichnoy istoricheskoy nauki*. T. 2: *Personalii* [“Forefathers of History”: *The Earliest Representatives of Ancient Historical Science*. Vol. 2: *Personalia*]. St. Petersburg.
- Суриков, И.Е. 2025: «Праотцы истории»: *Древнейшие представители античной исторической науки*. Т. 2: *Персоналии*. СПб.
- Tsetskhladze, G.R. 2006: Introduction: Revisiting Ancient Greek Colonisation. In: G.R. Tsetskhladze (ed.), *Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas*. Vol. 1. Leiden–Boston, XXIII–LXXXIII.
- Vanschoonwinkel, J. 2006: Mycenaean Expansion. In: G.R. Tsetskhladze (ed.), *Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas*. Vol. 1. Leiden–Boston, 41–113.
- Vysokiy, M.F. 2004: *Istoria Sitsilii v archaicheskuyu epokhy (Rannyaya grecheskaya tiraniya kontsa VII – serediny V v. do n.e.)* [A history of Sicily in the Archaic Period (Early Greek Tyranny of the End of the 7th to the Mid-5th Century BC)]. St. Petersburg.
- Высокий, М.Ф. 2004: *История Сицилии в архаическую эпоху (Ранняя греческая тирания конца VII – середины V в. до н.э.)*. СПб.
- Wilkes, J., Fischer-Hansen, T. 2004: The Adriatic. In: *IACP*, 321–337.
- Yaylenko, V.P. *Arkhaicheskaya Gretsia i Blizhniy Vostok* [Archaic Greece and the Near East]. Moscow.
- Яйленко, В.П. 1990: *Архаическая Греция и Ближний Восток*. М.
- Yaylenko, V.P. 2016: Istochnikovedenie izvestiy Eskhina o Gilone i Arriana ob oikistakh Fanagore, Germone [A Source-Analysis of the Aeschines’ Tale on Gylon and Arrian’s on the Founders Phanagores, Hermon]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 20, 501–526.
- Яйленко, В.П. 2016: Источниковедение известий Эсхина о Гилоне и Арриана об ойкистах Фанагоре, Гермоне. *ДБ* 20, 501–526.
- Yaylenko, V.P. 2023: Antichnaya geograficheskaya traditsiya o fanagoriyskom ostrove i popytke korrektsii ee burom [The Ancient Geographic Tradition on Phanagorian Island and the Attempts to Correct It with Auger]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 28, 455–495.
- Яйленко, В.П. 2023: Античная географическая традиция о фанагорийском острове и попытки коррекции ее буром. *ДБ* 28, 455–495.
- Yaylenko, V.P. 2024: Lesboskie eoliytsy na Tamani: katalog svidetel’stv i voprosy osnovaniya Germonassy da Fanagorii [Lesbos Aeolians on Taman: A Catalogue of Evidences and Questions about the Founding of Hermonassa and Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 29, 497–535.
- Яйленко, В.П. 2024: Лесбосские эолийцы на Тамани: каталог свидетельств и вопросы основания Гермонассы да Фанагории. *ДБ* 29, 497–535.
- Zavoykin, A.A. 2013: *Obrazovanie Bosporskogo gosudarstva: Arkheologiya i khronologiya stanovleniya derzhavy Spartokidov* [The Emergence of the Bosporan State: Archaeology and

- Chronology of the Formation of the Spartocid Empire*] (Bosporkie issledovaniya Suppl. [Bosporos Studies Suppl.] 10). Simferopol–Kerch.
- Завойкин, А.А. 2013: *Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов* (БИ Suppl. 10). Симферополь–Керчь.
- Zavoykina, N.V. 2020: Graffito ok. 520-kh gg. do n.e. iz Fanagorii [A Graffito of ca. 520s BC from Phanagoria]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 258, 245–259.
- Завойкина, Н.В. 2020: Граффито ок. 520-х гг. до н.э. из Фанагории. *КСИА* 258, 245–259.

ON SOME IMAGINARY OECISTS

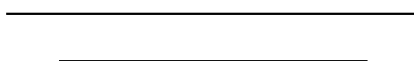
Igor E. Surikov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: isurikov@mail.ru

The main objective of this article is to examine the source material on Greek colonies named after their oecists (founders), presented in two recent works by V.P. Yaylenko, for its authenticity and relevance. The author concludes that none of V.P. Yaylenko's examples possess the combination of these qualities and, consequently, do not serve as convincing evidence for the existence of such a practice among the Greeks of the Archaic period.

Keywords: Archaic Greece, Greek colonization, oecists, eponyms, toponyms, Stephanus of Byzantium, Scylax of Caryanda, Cius

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 29–42

© The Author(s) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-29–42

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 29–42

©Автор(ы) 2026

ИЗ ИСТОРИИ АФИНСКИХ ОЛИГАРХИЧЕСКИХ ПЕРЕВОРОТОВ КОНЦА V в. до н.э. IV. ПАРАДОКСЫ РЕЖИМА ТРИДЦАТИ

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Олигархический режим Тридцати хорошо известен своим репрессивным характером. Парадоксальным фактом, однако, является то, что он приобрел такой характер не сразу: вначале преследовались только дискредитировавшие себя лица, и лишь потом казни распространились на невиновных. Это, безусловно, связано с переходом лидерства в правящей коллегии от Ферамена к Критию. В статье предлагается ответ на вопрос о причинах этого перехода: последний связывается с тем, что коллегия Тридцати состояла из трех «десяток» (одна из них возглавлялась Фераменом, другая – Критием), которые ротировались у власти. В целом констатируется, что олигархия 404 г. до н.э., как и олигархия 411 г. до н.э. пала из-за отсутствия единства в рядах олигархов.

Ключевые слова: классическая Греция, Афины, олигархия, демократия, перевороты, Пелопоннесская война, Ферамен, Критий, Лисандр

Режим, о котором пойдет здесь речь, во многих отношениях парадоксален. Помимо него, трудно найти в античной (да и не только античной) истории какой-нибудь другой, который так же быстро скомпрометировал бы себя. Тридцать пришли к власти при весьма благоприятном к ним отношении со стороны сограждан, при возлагавшихся на них добрых надеждах, а утратили эту власть в обстановке всеобщей ненависти к ним и оставили о себе настолько недобрую память, что со временем по отношению к ним стала употребляться формулировка «Тридцать тиранов»¹, хотя в действительности они являлись не тиранами в строгом смысле слова, а олигархами.

Данные об авторе. Игорь Евгеньевич Суриков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-28-00024, <https://rscf.ru/project/23-28-00024/>.

¹ Считается, что это выражение первым использовал историк IV в. до н.э. Эфор (Rhodes 2000, 135).

Изменение отношения к режиму было, безусловно, связано, с изменением характера самого этого режима, а также применяемых им практик. Этот нюанс стал, можно сказать, одним из топосов, общих мест, звучащих во многих источниках, повествующих о событиях 404–403 гг. до н.э. Приведем несколько релевантных цитат, взятых из сочинений различных авторов.

Ксенофонт: «...Они (Тридцать – *И.С.*) первым делом арестовали и казнили тех, о которых при демократическом строе всем было известно, что они сикофанты и тягостны добрым гражданам (οὓς πάντες ἤδεσαν ἐν τῇ δημοκρατίᾳ ἀπὸ συκοφαντίας ζῶντας καὶ τοῖς καλοῖς κάγαθοῖς βαρεῖς ὄντας, συλλαμβάνοντες ὑπὴγον θανάτου). Совет осудил их на смерть с чувством удовлетворения (ἢ τε βουλὴ ἡδέως αὐτῶν κατεψηφίζετο)², да и все прочие граждане ничего не имели против их осуждения, поскольку они сами не были повинны в том же грехе. Но вскоре правители стали думать лишь о том, чтобы им можно было распоряжаться всеми государственными делами по своему усмотрению... Они стали арестовывать кого угодно (οὓς ἐβούλοντο συνελάμβανον): не только дурных и безнравственных людей (πονηροὺς τε καὶ ὀλίγου ἀξίους), но вообще тех, про которых они полагали, что они наименее склонны терпеливо переносить надругательства и что, в случае если бы они попытались противодействовать правителям, к ним бы примкнуло наибольшее число приверженцев» (*Xen. Hell.* II. 3. 12–14)³.

Платон: «Так как тогдашний (демократический – *И.С.*) государственный строй со стороны многих подвергался нареканиям, произошел переворот (ὑπὸ πολλῶν γὰρ τῆς τότε πολιτείας λοιδوروμένης μεταβολὴ γίγνεται)... Тридцать обладали неограниченной властью (τριάκοντα δὲ πάντων ἄρχοντες κατέστησαν αὐτοκράτορες)... Я был убежден, что они отвратят государство от несправедливости и, обратив его к справедливому образу жизни, сумеют его упорядочить (αὐτοὺς ἔκ τινος ἀδίκου βίου ἐπὶ δίκαιον τρόπον ἄγοντας διοικήσιν δὴ τὴν πόλιν), и поэтому с большим интересом наблюдал за ними: что они будут делать? И вот я убедился, что за короткое время эти люди заставили нас увидеть в прежнем государственном строе золотой век (τοὺς ἄνδρας ἐν χρόνῳ ὀλίγῳ χρυσὸν ἀποδείξαντας τὴν ἔμπροσθεν πολιτείαν)!» (*Plat. Epist.* VII. 324c–e)⁴.

Аристотель⁵: «Первое время они (Тридцать – *И.С.*) проявляли умеренность по отношению к гражданам (μέτροι τοῖς πολίταις ἦσαν) и делали вид, что стремятся к восстановлению отеческого строя... С самого начала они держались такого образа действий, устраняли сикофантов и людей, подлаживавшихся в речах своих к народу вопреки его настоящим интересам, аферистов и негодяев (τοὺς

² В правление Тридцати гелия не заседала (Кудрявцева 2008, 103), так что судебные функции выполняли Совет Пятисот, а также сама правящая коллегия Тридцати.

³ «Греческая история» Ксенофонта цитируется в переводе С.Я. Лурье.

⁴ Седьмое письмо Платона цитируется в переводе С.П. Кондратьева.

⁵ В современной западной антиковедческой литературе существует устойчивая тенденция называть автора «Афинской политики» Псевдо-Аристотелем. Эта «новая ортодоксия» установилась со времени выхода известного комментария П. Родса, в котором вопрос об авторстве «Афинской политики» решен не в пользу аристотелевского (Rhodes 1985, 58–63). Мы, со своей стороны, настаиваем и будем настаивать на том, что пока ни Родсом и никем другим не было приведено аргументов, которые имели бы обязательную силу и исключали бы написание труда самим Стагиритом. А ведь нужно еще учитывать, что в последующей нарративной традиции этот памятник устойчиво цитируется – и вряд ли совершенно безосновательно – именно как «Афинская политика» Аристотеля.

συκοφάντας καὶ τοὺς τῷ δήμῳ πρὸς χάριν ὀμιλοῦντας παρὰ τὸ βέλτιστον καὶ κακοπράγμονας ὄντας καὶ πονηροὺς ἀνῆρουν), и государство радовалось этому (ἔχαιρεν ἡ πόλις γιγνομένοις), думая, что они делают это во имя высших интересов. Но, когда они укрепили власть свою в государстве, они не стали щадить никого из граждан (οὐδενὸς ἀπείχοντο τῶν πολιτῶν), но убивали всех, кто только выдавался по состоянию или по происхождению или пользовался уважением. Так делали они, стараясь незаметно устранять опасные элементы и желая грабить их имущество. Так за короткое время они погубили не менее полутора тысяч человек» (Arist. *Ath. pol.* 35. 2–3)⁶.

Диодор Сицилийский: «Вначале, предав суду самых подлых людей в городе, они осудили их на смерть (παράδιδόντες κρίσει τοὺς πονηροτάτους τῶν ἐν τῇ πόλει κατεδίκαζον θανάτῳ), и тогда еще самым порядочным из граждан было приятно происходящее (τοῖς ἐπιεικεστάτοις τῶν πολιτῶν εὐαρέσκει τὰ γινόμενα). А после этого они, пожелав творить более насильственные и противозаконные дела (βουλόμενοι βιαϊότερα καὶ παράνομα πράττειν), запросили у лакедемонян гарнизон...» (Diod. XIV. 4. 2–3).

Поскольку мы говорим о том, что на первых порах олигархия Тридцати пользовалась симпатией значительной части афинян, находивших ее действия вполне оправданными, нам могут возразить, что этот режим был в принципе коллаборационистским и оккупационным, установившимся в силу внешнего диктата (со стороны победителей-спартанцев) и, в сущности, по прямому приказу всесильного Лисандра. На самом деле всё несколько сложнее: следует подчеркнуть, что переворот 404 г. до н.э. имел глубокие внутренние причины⁷, главными из которых явились тяжелейший кризис и вырождение радикальной демократии в конце Пелопоннесской войны, вызвавшие отторжение ее многими гражданами.

Вышеприведенные цитаты, пожалуй, еще несколько смягчают реальную ситуацию, поскольку соответствующие суждения делались «задним числом», уже после кровавых репрессий Тридцати (после которых совершенно невозможны были сколько-нибудь позитивные оценки деятельности этой коллегии), а главное – после восстановления демократии, обозначившей свою преемственность по отношению к демократии V в. до н.э.⁸ Платон говорит о «нареканиях», а вернее было бы сказать о гневе и негодовании. Афинская охлократия рассматриваемого периода сделала, кажется, все ошибки, какие только можно было сделать, проиграла всё, что только можно было проиграть. Такая демократия вряд ли могла вызвать к себе большие симпатии. На фронтах Пелопоннесской войны ведомые демагогами Афины шли от неудачи к неудаче, а в области внутрисполитической жизни даже самый благонамеренный гражданин не мог быть уверен в том, что и он завтра не станет очередной жертвой «охоты на ведьм»⁹, поиска врагов демоса. Кончилось всё позорной безоговорочной капитуляцией; афинский полис, еще совсем недавно гордо смотревший в будущее, потерпел полный крах.

Неудивительно, что в подобной обстановке достаточно широкие массы гражданства – особенно средние, гоппитские слои – отшатывались от базовых прин-

⁶ «Афинская политика» Аристотеля цитируется в переводе С.И. Радцига.

⁷ Lehmann 1995, 144–145.

⁸ Из недавних работ преемственность между афинской демократией V и IV вв. до н.э. в наибольшей степени подчеркивается в: Joyce 2022.

⁹ О которой см.: Rhodes 2015, 29–30.

ципов развитого народовластия, выражали нескрываемое недовольство господством безответственной «корабельной черни». Сам институт демократии впервые со времен Клисфена начал ставиться под вопрос¹⁰. Она была обречена еще до того, как Лисандр повелел ее ликвидировать, и даже до того, как война официально завершилась. В последние военные месяцы резко активизировалась деятельность олигархических гетерий; в частности, возник комитет пяти эфоров (Lys. XII. 43), о подчеркнуто лаконофильском характере которого говорят и название, и численность его членов. Лисий подчеркивает, что этот неофициальный, но влиятельный орган был создан еще при демократическом устройстве (δημοκρατίας ἔτι οὐσης).

Говоря о хронологическом отрезке, на который пришлось окончание Пелопоннесской войны и непосредственно последовавшие за ним события, нельзя не отметить, что применительно к этому периоду источниками искажается роль Ферамена. Мы не говорим уже об убежденном радикальном демократе Лисии, который в своих речах стремится очернить этого политика, как только может¹¹. Но даже Ксенофонт, относящийся к Ферамену не столь негативно¹², утверждает, что он во время осады Афин спартамцами намеренно затягивал мирные переговоры и в результате еще усугубил для афинян печальные последствия поражения.

Процитируем соответствующее место. «...Ферамен предложил в народном собрании, чтобы его отправили послом к Лисандру; там, мол, он разузнает, должно ли служить лакедемонянам разрушение стен только средством для обращения афинян в рабство или это им нужно для обеспечения их верности лакедемонянам. Его послали, и он пробыл у Лисандра три месяца с лишним, выжидая, пока афиняне из-за недостатка хлеба не дойдут до такого состояния, что готовы будут согласиться на какие угодно условия (πεμφθεὶς δὲ διέτριβε παρὰ Λυσάνδρῳ τρεῖς μῆνας καὶ πλείω, ἐπιτηρῶν ὅποτε Ἀθηναῖοι ἔμελλον διὰ τὸ ἐπιλελοιπέναι τὸν σίτον ἅπαντα ὃ τι τις λέγοι ὁμολογήσειν). Лишь на четвертый месяц он вернулся и доложил в народном собрании, что Лисандр долго медлил с ответом и удерживал его при себе (ὅτι αὐτὸν Λύσανδρος τέως μὲν κατέχοι); в конце концов же он сказал, чтобы Ферамен отправился в Лакедемон, так как сам он якобы не уполномочен дать ему ответ; это право эфоров» (Xen. Hell. II. 2. 16–17). Далее рассказывается (Xen. Hell. II. 18–22), как тот же Ферамен прибыл с посольством уже в Спарту, там был созван конгресс Пелопоннесского союза и сформулирова-

¹⁰ Osborne 2003, 257.

¹¹ Создается впечатление, что Ферамен даже больше ненавистен Лисии, чем кровавый Критий. Причина заключается в том, что с Критием, как говорится, было всё ясно и никому не приходило в голову оправдывать его. Что же касается Ферамена, практически сразу же после реставрации демократии начали предприниматься попытки его реабилитации, позже достигшие своего апогея в «Афинской политике» Аристотеля (Arist. Ath. pol. 28. 5), содержащаяся в которой характеристика Ферамена является настоящим энкомием (Frank, Monoson 2009). Этим-то попыткам и противопоставлял Лисий свою позицию.

¹² Его отношение следует назвать скорее двойственным, противоречивым (Суриков 2024а, 65). С одной стороны, в эпизоде суда над стратегами, одержавшими победу в Аргинусской морской битве (406 г. до н.э.) Ферамен предстает в неблагоприятном свете – как недобросовестный манипулятор общественным мнением, не брезгующий инсинуациями (Xen. Hell. I. 7. 8), – причем похоже, что картина эта превратна и Ксенофонт не прав (об этом писалось неоднократно: Cloché 1019, 47–48; Andrewes 1974, 118; Adeleye, 1977/1978, 97; Mehl 1982, 65; Rhodes 1985, 423; Ostwald 1986, 442; Burckhardt 2000, 138). С другой стороны, в тех местах, где речь идет о противостоянии Ферамена Критию в период олигархии Тридцати, у автора просматривается симпатия к первому (особенно в: Xen. Hell. II. 3. 56).

ны условия мира: разрушение укреплений Пирея и Длинных стен (в другом месте оговаривается, что они должны быть уничтожены не полностью, а частично: Xen. *Hell.* II. 2. 15), выдача всех военных кораблей, кроме 12, возвращение политических изгнанников (имелись в виду прежде всего олигархи-лаконофилы), принятие Афинами статуса подчиненного союзника Спарты. Ферамен принес эти условия в Афины и убедил сограждан принять их.

Таким образом, если сказанное здесь соответствует действительности, при капитуляции афинского полиса Ферамен сыграл довольно неблагоприятную роль. Но ни из чего не следует, что мы должны безоговорочно доверять во всем Ксенофону. Да, Ферамен действительно долго, больше трех месяцев, пробыл в лагере Лисандра; за это время дело мирных переговоров не продвинулось ни на шаг, а запасы провианта в Афинах иссякали. Но почему мы должны подходить в данном случае к Ферамену с позиций презумпции виновности и с ходу отбрасывать данное им самим объяснение задержки, согласно которому его удерживал сам Лисандр? Уж кто-кто, а этот спартанский лидер был в высшей степени заинтересован в том, чтобы тянуть время и с помощью голода окончательно поставить врагов на колени.

Следует осознать, какой колоссальной сложности задача стояла тогда перед Фераменом. Афинам предстояла именно безоговорочная капитуляция, то есть принятие *любых* условий, какие им будут выдвинуты, и Ферамену в Спарте пришлось потрудиться, прилагая все свои усилия и способности, чтобы условия эти оказались не совсем губительными для афинского полиса. Судьба последнего находилась теперь всецело в руках победителей, и на конгрессе пелопоннесцев вполне серьезно рассматривалось предложение, внесенное представителями двух самых влиятельных спартанских союзников – Коринфа и Фив, – призывавшими вообще не заключать с Афинами никакого договора, а полностью уничтожить их (μη σπένδεσθαι Ἀθηναίοις, ἀλλ' ἐξαίρειν, Xen. *Hell.* II. 2. 19), чтобы и договор подписывать было не с кем.

Речь шла как минимум о процедуре ἐξάνδραποδισμός, т.е. о полной продаже всех афинян в рабство. Не исключено, что имелось в виду даже нечто более серьезное, а именно то, что в ходе Пелопоннесской войны учинили Афины над Скионой (в 421 г. до н.э., Thuc. V. 32. 1) и Мелосом (в 416 г. до н.э., Thuc. V. 116. 4), а ранее них Спарта над Платеями (в 427 г. до н.э., Thuc. III. 68. 1–2). В этих городах в рабство были обращены женщины и дети, а взрослые мужчины поголовно перебиты. Да, нужно называть вещи своими именами: Афины, учитывая то озлобление, какое накопилось в греческом мире против «города-тирана», реально могла постигнуть такая же участь (сурово было «право победителя» в античной Греции, оно позволяло сделать с побежденными буквально всё, что угодно¹³), и какого количества шедевров, созданных в «городе Паллады» в IV в. до н.э. и позже, просто не получила бы тогда мировая культура!

Ферамену удалось, по крайней мере, отвратить такой исход, добиться того, что афинское государство – пусть униженное и ослабленное – продолжило свое

¹³ Позволим себе по этому поводу процитировать одно из выступлений выдающегося писателя и мыслителя Х.Л. Борхеса (он говорит о событиях IV в. до н.э., но к предшествующему столетию сказанное тоже вполне применимо): «Не знаю, верим ли мы в прогресс, думаю, что да... Мы идем вперед и возвращаемся, но в итоге становимся лучше. Можно ли говорить так в нашу жестокую эпоху? И сейчас берут в плен и сажают в тюрьмы, возможно, в концентрационные лагеря, но все-таки берут в плен. Во времена Александра Македонского было естественным, что войско победителей убивало всех побежденных и разоряло дотла захваченный город. Может быть, мы стали и разумнее» (Борхес 1994, 391).

существование; это было уже немало. В ответ на призывы фиванцев и коринфян «лакедемоняне категорически отказались стать виновниками порабощения (ἀνδραποδιεῖν) жителей греческого города, столь много потрудившегося в эпоху тяжких бедствий, когда великая опасность угрожала Греции» (Хеп. *Hell.* II. 2. 20). Не приходится сомневаться в том, что большой вклад в формирование подобной позиции спартанских властей принадлежит Ферамену как переговорщику.

Напомним и еще об одном случае (имевшем место чуть позже), в котором этот политик тоже сыграл позитивную роль – и о нем тоже нередко забывают. Этот случай имел место при создании нового правительства и решении вопроса о том, какой характер оно примет. При тех подчеркнута антидемократических настроениях, которые имели тогда место в Афинах, всю власть могли забрать в свои руки крайние олигархи, представленные комитетом эфоров (афинских, о них упоминалось выше), в который входил, в частности, Критий (Lys. XII. 43). Ферамена, принадлежавшего к весьма умеренным олигархам, в сущности, к приверженцам «гоплитской политики»¹⁴, это, безусловно, не устраивало. Не считаться с эфорами было уже нельзя, но Ферамен путем продуманного политического маневра смог провести на заседании экклесии постановление о смешанном составе организуемой правящей коллегии Тридцати. Как пишет Лисий (злостный враг Ферамена, а потому его свидетельство особенно ценно), афинянам пришлось «выбрать десятерых, указанных Фераменом (δέκα μὲν οὖς Θηραμένης ἀπέδειξε χειροτονῆσαι), десятерых, кого велят тогдашние эфоры (δέκα δὲ οὖς οἱ καθεστῆκότες ἔφοροι κελεύοιεν), десятерых из числа присутствующих (δέκα δ' ἐκ τῶν παρόντων)» (Lys. XII. 76)¹⁵.

Подчеркнем: вариант, при котором в Афинах сохранялась бы демократия в какой бы то ни было форме, в тот момент не рассматривался и рассматриваться не мог. На заседании присутствовал Лисандр, ведший себя грубо и надменно: в определенный момент он, взяв слово, прямо высказался в том смысле, что в случае неподчинения афинян спартанскому диктату он будет рассматривать их как нарушителей мирного договора (παράσπονδους) и в таком случае для них «встанет вопрос уже не о конституции, а вопрос о жизни и смерти (οὐ περὶ πολιτείας... ἀλλὰ περὶ σωτηρίας)» (Lys. XIII. 74). Таким образом, Лисандр напомнил, что судьба Афин по-прежнему в руках победителей, которые при желании могут ведь и вернуться к идее ликвидации афинского полиса и порабощения его граждан.

Что можно было сделать в подобных обстоятельствах афинянину-патриоту? Очень немного, и Ферамен сделал это: коллегия Тридцати была замышлена им как совокупность трех «десяток»¹⁶. И если в «десятке эфоров» преобладание

¹⁴ Вот автохарактеристика, вложенная в его уста Ксенофонтом: «Я борюсь с теми демократами, которые считают, что настоящая демократия – только тогда, когда в правлении участвуют рабы и нищие, которые, нуждаясь в драхме, готовы за драхму продать государство; борюсь и с теми олигархами, которые считают, что настоящая олигархия – только тогда, когда государством управляют по своему произволу несколько неограниченных владык. Я всегда – и прежде и теперь – был сторонником такого строя, при котором власть принадлежала бы тем, которые в состоянии защитить государство от врага, сражаясь на коне или в тяжелом вооружении» (Хеп. *Hell.* II. 3. 48).

¹⁵ Лисий цитируется в переводе С.И. Соболевского.

¹⁶ Из Ксенофонта известен полный перечень членов коллегии Тридцати. Предпринималась попытка структурировать этот перечень, распределить его на «десятки» по персоналиям, результатом чего стала таблица, приведенная в: Lenschau 1937, 2363–2364 (мы воспроизвели ее в русскоязычном варианте в: Суриков 2011, 263). Это распределение выглядит весьма правдоподобным, хотя оно принято и не всеми.

должны были получить, безусловно, крайние олигархи¹⁷, то в «десятку Ферамена» он, разумеется, включил своих единомышленников, приверженцев умеренной олигархии (он и сам в нее вошел). Что касается третьей «десятки», то она вообще была избрана вполне демократическим способом – из числа присутствующих граждан через голосование (посредством поднятия рук, *χεῖροτονία*), то есть ровно так, как при демократии ежегодно избирали тех должностных лиц, которые занимали свои посты именно по выборам, а не по жеребьевке, в том числе, например, стратеги. В эту «десятку», в принципе, могли попасть даже умеренные демократы.

Итак, стараниями Ферамена в коллегии Тридцати было достигнуто некое сбалансированное равновесие сил между носителями разных идеологий. На первых порах эта система работала – отсюда встречающиеся в источниках, как мы видели, похвалы новому правительству. Но потом что-то дало сбой, и начался государственный террор. Вопрос о причинах того, почему режим стал репрессивным, обычно решается путем следующего хода мыслей¹⁸. Насилие являлось системообразующим элементом власти Тридцати, оно стало неизбежным с тех пор, как была свергнута демократия и взамен нее установилась узкая олигархия (фактически «династия», как Аристотель назвал в «Политике» самую жесткую форму олигархического правления). Тридцать могли упрочить свое положение только после того, как они полностью искоренили бы все остатки демократических порядков, стерли бы саму память о них; насилие обеспечивало им средства для этого. При любом режиме появляется оппозиция, но режимы авторитарные, в отличие от демократических, нетерпимы к оппозиционерам и направляют против них репрессии. Парадоксальным образом, если бы Тридцать смягчили свою политику (к чему призывал Ферамен, как только заметил изменение этой политики в худшую сторону), то их олигархия стала бы более внутренне шаткой и претерпела бы ту же судьбу, что и крайне недолговечная олигархия Четырехсот в 411 г. до н.э.

Резон в подобных соображениях есть (особенно интересной представляется та идея, которую мы изложили в последней фразе предыдущего абзаца), но они носят очень общий характер, а главное – не объясняют того факта, что Тридцать прибегли к репрессивным мерам не сразу. Имеет ли этот факт вообще объяснение? Лично нам импонирует то, которое было выдвинуто (и очень тщательно обосновано) в одной довольно давней работе¹⁹. Предложивший эту версию антиковед исходит из того, что древнегреческие олигархии точно так же, как и древнегреческие демократии, исходили из принципа ротации лиц у власти²⁰. Этот принцип был применен и Тридцатью, а именно: три «десятки», на которые делилась коллегия, должны были на протяжении года править Афинами поочередно, то есть по четыре месяца каждая. Видимо, по жребию вначале эта роль выпала «десятке Фе-

¹⁷ Впрочем, даже в ней они не составляли все сто процентов. Так, именно в эту десятку вошел Эратосфен, который принадлежал к окружению Ферамена (Lys. XII. 62) и считался настолько умеренным олигархом, что рискнул после восстановления демократии и амнистии 403 г. до н.э. не отправиться в изгнание, а остаться в Афинах и представить отчет в своей деятельности (но тут же был атакован Лисием).

¹⁸ См. прежде всего: Wolpert 2006 – наиболее развернутая интерпретация.

¹⁹ Munro 1938.

²⁰ И в важном недавнем исследовании тоже констатируется, что греческие олигархии, как и греческие демократии, были эгалитарными и потому практиковали ротацию (Malkin, Blok 2024, 8).

рамена», которая в течение своего периода правления сосредоточилась на искоренении сикофантов и демагогов, чем снискала одобрение граждан. Но затем власть перешла к совершенно иначе настроенной «десятке эфоров», то есть к крайним олигархам, возглавляемым Критием. Вот они-то и развернули террор, пользуясь тем, что им как верховным правителям никто уже не мог законно воспрепятствовать. Устранили они, в частности, и самого Ферамена²¹.

Здесь нужно отметить: между рассказами об олигархии Тридцати, содержащимися в «Греческой истории» Ксенофонта и в «Афинской политике» Аристотеля, имеется весьма существенное разногласие, касающееся последовательности событий. У Ксенофонта эта последовательность такова: прибытие в Афины спартанского гарнизона, запрошенного олигархическим правительством (*Xen. Hell.* II. 3. 13–14); начало репрессий (*Xen. Hell.* II. 3. 14–15) и, в частности, разоружение тех афинян, которые не вошли в список трех тысяч полноправных граждан (*Xen. Hell.* II. 3. 20); казнь Ферамена (*Xen. Hell.* II. 3. 56); выступление эмигрантов-демократов под командованием Фрасибула и занятие ими крепости Филы (*Xen. Hell.* II. 4. 2).

А в «Афинской политике» встречаем, можно сказать, противоположный порядок: начало репрессий (*Arist. Ath. pol.* 35. 3), выступление Фрасибула (*Arist. Ath. pol.* 37. 1), казнь Ферамена (*Arist. Ath. pol.* 37. 2), разоружение афинян (*Arist. Ath. pol.* 37. 2), запрос спартанского гарнизона и его прибытие (*Arist. Ath. pol.* 37. 2). У Диодора этот гарнизон прибывает, как и у Ксенофонта, ближе к началу олигархического режима (*Diod. XIV.* 4. 3–4), что действительно выглядит куда более естественным. Поэтому данную последовательность обычно признают более верной, а Аристотеля, соответственно, часто упрекают в том, что он допустил ошибку или даже намеренно исказил ход событий с тенденциозными целями²²: всем известны симпатии автора «Афинской политики» к Ферамену, и считается, что в данном случае он тоже попытался максимально освободить этого политика от причастности к репрессиям: их пик пришелся-де на время, когда его уже не было в живых и он никак не мог воспрепятствовать жестокостям.

Так ли это? Когда два рассмотренных свидетельства полярно противопоставляют друг другу, не учитывают, что одна деталь в них все-таки вполне совпадает. И у Ксенофонта, и у Аристотеля репрессии против невинных людей начинаются еще при Ферамене – но отнюдь не с его одобрения. Напротив, он сразу же начинает протестовать: вначале частным образом пытается отговорить Крития от столь пагубной политики (*Xen. Hell.* II. 3. 15), а затем, видя, что это не действует, начинает выступать с публичными обвинениями (*Xen. Hell.* II. 3. 17), что в конце концов стоит ему жизни. Это эксплицитно сказано у Ксенофонта, но подразумевается и Аристотелем (*Arist. Ath. pol.* 36). Таким образом, между двумя источниками надлежит видеть не только различия, но и сходство: оба автора согласны в том, что Ферамен был принципиальным противником государственного террора (и, соответственно, пока решающее влияние на ход событий принадлежало ему, такие меры не осуществлялись), а Критий – его принципиальным сторонником.

Возвращаясь к гипотезе о ротации «десяток» у власти, оговорим еще вот что: если она верна (а в пользу этого свидетельствует очень многое), репрессии парадоксальным образом могли закончиться уже при олигархии. Ведь на смену

²¹ Ungern-Sternberg 2000.

²² Wolpert 2006, 219.

Критию и его «десятке» должна была прийти третья «десятка», в свое время избранная, как отмечалось выше, демократическим путем и, следовательно, менее, чем любая другая, склонная к олигархическим крайностям. Но до верховного правления этой третьей «десятки» дело не дошло: Тридцать пали под давлением оппозиции Фрасибула, продержавшись как раз около восьми месяцев.

Позиция Ферамена в его конфликте с Критием понятна: этот умеренный олигарх, хоть его и называли котурном (Хен. *Hell.* II. 3. 30–31), то есть двурушником, на самом деле был очень последователен, придерживаясь взглядов, выношенных и даже, можно сказать, выстраданных им за всю свою политическую деятельность. Чем же руководствовался Критий? Это был тоже по-своему принципиальный человек, обладавший сложившимся мировоззрением. Платон, прекрасно знавший Крития (который приходился ему дядей), представил это мировоззрение в диалоге «Хармид», где Критий является одним из действующих лиц²³. Предметом «Хармида» является определение одного из ключевых понятий древнегреческой этики – σωφροσύνη. Это очень сложная категория, неоднократно рассматривавшаяся в литературе²⁴; А.Ф. Лосев констатирует «непереводимость этого греческого термина» и допускает несколько (в равной мере не вполне удовлетворительных) вариантов его передачи на русском языке – «рассудительность», «благоразумие», «здравомыслие», «сдержанность», «умственное целомудрие»²⁵. Уже и в античности, как видим, относительно его смысла шли дискуссии; в частности, Критий в «Хармиде» отстаивает такое определение – σωφροσύνη ἄν εἴη τὸ τὰ ἑαυτοῦ πράττειν, «быть рассудительным значит “заниматься своим”»²⁶. Если вдуматься, определение это отрицает принцип эгалитаризма (которого, как отмечалось выше, придерживались в Греции не только демократии, но и умеренные олигархии), оно в противовес ему устанавливает принцип иерархизма.

Известно, что для интересующего нас сейчас политика и мыслителя σωφροσύνη – аристократическая ценность, а лучшим воплощением ее он считал спартанцев²⁷. Критий был настолько убежденным и фанатичным лаконофилом, что не сомневался в возможности даже Афины превратить в «новую Спарту». Как показано в специальном монографическом исследовании, посвященном режиму

²³ Критий действует также в «Тимее» и «Критии» Платона, во втором из этих диалогов (представляющем собой знаменитый «неоконченный рассказ об Атлантиде») он даже выступает как главный герой. Но тождествен ли этот Критий тому, который известен как кровавый лидер Тридцати? По этому вопросу единого мнения среди специалистов нет. Одни признают их тождество (например: Панченко 1990, 136–137; Видаль-Наке 2012, 22; Hettmann 2017, 151); другие считают, что в диалогах, о которых идет речь, в действительности появляется не этот Критий, а его одноименный дед (например: Castleden 1998, 165; Nails 2002, 106–107), который стал известен по эпиграфическим данным (Vanderpool 1949); третьи колеблются, считая, что проблема не может быть решена, и даже допуская сознательную двусмысленность со стороны автора диалогов (например: Danzig 2014, 509; Gill 2016, 38–42). Автор этих строк примыкает к той точке зрения, которая здесь указана второй (нашу аргументацию см. в: Суриков 2024б). Не будем настаивать на своей правоте, но, во всяком случае, коль скоро имеют место споры и полной ясности нет, лучше не привлекать данные «Тимея» и «Крития». Что касается Хармида, совершенно несомненно, что там действует именно будущий вождь крайних олигархов.

²⁴ Например: North 1947; Humble 2002.

²⁵ Лосев 1990, 763.

²⁶ «Хармид» Платона цитируется в переводе С.Я. Шейнман-Топштейн.

²⁷ Gottesman 2020, 248–249.

Тридцати²⁸, именно в этом заключалась суть его политики в пору нахождения у власти. Похоже, что, разоружая афинян, не вошедших в список трех тысяч, высылая их из города в сельскую местность и в то же время лишая земельных наделов, а в дополнение ко всему запрещая им покидать территорию полиса, он даже вознамерился создать в Аттике некое подобие илоти.

У Ксенофонта Критий в конце своей речи против Ферамена прямо говорит: «Несомненно, наилучший государственный строй – это лакедемонский (καλλίστη μὲν γὰρ δῆπου δοκεῖ πολιτεία εἶναι ἡ Λακεδαιμονίων). А у них, если кто-нибудь из эфоров не подчинится безусловно постановлению большинства и станет выказывать дерзостное неуважение к власти и противиться ее решениям, он, разумеется, будет подвергнут эфорами и народным собранием тягчайшему наказанию» (Xen. *Hell.* II. 3. 34). Не менее знаменательно начало той же речи, которое тоже следует процитировать: «Члены совета! У многих из вас, вероятно, появилась мысль, что слишком много гибнет народу – больше, чем это необходимо (πλείους τοῦ καιροῦ ἀποθνῆσκειν). Но примите во внимание то, что так бывает при государственных переворотах (ὅπου πολιτεῖαι μεθίστανται) всегда и везде. Наибольшее же число врагов сторонники олигархического переворота (τοῖς εἰς ὀλιγαρχίαν μεθιστάσι), само собой разумеется, должны иметь здесь, в Афинах: ведь наш город многолуднейший в Элладе, и народ здесь наиболее продолжительное время рос и воспитывался на гражданской свободе (ἐν ἐλευθερίᾳ). Для таких людей, как мы с вами, демократический строй, конечно, крайне тягостен и непереносим (χαλεπὴν πολιτείαν εἶναι δημοκρατίαν); вдобавок лакедемонянам, даровавшим нам жизнь и свободу (τοῖς περισώσασιν ἡμᾶς), сторонники народовластия испокон века были врагами (ὁ μὲν δῆμος οὐποτ' ἂν φίλος γένοιτο), тогда как благонадежные (βέλτιστοι) слои населения были всегда им преданы (πιστοὶ). Поэтому-то, с одобрения лакедемонян (σὺν τῇ Λακεδαιμονίων γνώμῃ), мы и установили этот государственный строй; поэтому-то, если до нашего сведения доходит, что кто-либо враждебно относится к олигархическому правлению (ἐναντίον τῇ ὀλιγαρχίᾳ), мы принимаем все возможные меры для устранения таких лиц. А если в рядах поносящих новый государственный строй, окажется кто-либо из нашей среды, мы должны его преследовать еще более энергично» (Xen. *Hell.* II. 3. 24–26).

В этих словах, поражающих своей откровенностью, многое заслуживает комментария. Прежде всего отметим, что Ксенофонт, в 404–403 гг. до н.э. находившийся в Афинах, служивший в коннице, которая была одной из главных опор режима, и внимательно следивший за развитием событий, должен корректно передавать основные идеи, высказывавшиеся Критием; к тому же аналогичные мотивы звучат и в сохранившихся фрагментах сочинений самого Крития, из которых едва ли не самым знаменитым была «Лакедемонская политика».

Воистину для этого лаконофила Спарта или представляет собой просто идеал, или максимально к нему близка. Тамашнее государственное устройство в оригинальном тексте Ксенофонта названо его устами «прекраснейшим», καλλίστη. Спарта, победившая и унизившая афинян, оказывается силой, спасшей их (аллюзия на тот уже акцентировавшийся выше факт, что спартанские власти, имея возможность просто уничтожить афинский полис, сохранили его). На всё происходящее предлагается смотреть исключительно с точки зрения «одобрения лаке-

²⁸ Krentz 1982.

демонян», при этом позиция последних не нюансируется: дело представляется таким образом, будто бы в Спарте все мыслят так же, как Лисандр, в то время как в действительности подобного единства там даже в самых верхах не наблюдалось. Так, активным противником Лисандра выступал царь Павсаний²⁹, который, соответственно, и к Тридцати относился без всякой симпатии: позже он сыграл весьма активную роль в ликвидации афинской олигархии (Xen. *Hell.* II. 4. 35 sqq.). Тридцать тогда уже засели в Элевсине и по прибытии Павсания в Аттику пытались завязать с ним контакты, но он демонстративно отказался общаться с ними, даже не принял присланные ими дары (Lys. XVIII. 12).

Из речи Крития видно, что даже в рядах Совета Пятисот (который в то время в целом был вполне лоялен правящей коллегии) встречались люди, считавшие, что крови льется чрезмерно много, и он доказывает этим своим потенциальным оппонентам, почему именно так и надлежит поступать: в Афинах-де в силу их прежней истории слишком много сторонников демократии, и их следует подавлять со всей беспощадностью. Тут перед нами предстает как бы воочию данная вождем крайних олигархов рельефная иллюстрация к приведенным выше со ссылкой на Э. Уолперта тезисам о том, что для подобных режимов жестокости являются чем-то неотъемлемым, без них они обходиться не могут.

А поскольку именно жестокости потом крепче всего запечатлеваются в памяти народной, не удивительно, что Критий полностью дискредитировал олигархическую идею (порой создается впечатление, – конечно, вряд ли оправданное, – что он как будто намеренно задался целью сделать это). Не случайно после 403 г. до н.э. вопрос об олигархии в афинском политическом дискурсе просто не вставал – до тех пор, когда она в 322 г. до н.э. была насильственно навязана полису Антипатром. Даже те авторы, которые, в сущности, были олигархами в душе (например, Исократ), вынуждены были маскироваться под демократов, если желали играть активную роль в общественной жизни.

Аристотель в «Афинской политике» указывает, что в конце Пелопоннесской войны и сразу после нее афиняне делились на три группировки: демократическую, олигархическую и, как часто выражаются в современной западной литературе, «умеренную». Лидером последней он называет Ферамена, а среди других ее членов называет, в частности, Архина и Анита (Arist. *Ath. pol.* 34. 3), чьи пути чуть позже радикально разошлись с путем Ферамена: если он вошел в правящую верхушку, то они оказались эмигрантами, а потом сыграли очень видную роль в реставрации народоправства. Но сейчас мы хотели бы подчеркнуть, что коллегия Тридцати в том ее виде, как ее задумал Ферамен, то есть в виде «агрегата» из трех «десяток», – должна была отражать именно это троичное деление. Иными словами, единства во взглядах изначально не было и быть не могло в ее рядах, она была обречена на раскол, который не преминул случиться.

А ведь именно от такого же раскола пала олигархия Четырехсот в 411 г. до н.э., как мы показали в третьей статье данного цикла³⁰. Теперь ситуация повторялась. Получается, что, если лидеры демократов не извлекли уроков из ее первого свержения и в 410–404 гг. до н.э. продолжали повторять те же ошибки, ровно то же самое можно сказать и об их противниках.

²⁹ Печатнова 2007, 264 сл.

³⁰ Суриков 2025.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Adeleye, G. 1977/1978: The Arginusai Trial and Theramenes' Rejection at the Dokimasia of 405/404 B.C. *Museum Africanum* 6, 94–99.
- Andrewes, A. 1974: The Arginousai Trial. *Phoenix* 28/1, 112–122.
- Borges, J.L. *Sochineniya d trekh tomakh* [Works in Three Volumes]. Vol. 3. Moscow.
- Борхес, Х.Л. 1994: *Сочинения в трех томах*. Т. 3. М.
- Burckhardt, L. 2000: Eine Demokratie wohl, aber kein Rechtsstaat? Der Arginusenprozeß des Jahres 406 v.Chr. In: L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg (Hrsg.), *Große Prozesse im antiken Athen*. München, 128–143.
- Castleden, R. 1998: *Atlantis Destroyed*. London–New York.
- Cloch  , P. 1919: L'affaire des Arginuses. *Revue historique* 130, 5–68.
- Danzig, G. 2014: The Use and Abuse of Critias: Conflicting Portraits in Plato and Xenophon. *Class. Q.* 64/2, 507–524.
- Frank, J., Monoson, S.S. 2009: Lived Excellence in Aristotle's *Constitution of Athens*: Why the Encomium of Theramenes Matters. In: S. Salkever (ed.), *The Cambridge Companion to Ancient Greek Political Thought*. Cambridge, 243–270.
- Gill, M.L. 2016: Plato's Unfinished Trilogy: *Timaeus* – *Critias* – *Hermocrates*. In: G. Cornelli (ed.), *Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy*. Berlin–Boston, 33–45.
- Gottesman, A. 2020: The *S  phrosyn  * of Critias: Aristocratic Ethics after the Thirty Tyrants. In: D.C. Wolfsdorf (ed.), *Early Greek Ethics*. Oxford, 243–261.
- Herrmann, F.-G. 2017: Hat Kritias nach Spartas Pfeife getanzt? In: V. Pothou, A. Powell (Hrsg.), *Das antike Sparta*. Stuttgart, 133–155.
- Humble, N. 2002: Was *s  phrosyn  * Ever a Spartan Virtue? In: A. Powell, S. Hodkinson (eds.), *Sparta: Beyond the Mirage*. London, 85–109.
- Joyce, C.J. 2022: *Amnesty and Reconciliation in Late Fifth-Century Athens: The Rule of Law under Restored Democracy*. Edinburgh.
- Krentz, P. 1982: *The Thirty at Athens*. Ithaca.
- Kydryavtseva, T.V. 2008: *Narodnyy sud v demokraticeskikh Afinaх* [People's Court in Democratic Athens]. St. Petersburg.
- Кудрявцева, Т.В. 2008: *Народный суд в демократических Афинах*. СПб.
- Lehmann, G.A. 1995: Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. In: W. Eder (Hrsg.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 139–150.
- Lenschau, T. 1937: Οἱ τριάκοντα. In: W. Kroll, K. Mittelhaus (Hrsg.), *Paulys Realencyclop  die der classischen Altertumswissenschaft: Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa*. 2 Reihe. Hbd. 12: *Timon bis Tribus*. Stuttgart, 2355–2377.
- Losev, A.F. 1990: Kriticheskie zamechaniya [Critical notes]. In: A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-Godi (eds.), *Platon. Sobranie sochineniy v 4 tomakh* [Plato. Collected Works in 4 Vols]. Vol. 1. Moscow, 749–768.
- Лосев, А.Ф. 1990: Критические замечания. В кн.: А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус, А.А. Тахо-Годи (ред.), *Платон. Собрание сочинений в 4 т.* Т. 1. М., 749–768.
- Malkin, I., Blok, J. 2024: *Drawing Lots: From Egalitarianism to Democracy in Ancient Greece*. Oxford.
- Mehl, A. 1982: F  r eine neue Bewertung eines Justizskandals. Der Arginusenprozess und seine   berlieferung vor dem Hintergrund von Recht und Weltanschauung im Athen des ausgehenden 5. Jh. v.Chr. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung f  r Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung* 99, 32–80.
- Munro, J.A.R. 1938: The Constitution of Dracontides. *Class. Q.* 32/3–4, 152–166.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.

- North, H.F. 1947: A Period of Opposition to Sôphrosynê in Greek Thought. *Transactions of the American Philological Association* 78, 1–17.
- Osborne, R. 2003: Changing the Discourse. In: K.A. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece*. Austin, 251–272.
- Panchenko, D.V. 1990: *Platon i Atlantida* [Plato and Atlantis]. Leningrad.
- Панченко, Д.В. 1990: *Платон и Атлантида*. Л.
- Pechatnova, L.G. 2007: *Spartanskii tsari* [Spartan Kings]. Moscow.
- Печатнова, Л.Г. 2007: *Спартацкие цари*. М.
- Rhodes, P.J. 1985: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Rhodes, P.J. 2000: Oligarchs in Athens. In: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford, 119–136.
- Rhodes, P.J. 2015: Instability in the Greek Cities. In: V. Goušchin, P.J. Rhodes (eds.), *Deformations and Crises of Ancient Civil Communities*. Stuttgart, 27–47.
- Surikov, I.E. 2011: *Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epokhi. Godina mezhdousobitz* [Ancient Greece: Politics in the Context of the Era. The Time of Strife]. Moscow.
- Суриков, И.Е. 2011: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц*. М.
- Surikov, I.E. 2024a: Sokrat i Feramen [Socrates and Theramenes]. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"* [RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series] 2, 61–76.
- Суриков, И.Е. 2024a: Сократ и Ферамен. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»* 2, 61–76.
- Surikov, I.E. 2024b: Dva Kritiya i Atlantida: iz istorii afinskoj oligarkhicheskoy mysli. Chast' II [Two Critiases and Atlantis: from the History of Athenian Oligarchic Thought. Part II]. *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noy istorii* [Dialogue with Time: Intellectual History Review] 86, 68–77.
- Суриков, И.Е. 2024b: Два Крития и Атлантида: из истории афинской олигархической мысли. Часть II. *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории* 86, 68–77.
- Surikov, I.E. 2025: Iz istorii afinskih oligarkhicheskikh perevorotov kontsa V v. do n.e. III. Oligarkhi nachinayut i proigryvayut... samim sebe (sobytiya 411–412 gg. do n.e.) [From the History of Athenian Oligarchic Coups d'État of Late 5th Century BC. III. The Oligarchs Start and Lose... to Themselves (the Events of 411–410 BC)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 94–114.
- Суриков, И.Е. 2025: Из истории афинских олигархических переворотов конца V в. до н.э. III. Олигархи начинают и проигрывают... самим себе (события 411–410 гг. до н.э.). *ПИФК* 2, 94–114.
- Ungern-Sternberg, J. von 2000: 'Die Revolution frißt ihre eignen Kinder': Kritias vs. Theramenes. In: L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg (Hrsg.), *Große Prozesse im antiken Athen*. München, 144–156.
- Vanderpool, E. 1949: Some Ostraka from the Athenian Agora. *Hesperia Supplements* 8, 394–412.
- Vidal-Naquet, P. 2012: *Atlantida: kratkaya istoriya platonovskogo mifa* [L'Atlantide: petite histoire d'un mythe platonicien]. Moscow.
- Видадь-Наке, П. 2012: *Атлантида: краткая история платоновского мифа*. М.
- Wolpert, A. 2006: The Violence of the Thirty Tyrants. In: S. Lewis (ed.), *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 213–223.

FROM THE HISTORY OF ATHENIAN OLIGARCHIC COUPS D'ÉTAT
OF THE LATE FIFTH CENTURY BC. III. THE PARADOXES
OF THE THIRTY'S REGIME

Igor E. Surikov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: isurikov@mail.ru

The oligarchic regime of the Thirty is well known for its repressive nature. A paradoxical fact, however, is that it did not immediately acquire such a character: at first, only discredited individuals were persecuted, and only later did executions extend to the innocent. This is undoubtedly linked to the transition of leadership within the ruling collegium from Theramenes to Critias. The article proposes an answer to the question of the reasons for this transition: the latter is connected to the fact that the Thirty consisted of three “tens” (one of which was headed by Theramenes, another by Critias), which rotated in power. Overall, it is stated that the oligarchy of 404 BC, like the oligarchy of 411 BC, fell due to a lack of unity among the oligarchs.

Keywords: Classical Greece, Athens, oligarchy, democracy, coups d'état, Peloponnesian War, Theramenes, Critias, Lysander

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-43–51

ВОПРОСЫ РАННЕЙ БИОГРАФИИ АФИНСКОГО ТИРАНА КРИТИЯ

Н.В. Разумов

Институт Всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: nv.razumov@yandex.ru

ORCID: 0009-0006-2705-9311

Одним из лидеров афинского олигархического движения в конце V в. до н.э. был аристократ Критий. Больше всего он известен как глава правительства Тридцати. Однако он участвовал в политической жизни Афин и ранее, начиная с 415 г. до н.э. Критий происходил из знатного рода Кодридов. В молодости он учился у философов Сократа и Горгия. Впервые он упоминается в источниках, связанных с политикой, в связи с судебным процессом 415 г. до н.э. Дискуссионными остаются вопросы участия Крития в событиях 411 г. до н.э. Исследователи расходятся во мнениях, был ли Критий членом олигархического правительства. В статье делается попытка реконструкции ранней биографии Крития. Высказываются предположения о его участии в событиях 411 г. до н.э., а также последующего десятилетия.

Ключевые слова: Афины, Критий, олигархия, афинская демократия, режим Четырехсот

Биография Крития до прихода к власти правительства Тридцати известна только пунктирами. В основном это короткие упоминания. Однако из них можно выстроить линию жизни афинского аристократа, последовательного противника демократии. Следует присоединиться к мнению Э.Д. Фролова, что основная линия представлена у Диогена Лаэртского верно¹. Прапрадед тирана Критий (II) родился около 590 г. до н.э. Около 560 г. до н.э. у него родился сын Леаид, а у того около 530 г. до н.э. сын Критий (III). Этот Критий был дедом будущего тирана. Около 500 г. у Крития (III) родился сын Каллесхр, а в 480-е гг. до н.э. он был изгнан остракизмом во время противостояния с Фемистоклом².

Рождение Крития относят примерно к 455 г. до н.э. У. Дэвис относит его рождение даже к 460 г. до н.э.³ Это основывается на свидетельстве Платона из диалога «Тимей». Когда участник диалога Критий рассказывает, как узнал предание об

Данные об авторе. Николай Владимирович Разумов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-28-00024, <https://rscf.ru/project/23-28-00024/>.

¹ Фролов 2003, 79.

² Davies 1971, 326.

³ Davies 1971, 327.

Атлантиде, он ссылается на своего деда. По словам Крития из диалога «Тимей», это произошло, когда деду Крития было около 90 лет, а ему – не больше 10 (Plat. *Tim.* 21b). В.М. Ведров на основе этого свидетельства делает вывод, что разговор между ними мог состояться в 445 г. до н.э. 90-летний Критий старший мог застать Солона, поскольку тот долго жил во времена Писистрата⁴.

Не все историки отождествляют рассказчика диалогов «Тимей» и «Критий» с Критием-тираном. По мнению Д. Нейлс, рассказчик диалогов – Критий III, современник и соперник Фемистокла. Праздник Апатурий, после которого дед рассказал Критию историю Атлантиды, относится по датировке Д. Нейлс к 510 г. до н.э.⁵

Большинство исследователей диалогов об Атлантиде все же отождествляют Крития с афинским тираном, а не с его дедом. В поддержку этого можно добавить, что Критий Платона описан подробно, с выделением черт характера. Вряд ли Платон мог писать так о его деде. Но свидетельства Платона о времени жизни старшего Крития могут не быть достоверными.

На Саламине сохранился фрагмент статуи, которую афинянин посвятил двенадцати богам за две победы в Истмийских и две в Немейских играх. Фрагмент посвящения содержит патроним «Каллесхра». У. Дэвис допускает, что посвятителем был сам Критий⁶.

На наш взгляд, рождение Крития можно сместить на десятилетие позже. Критий в числе многих аристократов оказался замешан в деле профанаций мистерий. Можно предположить, что Критий и Алкивиад были примерно одного возраста или Критий был даже младше. Время рождения Алкивиада относят примерно к 450 г. до н.э.⁷

Следует также отметить, что радикализм идей Крития, которые он воплощал жизнь во время режима Тридцати, свойствен более молодым политикам. Также важно отметить, что Критий никак не проявил себя во время событий 430–420-х гг. до н.э. Такое молчание о нем источников можно объяснить тем, что Критий был еще слишком молод для общественной жизни.

Критий получил обычное для аристократа образование. Оно включало декламацию стихов. В рассказе Крития в диалоге «Тимей» его герой рассказывает, как участвовал в детстве в празднике Апатурий, где дети, вступающие во фратрии, исполняли стихи. (Plat. *Tim.* 21b) Афиней со ссылкой на Хамелеонта Гераклеяского пишет, что Критий обучался игре на флейте (Athen. IV, 184d).

Любопытны рассуждения современных исследователей об образе Крития у Платона. По мнению Г. Данцига, Критий в «Диалогах» изображен с мягкой критикой. Философ критикует его умение подстроиться под Сократа и поверхностный интерес к философии, но относится к нему с явной симпатией. Крития можно упрекнуть в том, что он не до конца понимает идеи Сократа. Но это относится ко всем его ученикам. Критий не подвергается такой же жесткой критике, как некоторые другие герои диалогов⁸.

⁴ Ведров 2019, 38–40.

⁵ Nails 2002, 106.

⁶ Davies 1971, 327.

⁷ Суриков 2022, 157; Rhodes 2011, 21.

⁸ Danzig 2014, 508–509.

На русском языке биографии Крития посвящена основательная работа В.М. Ведрова, которую отличает глубокое знание источников, современной автору литературы и внимание к нюансам языка. Анализируя упоминания о родословных Крития и Платона в диалогах последнего, В.М. Ведров доказывает, что Критий действительно происходил из рода Кодридов, к которому принадлежал Солон⁹. Обстоятельства написания и публикации данной работы, в основу которой легла диссертация В.М. Ведрова, подробно рассмотрены в статье А.М. Скворцова¹⁰.

Среди надежно установленных фактов ранней биографии Крития можно назвать его ученичество у Сократа. Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» неоднократно упоминает Крития в числе учеников афинского философа. Но всегда подчеркивает, что Критий покинул число учеников Сократа.

Ксенофонт отвечает на обвинения, что Критий и Алкивиад входили в число учеников Сократа и сделали много зла Афинам (Xen. Mem. I. 2. 12). Но далее Ксенофонт пишет, что Критий и Алкивиад покинули Сократа, когда почувствовали свое превосходство над товарищами и предались государственной деятельности, ради которой они и примкнули к Сократу (Xen. Mem. I. 2. 16). Другой эпизод связан с тем, что Сократ отчитывал Крития за то, что тот хотел вступить в любовную связь с другим его учеником, Евтидемом (Xen. Mem. I. 2. 29–31).

Ксенофонт подчеркивает, что уже в период ученичества у Сократа Критий обладал амбициями политика. Ради успеха в политике он и пошел в ученики к философу. Говоря о Критии и Алкивиаде, Ксенофонт пишет: «поставили себе целью стоять во главе государства» (Xen. Mem. I. 2. 38). И добавляет, что в период ученичества у Сократа они стремились беседовать с политиками (Xen. Mem. I. 2. 39).

Это свидетельство явно говорит о политических амбициях будущего тирана. Но можно заметить, что Критий никогда не занимал значимых магистратур в демократических Афинах. Представитель рода Кодридов шел в политику, стремясь сделать полис вновь олигархическим. И первый факт его участия в большой политике относится именно к олигархическом перевороту 411 г. до н.э.

Флавий Филострат мало что добавляет к характеристике Крития. В биографии философа-тирана он пишет, что Критий «получил отменное воспитание и изрекал множество премудростей» (перев. Ф.Г. Евневича под ред. Е.Г. Рабинович) (Philostr. Vitae soph. I. 16. 501).

После Сократа Критий учился у софиста Горгия. Филострат упоминает Крития вместе с Алкивиадом и говорит, что они были тогда еще молоды (Philostr. Vitae soph. I. 9. 492).

В.М. Ведров считает влияние Горгия на мировоззрение Крития определяющим. По мнению исследователя, учение софиста привело Крития к безбожию, материализму и к взглядам, что кровь человека является его душой¹¹.

В молодости Критий участвовал в философских диспутах и приобрел некоторую известность. Платон через своего героя Сократа в диалоге «Тимей» характеризует Крития как человека, который причастен «философским и государственным занятиям», а также известен в Афинах как не невежда ни в одном из обсуждаемых предметов (Plat. Tim. 20b).

⁹ Ведров 2019, 34–37.

¹⁰ Скворцов 2009, 163.

¹¹ Ведров 2019, 50–51.

Прокл в комментариях к «Тимею» писал о Критии, что он участвовал в философских обществах. Согласно ему, будущий тиран считался неучем среди философов и философом среди неучей (*Schol. Plat. Tim.* 20).

Первое упоминание Крития в связи с общественной жизнью – процесс осквернителей герм. В числе других там упоминается и Критий (*Andoc.* I. 47). Но возникает вопрос, не тезка ли обвиняемый в процессе с будущим тираном. По мнению В.М. Ведрова, это именно сын Каллесхра. Участие в осквернении герм соотносится с его религиозными убеждениями. Вторым доводом исследователь называет то, что Критий воспитывался и дружил с Алкивиадом¹².

Часто без сомнений принимают точку зрения, что отец Крития Каллесхр состоял в правительстве Четырехсот. О члене олигархического правительства с таким именем упоминает Лисий (*Lys.* XII. 66). Дэвис указывает, что в Афинах того времени был еще один Каллесхр, занимавший в 412 г. до н.э. избранный пост тамия¹³.

Деятельность Крития в 411 г. до н.э. стала предметом дискуссии в антиковедении. Обозначим основные тезисы ее участников. Х. Эвери ставит одной из задач своей статьи доказать, что Критий не входил в состав правительства Четырехсот, а свидетельство Демосфена является полностью ошибочным. Историк обращает внимание, что на момент падения Четырехсот Критий был сторонником Алкивиада в Афинах. Вероятно, дружбой с изгнанником и объясняется его осуждение Фриниха, врага Алкивиада. Такая позиция, по мнению Х. Эвери, несовместима с активным участием в правительстве Четырехсот¹⁴. Отрицает историк и близость Крития в тот период к умеренным политикам Ферамену и Аристократу. Х. Эвери делает вывод, что в 411 г. до н.э. Критий был демократом и сторонником Алкивиада. Когда Алкивиад отказался сотрудничать с олигархами-заговорщиками, те вывели из правительства всех его сторонников и включили врагов (Фриниха)¹⁵.

Х. Эвери также отмечает, что в правительстве Четырехсот не было никого, кто был замешан в процессе мистерий 415 г. до н.э., кроме Крития. Поэтому, по его мнению, логичней будет исключить Крития из числа членов правительства¹⁶. Исследователь обращает внимание на упоминание Аристотелем еще одного закона, принятого правительством Крития в 404 г. до н.э. Он запрещал входить в правительство Тридцати тем, кто участвовал в разрушении крепости Этионея, а также выступал против правительства Четырехсот. Этот закон, по мнению Х. Эвери, бил именно по Ферамену, который участвовал в свержении Четырехсот¹⁷. Х. Эвери делает вывод, что в 411 г. до н.э. Критий был демократом и сторонником Алкивиада. Он не состоял в правительстве Четырехсот, сохраняя верность Алкивиаду. За верность Алкивиаду Крития самого отправили в изгнание. Вероятно, это произошло после битвы при Нотии и повторного изгнания Алкивиада. Изгнание за близость к популярному политику могло озлобить Крития и сделать его противником демократии в будущем¹⁸.

Следующим к теме ранней биографии Крития обратился Г. Эдели в статье

¹² Ведров 2019, 75.

¹³ Davies 1971, 327.

¹⁴ Avery 1963, 165.

¹⁵ Avery 1963, 166.

¹⁶ Avery 1963, 166.

¹⁷ Avery 1963, 166.

¹⁸ Avery 1963, 166–167.

«Был ли Критий членом Четырехсот?». С одной стороны, он обращает внимания на слова оратора Лисия, что все члены правительства Тридцати ранее были членами правительства Четырехсот. Историк делает вывод, что многие афинские олигархи действительно были членами обоих правительств. Но эти факты нуждаются в проверке дополнительными источниками¹⁹. В случае с Критием Г. Эдели считает таким подтверждением упоминавшийся выше фрагмент из речи Демосфена «Против Феокрина». Таким образом, по мнению ученого, Критий не просто был одним из Четырехсот, а входил в число тех, кто готов был удержать власть даже путем предательства родного полиса²⁰. Он не сомневается в достоверности этого свидетельства. Затем Г. Эдели переходит к разбору аргументов статьи Х. Эвери. Он говорит, что тезис о дружеских связях Алкивиада и Крития нуждается в подтверждении источниками. Из них есть только предложение Крития вернуть Алкивиادا после падения Четырехсот. Ранее их карьеры, похоже, не пересекались. При этом если о карьере Крития до 415 г. до н.э. неизвестно ничего, то Алкивиад был активным участником политической жизни Афин с 421 г. до н.э. Критий мог сторониться общественной жизни из-за своей вражды к демократии. Нет свидетельств их сотрудничества и после восстановления демократии, когда Алкивиад был влиятельной фигурой. Наконец, Критий после изгнания нашел приют в Фессалии, а Алкивиад удалился в свою крепость на Геллеспонте²¹.

Далее Г. Эдели переходит к следующему аргументу – участники профанации мистерий и порчи герм не были потом членами правительства Четырехсот. Но, как отмечает ученый, дело здесь не в их враждебности олигархии, а в том, что участников процесса казнили или изгнали. Сохранились имена 10 обвиняемых по этому процессу, которые были оправданы. Ни про одного из них нельзя сказать, что он не участвовал в правительстве Четырехсот²². Подводя итог, Г. Эдели делает вывод, что Критий мог состоять в правительстве Четырехсот. Но, вероятно, не поддерживал захват спартамцами Этионеи. По мнению ученого, далеко не все члены правительства в тот момент поддерживали это решение. Из-за действий Крития во главе Тридцати о его более ранней позиции забыли. Развивая идеи предшественников, Г. Эдели отмечает, что для оратора IV в. до н.э. Критий был обычным злодеем. Мало кто тогда стал бы вспоминать заслуживающего уважения Крития из 411 г. до н.э. В свидетельстве Демосфена соединились две традиции – о Критии из 411 г. до н.э. и о Критии из 403 г. до н.э.²³ По мнению исследователя, Критий никогда не был демократом. Как враг этого режима он вполне мог присоединиться к олигархическому правительству Четырехсот²⁴.

В российской историографии вопрос об участии Крития в событиях 411 г. до н.э. изучал В.М. Ведров. Он не считает желание Крития вернуть Алкивиادا принадлежностью к «народной партии». Исследователь относит выступление Крития в поддержку Алкивиада к кануну установления правления Четырехсот. Также В.М. Ведров поддерживал точку зрения, что Критий входил в состав правительства Четырехсот²⁵.

¹⁹ Adeleye 1974, 1.

²⁰ Adeleye 1974, 2.

²¹ Adeleye 1974, 4–5.

²² Adeleye 1974, 5–7.

²³ Adeleye 1974, 9.

²⁴ Adeleye 1974, 9.

²⁵ Ведров 2019, 81–82.

По мнению Э.Д. Фролова, его участие в правительстве Четырехсот не подлежит сомнению. Как и участие в заговоре с целью передать спартанцем Этионею. Критий мог не принадлежать к самому радикальному крылу Четырехсот. Поэтому он остался в Афинах после восстановления демократии²⁶.

О деятельности Крития в составе правительства Четырехсот ничего неизвестно. Единственный факт сообщает Демосфен, но его достоверность оспаривается. Демосфен в речи «Против Феоκριна» пишет, что Критий был в числе тех, кто хотел впустить спартанцев в крепость Этионею (Dem. LVIII. 67) во время падения режима Четырехсот.

В речи Ликурга «Против Леократа» есть иное свидетельство. Согласно ему, после убийства Фриниха Критий предложил осудить его посмертно за измену и выбросить его кости за пределы Аттики (Лус. I. 113).

Г. Эвери находит противоречия в этих свидетельствах. Он отмечает, что Критий не мог участвовать в событиях в Этионии. Сторонники олигархии, хотевшие впустить спартанцев в эту крепость, затем бежали или предстали перед судом. С Критием подобного не случилось. И даже наоборот он принял участие в урегулировании, которое последовало за восстановлением демократии²⁷.

По мнению Г. Немета, в строительстве Этионии должны были участвовать и члены правительства Четырехсот, и те, кто позже вошел в число Тридцати. Это были люди с такими же взглядами, что и Критий, хоть он не играл тогда еще ведущей роли. Историк предполагает, что свидетельство о членстве Крития в правительстве Четырехсот достоверно²⁸.

В.М. Ведров считал, что посмертный суд над Фринихом должен был состояться еще в правление Четырехсот. И тогда же за то, чтобы выбросить из Аттики его останки, выступал Критий. Историк приводил аргументы против суда над Фринихом при демократии. Одним из них он считал, что после падения Четырехсот Критий оказался в изгнании²⁹.

Изгнание Крития следует отнести к более позднему времени. Судя по всему, Критий благополучно перенес свержение Четырехсот и замену их на правительство Пяти тысяч. На наш взгляд, именно к этому времени можно отнести его выступление с посмертным осуждением Фриниха.

Следующий сюжет, связанный с Критием, – это его предложение вернуть из изгнания Алкивиада. Плутарх сохранил элегические стихи Крития по этому поводу: «О возвращенье твоём говорил я открыто, пред всеми. // Речь произнес, записал, дело твоё завершил» (перевод С.П. Маркиша) (Plut. Alc. 33). Вопрос о датировке этого события также спорен. По мнению П. Родса, предложение могло прозвучать и после установления режима Пяти тысяч, и перед возвращением Алкивиада в Афины в 407 г. до н.э.³⁰ Известно, что после восстановления демократии Критий был осужден на изгнание. Его обвинителем был влиятельный демагог Клеофон (Arist. Ret. I. 54). В изгнании будущий тиран находился в Фессалии. Исследователь

²⁶ Фролов 2003, 79–82.

²⁷ Avery 1963, 165.

²⁸ Nemeth 1988, 172.

²⁹ Ведров 2019, 84, 86.

³⁰ Rhodes 2011, 68–69, 85.

связывает изгнание Крития со вторым изгнанием Алкивиада и помещает его по времени к событиям до Аргинусской битвы³¹.

Два более ранних факта биографии Крития связывают его с Алкивиадом. Поэтому логично признать, что изгнание Крития тоже оказалось связано с падением Алкивиада.

О пребывании Крития в Фессалии пишет Ксенофонт в двух своих сочинениях. В истории устами Ферамена он говорит, что в Фессалии Критий помогал некоему Прометею устраивать демократический переворот и вооружал пенестов (Xen. *Hell.* II. 3. 36). В воспоминаниях о Сократе он пишет, что Критий бежал в Фессалию и «проводил там время среди людей, склонных скорее к беззаконию, чем к справедливости» (Xen. *Mem.* I. 2. 21). Единственный автор, помимо Ксенофонта, упоминающий о Прометее, – Плутарх. В трактате «О пользе от врагов» он пишет про покушение врагов на этого тирана Фессалии (Plut. *Mor.* 89C). Примечательно, что эту историю приводят Валерий Максим (Val. Max. I. 8. 6) и Цицерон (Cic. *De nat. deo.* III. 70). Но он делает ее героем не Прометея, а Ясона Ферского. У Плиния Старшего описан схожий эпизод, но, согласно ему, Ясона ранил не убийцы, а вражеский воин в битве (Plin. *Nat. Hist.* VII. 166).

Сопоставляя свидетельства Филострата и Ксенофонта, В.М. Ведров пишет, что «мы не верим Ксенофонту». Во-первых, это идет вразрез с характером Крития. Во-вторых, Филострат был противником Крития и упомянул бы об этом факте. Речь Ферамена «носит еще на себе, в другом месте, отпечаток лжи»³².

Заслуживает внимания суждение о деятельности Крития в Фессалии, высказанное М. Манном. По его мнению, в Фессалии Критий «в последнее время действовал в спартанских интересах» (это суждение сделано при рассказе о мирных переговорах 405 г. до н.э.)³³.

По мнению К. Моссе, «господа», против которых вооружал пенестов Критий, – это фессалийские правящие роды Алевадов и Скопадов. Они состояли в союзе с демократическими Афинами. Воюя против них, Критий боролся и с афинской демократией³⁴. Прометея часто связывают с ферскими тиранами и даже отождествляют с тираном Ликофроном. Исследователь предполагает, что Прометей – либо Ликофрон, либо его предшественник. Вооружение пенестов отнюдь не было признаком демократического переворота³⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Фессалии Критий действовал как сторонник Спарты и противник демократических Афин. Он участвовал в политической борьбе на стороне проспартанских сил. Вероятно, спартанцы не забыли этого и в 404 г. до н.э., когда в Афинах был установлен режим Тридцати.

Подведем итог. Критий происходил из афинской аристократической семьи, которая была известна своей враждебностью к демократии. Предок тирана участвовал в политической борьбе 480-х гг. до н.э. среди противников Фемистокла. Еще одним подтверждением принципиальной враждебности Крития к демократии

³¹ Nemeth 1988, 175.

³² Ведров 2019, 90–91.

³³ Munn 2000, 204.

³⁴ Mosse 1961, 354–355.

³⁵ Nemeth. 1988, 178.

является тот факт, что ни сам Критий, ни его отец не занимали значимых должностей в Афинском полисе. Исключением является период власти Четырехсот и период господства в Афинах Алкивиада.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Adeleye, G. 1974: Critias: Member of the Four Hundred. *Transactions of the American Philological Association* 104, 1–9.
- Avery, H. 1963: Critias and Four Hundred. *Classical Philology* 58, 165–167.
- Danzig, G. 2014: The Use and Abuse of Critias: Conflicting Portraits in Plato and Xenophon. *Class. Q.* 64, 507–524.
- Davies, J.L. 1971: *Athenian Propertied Families, 600–30 B.C.* Oxford.
- Frolov, E.D. 2003: Kritiy, syn Kalleskhra, afinyanin, – sofist i tiran [Critias, Son of Callaischros, the Athenian, – a Sophist and a Tyrant]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 67–89.
- Фролов, Э.Д. 2003: Критий, сын Каллесхра, афинянин, – софист и тиран. *ВДИ* 4, 67–89.
- Mosse, C. 1961: Le role des esclaves dans troubles politiques du monde Grec a` la fin de l' époque classique. *Cahiers d' Histoire* 6, 354–355.
- Munn, M. 2000: *School of History. Athens in the Ages of Socrates.* London.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato. A Prosopography of Plato and Socratics.* Cambridge.
- Nemeth, G. 1988: Metamorphosis Critiae? *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 74, 167–180.
- Rhodes, P.J. 2011: *Alcibiades.* Barnsley.
- Skvortsov, A.M. 2009: M.S. Kutorga i V.M. Vedrov: konflikt uchitelya i uchenika [M.S. Kutorga and V.M. Vedrod: Conflict between Teacher and Student]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]* 36, 162–168.
- Скворцов, А.М. 2009: М.С. Куторга и В.М. Ведров: конфликт учителя и ученика. *Вестник ЧелГУ* 36, 162–168.
- Surikov, I.E. 2022: *Politicheskie deyateli Drevney Gretsii. T. II. Epokha krizisa polisa [Political Figures of Ancient Greece. Vol. II. The Era of the Polis Crisis]*. Moscow.
- Суриков, И.Е. 2022: *Политические деятели Древней Греции. Т. II. Эпоха кризиса полиса.* М.
- Vedrov, V.M. 2019: *Zhizn' afinskogo oligarkha Kritiya [The Life of the Athenian Oligarch Critias]*. Moscow.
- Ведров, В.М. 2019: *Жизнь афинского олигарха Крития.* М.

ISSUES IN THE EARLY BIOGRAPHY OF THE ATHENIAN TYRANT CRITIAS

Nikolay V. Razumov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia**E-mail: nv.razumov@yandex.ru*

One of the leaders of the Athenian oligarchic movement at the end of the 5th century BC was the aristocrat Critias. He is best known as the head of the government of the Thirty. However, he had participated in Athenian political life earlier, starting from 415 BC. Critias came from the noble family of the Codrids. In his youth, he studied under the philosophers Socrates and Gorgias. He is first mentioned in sources related to politics in connection with the trial of 415 BC. Questions about Critias's participation in the events of 411 BC remain debated. Scholars disagree on whether Critias was a member of the oligarchic government. The article attempts to reconstruct Critias's early biography. It makes assumptions about his involvement in the events of 411 BC, as well as the subsequent decade.

Keywords: Athens, Critias, oligarchy, Athenian democracy, government of Four Hundred

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 52–67
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 52–67
© Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-52–67

ПЕЛЛА ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ МОНАРХИИ В МАКЕДОНИИ
(168–30 гг. до н.э.): ОТ ЦАРСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ
К РИМСКОЙ КОЛОНИИ

Ю.Н. Кузьмин

*Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
Самара, Россия*

E-mail: yurimac@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1560-2245

Статья посвящена истории Пеллы после упразднения римлянами монархии Антигонидов (168–167 гг. до н.э.) и до основания рядом с ней колонии (ок. 30 г. до н.э.). В 167 г. до н.э. Пелла стала главным городом третьей из четырех «частей» (μερίδες) «федерации» (или «конфедерации») македонян. В течение последующих двадцати лет политическая ситуация в Македонии была крайне нестабильной. В 162 г. до н.э. в крепости на о. Фак, примыкавшем к Пелле с юга, неким Дамасиппом были убиты члены совета (σύνεδροι) (третьей «части» или общемакедонского синедриона). В 149 г. до н.э. Пелла была занята Андриском, на короткое время восстановившим в Македонии монархию. Вследствие разгрома Андриска римлянами в 148 г. до н.э. Македония стала провинцией. Обычно считается, что с этого времени резиденция ее наместников располагалась в Фессалонике. Однако на то, что изначально резиденция находилась в Пелле, может указывать опубликованный в Дельфах афинский декрет о долгом споре двух союзов технитов Диониса – афинского и истмийского. На одном из этапов, в 117 г. до н.э., представители союзов посетили в Пелле наместника Македонии Гнея Корнелия Сизенну, заключив соглашение при его посредничестве. Видимо, только после разрушения Пеллы землетрясением ок. 90 г. до н.э. резиденция римских наместников была перенесена в Фессалонику. В конце эпохи Гражданских войн в 1,5 км западнее старой македонской столицы, которая продолжила существование, но потеряла прежнее значение, была основана римская колония, перенявшая ее имя – Colonia Iulia Augusta Pella (Pellensis).

Ключевые слова: Македония, Пелла, царская резиденция, полис, Антигонида, Третья Македонская война, резиденция римских наместников, землетрясение, римская колония

Данные об авторе. Юрий Николаевич Кузьмин – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-политических дисциплин СФ МГПУ.

*Памяти отца
Николая Викторовича Кузьмина (1952–2025)*

Несмотря на то что статья посвящена в первую очередь истории Пеллы в римское время до начала принципата Августа, с акцентом на рассмотрении возможности того, что именно она являлась первой резиденцией наместников провинции Македония, до этого будут кратко представлены основные этапы более ранней истории города – столицы македонских царей в IV – первых десятилетиях II в. до н.э.¹

Расцвет Пеллы пришелся на эпоху эллинизма – правление в Македонии диадоха Кассандра и, особенно, время династии Антигонидов. Но даже после упразднения римлянами монархии в Македонии (168–167 гг. до н.э.), а впоследствии и ее обращения в провинцию (после 148 г. до н.э.) на примере Пеллы можно увидеть преемственность в политической организации полиса, его экономического и культурного развития, а также сохранение им общемакедонского значения.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ПЕЛЛЫ ДО КОНЦА IV в. до н.э.

Пелла располагалась в междуречье Лудия и Аксия на юго-востоке Боттии (Эмафии) в Нижней Македонии². В глубокой древности береговая линия Фермейского залива подходила ближе к месту будущего города, но постепенно наносы Галиакмона, Лудия, Аксия и Эхедора отодвинули ее южнее, что, видимо, уже во второй половине II тыс. до н.э. привело к образованию озера (осушенного в 1927–1937 гг.)³. Через озеро и реку Лудий Пелла имела связь с морем (Ps.-Scyl. 66; Strabo. VII fr. 20, 23). Согласно Ливию, следовавшему Полибию, во II в. до н.э. Пелла была окружена болотами (Liv. XLIV. 46. 5–6)⁴. Хора Пеллы граничила на северо-западе с хорой Кирра, на севере – Тириссы, на северо-востоке – Ихн, на юго-востоке – Алланты⁵ (рис. 1).

¹ За помощь в работе я благодарен Никосу Акаматису, третьему представителю семьи Акаматисов после его отца Яниса и матери Марии, чьи имена с 1980-х гг. связаны с изучением Пеллы (в первую очередь, ее агоры). Помимо памяти своего отца, с которым я впервые посетил Пеллу в июне 1999 г., эта статья посвящается и памяти Яниса Акаматиса (1949–2025). Ответственность за содержание лежит только на авторе. Основой для данной работы стали несколько разделов (которые были переработаны и значительно расширены) статьи о Пелле, ее истории, памятниках и их археологическом изучении, подготовленной для онлайн-энциклопедии «Ойкумена».

² О Пелле см. Papakonstantinou-Diamantourou 1971; Petsas 1978; Papazoglou 1988, 135–139; Sigandidou, Lilimpaki-Akamati 1997; Girtzy 2001, 111–123; Lilimpaki-Akamati, Akamatis 2003; Hatzopoulos, Paschidis 2004, 805–806; Akamatis 2011, 393–408; Gounaropoulou et al. 2015, 601–626.

³ Archibald 2013, 134–141. В настоящее время расстояние от места Пеллы до побережья составляет 28 км.

⁴ В литературных источниках имеются указания на нездоровый климат в Пелле уже в IV в. до н.э. (Ath. VIII. 348e, 352a) (ср. Gounaropoulou et al. 2015, 604).

⁵ Hatzopoulos, Paschidis 2004, 805.

Рис. 1. Карта Македонии

Очевидно, что первое свидетельство о Пелле и расположенном южнее островке Фак⁶ сохранилось во фрагментах «Описания Земли» Гекатея Милетского⁷. Контроль македонян над регионом Пеллы был установлен к концу VI в. до н.э. в ходе их экспансии, экскурс о которой приведен Фукидидом (II. 99. 3–6). Пелла упоминается Геродотом при описании продвижения флота Ксеркса вдоль берегов Халкидики и Македонии в 480 г. до н.э., а также Фукидидом в рассказе о вторжении в Македонию армии фракийского царя Ситалка пятьдесят лет спустя, в 429 г. до н.э. (Hdt. VII. 123; Thuc. 100. 4). Очевидно, что в это время Пелла не была крупным и важным поселением.

Однако в конце V или в первые десятилетия IV в. до н.э. Пелла стала главной резиденцией династии Теменидов (Аргеадов), правившей тогда в Нижней Македонии. Перенос столицы в Пеллу из Эг (которые, впрочем, сохранили статус царской резиденции, места династических празднеств и погребений царей и их родственников) был связан с экспансией македонян в восточном направлении и далее за р. Аксий, а также близостью города к морю и нахождением на важных линиях коммуникаций.

⁶ Название острова (Φάκος), видимо, было связано с его продолговатой формой, напоминавшей чечевицу (φάκῃ) (Lilibaki-Akamati et al. 2011, 17).

⁷ FGrH (BNJ) Ia 1 fr. 144; ср. Hammond 1972, 147; Gounaropoulou et al. 2015, 601.

Ни один источник не указывает на время, когда Пелла обрела столичный статус. Согласно традиционному мнению, это произошло в царствование Архелая (ок. 413–399 гг. до н.э.)⁸. Однако М. Хадзопулос представил точку зрения, что резиденцию в Пеллу перенес Аминта III (393–370 гг. до н.э.), при котором в Македонии утвердилось новая ветвь династии Теменидов⁹.

Так или иначе, описывая экспансию Халкидского союза в 380-х гг. до н.э., Ксенофонт характеризует Пеллу, которая была временно захвачена халкидянами у Аминты III, как «самый большой город Македонии»¹⁰. Данная характеристика контрастирует с заявлением Демосфена о Пелле, как «месте неизвестном и маленьком» во время взросления Филиппа II (382–336 гг. до н.э.)¹¹. Однако подобное суждение могло носить риторический и в контексте взглядов Демосфена на македонского царя и его родину предвзятый характер¹², хотя и согласно Страбону, Пелла, являвшаяся небольшим городом, была расширена в правление Филиппа (360–336 гг. до н.э.)¹³.

ПЕЛЛА В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА (КОНЕЦ IV в. до н.э. – 168 г. до н.э.)

Согласно археологическим данным, в последней четверти IV в. до н.э., на которую пришлось правление диадоха Кассандра (316–297 гг. до н.э.), сменившего династию Теменидов, Пелла была перестроена и значительно расширена, особенно в северном направлении¹⁴. Это стало возможным за счет обогащения македонской элиты в ходе завоевания Александром Великим Персидской державы. Однако расширение Пеллы началось, видимо, еще при Филиппе II, что было отмечено Страбоном (см. выше), продолжилось в царствование Александра Великого (336–323 гг. до н.э.), но основная фаза пришлась на последние два десятилетия IV в. до н.э.¹⁵ Регулярная планировка города эллинистической эпохи могла восходить к более раннему времени¹⁶.

В Пелле и ее окрестностях раскопаны: обширная агора, несколько жилых кварталов, в том числе с большими домами-резиденциями (самые известные из них названы по сюжетам мозаик: «Дом Диониса» и «Дом похищения Елены»), храмы, бани, мастерские, дворцовый комплекс, части фортификации, погребения

⁸ Например: Petsas 1960, 114–115; 1978, 12, 23, 32–33, 131; Papakonstantinou-Diamantourou 1971, 84–85, 209; Hammond, Griffith 1979, 6, 139–140, 150; Borza 1990, 166–171; Siganidou, Lilimpaki-Akamati 1997, 7–8; Greenwalt 1999, 158–183; Girtzy 2001, 122; Lilimpaki-Akamati 2003a, 13; Akamatis 2011, 393.

⁹ Hatzopoulos 1987, 40–44; Hatzopoulos, Paschidis 2004, 805; Gounaropoulou et al. 2015, 602.

¹⁰ Xen. *Hell.* V. 2. 13: ... καὶ Πέλλαν, ἥπερ μεγίστη τῶν ἐν Μακεδονίᾳ πόλεων.

¹¹ Demosth. XVIII. 68: ... ὥς τῷ μὲν ἐν Πέλλῃ τραφέντι, χωρίῳ ἁδόξῳ τότε γ' ὄντι καὶ μικρῷ.

¹² Ср. Girtzy 2001, 122–123; Hatzopoulos, Paschidis 2004, 805.

¹³ Strabo VII fr. 20: ... ἤρξε τε τὴν πόλιν ἐκ μικρᾶς Φίλιππος τραφεὶς ἐν αὐτῇ.

¹⁴ Akamatis 2011, 395–396.

¹⁵ На холме в северной части Пеллы в эллинистический период располагался обширный дворцовый комплекс, начальная фаза строительства которого, согласно археологическим материалам, относится к царствованию Филиппа II (Chrysostomou 1996, 128, 131; 2008, 129, 138). Однако в это время холм с дворцом еще оставался за городской стеной, что может указывать на то, что начало его возведения было связано с планируемым расширением Пеллы, которое завершилось при Кассандре (новая линия фортификации в эпоху эллинизма проходила непосредственно севернее дворца).

¹⁶ Akamatis 2011, 394, 397.

разных типов (включая монументальные: большие «ящичные» гробницы и сводчатые усыпальницы «македонского» типа).

В литературных источниках в Пелле упоминаются театр (Plut. *Moral.* 1096B) и гимнасий (Ps.-Call. II. 21. 15), но до настоящего времени они не локализованы. Высказались предположения, что театр мог находиться в северной части города на южном склоне холма, на котором располагался дворец¹⁷. Однако пробные раскопки в данном месте не дали результатов. В качестве локации театра рассматривался и западный склон холма, расположенного восточнее дворца¹⁸.

Южная часть Пеллы была ограничена озером, на котором на небольшом расстоянии от берега находился связанный с ним деревянным мостом о. Фак (Liv. XLIV. 46. 4–8). На острове располагалась крепость, в которой в конце правления династии Антигонидов хранилась царская казна (Diod. XXX. 11. 1; Liv. XLIV. 10. 1–4; 46.8).

Строительная активность в Пелле при Кассандре, затронувшая и дворцовый комплекс, однозначно свидетельствует, что город был его главной резиденцией. Некоторые исследователи считают, что «столицей» Кассандра могла стать основанная им на Халкидике Кассандрия¹⁹, но, скорее всего, она была лишь одной из царских резиденций наряду с Пеллой и Эгами. Именно в Пелле Кассандр умер в 297 г. до н.э.²⁰

Пелла сохраняла столичный статус в правление в Македонии в 294–288 г. до н.э. Деметрия I Полиоркета (306–283 гг. до н.э.). Город был и одним из мест, наряду с Халкидой, Пиреем и Коринфом, входивших в державу Деметрия, в которых строился флот для задуманного им, но так и не осуществленного похода на Восток (Plut. *Demetr.* 43. 1. 4). Деметрий потерял власть над Македонией в 288 г. до н.э. после одновременного нападения Пирра и Лисимаха, которые поделили страну между собой. В 285 г. до н.э. Лисимах установил контроль над всей Македонией. Неизвестно, стала ли Пелла одной из его резиденций, наряду с Лисимахией на Херсонесе Фракийском и, видимо, Эфесом.

После гибели Лисимаха в 281 г. до н.э. и распада его державы, недолгого царствования в Македонии Птолемея Керавна (281–279 гг. до н.э.), вторжения кельтов, борьбы за власть между рядом претендентов и периода «анархии» в стране ок. 276 г. до н.э. утвердился сын Полиоркета Антигон II Гонат (ок. 284–239 гг. до н.э.). В течение столетнего правления в Македонии династии Антигонидов (до 168 г. до н.э.) Пелла была их главной резиденцией, хотя дворцы функционировали также в Эгах и Деметриаде в Магнесии.

В эллинистическое время Пелла обладала полисными учреждениями и автономным статусом, как и другие города Македонского царства, бывшего центром державы Антигонидов, простиравшейся в периоды расцвета (при Антигоне Гонате, Антигоне III и Филиппе V) от Иллирии до Карии.

Пелла была интегрирована в систему культурно-религиозных коммуникаций эллинистического мира. Город посещали священные посланники (теоры), объяв-

¹⁷ Adam-Veleni 2010, 35–37.

¹⁸ Storch 2018, 74–87.

¹⁹ Например: Tarn 1913, 199; Vokotopoulou 1997, 48–49.

²⁰ FGRII B 257a fr. 3: Ἐτελεύτησε δὲ καὶ [Κά]σσανδρος [ὁ τῶν] Μακεδόνων βασιλεὺς ἀρρωστῶν ἐν Πέλλῃ μη[νὸς] Ἀρτεμ[ί]ου ἐμβολίου δ[εκάτη(?)] φθίνοντος.

лявшие о проведении важнейших панэллинских праздников – как древних (Пифии и др.), так и учрежденных в эпоху эллинизма (например, косские Асклепии). Граждане Пеллы становились гостеприимцами (теородоками) теоров и святилищ, которые они представляли, и сообщая, как полис, признавали их асилию (священную неприкосновенность).

Летом 243 г. до н.э. в конце правления Антигона Гоната граждане Пеллы, а также ряда других городов Македонии и его державы, включавшей Фессалию и некоторые полисы юга Балкан и Эгеиды, признали асилию святилища Асклепия на о. Кос. В Пелле решение было объявлено от имени полиса (*IG XII 4 1 221a1* = *ЕКМ II 2 430*). В обширном списке теородоков святилища Аполлона в Дельфах (ок. 230–220 гг. до н.э.) присутствуют и трое граждан Пеллы: Аполлонид, Дифил и Харес²¹.

Надгробия и посвятельные надписи фиксируют пребывание в Пелле в эпоху эллинизма (включая и ранний период истории Македонии в качестве римской провинции) выходцев из разных частей ойкумены: от Балкан до Эгеиды и Востока (Делос (*ЕКМ II 2 507*), Магнесия-на-Меандре (*ЕКМ II 2 445*), Солы в Киликии (*ЕКМ II 2 480*) и др.).

О торговых связях Пеллы с разными частями античного мира свидетельствует амфорная тара (из Книда, с Родоса, Коса и др. мест) и нумизматические находки²². Жители Пеллы и ее хоры занимались ремеслами, земледелием, животноводством. Также Пелла была центром виноделия (*Poll. Onomast. VI. 82*)²³.

Пелла упоминается Полибием, Ливием, Диодором и Плутархом в связи с некоторыми событиями царствований двух последних Антигонидов – Филиппа V (221–179 гг. до н.э.) и Персея (179–168 гг. до н.э.) (визит к Филиппу Тиберия Семпрония Гракха в 190 г. до н.э.; конфликт Деметрия и Персея, сыновей Филиппа; бегство Персея в Пеллу после поражения при Пидне; сдача города римлянам и т.д.).

ОТ ЦАРСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ К РИМСКОЙ КОЛОНИИ (168–30 г. до н.э.)

В июне 168 г. до н.э. царь Персей, разгромленный римлянами в битве при Пидне, бежал в Пеллу, но очень быстро покинул город, отправившись в поисках убежища в Амфиполь, а затем на Самофракию, где в итоге сдался победителям. Несколько дней спустя после сражения при Пидне Пелла капитулировала (*Liv. XLIV. 45. 5*). Город, видимо, не пострадал – по крайней мере серьезно, но дворцовый комплекс, очевидно, был разграблен²⁴. Сокровища и произведения искусства, собран-

²¹ Plassart 1921, 17.

²² Akamatis 2011, 403.

²³ Girtzy 2001, 119.

²⁴ Есть мнение о разорении и разрушении римлянами Пеллы и Эг в 168 г. до н.э. (Daubner 2018, 50, 207; Hatzopoulos 2019, 47). Однако если в Эгах и их окрестностях следы разрушений, относящихся ко времени ок. сер. II в. до н.э., которые можно связать с победами римлян над Персеем (168 г. до н.э.) и/или Андриском (148 г. до н.э.), выявлены в ходе археологических исследований (Drougou 2009, 121–132; Kottaridi 2020, 166), то в Пелле такая картина не наблюдается (ср. Evangelidis 2022, 27). В городе прослеживаются только масштабные разрушения начала I в. до н.э., вызванные природной катастрофой (см. далее; за консультацию я благодарен Н. Акаматису).

Ливий упоминает разграбление римлянами нескольких городов и территорий после победы над Персеем (Пидна, Мелибея и Синтика – *Liv. XLIV. 45. 6–7; 46. 1–3*). Позднее подобная участь на-

ные и продемонстрированные в Амфиполе, ставшем временным центром римской «оккупационной администрации», весной 167 г. до н.э. (Liv. XLV. 33. 5–6) и осенью в Риме во время триумфа победителя Персея Луция Эмилия Павла (Diod. XXXI. 8. 10–12; Plut. *Aem.* 32–33), явно происходили из дворцов Антигонидов в Пелле, Эгах и Деметриаде, а также резиденций и домов македонской придворной элиты.

После упразднения римлянами монархии в Македонии и ее нового устройства, объявленного в Амфиполе весной 167 г. до н.э.²⁵, Пелла стала главным городом третьей из четырех «частей» (μερίδες), образовавших «федерацию» (или «конфедерацию») македонян (Diod. XXXI. 8. 8–9; Liv. XLV. 29. 9; Strabo. VII. 47)²⁶. «Третья часть» соотносилась с Боттией – очевидно одним из административных округов Македонии времени Антигонидов²⁷. Возможно, что после 167 г. до н.э. Пелла была и местом сбора представителей предполагаемого общемакедонского синедриона²⁸.

Очевидно, что ряд граждан Пеллы, являвшихся приближенными (φίλοι / «друзьями») Персея, в 167 г. до н.э. были депортированы римлянами в Италию вместе с другими представителями македонской военно-политической элиты и их сыновьями старше 15 лет²⁹. Следует отметить, что в источниках не сохранились имена «друзей» и военачальников Персея, происходивших из Пеллы (в то время как среди них упоминаются выходцы из других городов и мест – Антигонии, Бери, Эвии, Эдессы, Фессалоники³⁰). Однако Ливий говорит, что ряд спутников Персея достигли Эгиний, Агассы и Энею (Liv. XLV. 27. 1–4; по мнению Дж. Бриско в данном месте имеется в виду не г. Энея на Халкидике, а Эн на фракийском побережье – Briscoe 2012, 691; ср. Burton 2017, 170, п. 162).

В 168 г. до н.э. Эги могли пострадать от действий римской конницы, которая была отпущена Эмилием Павлом из лагеря ок. Пидны сроком на две ночи для грабежа окрестных земель (Liv. XLIV. 45. 3–4). За это время римляне могли достичь Эг, которые находились примерно в 40 км от Пидны. Однако вряд ли этот предполагаемый краткосрочный рейд мог привести к серьезным разрушениям, о которых свидетельствуют археологические данные. Возможно, что разорение Эг, не отраженное в литературных источниках, было связано с победой римлян над Андриском в 148 г. до н.э. Известно, что после этого пострадал г. Дий, прежде бывший общемакедонским религиозным центром со святилищем Зевса Олимпийского, из которого Квинт Цецилий Метелл вывез в Рим скульптурную композицию, посвященную победе Александра Великого при Гранике в 334 г. до н.э. (Vell. Pat. I. 11. 3–4; Plin. *H.N.* XXXIV. 64) (см. подробнее: Christodoulou 2024, 176–180).

²⁵ О римском устройстве Македонии см.: Papazoglou 1988, 53–71; Hatzopoulos 1996, 43–46; Zahrt 2010, 23–24; Daubner 2018, 56–86, 95–100.

²⁶ Обычно считается, что в 167 г. до н.э. вместо монархии Антигонидов римляне создали четыре отдельных македонских государства, которые часто называют «республиками» (например: Larsen 1949, 73–90; Meloni 1953, 415–416; Errington 1972, 229; Hammond, Walbank 1988, 564–567; Rubinsohn 1988, 142; Burton 2017, 173–175; Worthington 2023, 239–241). Однако в настоящее время практически не вызывает сомнений, что в каком-то виде «части» формировали общность (Feyel 1946, 187–198; Papazoglou 1988, 56–64; Hatzopoulos 1996, 350–359; Daubner 2018, 63–74; Rizakis, Touratsoglou 2021, 727–728). В пользу единства может указывать и чеканка от имени «македонян» с указанием «частей» (μερίδες) и их номеров, восходящая, видимо, ко времени последних Антигонидов и продолженная после ликвидации их монархии (например: «Μακεδόνων πρώτης <μερίδος>» / «Μακεδόνων πρώτης μερίδος»; см. подробнее: Kremydi 2018, 284–285).

²⁷ Hatzopoulos 1996, 231–260; 2019, 47.

²⁸ Ср. Gounaropoulou et al. 2015, 605; Hatzopoulos 2019, 47.

²⁹ Liv. XLV. 32. 3–6. См. подробнее: Kuzmin 2011, 119–130; Daubner 2018, 101–106, 110–112, 272–273.

³⁰ Просопографические сводки о приближенных Персея: Le Bohec 1985, 112–116; O’Neil 2003, 518–520, 522.

сея, бежавших с ним с поля боя под Пидной (всадники и царская свита, включая «друзей»), добрались до Пеллы раньше царя, но не явились во дворец, когда он призвал их³¹.

Кто-то из жителей Пеллы, не принадлежавших к царскому окружению, но не принявших упразднение монархии и навязанные римлянами политические и иные реалии, мог после 168–167 гг. до н.э. отправиться на эллинистический Восток, поступив на службу к Атталидам, Селевкидам и Птолеям³².

Ликвидировав в Македонии монархию и устранив людей и семьи, бывшие ее опорой, римляне сделали ставку на полисные и региональные элиты, которые прежде не были связаны с царским двором³³. Очевидно, что и в Пелле именно такие люди стали играть ведущие роли.

Нет сомнений, что как в «республиканский» («федеративный») период (167–149 гг. до н.э.), так и в провинциальную эпоху (после 148 г. до н.э.) до основания ок. 30 г. до н.э. римской колонии Пелла сохраняла полисный статус, который она имела при Антигонидях. В здании городского архива на агоре Пеллы были найдены оттиски печатей политархов (с надписью «Πέλλης πολιτάρχων»: SEG XLV 784a, c). В римское время политархи были главными магистратами в македонских городах, хотя, скорее всего, *политархия* появилась еще в конце правления Антигонидов³⁴. Возможно, что поврежденная надпись из архива в Пелле с патронимиками шести человек является списком политархов или каких-то других магистратов³⁵.

³¹ Liv. XLIV. 43. 1–5: Perseus ad Pieriam silvam via militari frequenti agmine equitum et regio comitatu fugit ... contra ea amicorum, qui alii alio casu servati ex proelio Pellam venerant, cum saepe arcessiti essent, nemo ad eum venit.

³² Наиболее подробно теория об эмиграции македонян после поражения Персея обоснована на примерах царств Атталидов и Птолемеев Ф. Даубнером. В случае Пергамского царства он представил аргументы в пользу того, что ряд македонских колоний на его территории были основаны не Селевкидами в период их владычества в Малой Азии, как обычно считается, а Атталидами после 168 г. до н.э. В Египте Ф. Даубнер отметил рост во второй пол. II в. до н.э. упоминаний в документальных источниках «македонян» в качестве катойков и клерухов (Daubner 2018, 110–123, 273–276). Подобные доводы представляются вполне убедительными (ср. Helliesen 1986, 310–314; Rubinsohn 1988, 143–145). К этому можно добавить, что ок. 150 г. до н.э. при дворе Атталидов засвидетельствована бывшая наложница Персея Каллиппа, ставшая супругой Афиней, брата Аттала II (Diod. XXXII. 15. 5–6; см. подробнее: Kuzmin 2013, 277–287).

³³ Ф. Даубнер считает, что частью новой элиты стали македонские знатные юноши, бывшие «царскими кинегамы (охотниками)», которые, по свидетельству Полибия (XXXI. 29. 5–7), после победы римлян над Персеем охотились вместе с юным сыном Эмилия Павла (будущим Сципионом Эмилианом) на прежних царских угодьях (Daubner 2018, 128–129, 142).

³⁴ О политархах см. подробнее: Hatzopoulos 1996, 134–138; Daubner 2018, 77–84. По мнению М. Хадзопулоса, политархами были Эвкт и Эвлей, встретившие Персея во дворце в Пелле после битвы при Пидне (Hatzopoulos 2016, 41). Согласно Ливию они являлись главными городскими магистратами (Liv. XLIV. 43. 5: ... qui Pellae praeerant, Euctus <Eulaeus>que). Плутарх называет их казначеями и делает жертвами Персея, якобы собственноручно убившего обоих за неуместные высказывания в свой адрес (Plut. Aem. 23. 6: ... τοὺς ἐπὶ τοῦ νομίσματος). Впрочем, судьба Эвкта и Эвлея и их статус по версии Плутарха вызывают сомнения; в данном случае Ливий, использовавший «Историю» Полибия, представляется более предпочтительным источником (ср. Briscoe 2012, 601). В принципе допустимо, что политархи могли отвечать за финансы (м.б. в Пелле в 168 г. до н.э. это было следствием конкретной ситуации, связанной с войной), хотя эпиграфика фиксирует в македонских городах специальных финансовых магистратов – *тамиев* (в Пелле они засвидетельствованы в 243 г. до н.э. в декрете о признании асиллии Асклепийона на Косе: IG XII 4 1 221a1 = EKM II 2 430, сткк. 13–14).

³⁵ Lilibaki-Akamati et al. 2011, 69.

Политическая и социальная ситуация в Македонии после упразднения монархии была крайне нестабильной. Полибий несколько раз упоминает «смуты», имевшие место в 160–150-х гг. до н.э. (Polyb. XXXI. 2. 12: ... στασιάζειν πρὸς αὐτοὺς). Ф. Даубнер видит в них противостояние новой элиты, лояльной Риму, и тех людей, которые сами, а также их семьи пострадали после поражения Персея и ликвидации монархии со всеми политическими, социальными и экономическими последствиями, но остались в Македонии³⁶.

В 162 г. до н.э. в крепости Фак рядом с Пеллой по инициативе или с участием некоего Дамасиппа были убиты синедры (члены совета) – третьей «республики»³⁷ или, может быть, предполагаемого общемакедонского синедриона³⁸. Однако затем Дамасипп с семьей был вынужден покинуть Македонию после чего он поступил на службу к Птолемею VIII, боровшемуся в это время со своим братом Птолеме-ем VI (Polyb. XXXI. 17. 2)³⁹.

Очевидно, что Дамасипп не был одиночкой, а стоял во главе заговора, или участвовал в нем. Он мог являться сторонником реставрации монархии и противником Рима⁴⁰, но допустимы и иные мотивы, в первую очередь связанные с политической борьбой в третьей «республике» или смутами в общемакедонском контексте. То, что Дамасипп был принят при дворе Птолемеев, давних союзников Рима, может косвенно указывать на то, что у него не было репутации врага римлян.

Какие-то смуты зафиксированы в Македонии и в конце 150-х гг. до н.э. В это время македоняне призывали в качестве посредника Сципиона Эмилиана, родного сына победителя Персея Луция Эмилия Павла, участвовавшего вместе с ним в Третьей Македонской войне и, очевидно, имевшего связи и авторитет в Македонии⁴¹. Впрочем, Сципион отказался от участия в македонских делах, отправившись в Испанию (Polyb. XXXV. 4. 11)⁴².

Через кризисов завершилась узурпацией власти претендентом Андриском, который в 149 г. до н.э. совершив вторжение в Македонию из Фракии, восстановил монархию и принял тронное имя «Филипп» (VI)⁴³. Пелла, очевидно, была занята Андриском. Из сообщения Ампелия (16. 5) следует, что в какой-то «крепости» (*арх*) Андриск в царском одеянии вершил суд. Ливий, описывая Пеллу в 168 г. до н.э. перед ее сдачей римлянам назвал «крепостью» о. Фак (Liv. XLIV. 46. 6: *арх Phacus*)⁴⁴. В конце 160-х гг. до н.э. Фак стал сценой убийства синедров (см. выше), будучи, скорее всего, местом, где они собирались⁴⁵. В начале 2000-х гг. на холме

³⁶ Daubner 2018, 138. *Contra*: Burton 2017, 188–191.

³⁷ Walbank 1979, 485; Rubinsohn 1988, 144; Lilimpaki-Akamati 2003b, 465. Точка зрения Й. Уорthingтона, что были убиты члены городского совета Пеллы, не имеет оснований (Worthington 2023, 246).

³⁸ Ср. Gounaropoulou et al. 2015, 605; Hatzopoulos 2019, 47.

³⁹ Tataki 1998, 289–290; Daubner 2018, 121–122.

⁴⁰ Gounaropoulou et al. 2015, 60; ср. Daubner 2018, 135–138.

⁴¹ Ср. Burton 2017, 190; Daubner 2018, 128–129, 142.

⁴² Walbank 1979, 467, 485, 647.

⁴³ О движении Андриска см. Helliesen 1986, 307–314; Burton 2017, 186–189; Daubner 2018, 142–145; Worthington 2023, 247–251; Müller 2025, 185–187.

⁴⁴ Briscoe 2012, 607.

⁴⁵ Есть точка зрения, что на о. Фак находилась первая царская резиденция Теменидов, предшествовавшая дворцовому комплексу в северной части Пеллы, и, что именно она упоминается в рассказе Ливия о совете в «старом дворце», который Персей собрал накануне начала войны с Римом в 171 г. до н.э. (Liv. XLII. 51. 1–2: ... in vetere regia Macedonum) (Ferrara 2020, 204–205). Впро-

на месте прежнего острова было раскопано крупное сооружение, построенное во II в. до н.э., которое могло иметь административные функции⁴⁶.

В 148 г. до н.э. Андриск был разгромлен Квинтом Цецилием Метеллом, а Македония впоследствии стала римской провинцией⁴⁷. Вскоре римляне построили Эгнациеву дорогу, начинавшуюся в Диррахии (Эпидамне) на побережье Адриатики и шедшую через провинцию Македония, а которую также были включены Эпир и южная Иллирия. На исконно македонских землях эта дорога, очевидно, восходила к пути царского времени⁴⁸.

На Эгнациевой дороге находилась и Пелла, которая до начала I в. до н.э. сохраняла административное и экономическое значение. Об этом свидетельствует и городская автономная чеканка от имени «пеллейцев», начало которой, наряду с эмиссиями амфиполитов и фессалоникейцев, в настоящее время относят ко времени позднее ликвидации монархии (после 167 или 148 г. до н.э.), а не к концу правления Антигонидов, как считали прежде⁴⁹.

«А в глубине страны есть грады многие, но Пелла и Бероя всех славнее там» – такие строки присутствуют в разделе о Македонии в стихотворном географическом труде Псевдо-Скимна⁵⁰. Он относится примерно ко второй пол. II в. до н.э. или началу следующего столетия и, очевидно, отражает реалии именно этого времени.

Обычно считается, что резиденцией римских наместников Македонии сразу же стала Фессалоника⁵¹. Однако возможно, что в первые полвека существования провинции Македония ее главным городом являлась Пелла. На это может указывать опубликованный в Дельфах в 112/111 г. до н.э. афинский декрет о длительном споре двух союзов *технитов* Диониса – аттического и истмийского – в разрешении которого участвовали римляне⁵².

На одном из этапов, в 118/117 г. до н.э., представители двух объединений встретились в Пелле с наместником Македонии Гнеем Корнелием Сизенной, заключив компромиссное соглашение в его присутствии. Свидетелями выступали граждане Пеллы Аристон, Симий и др. (FD III 2 70a, сткк. 32–38; 70b, сткк. 1–7). Однако затем конфликт продолжился, завершившись через несколько лет финальным решением римского сената в пользу аттического союза.

Посещение технитами именно Пеллы, если резиденция римских наместников была в Фессалонике, вызывает вопросы, начиная с того, что теоретически до-

чем, выражение «старый дворец» может относиться и к комплексу на севере Пеллы, строительство которого началось более чем за сто пятьдесят лет до правления Персея и крушения монархии в Македонии.

⁴⁶ Lilipaki-Akamati 2003b, 468–473; Daubner 2018, 106.

⁴⁷ О проблемах с обстоятельствами и хронологией трансформации Македонии в римскую провинцию см. Kallet-Marx 1995, 11–41; Daubner 2018, 146–150.

⁴⁸ Hammond, Hatzopoulos 1982, 135–136.

⁴⁹ Kourempas 2011, 251–255; Akamatis 2016, 186; Kremydi 2018, 286–289; Rizakis, Touratsoglou 2021, 742; Donas 2025, 61–62.

⁵⁰ Пер. И.Е. Сурикова. (Ps.-Scymn. 624–625: ἐν τῇ μεσογείῳ δ' εἰσὶ μὲν πολλαὶ πόλεις, ἡ Πέλλα καὶ Βέροια δ' ἐπιφανέσταται.)

⁵¹ Например: Errington 2002, 451; Adam-Veleni 2011, 553; Worthington 2023, 251–252.

⁵² См. подробнее: Sherk 1969, 85–93; Le Guen-Pollet 2001 I, 98–111; Aneziri 2003, 161–162, 194, 305–316.

браться до этого города, бывшего морским портом, было бы легче. Таким образом, сохранение Пеллой общемакедонского значения как центра римской администрации до начала I в. до н.э. представляется весьма вероятным⁵³.

Собственно резиденция наместников в Пелле могла находиться на о. Фак или в дворцовом комплексе в северной части города, который, согласно археологическим данным, функционировал и после упразднения монархии Антигонидов⁵⁴.

Римское присутствие в Пелле в конце II – начале I в. до н.э. фиксируется благодаря посвящению Гермесу Агорею, сделанному Авлом Фикторием, носившим и греческое имя Александр. Массивный постамент с надписью на греческом языке был найден на о. Фак, но изначально посвящение находилось, вероятно, на агоре⁵⁵. Судя по тому, что посвящение было сделано Гермесу с эпитетом Агорей, Авл Фикторий принадлежал к *negotiatores*⁵⁶, а не представителям римской провинциальной администрации. Возможно, что его потомками являлись Марк Фикторий, один из дуумвиров, чье имя присутствует на ранних эмиссиях римской колонии Пелла (25 г. до н.э.)⁵⁷, а также живший в ней позднее Гай Фикторий, надгробие которого датируется I–II вв. н.э. (ЕКМ II 2 550)⁵⁸.

В начале I в. до н.э. (ок. 90 г. до н.э.) Пелла пострадала от землетрясения, о котором свидетельствуют археологические данные – в первую очередь следы масштабных разрушений на агоре – и пришла в упадок. Датировка катастрофы основывается на находках амфорной тары и монет⁵⁹. Видимо, только после этого резиденцией римских наместников стала Фессалоника.

После разрушения Пеллы часть ее жителей все же оставалась в южных районах города⁶⁰. В 58 г. до н.э. в Пелле проездом по пути из Диррахия в Фессалонику побывал Цицерон (Cic. *Att.* III. 8. 2). Можно допустить, что в это время Пелла формально сохраняла полисный статус.

Согласно Диону Хрисостому и Лукиану, в первые века н.э., уже после основания римской колонии, место старой Пеллы было покрыто битыми черепками и процветавшую прежде столицу Македонского царства населяло лишь небольшое число людей, пребывавших в бедности (Dio. XXXIII. 27; Luc. *Alex.* 6). В подобных суждениях очевиден и риторический аспект с акцентом на судьбе родного города Филиппа II и Александра Великого (ср. Anth. Pal. VII. 139). Можно вспомнить и ремарку из «Панафинейской речи» Элия Аристида о том, что «никто не желает с гордостью называть своей родиной ни Пеллу, ни Эги», но, конечно же, каждый эллин хотел бы быть афинянином⁶¹!

⁵³ Ср. Papazoglou 1988, 136; Gounaropoulou et al. 2015, 605–606.

⁵⁴ Chrysostomou 1996, 129–130; Akamatis 2011, 401; Gounaropoulou et al. 2015, 619.

⁵⁵ ЕКМ II 2 439: Ἀὐλὸς Φικτώριος Γαῖου, ὁ ἐπικαλούμενος Ἀλέξανδρος, Ἑρμεῖ Ἀγοραίῳ χαριστήριον.

⁵⁶ Lilimpaki-Akamati 2003b, 475; Gounaropoulou et al. 2015, 650; Daubner 2018, 183.

⁵⁷ Tataki 2006, 218.

⁵⁸ Ср. Daubner 2018, 184.

⁵⁹ Zamba, Kouskouna 2007, 1318–1330; Akamatis 2011, 403; Lilibaki-Akamati et al. 2011, 70.

⁶⁰ Daubner 2018, 106.

⁶¹ Arist. XIII. 183 (Panath. I. 334): Πέλλη μὲν γὰρ οὐδεὶς ἂν φιλοτιμοῖτο πατρίδι οὐδὲ Αἰγαῖς.

P.S. COLONIA PELLA

В конце эпохи Гражданских войн, видимо, ок. 30 г. до н.э., в 1,5 км западнее прежней македонской столицы была основана римская колония, наследовавшая ее имя – Colonia Iulia Augusta Pella (Pellensis)⁶². Гражданами колонии (cives / coloni) стали, возможно, ветераны как Октавиана, так и Антония, а также потомки римлян и других выходцев из Италии (например, упомянутого выше Авла Фиктория)⁶³, уже живших к тому времени в старой Пелле.

Прежние граждане «полиса пеллейцев» или их бóльшая часть, очевидно, не вошли в число cives, а стали «жителями» (incolae / πάροικοι), которые засвидетельствованы в других римских колониях, в том числе и в Македонии (SEG XXXIV 631 – Дий)⁶⁴. Их потомки проживали в южной части старой Пеллы до IV в. н.э., на что указывают археологические данные, а также в сельских поселениях.

Однако по мнению Ч. Эдсона в македонских городах, преобразованных в колонии (Дий, Пелла, Кассандрия и Филиппы), сосуществовали общины римских колонистов и граждан полисов. В случае Пеллы он привел посвящение от имени некоего «полиса» в честь императора Клавдия (41–54 гг.), сделанного в 44/45 г. (ЕКМ II 2 423)⁶⁵. Впрочем, стела с посвятительным текстом, происходящая вероятно из района Пеллы, но перемещенная в Салоники, могла быть связанной не со столицей Македонии, а с одним из соседних полисов⁶⁶.

Теория Ч. Эдсона уязвима для критики⁶⁷, но все же не следует однозначно ее отвергать. На возможность того, что по крайней мере часть прежнего населения городов, ставших римскими колониями, формировала гражданские общины («полисы») указывают эпиграфические документы первых вв. н.э. из Дия (SEG XXXIV 633) и Кассандрии (SEG XXXVII 559).

К выбору региона Пеллы как места для выведения колонии, очевидно, привело наличие обширной плодородной территории, которую можно было расширить за счет находившихся по соседству бывших «царских земель», ставших после 168 г. до н.э. римским ager publicus⁶⁸, а также прохождение через город Эгнациевой дороги.

Колония должна была заменить в качестве городского центра угасавшую старую Пеллу⁶⁹. Однако римская Пелла все же не обрела значения сопоставимого

⁶² Papazoglou 1988, 136–139; Daubner 2018, 207–209.

⁶³ Ср. Lilimpaki-Akamati 2003b, 479; Daubner 2018, 184. Из Пеллы происходит надгробие Афинодора, бывшего родом из Гераклеи в Лукании, с двуязычной эпитафией на латинском и древнегреческом языках, которое на основе «шрифта» относят к I в. до н.э. (ЕКМ II 2 548).

⁶⁴ Papazoglou 1990, 111–124.

⁶⁵ Edson 1975, 98–100.

⁶⁶ С необходимыми оговорками посвящение Клавдию было соотнесено издателями корпуса «Надписи Нижней Македонии» с Тириссой, небольшим полисом, находившимся севернее Пеллы (Gounaroglou et al. 2015, 558).

⁶⁷ Например: Papazoglou 1988, 136–139; Rizakis 1998, 614–616; Daubner 2018, 201, 208.

⁶⁸ Недавно был опубликован межевой камень «царской земли» (Ὁρος τῆς βασιλικῆς χώρας) с территории находившегося севернее Пеллы Европоса (Savvopoulou, Hatzopoulos 2025, 1–17). Упоминания «царских земель» Антигонидов (SEG LVI 626; Polyb. XXXI. 29. 3–6; Liv. XLV. 18. 3) и их конфискации римлянами (Cic. De lege agraria II. 50) (ср. Rizakis, Touratsoglou 2021, 731–732).

⁶⁹ По мнению Ф. Папазоглу, для колоний в Македонии римляне выбрали города, пострадавшие от депопуляции, но окруженные плодородными землями (Papazoglou 1990, 111–112). Данное заме-

с прежней столицей македонских царей, особенно в период ее расцвета в эпоху эллинизма⁷⁰.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Adam-Veleni, P. 2010: *Θέατρο και θέαμα στην αρχαία Μακεδονία*. Θεσσαλονίκη.
- Adam-Veleni, P. 2011: Thessalonike. In: R.J. Lane Fox (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedon*. Leiden–Boston, 545–562.
- Akamatis, I.M. 2011: Pella. In: R.J. Lane Fox (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedon*. Leiden–Boston, 393–408.
- Akamatis, N. 2016: Numismatic Circulation in the Macedonian Kingdom. The Case of Pella. In: F. Duyrat, C. Grandjean (éds.), *Les monnaies de fouille du monde grec (VIe–Ier s. a.C)*. Bordeaux, 177–201.
- Aneziri, S. 2003: *Die Vereine der dionysischen Techniten im Kontext der hellenistischen Gesellschaft. Untersuchungen zur Geschichte, Organisation und Wirkung der hellenistischen Technitenvereine*. Stuttgart.
- Archibald, Z.H. 2013: *Ancient Economies of the Northern Aegean. Fifth to First Centuries BC*. Oxford.
- Borza, E.N. 1990: *In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon*. Princeton.
- Briscoe, J. 2012: *A Commentary on Livy. Books 41–45*. Oxford.
- Burton, P.J. 2017: *Rome and the Third Macedonian War*. Cambridge.
- Christodoulou, P. 2024: Macedon and Rome, Public Space and Memory. In: S. Blaževska, C.S. Snively, E.R. Gebhard (eds.), *Between East and West. Stobi and the Cities of the Roman Provinces in the Balkans*. Stobi, 173–192.
- Chrysostomou, P. 1996: Το Ανάκτορο της Πέλλας. In: *Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και στη Θράκη*–10α, 105–142.
- Chrysostomou, P. 2008: Πέλλης βασιλείον. In: *Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και στη Θράκη*–22, 129–140.
- Daubner, F. 2018: *Makedonien nach den Königen (168 v. Chr. – 14 n. Chr.)*. Stuttgart.
- Donas, A. 2025: Θησαυρός Σκουριές Χαλκιδικής/2012. *Τεκμήρια* 19, 49–77.
- Drougou, S. 2009: Βεργίνα. Η εικόνα του τέλους της πόλης των Αιγών. *Εγνατία* 13, 121–132.
- Edson, C.F. 1975: Double Communities in Roman Macedonia. In: *Μελετήματα στη μνήμη Βασιλείου Λαούρδα*. Θεσσαλονίκη, 97–102.
- Errington, R.M. 1972: *The Dawn of Empire: Rome's Rise to World Power*. Ithaca–New York.
- Errington, R.M. 2002: Thessalonike. In: *Der neue Pauly* XII/1. Stuttgart, 451–453.
- Evangelidis, V. 2022: *The Archaeology of Roman Macedonia. Urban and Rural Environments*. Oxford–Philadelphia.
- Ferrara, F.M. 2020: *Basileus e basileia. Forme e luoghi della regalità macedone*. Roma.
- Feyel, M. 1946: Paul Émile et le synédriion macédonien. *Bulletin de correspondance hellénique* 70, 187–198.
- Girtzy, M. 2001: *Historical Topography of Ancient Macedonia. Cities and other Settlement-sites in the late Classical and Hellenistic Period*. Thessaloniki.
- Gounaropoulou, L., Paschidis, P., Hatzopoulos, M.B. 2015: *Επιγραφές Κάτω Μακεδονίας* II/2. Αθήνα.
- Greenwalt, W. 1999: Why Pella? *Historia* 48, 158–183.
- Le Guen-Pollet, B. 2001: *Les associations de technites dionysiaques à l'époque hellénistique* I–II. Nancy–Paris.

чание справедливо для Пеллы, но гипотетично для Дия, Кассандрии и Филипп.

⁷⁰ Ср. Daubner 2018, 207–208.

- Hammond, N.G.L. 1972: *A History of Macedonia* I. Oxford.
- Hammond, N.G.L., Griffith, G.T. 1979: *A History of Macedonia* II. Oxford.
- Hammond, N.G.L., Hatzopoulos, M.B. 1982: The Via Egnatia in Western Macedonia. I. *American Journal of Ancient History* 7, 128–149.
- Hammond, N.G.L., Walbank, F.W. *A History of Macedonia* III. Oxford.
- Hatzopoulos, M.B. 1987: Strepse: A Reconsideration, or New Evidence on the Road System of Lower Macedonia. In: Hatzopoulos, M.B., Loukopoulou, L.D. *Two Studies in Ancient Macedonian Topography*. Athens, 17–60.
- Hatzopoulos, M.B. 1996: *Macedonian Institutions under the Kings* I. Athens.
- Hatzopoulos, M.B. 2016: *Νεότης γεγυμνασμένη. Macedonian Lawgiver Kings and the Young*. Athens.
- Hatzopoulos, M.B. 2019: Aigeai and Pella: A Tale of Two Cities in Macedonia. In: R. Parker (ed.), *Changing Names: Tradition and Innovation in Ancient Greek Onomastics*. Oxford, 47–70.
- Hatzopoulos, M.B., Paschidis, P. 2004: Macedonia. In: M.H. Hansen, T.H. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford, 794–809.
- Helliesen, J.M. 1986: Andriscus and the Revolt of the Macedonians, 149–148 B.C. In: *Ancient Macedonia*–IV. Thessaloniki, 307–314.
- Kottaridi, A. 2020: *Macedonian Fragments. From Aigai to the Hellenistic World*. Veria.
- Kouremenpanas, T. 2011: The Chronology of the Hellenistic Coins of Thessaloniki, Pella, and Amphipolis. In: N. Holmes (ed.), *Proceedings of the XIVth International Numismatic Congress* I. Glasgow, 251–255.
- Kremydi, S. 2018: *«Autonomous» Coinages under the Late Antigonids*. Athens.
- Kuzmin, Yu.N. 2011: Macedonia capta: deportatsiya makedonskoy voenno-politicheskoy elity v Italiyu v 167 g. do n.e. [Macedonia Capta: Deportation of the Macedonian Military and Political Elite to Italy in 167 BC]. *Studia historica* 11, 119–130.
- Кузьмин, Ю.Н. 2011: Macedonia capta: депортация македонской военно-политической элиты в Италию в 167 г. до н.э. *Studia historica* 11, 119–130.
- Kuzmin, Yu.N. 2013: Kallippa and Beroia. *Rheinisches Museum für Philologie* 156/3–4, 277–287.
- Larsen, J.A.O. 1949: *Consilium* in Livy XLV.18.6–7 and the Macedonian *Synedria*. *Classical Philology* 44/2, 73–90.
- Le Bohec, S. 1985: Les *philoi* des rois Antigonides. *Revue des études grecques* 98, 93–124.
- Lilibaki-Akamati, M., Akamatis, I.M., Chrysostomou, A., Chrysostomou, P. 2011: *The Archaeological Museum of Pella*. Athens.
- Lilimpaki-Akamati, M. 2003a: Η Πέλλα. In: M. Lilimpaki-Akamati, I.M. Akamatis (eds.), *Πέλλα και η περιοχή της*. Θεσσαλονίκη, 13–29.
- Lilimpaki-Akamati, M. 2003b: Ανασκαφική έρευνα στην περιοχή του Φάκου της Πέλλας. In: *Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και στη Θράκη*–17, 465–483.
- Lilimpaki-Akamati, M., Akamatis, I.M. (eds.) 2003: *Πέλλα και η περιοχή της*. Θεσσαλονίκη.
- Meloni, P. 1953: *Perseo e la fine della monarchia macedone*. Roma.
- Müller, S. 2025: *Makedonien unter Argeaden und Antigoniden*. Stuttgart, 2025.
- O’Neil, J.L. 2003: The Ethnic Origins of the Friends of the Antigonid Kings of Macedon. *Classical Quarterly* 53/2, 510–522.
- Papakonstantinou-Diamantourou, D. 1971: *Πέλλα. I. Ιστορική επισκόπησης και μαρτυρίες*. Αθήνα.
- Papazoglou, F. 1988: *Les villes de Macédoine à l’époque romaine*. Paris.
- Papazoglou, F. 1990: La population des colonies romaines en Macédoine. *Жива антика* 40, 111–124.
- Petsas, Ph.M. 1960: Pella. Literary Tradition and Archaeological Research. *Balkan Studies* 1/1, 113–128.
- Petsas, Ph.M. 1978: *Pella. Alexander the Great’s Capital*. Thessaloniki.
- Plassart, A. 1921: Inscriptions de Delphes, la liste des théorodoques. *Bulletin de correspondance hellénique* 45, 1–85.

- Rizakis, A.D. *Incolae-paroikoi*: populations et communautés dépendantes dans les cités et les colonies romaines de l'Orient. *Revue des études anciennes* 100/3–4, 599–617.
- Rizakis, A.D., Touratsoglou, I. 2021: From the Macedonian Kingdom to the Roman Imperium: the Chronicle of the Transition (167–31 BC). In: *Ancient Macedonia*–VIII. Thessaloniki, 727–774.
- Rubinsohn, W.Z. 1988: Macedonian Resistance to Roman Occupation in the Second Half of the Second Century B.C. In: T. Yuge, M. Doi (eds.), *Forms of Control and Subordination in Antiquity*. Leiden–New York–København–Köln, 141–158.
- Savvopoulou, Th., Hatzopoulos, M.B. 2025: Όρος της βασιλικής χώρας. *Τεκμήρια* 19, 1–17.
- Siganidou, M., Lilimpaki-Akamati, M. 1997: *Pella. Capital of Macedonians*. Athens.
- Sherk, R.K. 1969: *Roman Documents from the Greek East. Senatus consulta and epistulae to the Age of Augustus*. Baltimore.
- Storchi, P. 2018: Ipotesi di riconoscimento dei teatri di Pella e della *Colonia Pellensis* mediante immagini telerilevate. *Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente* 96, 74–87.
- Tarn, W.W. 1913: *Antigonos Gonatas*. Oxford.
- Tataki, A.B. 1998: *Macedonians Abroad. A Contribution to the Prosopography of Ancient Macedonia*. Athens.
- Tataki, A.B. 2006: *The Roman Presence in Macedonia. Evidence from Personal Names*. Athens.
- Vokotopoulou, J. 1997: Ο Κάσσανδρος, η Κασσάνδρεια και η Θεσσαλονίκη. In: *Μνήμη Μανόλη Ανδρόνικου*. Θεσσαλονίκη, 39–50.
- Walbank, F.W. 1979: *A Historical Commentary on Polybius* III. Oxford.
- Worthington, I. 2023: *The Last Kings of Macedonia and the Triumph of Rome*. New York.
- Zahrnt, M. 2010: *Die Römer im Land Alexanders des Grossen: Geschichte der Provinzen Macedonia und Epirus*. Mainz.
- Zamba, I., Kouskouna, V. 2007: Seismic History of Pella and the 1st Century B.C. Earthquake. *Bulletin of the Geological Society of Greece* 30, 1318–1330.

PELLA AFTER THE FALL OF THE MONARCHY IN MACEDONIA (168–30 BC): FROM ROYAL RESIDENCE TO ROMAN COLONY

Yuri N. Kuzmin

Samara Branch of Moscow City University, Samara, Russia

E-mail: yurimac@yandex.ru

The article discusses the history of Pella after the Roman abolition of the Antigonid monarchy (168–167 BC) and up to the founding of a colony nearby (c. 30 BC). In 167 BC, Pella became the main city of the third of the four “parts” (μερίδες) of the Macedonian “federation” (or “confederation”). For the following twenty years, the political situation in Macedonia was extremely unstable. In 162 BC, members of the council (σύνεδροι) (of the third “part” or the pan-Macedonian synedrion) were murdered by a certain Damasippus in the fortress on the island of Phakos, which adjoined Pella to the south. In 149 BC, Pella was occupied by Andriscus, who briefly restored the monarchy in Macedonia. As a result of Andriscus’s defeat by the Romans in 148 BC, Macedonia became a province. It is generally believed that from this time onwards, the residence of its governors was located in Thessalonica. However, the fact that the residence

was initially in Pella may be indicated by an Athenian decree published in Delphi concerning a long dispute between two guilds of Dionysus's artists, Athenian and Isthmian. At one stage, in 117 BC, representatives of the guilds visited the governor of Macedonia, G. Cornelius Sisenna, in Pella, reaching an agreement with his mediation. Apparently, only after Pella was destroyed by an earthquake around 90 BC was the residence of the Roman governors moved to Thessalonica. At the end of the Civil Wars, 1.5 km west of the old Macedonian capital, which continued to exist but lost its former significance, a Roman colony was founded, adopting its name – Colonia Iulia Augusta Pella (Pellensis).

Keywords: Macedonia, Pella, royal residence, polis, the Antigonids, Third Macedonian war, residence of the Roman governors, earthquake, colony

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 68–80
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 68–80
© Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-68–80

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС МАССАЛИЯ В КОНТЕКСТЕ РИМСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ТРАНСАЛЬПИЙСКУЮ ГАЛЛИЮ

М.А. Симаков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: michael.allobrogicus@gmail.com

ORCID: 0009-0002-7073-6702

В статье рассматривается предыстория римской экспансии в Трансальпийскую Галлию, выявляются ее причины и предпосылки. Автор анализирует роль Массалии в продвижении римлян на запад и последствия этой экспансии для греческого полиса, который вплоть до гражданской войны Цезаря и Помпея сохранял независимость от Республики. Делается вывод, что основание провинции Трансальпийская Галлия непосредственным образом связано с военной слабостью Массалии, ее неспособностью обеспечить защиту дорог, связывающих Рим и важнейшие испанские территории.

Ключевые слова: Древний Рим, Римская республика, римская экспансия, Трансальпийская Галлия, Массалия

ВВЕДЕНИЕ

Массалия – важнейшая и относительно хорошо изученная древнегреческая колония в северо-западном Средиземноморье. Основанный фокейскими мореплавателями на побережье Лионского залива в начале VI в. до н.э. город быстро начал играть существенную военно-политическую и экономическую роль в данном регионе (несмотря на то что еще в IV–III вв. до н.э., судя по размерам хоры¹, Массалия представляла небольшое поселение² и подвергалась нападениям со стороны местных варварских племен).

Греки-массалиоты основали ряд приморских колоний³ (в частности, Антиполис, Никею и Агатэ). Таким образом Массалия имела сеть опорных пунктов от северной Испании до подножия Приморских Альп; прослеживаются ее связи с внутренними районами Европы⁴. Тем не менее политическое влияние Массалии в разные периоды своей истории на ближних и дальних соседей до сих пор

Данные об авторе. Михаил Алексеевич Симаков – аспирант кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Bouffier 2009, 40–43; Dietler 2010, 114–117; Bats 2017, 283.

² См. исследование по поводу роста численности населения и военного потенциала Массалии: Dietler 2010, 310–312.

³ Bats 2004.

⁴ Bernhard 2002, 147–159; Dietler 2010, 117–120; Gailledrat 2018, 118.

остается во многом дискуссионным⁵. В результате особую значимость обретает исследование внешней политики этого греческого полиса и сопряженной с ним деятельности Римского государства на международной арене.

Трансальпийская Галлия перешла под римский контроль значительно позже Сицилии (241 г. до н.э.), Сардинии (238 г. до н.э.), двух испанских провинций (195 г. до н.э.) и Африки (146 г. до н.э.). Точная дата образования будущей провинции Трансальпийская Галлия является предметом споров; согласно наиболее распространенной точке зрения, это произошло после 121 г. до н.э.⁶ Столь длительная задержка свидетельствует либо о недосмотре, либо о достойной восхищения сдержанности со стороны Рима, учитывая стратегическое расположение Трансальпийской Галлии у северных ворот в Италию и на пути в Испанию. Нежелание проводить экспансию противоречит энергичной политике так. наз. «римского империализма». Сдержанность в отношении Трансальпийской Галлии требует всестороннего объяснения. Таким образом, актуальность статьи обусловлена важностью изучения ранней истории Рима в поисках предпосылок римской экспансии и причин ее позднего начала.

Целью данного исследования является анализ взаимоотношений Массалии и Римской Республики в период с VI в. до н.э. по 121 г. до н.э., выявление его характера, специфики и принципов целеполагания сторон. С этим неразрывно связано решение вопроса о роли Массалии в продвижении римлян на запад, завершившемся к 121 г. до н.э. присоединением обширной территории, впоследствии получившей название «провинция Нарбонская Галлия».

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МАССАЛИИ И РИМА

Одним из первых затронул проблему роли Массалии в основании Провинции Т. Фрэнк. Споря с утвердившейся к его времени в историографии точкой зрения, исследователь выдвинул гипотезу, что экспансия Рима в Галлию плохо объяснима стремлением заполучить земли для выведения колоний. Военная кампания была вынужденной поддержкой своего союзника, Массалии⁷.

Первым исследованием, непосредственно посвященным отношениям Массалии и Рима, стала работа Дж. Девитта, в которой были собраны и проанализированы имеющиеся на тот момент источники. Проведя весьма поверхностный анализ, Дж. Девитт пришел к достаточно общему выводу, что изучение экспансии в Трансальпийскую Галлию не будет полным без учета взаимоотношений с Массалией и их влияния на римскую политику на Западе⁸.

Ф. Бенуа изучал Массалию на археологическом материале в контексте эллинизации и романизации региона Трансальпийская Галлия, оставляя за рамками исследования отношения с Римом⁹. Развивая поставленную Ф. Бенуа проблему

⁵ Основные точки зрения см. в коллективных монографиях, напр.: Bouffier, Garcia 2014; Eidem 2017.

⁶ Lintott 1994, 38.

⁷ Frank 1925, 140.

⁸ DeWitt 1940, 615.

⁹ Benoit 1965, 40–47.

эллинизации Галлии, Ч. Эбель написал крупную монографию, посвященную вопросам появления римской провинции Трансальпийская Галлия, подробно анализируя характер отношений Массалии и Рима. Исследователь проводит переоценку взглядов на историю провинции, опираясь на результаты новейших археологических раскопок. Ч. Эбель активно дискутирует с двумя диаметрально противоположными историографическими концепциями: об исключительной ответственности массалиотов за втягивание Рима в испанские и галльские дела и о предопределившем основании провинции «римском империализме»¹⁰. Хотя, безусловно, обе теории представляют крайние точки зрения, слабо коррелирующие с действительностью, Ч. Эбель преуменьшает значение Массалии для римской экспансии в Трансальпийскую Галлию и недостаточно аргументированно относит установление римского контроля над регионом к более раннему времени.

В монографии о Нарбонской Галлии А. Ривет дает относительно взвешенную оценку роли массалиотов в основании провинции¹¹. Именно позиция А. Ривета является отправной точкой нашего исследования. Тем не менее, концентрируясь на истории Нарбонской Галлии, ученый опускает раннюю историю отношений между Массалией и Римом, которая способна предоставить важную доказательную базу, а также внести корректировки и углубить концепцию о важности этого полиса для экспансии римлян в Трансальпийскую Галлию.

В XXI в. вышел ряд статей, уточняющих некоторые аспекты взаимоотношений Массалии и Рима (наиболее важными являются работы Л. Бернарда¹², С. Буфье¹³ и С. Ленцша¹⁴). Тем не менее полноценного комплексного исследования заявленной проблемы по-прежнему нет. Между тем анализ нарративных и эпиграфических источников в совокупности с повторным обращением к данным археологических раскопок второй половины XX в. позволяют сделать важные выводы о внешней политике Массалии и Римской Республики до Пунических войн, а также в период, предшествующий образованию провинции Нарбонская Галлия.

В отечественной исторической науке проблема характера отношений между Массалией и Римом осталась за пределами внимания исследователей. Они, как правило, рассматривали основание Массалии в VI в. до н.э. как часть обширного процесса Великой греческой колонизации. Эти работы базировались в основном на сообщениях античной письменной традиции¹⁵. Исключение составляют диссертационное исследование и статьи А.А. Супренкова¹⁶, посвященные изучению начального (VI–III вв. до н.э.) периода истории полиса, специфики государственного устройства, экономики и организации хоры. А.А. Супренков работает в первую очередь с археологическими источниками; в поле его зрения – преимущественно внутривополитические аспекты жизни Массалии; отношения с Римской Республикой почти не затрагиваются.

¹⁰ Ebel 1976, 16–25, 41–63.

¹¹ Rivet 1988, 27–38.

¹² Bernhard 2002, 147–159.

¹³ Bouffier 2009, 35–60.

¹⁴ Lentzsch 2022, 173–198.

¹⁵ Козловская 1990; Коротких 1983; Циркин 2004, 44–61.

¹⁶ Супренков 2018; 2022, 14–26.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
МАССАЛИИ И РИМА В ПЕРИОД С VI в. до н.э. ПО 121 г. до н.э.

Хотя идут споры¹⁷ о точном времени, когда Рим установил дружеские отношения с Массалией, принято считать¹⁸, что это произошло очень рано. На наш взгляд, принципиален вопрос, когда дружба переросла в официальный союз и какие обязательства взяли на себя стороны. Ответ поможет, в частности, решить проблему характера экспансии Рима в Трансальпийскую Галлию (что завершилось присоединением этой территории к Республике).

Наиболее содержательный рассказ о ранних взаимоотношениях между Римом и Массалией содержится у Помпея Трога, чей труд дошел в сокращении Юстина (Iust. Epit. XLIII. 3. 4. – 5. 11). Утверждение, что два города были связаны договором с самого основания (*prope ab initio conditae urbis*) Массалии в VI в. до н.э. (Ibid. 5. 10), иногда оспаривается современными учеными на том основании, что об этом известно только из античной нарративной традиции. Так, Э. Бэдиан возражает против ранней даты заключения договора, поскольку Массалия не сражалась на стороне Рима в Первой Пунической войне¹⁹, упуская из виду возможность экономического союза. Дж. Девиитт, напротив, отстаивает историчность столь раннего соглашения, основывая свои аргументы главным образом на том, что Массалия и Рим были союзниками во время и после Второй Пунической войны²⁰.

Известно, что в античности международные договоры хранились в городах, субъектах правовых отношений. Так, Полибий утверждает, что ознакомился с договором (συνθήκαι) между Римом и Карфагеном (Polyb. III. 22. 1) за период, указанный Помпеем Трогом для Массалии. Приведенная Полибием дата договора считается надежной в силу подробного описания документа²¹. Что касается древнегреческих полисов, важнейшие соглашения принимались народным собранием, публичным был сам акт заключения союза на определенных условиях. Часто текст договора предусматривал его обнародование²². Страбон указывает, что с законами Массалии могли ознакомиться широкие слои населения (οἱ δὲ νόμοι <...> πρόκεινται δὲ δημοσίαι, Strab. IV. 1. 5); предположительно это было доступно греческому источнику Помпея Трога или даже самому историку²³. Таким образом, его сведения не являются априори недостоверными.

Есть свидетельства хороших отношений между ранним Римом и Массалией. У Страбона мы находим описание статуи Дианы (Артемиды) на Авентине: «ксоанон <...> римляне воздвигли по тому же образцу, что и ксоанон, находящийся у массалиотов»²⁴ (τὴν αὐτὴν διάθεσιν ἔχον τῷ παρὰ τοῖς Μασσαλιώταις ἀνέθεσαν, Ibid.). Согласно географу, это была копия культового изображения, привезенного из Эфеса фокейскими колонистами. Храм Дианы²⁵ на Авентине являлся важной

¹⁷ Основные точки зрения см. в коллективных монографиях, напр.: Bouffier, Garcia 2014; Eidem 2017.

¹⁸ См., например.: Hermay et al. 1999; Zevi 2000; Garcia 2004; Temime 2006.

¹⁹ Badian 1958, 47–48.

²⁰ DeWitt 1940, 605–615.

²¹ Toynbee 1965, 519–555; Alföldy 1965, 350–355; Маяк 1971; Мосолкин 2009; Beaumont 2012; Циркин 2017; Шмелева 2024.

²² Bengtson 1962; Rodríguez 2013.

²³ Ebel 1976, 9.

²⁴ Перев. Г.А. Стратановского под общ. ред. С.Л. Утченко.

²⁵ Подробнее о культе Дианы см.: Green 2007.

святыней. Римская традиция приписывает его основание царю Сервию Туллию (Liv. I. 45. 2; Dion. Hal. Ant. Rom. IV. 26. 3). Даже если допустить легендарность этого правителя, культ Дианы, безусловно, очень древний и широко распространенный в Лации. Факт, что Массалия вовлечена в повествование, говорит об очень тесных связях между эллинским полисом и Вечным городом. В историографии строительство храма Дианы используется в качестве подтверждения гипотезы о сближении в это время Рима с греческими городами южной Галлии²⁶.

Археология, хотя не может предъявить сохранившийся экземпляр международного договора, способна, однако, подтвердить, что была веская причина для заключения экономического соглашения. Раскопки показали, что в конце VII и первой половине VI в. до н.э. шла активная торговля этрусков с южной Галлией²⁷. Царский Рим во многих отношениях был этрусским городом; влияние тирренов сохранялось также во времена Республики, и необходимо поставить вопрос о римском происхождении (или транзите) некоторых этрусских изделий, обнаруженных в южной Галлии. Таким образом, проводя аналогии с римско-карфагенскими взаимоотношениями, оправдано предположить, что соглашение с массалиотами в первую очередь регулировало торговлю. Расстояние между союзниками было слишком велико, чтобы обеспечить эффективную военную помощь, а политические интересы сторон – слишком разными, чтобы обусловить плодотворное и интенсивное сотрудничество.

Вернемся к рассказу Помпея Трога о ранних контактах греческого полиса с Римом. Юстин (Iust. Epit. XLIII. 5), кратко излагая свой первоисточник, пишет, что Массалия успешно сражалась как против галлов, так и против лигуров, разгромила карфагенян, во всех войнах решительно поддерживала союзный Рим. Нам очень не хватает повествования самого Помпея Трога об этих событиях, однако рассказ Юстина подтверждается данными Фукидида (Thuc. I. 13), который упоминает о поражении карфагенян от Массалии в морской битве в конце VI в. до н.э. По мнению специалистов²⁸, об одной из таких битв пишет историк III–II вв. до н.э. Сосил Лакедемонский (FGrH, 176 F. 1).

Особо отметим, что целый ряд упоминаний в античной традиции о Массалии связывает полис с Римом. Когда в 396 г. до н.э. Риму удалось победить важного и опасного соперника – этрусский город Вейи, латиняне посвятили Аполлону золотой кратер, поместив его в сокровищнице массалиотов в Дельфах (App. Rom. II. 8; Liv. V. 28. 4; Plut. Vit. Cam. VIII. 8; Diod. Sic. XIV. 93. 3; Val. Max. I. 1. 4). Остатки этой сокровищницы были идентифицированы археологами и датированы примерно 530 годом до н.э.²⁹ Мы также знаем, что в V в. до н.э. и в 390 г. до н.э. массалиоты совершали в Дельфах жертвоприношения от своего имени (Paus. X. 8. 6; Iust. Epit. XLIII. 5. 8). Согласно античной традиции, после возвращения из святилища Аполлона греческие послы узнали, что Рим захвачен галлами. Полис Массалия и частные лица собрали золото и серебро, чтобы помочь римлянам выплатить требуемый варварами выкуп (Iust. Epit. XLIII. 5. 9). Данный эпизод также

²⁶ Momigliano 1989, 117–122; Liou-Gille 1992, 411–438; Ando 2009, 99–113; Циркин 2017, 133–134.

²⁷ См., например: Villard 1960, 17–18; Rolland 1964, 7–15; Arnal et al. 1974.

²⁸ Wilcken 1906, 103–141; Villard 1960, 92–93; Benoit 1965, 46; Ebel 1976, 11.

²⁹ Villard 1960, 91.

косвенно свидетельствует о союзе между Римом и Массалией, выражающемся в экономической, а не в военной взаимопомощи. По словам Помпея Трога, в 390 г. до н.э. римляне даровали массалиотам новый договор, освободивший их от таможенных пошлин и удостоивший *«spectaculorum in senatu»* (Ibid. 5. 10). Касательно этой формулировки существует множество проблем, поскольку она более нигде не встречается. Ч. Эбель убежден, что подразумевается доступ в театр³⁰. Дж. Девиtt полагает, что в виду имелся именно привилегированный доступ в сенат³¹.

Есть несколько косвенных доказательств особого отношения сената к массалиотам. Надпись из Лампсака, другой фокейской колонии, описывает деятельность посольства, направленного в 197/6 гг. до н.э. в Рим (SIG. 591). Послы сначала обратились к Совету шестисот в Массалии, предложившему свое посредничество и направившему делегацию, чтобы представить лампсаканцев сенату. Известно о другом случае, когда массалиоты повлияли на решение римлян, на этот раз выступив в 130 г. до н.э. от имени своей метрополии Фокеи (Iust. Epit. XXXVII. 1. 1.). Мы видим, что Массалия имела особое значение для сенаторов, по крайней мере, во II в. до н.э. Таким образом, учитывая долгую историю крепкой дружбы двух городов, для нас предпочтительнее мнение Дж. Девиttа. В таком случае правильным переводом текста Помпея Трога будет «допуск на место для зрителей в сенате».

Напомним, что до начала Пунических войн гегемон Италии уступал по экономической значимости некоторым крупным центрам Апеннинского полуострова и Сицилии. С точки зрения массалиотов, столица Лация была лишь одним из многих торговых партнеров. Следует отметить, что нигде не упоминается о таком пункте договора между Массалией и Римом, как оказание военной помощи, к которой, действительно, ни разу не прибегали. Даже в критический 390 г. до н.э. греки, согласно легенде, ограничились отправкой денег, а не вооруженных отрядов. Тем не менее древние историки солидарно пишут о великой дружбе двух городов и крепком извечном союзе. Так, Цицерон в «Речи за Фонтее» отразил восприятие своими соотечественниками массалиотов, как «самых храбрых и верных союзников (*fortissimorum fidelissimorumque sociorum*)»³² римского народа (Cic. Font. V. 13). Все это особенно важно, поскольку во время Второй Пунической войны, как мы покажем далее, характер отношений изменился. Их анализ позволит понять роль Массалии в столь позднем установлении римского контроля над Трансальпийской Галлией.

В конце III в. до н.э. Массалия вновь выходит на широкую политическую арену. В 218 г. до н.э. надвигающаяся со стороны карфагенян угроза заставила сенат отправить большое посольство в Африку (Liv. XXI. 18. 1, 19. 6 – 20. 9). После безрезультативных переговоров, закончившихся объявлением войны, римские легаты отправились на родину; по пути они старались при помощи дипломатии укрепить границы Италии.

Маршрут посольства пролегал по суше из Испании. Примечательно, что Ливий не упоминает о посещении других греческих городов, например, Агатэ – массалиотской колонии³³. Это можно объяснить тем, что Массалия как союзник имела первостепенную важность для Рима и представлялась главным аванпостом в регионе, способным обеспечить лояльность территорий, населенных варварами.

³⁰ Ebel 1976, 12–13.

³¹ DeWitt 1940, 27.

³² Перев. Ф.Ф. Зелинского.

³³ О важности данной колонии см.: Супренков и др. 2022, 14–26.

О военно-стратегической важности эллинского полиса говорит тот факт, что Публий Корнелий Сципион, идя навстречу пунийцам, высадился именно в Массалии, расположив войска недалеко от устья Родана (совр. Рона) (Polyb. III. 49. 3–4, 56. 5–6; Liv. XXI. 26. 3–4, 32).

Если верить Ливию, массалиоты информировали послов, что Ганнибал «заблаговременно настроил галлов против римлян»³⁴ (*praeoccupatos iam ante ab Hannibale Gallorum animos esse*, Liv. XXI. 20. 8). Однако, как показывают дальнейшие события, это не совсем соответствовало действительности. Ганнибал продвигался через Альпы, периодически сражаясь с местными галльскими племенами. Более того, в 218 г. до н.э. римляне без каких бы то ни было проблем провели с ними переговоры, когда кельты ясно дали понять, что будут отстаивать только свои интересы, не принимая чью-либо сторону: «римляне не оказывали нам никакой услуги, карфагеняне не причиняли никакой обиды; мы не сознаем надобности поэтому подымать оружие за римлян и против пунийцев» (Ibid. 20. 5).

Как мы показали, Рим и Массалию связывали узы дружбы и союзного договора, по крайней мере, с начала IV в. до н.э. Союз сохранял силу накануне войны, поскольку Ливий упоминает его как на нечто само собой разумеющееся. Однако остается неясным одно обстоятельство. Союз с греками был преимущественно экономического характера. Почему тогда во время Второй Пунической войны Массалия помогала Риму в боевых операциях, предоставляя галльских наемников (Polyb. III. 41. 9) и отправляя свои быстроходные корабли для разведки (Ibid. 95. 6–7)?³⁵ Подобная помощь относительно скромна и не предусматривала непосредственного участия граждан полиса в военных действиях. Хотя политические методы мало изменились, следует отметить бóльшую вовлеченность массалиотов в региональные события по сравнению с 390 г. до н.э., когда греки ограничились денежной помощью. Это обусловлено тем, что Ганнибал представлял прямую угрозу интересам Массалии. До 218 г. до н.э. римские проблемы оставались для нее исключительно римскими, тогда как Вторая Пуническая война круто изменила ситуацию. Массалия активно торговала со своими колониями не только к западу от Родана, в Галлии, но и к югу от Эбро, в Испании³⁶. Соответственно, когда карфагеняне, ставшие очень агрессивными на Иберийском полуострове, напрямую затронули экономические интересы греков, Массалия стала сотрудничать по военным вопросам со своим союзником.

Итак, во время Второй Пунической войны массалиоты действовали как верные союзники Республики, сыграв существенную роль в продвижении римлян в Галлию. Когда последние подчинили часть племен в Испании, они не сочли нужным установить какой-либо контроль за Трансальпийской Галлией³⁷ – буферным

³⁴ Здесь и далее приводится перевод Тита Ливия, осуществленный Ф.Ф. Зелинским.

³⁵ Заметим также, что, в свою очередь, факт поддержки Массалией Рима, а не Карфагена, является косвенным аргументом в пользу существования союза, поскольку было отнюдь не ясно, кто именно выиграет войну. Ганнибал представлялся сильным и грозным противником. В сложившихся обстоятельствах логично было бы ожидать, по крайней мере, нейтральной позиции. Быстрая и решительная помощь массалиотов римлянам лучше всего объясняется существованием договора.

³⁶ Ebel 1976, 20; Lentzsch 2022, 185–187.

³⁷ Предположение Ч. Эбеля о том, что Рим установил контроль над территорией современного Лангедока сразу после окончания Второй Пунической войны, недостаточно аргументировано. Ebel 1976, 41–63.

регионом между Апеннинским полуостровом и новообразованной провинцией. Сенат предпочел оставить дорожное сообщение под охраной Массалии (см., напр.: Polyb. III. 95. 6–7; Liv. XXII. 19. 5, XXVI. 19. 13, XXXVII. 36. 1–3, 54. 21), прекрасно проявившей себя в критическое для Вечного города время. Тем не менее безопасным путь в Испанию так и не стал. Нам известны, благодаря Ливию, как минимум три случая помех торговле и дипломатии Рима со стороны трансальпийцев. Претор 189 г. до н.э.³⁸ Луций Бебий Див на своем сухопутном пути в Испанию столкнулся с нападением лигуров³⁹ (Ibid. XXXVII. 57. 1–4). В 182 г. до н.э., когда с тревогой ожидали вторжения в Италию трансальпийских галлов, как римляне, так и массалиоты страдали от непрекращающегося лигурийского пиратства (Ibid. XL. 17. 8, 18. 4–8). В 173 г. до н.э. при достаточно темных обстоятельствах в Массалии умер неизвестный по имени римский претор (Ibid. XLII. 4. 1). Хотя заальпийские племена беспокоили должностных лиц и торговцев, данное обстоятельство, однако, не потребовало решительного вмешательства вплоть до 154 г. до н.э. – кампании Квинта Опимия.

К сожалению, книги Ливия, повествующие о данном периоде, утеряны. У нас есть лишь периихи (Liv. Per. XLVII), откуда можно почерпнуть имя (Квинт Опимий) и два топонима (Антиполь и Никея). По счастью, дошел отрывок из труда Полибия (Polyb. XXXIII. 7–9). Для понимания роли Массалии в основании Провинции проанализируем фактологическую составляющую событий 154 г. до н.э. От массалиотов пришло известие, что они окружены лигурами и что города Антиполь и Никея находятся в осаде. Римляне отправили послов (πρέσβεις), которые в сопровождении нескольких массалиотов приплыли в земли племени оксипиев. Один из легатов был ранен в сражении, но впоследствии сумел поправить здоровье в Массалии. Данный факт подтверждает значимость города как опорного пункта для римской дипломатии и экспансии. Сенат, узнав об обстоятельствах неудачного посольства, решает отправить уже консула Квинта Опимия⁴⁰ для военного урегулирования отношений с оксипиями и их союзниками дециатами, с чем тот успешно справляется. В качестве санкции от территории оксипиев были отрезаны земли в пользу Массалии (τῆς χώρας ὅσῃν ἐνεδέχεται προσέθηκε τοῖς Μασσαλήταις), а также победитель обязал варваров выдать союзному городу заложников (ὄμηρα). Дабы закрепить успех, Опимий вместе с войском перезимовал (παρὰ χειμάσιαν ἐτοίχαστο) в этих местах (Ibid. XXXIII. 10).

Таким образом, римляне отдают властные полномочия над регионом в чужие руки, и Массалия еще больше начинает контролировать прилегающие территории. Сенат все еще не считал необходимым создавать постоянный аванпост в Трансальпийской Галлии; именно союзники-массалиоты оказались главными бенефициарами кампании 154 г. до н.э., обошедшейся, впрочем, Риму малой кровью. Тем не менее можно предположить, что кампания Опимия имела более важные последствия, хотя это и не упоминает Полибий⁴¹. В трактате «О государстве» (Cic. Rep. III. 16) Цицерон упомянул о запрете на выращивание виноградных лоз и оли-

³⁸ Broughton 1951, 600.

³⁹ Племя, обитавшее в северо-западной Италии и юго-восточной Галлии.

⁴⁰ Broughton 1951, 600.

⁴¹ Об изображении галлов у Полибия см., напр.: Foulon 2000, 319–354; 2001, 35–64.

вок, наложенном на трансальпийских галлов⁴². Поскольку вымышленная беседа между участниками диалога происходит в 129 г. до н.э., то есть раньше, чем основание Провинции, Т. Фрэнк⁴³, Э. Бэдиан⁴⁴ и К. Гудино⁴⁵ предположили, что это может говорить об уже *юридически оформленном* контроле галльских территорий. Если принять подобную гипотезу, он распространялся только на оксипиев и дециатов, а не на всю Галлию, поскольку только там происходили военные действия (Polyb. XXXIII. 8–10).

В 125 г. до н.э. салювии напали на Массалию, ей на помощь снова пришли римские войска (Tr. Fasti. 105). В следующем году борьба продолжилась уже с коалицией лигуров (Ibid. 106), по ее итогам значительная часть территории салювиев была передана грекам (Diod. Sic. XXXIV. 23; Strab. IV. 1. 5, 6. 3; Liv. Per. XLI). В 122 г. до н.э. полководцем стал консул Домиций Агенбобарб (Liv. Per. LXI; App. Rom. IV. 12; Flor. I. 37. 3. 4). Его победы над варварами и дальнейшие административные мероприятия в Трансальпийской Галлии навсегда неразрывно связали эту территорию с Римом. Уже в следующем 121 г. до н.э. основана Провинция (будущая Нарбонская Галлия) и упрочено ее положение в качестве транзитной (и стратегически важной) зоны между Италией и Испанией при помощи новой дороги *Via Domitia*. Отсюда ведет начало полномасштабное покорение Трансальпийского региона (в широком смысле, включая и Косматую Галлию), которое завершилось только спустя 70 лет Гаем Юлием Цезарем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На раннем этапе своей истории (предположительно в VI в. до н.э.) Рим заключил с греческим полисом Массалия союз, просуществовавший на протяжении всего периода Республики. Дружественный договор был проверен на прочность в самые критические моменты римской истории (в 390 г. до н.э. и во время Ганнибаловой войны). В период экспансии II в. до н.э. древний и почитаемый союз с Массалией являлся взаимовыгодным. По этой причине Рим был склонен уважать интересы греков в Трансальпийской Галлии (в ходе кампании 125–121 гг. до н.э. он даже расширил территорию союзника за счет земель варваров), максимально медля с установлением собственного контроля над регионом.

Массалиоты последовательно отстаивали свои экономические интересы, используя в собственных целях крупномасштабные события, которые иногда были косвенно связаны с деятельностью римлян. Не испытывая особого пиетета к Риму, который долгое время оставался лишь одним из торговых партнеров, Массалия не обладала военной мощью, позволяющей отстаивать свои сферы влияния. Как

⁴² Участник диалога, описанного в третьей книге, консул 136 до н.э. г. Луций Фурий Фил говорит следующее: «А мы, якобы самые справедливые люди, не позволяем заальпийским народам сажать оливы и виноград, дабы наши сады олив и виноградники стоили дороже (*Transalpinas gentis oleam et vitem serere non sinimus, quo pluris sint nostra oliveta nostraeque vineae*)» (Cic. Rep. III. 16). А. Ривет уверен, что наибольшую выгоду извлекли массалиоты (Rivet 1988, 38), но Трансальпийская Галлия была достаточно близка к Риму, чтобы поставлять часть товаров в Италию. Данное обстоятельство, с нашей точки зрения, предполагает очевидную экономическую выгоду для римлян.

⁴³ Frank 1925, 280–281; 1933, 172–174.

⁴⁴ Badian 1971, 19–20.

⁴⁵ Goudineau 1978, 686–687.

следствие, греки вынуждены были обращаться за помощью к союзнику, когда их интересам угрожали карфагеняне или варвары.

Контроль Республики над Испанией был установлен в начале II в. до н.э. по итогам Второй Пунической войны. Трансальпийская Галлия была известна римлянам задолго до того, как стала провинцией. Поскольку сенат был полон решимости сохранить и укрепить там свои интересы, после демонстрации Массалией несостоятельности в управлении Галлией, римляне начали экспансию в Трансальпийский регион. Таким образом, само основание Провинции непосредственным образом связано с военной слабостью Массалии, ее неспособностью обеспечить защиту от варваров дорог, связывающих Рим и важнейшие испанские территории.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Alföldy, G. 1965: *Early Rome and the Latins*. Ann Arbor.
- Ando, Cl. 2009: Diana in the Aventine. In: H. Cancik, J. Rüpke (Hrsg.), *Die Religion des Imperium. Koine und Konfrontationen*. Tübingen 99–113.
- Arnal, J., Majurel, R., Prades, H. 1974: *Le Port de Lattara*. Montpellier.
- Badian, E. 1958: *Foreign Clientelae (264–70 B.C.)*. Oxford.
- Badian, E. 1971: *Roman Imperialism in the Late Republic*. Ithaca–New York.
- Bats, M. 2004: Les colonies massaliètes de Gaule méridionales: sources et modèles d'un urbanisme militaire aux IVe–IIIe s. av. J.-C. In: S. Augusta-Boularot, X. Lafon (Hrsg.), *Des Ibères aux Vénètes*. Rome, 51–64.
- Bats, M. 2017: Protohistoric Mediterranean Gaul as a Middle Ground. In: S. Bouffier, D. Garcia (eds.), *Greek Marseille and Mediterranean Celtic Region*. Bern, 281–299.
- Beaumont, R.L. 2012: The Date of the First Treaty between Rome and Carthage. *JRS* 29 1, 74–86.
- Bengtson, H. 1962: *Die Staatsverträge des Altertums*. München.
- Benoît, F. 1965: *Recherches sur l'hellénisation du Midi de la Gaule*. Gap.
- Bernhard, L. 2002: Massalia und sein Hinterland als Ausgangspunkt von Fernkontakte mit der Celtica. In: A. Lang, V. Salăc (eds.), *Fernkontakte in der Eisenzeit*. Prag, 147–159.
- Bouffier, S. 2009: Marseille et la Gaule méditerranéenne avant la conquête romaine. *Pallas* 80, 35–60.
- Bouffier, S., Garcia, D. (eds.) 2014: *Les territoires de Marseille antique*. Arles.
- Bouffier, S., Garcia, D. (eds.) 2017: *Greek Marseille and Mediterranean Celtic Region*. Bern.
- Broughton, T.R.S. 1951: *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. I. New York.
- DeWitt, N.J. 1940: Massilia and Rome. *TAPA* 71, 605–615.
- Ebel, C. 1976: *Transalpine Gaul: The Emergence of a Roman Province*. Leiden.
- Foulon, E. 2000: Polybe et les Celtes (I). *Études classiques* 68 (4), 319–354.
- Foulon, E. 2001: Polybe et les Celtes (II). *Études classiques* 69 (1), 35–64.
- Frank, T. 1925: *Roman Imperialism*. New York.
- Frank, T. 1933: *An Economic Survey of Ancient Rome*. Vol. I. Paterson.
- Gailledrat, E. 2018: Sailors and Landsmen in the Emporia of Southern Gaul. In: E. Gailledrat, M. Dietler, R. Plana-Mallart (eds.), *The Emporion in the Ancient Western Mediterranean. Trade and Colonial Encounters from the Archaic to the Hellenistic Period*. Paris, 115–127.
- Garcia, D. 2004: *La Celtique méditerranéenne. Habitats et sociétés en Languedoc et en Provence du VIIIe au IIe siècle av. J.-C.* Paris.
- Goudineau, C. 1978: La Gaule Transalpine. In: C. Nicolet (ed.), *Rome et la conquête du monde méditerranéen (264–27 av. J.-C.)*. T. II. Paris, 679–699.
- Green, C.M.C. 2007: *Roman Religion and the Cult of Diana at Aricia*. Cambridge.
- Hermay, A., Hesnard, A., Tréziny, H. (eds.) 1999: *Marseille grecque: la cité phocéenne (600–49 av. J.-C.)*. Paris.

- Korotkikh, L.M. 1983: *Fokeyskaya kolonizatsiya Ispanii, Emporion* [*Phocian colonization of Spain, Emporion*]. PhD Dissertation. Leningrad.
- Коротких, Л.М. 1983: *Фокейская колонизация Испании, Эмпорион: дис. ... канд. ист. наук.* Л.
- Kozlovskaya V.I. 1990: *Evbeysko-ioniyskaya kolonizatsiya Tsentral'nogo Sredizemnomor'ya VIII–VI vv. do n.e. Sushchnost', tipologiya, znacheniya* [*The Euboean-Ionian colonization of the Central Mediterranean in the 8th–6th cc. BC. Essence, Typology, Meanings*]. PhD Dissertation. Moscow.
- Козловская, В.И. 1990: *Эвбейско-ионийская колонизация Центрального Средиземноморья VIII–VI вв. до н.э. Сущность, типология, значения: дисс. ... д-ра. ист. наук.* М.
- Lentzsch, S. 2022: Zwischen Rom und Karthago. Südgallien als Schauplatz des zweiten punischen Krieges. *Orbis Terrarum* 20, 173–198.
- Lintott, A. 1994: The Roman Empire and its Problems in the Late Second Century. In: J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson (eds.), *Cambridge Ancient History*. Vol. IX. *The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B.C.* Cambridge, 16–39.
- Liou-Gille, B. 1992: Une tentative de reconstitution historique: les cultes fédéraux latins de Diane aventine et de Diane Nemorensis. *Parola del Passato* 47, 411–438.
- Mayak, I.L. 1971: *Vzaimootnosheniya Rima i italiytsev v III–II vv. do n.e. (do grakkhanskogo dvizheniya)* [*Relations between Rome and the Italians in the 3rd–2nd cc. BC (before the Gracchan Movement)*]. Moscow.
- Маяк, И.Л. 1971: *Взаимоотношения Рима и итальянцев в III–II вв. до н.э. (до гракханского движения).* М.
- Momigliano, A. 1989: *Roma arcaica*. Firenze.
- Mosolkin, A.V. 2009: Prekrasnyy mys i datirovka pervogo rimsko-karfagenskogo dogovora [The Beautiful Cape and the Dating of the First Roman-Carthaginian Treaty]. In: O.L. Gabelko (ed.), *Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-ellinisticheskom mire: Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora Frenka Uil'yama Uolbanka, Kazan', 9–11 dekabrya 2009 g.* [*Politics, Ideology, and Historiography in the Roman-Hellenistic World: Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Professor Frank William Walbank, Kazan, December 9–11, 2009*]. Kazan, 30–38.
- Мосолкин, А.В. 2009: Прекрасный мыс и датировка первого римско-карфагенского договора. В сб.: О.Л. Габелко (ред.), *Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уильяма Уолбанка, Казань, 9–11 декабря 2009 г.* Казань, 30–38.
- Münzer, F. 1959: Pupius. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* 23 (2). Stuttgart, 1984–1985.
- Rivet, A.L.F. 1988: *Gallia Narbonensis. Southern France in Roman Times*. London.
- Rodríguez, J.E. 2013: *Los dos primeros tratados romano-cartagineses: análisis historiográfico y contexto histórico*. Barcelona.
- Rolland, H. 1964: Chronologie de Saint-Blaise. *Provence historique* 14, 7–15.
- Shmeleva, L.M. 2024: Pervyy rimsko-karfagenskiy dogovor v kontekste mezhdunarodnykh ot-nosheniy v Zapadnom Sredizemnomor'e vo vtoroy polovine VI v. do n.e. [The First Roman-Carthaginian Treaty in the Context of International Relations in the Western Mediterranean in the Second Half of the Sixth Century BC]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 126–140.
- Шмелева, Л.М. 2024: Первый римско-карфагенский договор в контексте международных отношений в Западном Средиземноморье во второй половине VI в. до н.э. *ПИФК* 4, 126–140.

- Suprenkov, A.A. 2018: *Greki i varvary na krajnem zapade grecheskoy oykumeny (na primere Massalii, Emporiona i ikh sel'skoy okrugy v VI–III vv. do n.e.)* [Greeks and Barbarians in the Far West of the Greek Ecumene (on the Example of Massalia, Emporion and Their Rural District in the VI–III cc. BC)]. PhD Dissertation. Moscow.
- Супренков, А.А. 2018: *Греки и варвары на крайнем западе греческой ойкумены (на примере Массалии, Эмпориона и их сельской округи в VI–III вв. до н.э.): дисс. ... канд. ист. наук.* М.
- Suprenkov, A.A. 2019: Grecheskaya Massaliya v soobshcheniyakh drevnikh avtorov [Greek Massalia in Ancient Authors. Main problem]. In: *Kondakovskie chteniya VI. Antichnost' – Vizantiya – Drevnyaya Rus' . Materialy VI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [VI Kondakov Readings. Antiquity – Byzantium – Ancient Russia. Materials of the VI International Scientific Conference]*. Belgorod, 12–17.
- Супренков, А.А. 2019: Греческая Массалия в сообщениях древних авторов. Основная проблематика. В сб.: *Кондаковские чтения VI. Античность – Византия – Древняя Русь. Материалы VI международной научной конференции.* Белгород, 12–17.
- Suprenkov, A.A., Toporivskaya, M.A. 2022: Agate: avanpost grecheskoy Massalii v severo-zapadnom Sredizemnomor'e [Agate: the Outpost of Greek Massalia in the Northwestern Mediterranean]. In: *Zapadnaya Tavrida v istorii i kul'ture drevnego i srednevekovogo Sredizemnomor'ya. Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Western Taurida in the History and Culture of the Ancient and Medieval Mediterranean. Materials IV International of the Scientific and Practical Conference]*. Simferopol, 14–26.
- Супренков, А.А., Топоривская, М.А. 2022: Агатэ: аванпост греческой Массалии в северо-западном Средиземноморье. В сб.: *Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья. Материалы IV Международной научно-практической конференции.* Симферополь, 14–26.
- Temime, É. 2006: *Histoire de Marseille*. Marseille.
- Toynbee, A. 1965: *Hannibal's Legacy: Rome and Her Neighbours before Hannibal's Entry*. London.
- Tsirkin, Y.B. 2004: Osnovanie Karfagena i Massalii: nekotorye analogii [The Foundation of Carthage and Massalia: Some Analogies]. In: *Studia historica* 4. Moscow, 44–61.
- Циркин, Ю.Б. 2004: Основание Карфагена и Массалии: некоторые аналогии. В сб.: *Studia historica*. Вып. IV. М., 44–61.
- Tsirkin, Y.B. 2017: Pervyy rimsko-karfagenskiy dogovor [The First Roman-Carthaginian Treaty]. In: O.L. Gabelko, A.V. Korolenkov (eds.), *Punicheskie voyny: istoriya velikogo protivostoyaniya. Voennye, diplomaticheskie, ideologicheskie aspekty bor'by mezhdurimom i Karfagenom: kollektivnaya monografiya [Punic Wars: History of the Great Confrontation. Military, Diplomatic, Ideological Aspects of the Struggle between Rome and Carthage]*. St. Petersburg, 125–142.
- Циркин, Ю.Б. 2017: Первый римско-карфагенский договор. В сб.: О.Л. Габелко, А.В. Короленков (ред.), *Пунические войны: история великого противостояния. Военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном.* СПб., 125–142.
- Villard, F. 1960: *La céramique grecque de Marseille*. Paris.
- Wilcken, U. 1906: Ein Sisylosfragment. *Hermes* 41, 103–114.
- Zevi, F. 2000: Roma arcaica e Ostia. Una riconsiderazione del problema. In: I. Berlingo, H. Blank, F. Cordano et al. (eds.), *Damarato. Studi di antichità classica offerti a P. Pelagatti*. Milano, 233–243.

THE ANCIENT GREEK POLIS OF MASSALIA IN THE CONTEXT OF ROMAN
EXPANSION INTO TRANSALPINE GALL

Mikhail A. Simakov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: michael.allobrogicus@gmail.com

This article examines the prehistory of Roman expansion into Transalpine Gaul, identifying its causes and preconditions. The author analyzes the role of Massalia in the Roman advance westward and the consequences of this expansion for the Greek city-state, which remained independent of the Republic until the civil war between Caesar and Pompey. It is concluded that the founding of the province of Transalpine Gaul is directly related to the military weakness of Massalia, its inability to ensure the protection of the roads connecting Rome and the most important Spanish territories.

Keywords: Ancient Rome, Roman Republic, Roman expansion, Transalpine Gaul, Massalia

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 81–93
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 81–93
©Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-81–93

КВИНТ АНХАРИЙ (РИМСКИЙ ПРЕТОР 56 г. до н.э.): ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

В.В. Дементьева

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: vv_dementieva@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1305-3251

Статья является просопографическим исследованием, в котором обобщаются данные эпиграфики и нарративной традиции о поколениях рода Анхариев/Анкариев в I в. до н.э. – I в. н.э.; при прослеживании родственных связей за персону отсчета берется Квинт Анханий, претор 56 г. до н.э. Основная для проживания рода территория локализуется в Самнии (родовой центр – Сабинские холмы) и Пицене. Внутри рода зафиксированы когномены Rufus и Priscus. Наличие часто повторяющихся личных имен Квинт и Гай в эпитафиях представителей рода Анхариев позволяет допустить, что деда Квинта Анхария-младшего (претора 56 г. до н.э.) и, соответственно, отца Анхария-старшего (претора 88 г. до н.э.) звали Гай, но упомянутый с таким преноменом всадник из алы Сцевы Анханий (CIL I. 1569) не может быть таковым, а названный у Присциана (Prisc. Inst. VII. 70) Гай Анханий Руф является маловероятным в таком качестве. Автор приводит аргументы в обоснование того, что в надписи из Фалериона (CIL IX. 5449; AE 2008. 487) речь идет об Октавии Старшей (внучке Анхария-старшего и племяннице Анхария-младшего), а не о второй сестре Октавиана Августа – Октавии Младшей. Отмеченный в надписи из Норции (AE 1991. 472; AE 2004. 903) Тит Анкарий хронологически (временем жизни) может соответствовать Анхарию Приску у Тацита (Tac. Ann. III. 38.1; 70.1), но иной аргументации для подтверждения этого не находится. Автор полагает, показывая на примере правнука Анхария-старшего Секста Аппулея (консула 29 г. до н.э.), что политических лидеров, не имевших среди предков консулов, но имевших преторов по отцовской и материнской линиям, надо относить к стабильному ядру римской правившей элиты республиканского времени.

Ключевые слова: Римская республика, просопографические исследования, родственные связи, политическая элита, претор, надписи

Данные об авторе. Вера Викторовна Дементьева – доктор исторических наук, профессор; руководитель Научно-образовательного Центра антиковедения ЯрГУ, профессор кафедры всеобщей истории ЯрГУ.

Работа выполнена при финансировании ЯрГУ, проект VIP – 18.

ВВЕДЕНИЕ

Просопографические исследования для изучения римской республиканской элиты не теряют актуальности, так как помогают выяснить механизмы ее формирования и функционирования. Поскольку при рассмотрении правящего слоя Республики целесообразно, на мой взгляд, включать в него семьи не только консулов, но и всех магистратов с империем, то встает задача анализа сведений о политических лидерах, чей карьерный путь имел вершиной претуру (и нередко следовавшее за ней наместничество в провинции). К числу таковых принадлежал Квинт Анхарий, претор 56 г. до н.э., – его *cursus honorum* я стремилась проследить, отметив сложности и дискуссионные вопросы такой реконструкции¹. В данной статье предпринимается попытка аккумулировать информацию источников о роде Анхариев, его представителях, живших в I в. до н.э. – I в. н.э.; за исходную персону, от которой протягиваются нити родства, берется названная фигура. Реконструкция родственных связей Квинта Анхария так же, как и установление его почетного должностного пути, имеет свои трудности, – зададимся целью определить, какие просопографические вопросы могут найти хотя бы сколь-нибудь аргументированное решение, а какие при сегодняшнем состоянии источниковой базы остаются без такового.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОДА АНХАРИЕВ. КАК ЗВАЛИ ОТЦА КВИНТА АНХАРИЯ–СТАРШЕГО?

Родовое имя *Ancharius/Ancarius* носили несколько отмеченных в источниках человек; род, безусловно, был плебейским. С высокой степенью вероятности можно сказать о том, кто был отцом интересующего нас Квинта – также достигший претуры сенатор Квинт Анхарий (предположительно 128 г. до н.э. – год рождения), убитый в 87 г. до н.э. по приказу Гая Мария². Будем использовать для его идентификации добавление к имени «старший», добавляя «младший» к имени его сына. Античные авторы, которые описывают об Анхарии-старшем, рисуют картину его убийства в период марианского террора, – Аппиан (*App. B.C. I. 73*), Плутарх (*Plut. Mar. 43*), Анней Флор (*Flor. II. IX. 16*), называя сенатором и бывшим претором. Но кто был его отцом (и, соответственно, дедом Анхария-младшего), какое он носил имя?

В условиях современного информационного общества, видимо, уже настало время не только анализировать собственно научную литературу по той или иной теме, но и обращать внимание на популярные интернет-ресурсы, претендующие на авторство специалистов в своих публикациях, сведения которых имеют способность широко распространяться в сети, хотя при этом содержат грубые ошибки и – что совершенно неприемлемо – неверно информируют читателя о точке зрения того или иного автора. Профессиональное отношение «свысока» к такого рода публикациям и их игнорирование приходится оставить в прошлом, ибо возрастают масштабы влияния некорректных сведений. Применительно к проблемам

¹ Дементьева 2025.

² Точной фиксации родства в качестве отца и сына Квинтов Анхариев – соответственно, претора 88 г. и 56 г. в источниках нет, но вероятность этого велика, что исследователями обычно и принимается, см., например: Broughton 1998, 44.

тике данной статьи обнаруживаем следующее. В русскоязычной версии Википедии опубликовано утверждение: «Британский антиковед Т. Уайзмен со ссылкой на одну, обнаруженную в Минтурнах (городе в Лации), надпись предположил, что отца Квинта Анхария-старшего звали Гаем»³. Речь идет о надписи (CIL I. 1569 = CIL X. 6011 = ILLRP. 498), датированной эпиграфистами в диапазоне от 78 до 31 г. до н.э., такого содержания: Q(uintus) Anchari(us) / C(ai) f(ilius) Pol(lia) / Narbones(is) eques / evocatus annor(um) / nat(us) XXIII ala / Scaevae⁴. Как видим, отмечен в надписи, действительно, некий Квинт Анхарий, сын Гая, нарбоннский всадник, приписанный к трибе Pollia (расположенной в окрестностях Рима), 23 лет от рождения, призванный в алу Сцевы. Однако непосредственное обращение к книге Тимоти Питера Уайзмана показывает: никакого предположения о том, что отца Квинта Анхария-старшего звали Гай, он не делал. Более того, он сделал совсем иное предположение: на его взгляд, Анхарий-старший, возможно, был сыном Анкария, – человека, упомянутого поэтом Луцилием, – Уайзман дал при этом отсылку к работе Конрада Цикориуса⁵. Последний же, анализируя стихи 261 и 262 книги VI Луцилия (нумерация по изданию Фридриха Маркса), у которого в 262 строке стояло родовое имя Ancarius, сделал примечание, что он принадлежал к роду Анхариев, из которого вышли в республиканское время претор Квинт, убитый в 87 г., и его сын, претор 56 г.⁶ Приведенный выше текст надписи показывает: Т. Уайзман и не мог предположить, что отец Кв. Анхария-старшего был фигурантом этой надписи, т.к. в ней упомянута ала Сцевы (подразделение римской конницы ala Scaevae). Эта ала обычно связывается исследователями в отношении происхождения названия с именем Сцевы, центуриона в армии Цезаря, прославившегося в битве при Диррахии, которого Цезарь награждал и повышал его ранг (Caes. B.C. III. 53; Lucan. VI. 144; Plut. Caes. XVI)⁷. Поскольку Сцева совершал свои подвиги уже в 40-е гг. I в. до н.э., то, следовательно, названный в надписи сын Гая быть дедом интересующего нас Кв. Анхария не мог в силу хронологического несоответствия со службой в але, названной в честь цезарианца Сцевы. Что касается нижней границы датировки (78 г. до н.э.), то, хотя к цезарианцу Сцеве в этом случае информацию отнести нельзя (и нужно считать, что ала получила название от другого лица с этим именем), все равно невозможно признать фигурирующего в ней молодого Гая Анхария отцом Квинта Анхария-старшего, убитого в 87 г. до н.э. после его претуры.

Квинт Анхарий, нарбоннский всадник, может быть отнесен уже к следующему по отношению к объекту нашего изучения (его тезке) поколению, он не может быть его дедом, это явное заблуждение. Но он не может быть и его сыном, ибо призванный в алу Сцевы имел отца Гая.

³ Квинт Анхарий (претор): <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

⁴ EDCS.

⁵ Wiseman 1971, 212.

⁶ Cichorius 1908, 282.

⁷ Родовое и личное имя Сцевы у античных авторов дано в различных вариантах, в частности, у Светония (Suet. Caes. 68. 4) и Плутарха (Plut. Caes. XVI) он назван Кассием Сцевой, у Валерия Максима Марком Цезием Сцевой (Val. Max. III. 2. 23) и т.д. Цезарь и Цицерон называют его Сцевой без других имен.

Еще одно упоминание некоего Гая Анхария сохранилось у грамматика Присциана в следующем виде: *Cicero pro Varena: C. Ancharius Rufus fuit e municipio Fulginate. (Prisc. Inst. VII.70)*⁸. Этот Гай, как видим, имел *cognomen* Руф, жил в муниципии Фульгиний в Умбрии. На основе данного фрагмента Присциана из речи Цицерона в защиту Л. Варена (*L. Varenus*) на процессе в 80 г. до н.э. Элимар Клебс предположил, что Гай Анхарий Руф был обвинителем Варена, а молодой Цицерон, оправдывая последнего, стремился переложить вину за убийства, в которых обвинялся Л. Варен, на *familia Anchariana*⁹. Если принять примерным годом рождения Квинта Анхария-старшего 128 г. до н.э. (как это принято в литературе), то быть его отцом человек, являвшийся обвинителем в 80 г. до н.э., теоретически мог, но в подобном случае Гаю Анхарию Руфу в год судебного процесса должно было быть около 70 лет. Однако в этом случае Квинт Анхарий-старший, скорее всего, наследовал бы семейное имя Руф, которое у него не фиксируется источниками. Можно возразить, что *cognomen* Rufus (Рыжий) – как индивидуальное прозвище – мог и не наследоваться в качестве имени ветви рода, но наличие надписи (АЕ. 2008. 469), в которой у представителя рода Анхариев указано *Ru(fus?)* как составная часть полного имени, дает определенное основание рассматривать его семейным, но другой ветви рода Анхариев, не той, к которой относятся Анхарий-старший и Анхарий-младший.

У Цицерона в речи «В защиту Авла Клуенция Габита», произнесенной в 66 г. до н.э., упомянуты пастухи Анхария (личное имя не приводится), с которыми, по версии обвинителя, расправились управители Клуенция (*Cic. Pro Cluent. 161: "Anchari et Paceni pastoribus huius vilicum vim et manus attulisse"*). По тексту речи можно понять, что местом конфликта был Самний (где было развито отгонное скотоводство). Если принять, что Гай Анхарий Руф, отмеченный в речи Цицерона в защиту Варена (80 г. до н.э.), был дедом объекта нашего изучения (что, как мы видим, имеет слабые основания), то Анхарий без личного и семейного имени из речи Цицерона в защиту Клуенция (66 г. до н.э.), гипотетически может быть тем же самым лицом, если, конечно, полагать, что он прожил долго, не менее 80 с лишним лет. Хотя в 66 г. до н.э. Цицерон мог иметь в виду собственно Квинта Анхария, ставшего претором 10 лет спустя. Сказанное позволяет отнести с сомнением к тому, что Гай Анхарий у Присциана может отождествляться с Анхарием у Цицерона, названным в связи с делом Клуенция, и пониматься как отец Анхария-старшего.

ДОЧЬ АНХАРИИ – СЕСТРА ОКТАВИАНА АВГУСТА: ДИСКУССИЯ О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЕЕ ЖИЗНИ И АНАЛИЗ НАДПИСИ CIL IX. 5449=AE 2008. 487

Сестрой Кв. Анхария-младшего (и, соответственно, дочерью Кв. Анхария-старшего) являлась, по всей видимости, Анхария, вышедшая замуж за Гая Октавия. Она родила ему дочь Октавию, но смерть Анхарии привела к тому, что Гай Октавий женился второй раз на Атии из рода Юлиев. Датировка заключения вто-

⁸ Prisciani Institutionum grammaticarum libri I–XII. О Присциане и его *Institutiones Grammaticae* см.: Болгов, Болгова, 104–120.

⁹ Klebs 1894, 2102.

рого брака Гая Октавия различна (70 г. или 65 г. до н.э.). Если исходить из самой ранней даты, то смерть Анхарии надо относить ко времени по 69 г. до н.э., как и рождение Октавии Старшей (иногда предполагается даже, что Анхария умерла в родах). Во втором браке Гая Октавия, как хорошо известно, родился создатель системы принципата Октавиан Август (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.). Таким образом, племянница Квинта Анхария-младшего (внучка Квинта Анхария-старшего) Октавия была единокровной сестрой императора Августа. Обычно она именуется Октавией Старшей, т.к. во втором браке Гай Октавий имел еще и вторую дочь, т.е. Октавию Младшую, дату рождения которой тоже нередко связывают с 69 г. до н.э., однако Катрина Мур в магистерской диссертации вполне резонно предложила сместить дату ее рождения на три года, к 66 г. до н.э.¹⁰

Сведения об Октавии Старшей имеются у Светония (Suet. *Aug.* 4) и Плутарха (Plut. *Ant.* XXXI.). Светоний пишет, что, когда отец Октавиана Августа, Гай Октавий, скоропостижно умер, у него осталось трое детей: Октавия Старшая – от Анхарии, Октавия Младшая и Август – от Атии. Плутарх замечает (Plut. *Ant.* XXXI. 13-17): Ὀκταουία γὰρ ἦν ἀδελφὴ πρεσβυτέρα μὲν, οὐχ ὁμομητρία δὲ Καίσαρι· ἐγγυόνει γὰρ ἐξ Ἀγχαρίας, ὁ δὲ ὕστερον ἐξ Ἀτίας. Ἔστεργε δ' ὑπερφυῶς τὴν ἀδελφὴν, χρήμα θαυμαστόν, ὡς λέγεται, γυναικὸς γενομένην¹¹. По Плутарху, именно на ней женился Марк Антоний, что следует признать заблуждением античного биографа: Антоний женился на Октавии Младшей. Октавия Старшая вышла замуж за Секста Аппулея, их дети Секст и Марк (родство последнего с Секстом Аппулеем-старшим, иногда ставится под вопрос) традиционно идентифицируются с консулами, соответственно, 29 г. и 20 г. до н.э.¹²

О том, когда умерла Октавия Старшая, в историографии были предположения в диапазоне от времени ранее 43 г. до н.э. до времени позднее 13 г. до н.э. О.В. Любимова в биографической справке об этой женщине писала следующее: «Вероятно, в конце 43 г. Октавии Старшей уже не было в живых (App. *BC.* III. 91–92), хотя Дж. Поллини допускает возможность того, что она изображена на Алтаре Мира и, следовательно, была жива в 13 г. до н.э. (Pollini 1986, 549)»¹³. Джон Поллини, анализируя фигуры на Алтаре Мира, делал предположения, что фламин на южном фризе не Секст Аппулей-старший, муж Октавии Старшей, а их сын, Секст Аппулей-младший, консул 29 г. до н.э., а также находил на *Ara Pacis* Октавию Старшую и ее младшего сына Марка Аппулея¹⁴.

Мнение о том, что в конце 43 г. до н.э. Октавии Старшей уже не было в живых¹⁵, которое сформировано на основании текста Аппиана (App. *BC.* II. 92), написавшего, что встречали Октавиана в храме Весты мать и одна сестра, можно считать ошибочным не только при опоре на трактовку изображений на Алтаре мира, предложенную Дж. Поллини, но и при обращении к надписи из Фалериона, посвященной Октавии,

¹⁰ Moog 2017, 8-11.

¹¹ «Октавия ведь была старшей сестрой Цезарю не от той же матери, ибо она родилась от Анхарии, он же позже от Атии. Он необыкновенно любил сестру, считавшуюся, как говорится, родившейся достойным восхищения женским чудом».

¹² См., например: Kienast 1992, 143-144.

¹³ Любимова. <https://ancientrome.ru/genealogy/person.htm?p=118>.

¹⁴ Pollini 1986, 453-460. С. 549, на которую ссылается О.В. Любимова, в статье Дж. Поллини нет.

¹⁵ Оно повторяется в электронных публикациях, см.: Октавия Старшая URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

датированной между 14 и 20 гг. до н.э.¹⁶ Датировка не ранее 14 г. до н.э. обусловлена тем, что Август в реконструкции этой надписи назван божественным, а обозначение *Divus Augustus* в результате причисления к сонму богов (*consecratio*) он получил 17 сентября 14 г. н.э. Эта надпись выпадала из поля зрения исследователей, изучавших биографию старшей сестры Октавиана, приведем ее текст:

Octav[iae C(ai) f(iliae)] / sorori d[ivi Aug(usti)] / M(arcus) Ancharius / C(aius) Decimius C(ai) f(ilius) Valer / duovir(i) f(aciendum) c(uraverunt) (CIL IX. 5449). В *L'Année épigraphique* (AE 2008. 487) текст надписи воспроизводится так: Octau[iae C. /] | sorori d[ivi Aug(usti)] | M. Ancharius [—] | C. Decimius C. f. Valer[—] | duovir(i) f(aciendum) curauerunt. В этой публикации четче показаны лакуны, но для понимания сохранившегося текста это не принципиально. В любом случае, понятно (как и по первой публикации в CIL), что *Divus Augustus* – это реконструкция, на основе сохранившейся буквы D (столь малая часть слова и дальнейшая лакуна способствовали предположению о том, что речь в надписи идет вообще не о сестре Августа, а о сестре кого-то иного, – мне кажется это наименее вероятным из всех трактовок принадлежности наванного в надписи имени).

Перевод с учетом реконструкции: «Октавии, дочери Гая, сестре божественного Августа, Марк Анханий, Гай Децим, сын Гая, дуумвиры Фалериона {статую} распорядились изготовить». Надписи делали на базах статуй, изображавших тех, кому оказывали данную почесть, посвящая их скульптуры богам и устанавливая у входа в храм, отдавая живущего человека под особое божественное покровительство.

На мой взгляд, статуя была именно Октавии Старшей, поскольку Октавия Младшая умерла в 11 г. до н.э.; иногда называется 10 г. до н.э. (при ориентации на римский подсчет возраста), но диапазон 11–10 гг. до н.э. не оспаривается в историографии, так как Светоний (*Suet. Aug.* 61.2) сообщает, что Октавиан потерял сестру на пятьдесят четвертом году. Но датировка надписи – не ранее 14 г. н.э., следовательно, это аргумент в пользу посвящения статуи Октавии Старшей. Другой важный аргумент – имя одного из посвятителей – Марк Анханий, номен его совпадает с именем матери Октавии Старшей. Если принять время ее рождения как 70/69 г. до н.э., то дожить, допустим, до 14–16 гг. н.э. (и даже несколько дольше) она вполне могла. Однако Сильвия Мария Маренго считает, что надпись относится к Октавии Младшей¹⁷. Пока мне не известны аргументы С.М. Маренго¹⁸ (и я не могу их оценить), но полагаю, что ставить статую через 25–30 лет после смерти Октавии Младшей, к тому же представителю рода Анханиев все же несколько странно. И если бы Октавия Старшая умерла раньше Октавиана Августа, наверное, ей бы он тоже посмертные почести оказал, как и младшей сестре, поскольку, в соответствии с Плутархом, любил ее чрезвычайно (ὕπερφυῶς), и эти почести были бы отражены в источниках.

Марк Анханий-дуумвир был, как свидетельствует его помен, родственником Октавии Старшей и, соответственно, родственником Квинта Анхария-младшего,

¹⁶ EDCS-16100799.

¹⁷ Marengo 2008, 193–204.

¹⁸ Об идентификации упомянутой в надписи CIL IX. 5449 Октавии с Октавией Младшей, предложенной С.М. Маренго, сообщается в *L'Année épigraphique* 2008, 218. Аргументы такой идентификации публикаторами надписи не приводились, найти статью С.М. Маренго в журнале “*Picus*” оказалось в интернете невозможно. Просьба, обращенная непосредственно к С.М. Маренго, прислать текст ее статьи, осталась без ответа.

которому она приходилась племянницей. При этом Марк Анхарий принадлежал, вероятно, к следующим поколениям, т.е. ко второму-третьему поколению по отношению к Квинту Анхарию-младшему (к поколениям его детей и внуков). У Э. Клебса при перечислении известных Анхариев Марк не упомянут, видимо, он его не отследил, хотя девятый том СП, содержащий приведенную надпись, был издан в 1883 г., а статья Э. Клебса в RE была опубликована в 1894 г.

Однако в связи с определением времени жизни Октавии Старшей и, тем более, ее «продления» – в соответствии с процитированной надписью – до первых десятилетий нашей эры возникает другая нестыковка хронологического характера. Сын ее и Секста Аппулея, Секст Аппулей-младший, став консулом в 29 г. до н.э., затем был проконсулом Испании, Азии (в 23–22 гг. до н.э.), вероятно, наместником Иллирика (8 г. до н.э.); получил триумф 26 г. до н.э. за какие-то победы, согласно Триумфальным фастам (*Sex Appuleius Sex f. Sex n. pro cos a[nno] DCCXXVII ex Hispania VII K[alendas] Febr[uius]*)¹⁹. В целом его деятельность в 20-е гг. I в. до н.э. отражена надписями, но возникает вопрос: если в 29 г. до н.э. он стал консулом, то когда он должен был родиться? В нормальной ситуации к моменту занятия консулата он должен был перешагнуть через сорокалетие, т.е. родиться не позднее рубежа 70–60-х гг. I в. до н.э. Но этот временной отрезок, как отмечено выше, обычно связывается со временем рождения его матери, Октавии Старшей. Следовательно, есть два пути выхода из хронологического тупика. Первый – считать, что она родилась раньше, хотя бы около 85 г. до н.э. но с этим предположением не коррелирует возраст ее отца Гая Октавия (предполагается, что он родился около 100 г. до н.э., поскольку карьера его началась в 73 г. до н.э., год его смерти – 59 г. до н.э.). Иногда указывается год рождения Октавии Старшей как 78 г. до н.э., но это опять-таки не дает сорокалетний возраст ее сына Секста Аппулея на 29 г. до н.э. и при этом значительно уменьшает вероятность того, что Октавия еще была жива в 14–15 гг. н.э. Поэтому второй путь, который представляется мне более предпочтительным, считать, что в 29 г. до н.э. сын Октавии Старшей Секст стал консулом, будучи еще совсем молодым человеком, в возрасте около 20 или 20 с небольшим лет. Случаи столь раннего занятия консулата в истории Республики имеются (например, консулат Октавиана в 43 г. до н.э.²⁰). Учитывая, что в 30 г. до н.э. закончилась гражданская война, из которой Октавиан, дядя Секста Аппулея, вышел победителем, он вполне мог обеспечить родственнику занятие высшей магистратуры, тем более что с этим годом исследователи нередко связывают начало оформления системы принципата. Консулом-десигнатом в этом году был сам Октавиан²¹. В том же году он был удостоен троекратного триумфа (*Liv. Per.* 133). Й. Бляйкен, объясняя вхождение Секста Аппулея-младшего в ближний семейный круг Августа, писал: «Отсутствие потомков мужского пола даже придавало женщинам, чье родство с Августом было более дальним, более яркий блеск. Так, дети единокровной сестры Августа, Октавии Старшей, могли считать себя частью ближайшей семьи, например, ее сын Секст Аппулей, которого Август назначил консулом в 29 году»²². Признание получения внуком Анхарии консулата в молодом возрасте снимает вопросы

¹⁹ Фотография данного фрагмента Триумфальных фаст опубликована в издании: Presicce 2022, 107.

²⁰ Kienast 1990, 65.

²¹ Kienast 1990, 65.

²² Bleicken 1998, 623–624.

об отнесении даты рождения Октавии Старшей к рубежу 70–60-х гг. до н.э., так же, как и не дает оснований усомниться в датировке посвячительной надписи, – хронологическая цепочка выглядит адекватно. При этом следует считать, что Октавия Старшая не умерла не только до 43 г. до н.э. – она умерла, видимо, немного позже своего брата Октавиана Августа, т.е. во втором десятилетии I в. н.э. (он умер в год консульства своего внучатого племянника, внука Октавии Старшей, носившего имя Секст Аппулей, как его отец, дед и прадед).

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИСХОДНОГО АРЕАЛА ПРОЖИВАНИЯ АНХАРИЕВ

Фалерион (Falerio), дуумвирами которого названы в посвячительной надписи (CIL IX. 5449, AE 2008. 487) Марк Анхарий и Гай Децим, находился в Пицене (Пиценской/Пикентинской области – Picenum), располагавшейся, по сообщению Страбона (Strabo. V. 4. 1–2), между Апеннинскими горами и Адриатическим морем, а ее население – племена пикенов (picus – дятел, возможно, тотем этого племени), – как указывал античный географ, вышло из Сабинской области. В свою очередь сабиняне, которые стали называться самнитами, дали название Самнию (Samnium) – области в районе Апеннинских гор, граничащей с Пиценом. Именно в Самнии, на Сабинских холмах, было родовое хозяйство Анхариев, как свидетельствует надпись из этого региона (CIL I. 1853=CIL. IX. 8242=ILLRP 487), датированная в диапазоне от 1 до 30 г. н.э. Надпись содержит сравнительно объемный текст, в котором нас интересует следующий фрагмент: “.../ ММСССХХ af castello ad con/[fine(m) castel]/lum ad vinias Anchariorum ped(es) / [MM af vin]ieis Anchar(ior)um ad castellum qui / [est ad vin]ias Pacianas p(edes)....”. Как видим, в нем очерчивается расположение виноградников, принадлежавших Анхариям. Сабинские холмы относились к территории древних сабинян, которая соприкасалась с Пиценом на востоке. О территории Самния речь идет и у Цицерона во фрагменте, где упомянуты пастухи Анхария (Cic. *Pro Cluent.* 161). Более того, если обратиться к эпитафиям, в которых названы члены рода Анхариев и их вольноотпущенники с тем же именем (по римским обычаям их получавшим), то имеющиеся надгробные надписи I в. до н.э. – I в. н.э. относятся либо к Самнию, либо к Пицену:

CIL IX. 4556: Q(uinti) Ancari C(ai) f(ili) / C(aius) Q(uinti) f(ilius) Nonia C(ai) f(ilia) / Q(uitus) Q(uinti) f(ilius) Rufria Q(uiti) f(ilia); I в. до н.э., территория Самния, местность Норция (Нурсия). В эпитафии названы Квинт Анкарий (номен писался не только через “ch”, но и через “c”), сын Гая, Гай Анкарий, сын Квинта, Нония, дочь Гая, Квинт, сын Квинта, Руфрия, дочь Квинта.

CIL IX. 4557: C(aius) An<c=K>ari(us) Q(uiti) [f(ilius)] / Paulla Q(uiti) [f(ilia)]; I в. до н.э., территория Самния, местность Норция (Нурсия). Названы Гай Анкарий, сын Квинта, Паула, дочь Квинта.

CIL IX. 3620:] / Aufidius / Zet(h)us / Ancharia C / Gemella [; 70–31 гг. I в. до н.э., территория Самния, местность Фосса/Авея. Названы Афиций Цетус, Анхария Гемелла; поскольку gemella – существительное женского рода от gemellus – близнец, то Гемелла являлась, видимо, близнецом Гая.

CIL IX. 5280: M(anibus) s(acrum) / Anchariae C(ai) [l(ibertae)] / Successae / Argenus C(ai) / Anchari Persei / ser(vus) conlibertae / [b(ene)] m(erenti). («Душам священным умерших – Анхарии, вольноотпущенницы Гая, наследницы, Арген, раб Гая

Анхария Персея {исполнил}, сожительнице за добро воздастся добром»). Надпись не датирована, возможно, I в. н.э.; территория Пицена. Из имен, относящихся к роду Анхариев, названы Гай Анхарий Персей и Анхария, его вольноотпущенница.

CIL IX. 4233:]Ancharius / l(ibertus) Pamphilus / [S]eptimia T(iti) l(iberta) / Mart(h)a; вторая половина I в. н.э. (51–100 гг.), территория Самния. Названы Анхарий, вольноотпущенник Памфилий, Септимия, вольноотпущенница Тита, Марта.

CIL IX. 4755: [A]nchariae Niceni / q(uae) v(ixit) a(nnis) XXI mensibus sex / C(aius) Ancharius Martinus / coniugi bene merenti / et parentes eius / alumnae pientissimae / fecerunt («Анхарии {дочери?} Никена, прожившей 21 год и шесть месяцев / Гай Анхарий Мартин – супруге за добро воздастся добром – и ее родители благочестивейшей воспитаннице исполнили»); I в. н.э., территория Самния. Названы Гай Анхарий Мартин, Анхария – либо дочь Никена, либо Niceni – это часть ее собственного имени.

Надгробные надписи, таким образом, содержат повторяющиеся мужские имена представителей рода Анхариев – Квинт и Гай, следовательно, предположение о том, что отца Квинта Анхария-старшего и, соответственно, деда Анхария-младшего звали Гай вполне допустимо, оно подкрепляется традицией рода, прослеживающейся по мемориальным надписям.

Приведенные данные эпиграфики не оставляют сомнений в определении основного ареала проживания членов рода Анхариев – это Самний (родовой центр их местожительства – Сабинские холмы) и Пицен. Надгробные надписи I в. до н.э. с именами Анхариев относятся к Норции (Norcia, Nursia, Νορσία), городу на Сабинских холмах по верхнему течению Нара (река Нар в описании Страбона текла через Омбрику и впадала в Тибр – Strabo V.3.7; современное название – Нера, крупнейший приток Тибра). К этому же городу относится надпись с именем Тита Анхария (AE 1991. 472; AE 2004. 903), так же датированная эпиграфистами I в. до н.э. на основе характера письма.

Вольноотпущенники Анхариев могли расселяться далеко за пределы Апеннинского полуострова. Одна из относительно недавних публикаций надписей с именем, скорее всего, Публия Анхария имеет следующий текст: P. Anc[harius ?] | Col(lina T) V[—] | ? (AE 2008. 1597). Первая буква, сообщают публикаторы, «вероятно, P»²³. Из надписи, кроме имени, можно почерпнуть название трибы Collina – это римская городская триба, находившаяся на Виминале и Квиринале. Данная надпись из Кносса (найдена в 1995 г.) хранится в Археологическом музее Ираклеона. Датирована она I в. до н.э. Имя восстанавливается как Anc[harius], поскольку в Кноссе оно было известно в римское время. Фигурант надписи понимается публикаторами как потомок вольноотпущенника. Следовательно, вольноотпущенники Анхариев могли перебираться из Самния (где они фиксируются как на основной территории проживания рода) в Рим и отдаленные части римского мира. Из Анхариев более позднего времени есть упоминание о вольноотпущеннице из Вифинии Pancharia Soteris, которую трактуют как П. Анхарию Сотерис, о ней речь идет в письме Плиния Младшего Траяну (Plin. *Ep.* X. 11. (2), просившего предоставить ей право римского гражданства. Но она и другие Анхарии хронологически выходят за I в. н.э.

²³ L'Année épigraphique 2008, 661.

КОГНОМЕНЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОДА АНХАРИЕВ

Надпись с упоминанием Тита Анкария на большом квадратном каменном блоке первоначально исследователи скопировали в 1910 г., а в 1999 г. заново открыли. Это породило две реконструкции текста (первая была основана на рисунке издателя, во второй прочтение было исправлено):

1. C(aius ou o) Ofan[us ou o- - -] | T[itus ou o) Anca[rius ou rio - - -]²⁴.
2. C. Ofan[i- - - -] | T. Anca[ri- - - -]- - - - -?²⁵

Фактически содержательно извлечь из этой надписи можно только имена названных в ней персон. Нас интересует имя Тит Анкарий, оно было дискутируемо антиковедами еще в XIX в. (до обнаружения инскрипции из Норции) на основе надписи, признанной ими фальшивой (CIL. V. 145), в которой Тит Анхарий назван сыном Тита с когноменом Приск: “T. Anchario T.f. Pal. Prisco”.

Когномен Priscus при данном родовом имени присутствует (без преномена) в «Анналах» Тацита (Тас. *Ann.* III. 38.1; 70.1), им назван обвинитель проконсула Крита (22 г. н.э.) Цезия Корда, – его обвинили в 21 г. н.э. в вымогательствах и в оскорблении величия. Э. Клебс предложил при поиске личного имени Анхария, засвидетельствованного Тацитом, сопоставить два упоминания Анхариев Присков – в фальсифицированной надписи и у Тацита²⁶. Однако фальсифицированная надпись не может быть серьезным аргументом при выяснении личного имени. Но возникает вопрос: мог ли быть Тит Анкарий, названный в надписи из Норции, тем же самым Анхарием, о котором писал Тацит? Если считать отрезок от последней трети I в. до н.э. до 20-х гг. I в. н.э., это вписывается в промежуток жизни поколения, поэтому Тит Анкарий (надпись из Норции, Самний) чисто гипотетически может быть Анхарием Приском, обвинителем проконсула Киренаики Цезия Корда, но иной аргументации для подтверждения этого нет, – один или два человека упомянуты в названных источниках, вопрос на данный момент не решаемый.

В источниках отмечен еще один Анхарий – гончарный мастер Кв. Анхарий Феликс, зафиксированный в *Corpus vasorum Arretinorum*, Уайзмен сделал предположение, что его мастерская находилась в ПUTEОЛАХ²⁷, т.е. профессиональная деятельность, следовательно, относилась к территории Кампании. Что-либо дополнительно о нем сказать трудно, обращает на себя внимание только само очень распространенное у Анхариев мужское имя – Квинт. Впрочем, данный Анхарий мог быть и вольноотпущенником, поскольку имя Феликс нередко присваивалось и рабам.

При археологическом исследовании театра в сабинском городе Амитерне (Amiternum) была найдена надпись на известняковой плите, начертанная в две колонки, в ней назван Луций Анхарий, по завещанию которого, видимо, другой Анхарий (имя предлагается как реконструированное под вопросом, поскольку букв от него не сохранилось), но ясно, что он – сын Гая, сделал надпись. При этом Луций Анхарий, вероятно, имел когномен Руф, и указана территория – триба Quirina, созданная еще в III в. до н.э. около города Реате (в свое время центра сабинского союза), одного из самых древних на Апеннинском полуострове, располагавшегося

²⁴ L'Année épigraphique 1991, 85 (№472).

²⁵ L'Année épigraphique 2004, 286 (№903).

²⁶ Klebs 1894, 2102.

²⁷ Wiseman 1971, 212.

на пересечении четырех дорог. Текст надписи: [_ Ancharius ?] C. f. [ex testa]mento || u(iuus) f(ecit) | L. Anch[arius – f Quir(ina)] Ru[fus ?] | oct(o)[uir] (AE. 2008. 469). Вероятный Анхарий Руф отмечен в надписи октовиром, т.е. членом коллегии восьми. Надпись датируется эпохой Августа²⁸. Поскольку, как было отмечено выше, во фрагменте Присциана из речи Цицерона (Prisc. *Inst.* VII.70) назван Гай Анхарий Руф, то можно сделать предположение о существовании в I в. до н.э. – I в. н.э. внутри рода Анхариес семьи Руфов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Просопографическое изучение римского рода Ancharii/Ancarii показывает, что основной (исходный) ареал его проживания относился к Самнию, в котором территориальным центром для представителей рода, местом их жительства, служили Сабинские холмы (город Норция), а также граничащая с Самнием Пиценская область. Естественно, что самые известные члены рода – преторы отец и сын Анхарии исполняли свои магистратские и промагистратские обязанности в Риме и в подвластных ему регионах²⁹, другие Анхарии, свободные граждане и их вольноотпущенники, вели свою деятельность в Италии (в частности, занимая муниципальные должности дуумвира и октовира) и за ее пределами, в Нарбоннской Галлии и на Крите. Внутри рода прослеживаются ветви/семьи Руфов и Присков, но, скорее всего, преторы Анхарии к ним не относились. Гай Анхарий, отмеченный в надписи (CIL I. 1569) в качестве всадника алы Сцевы, не мог быть отцом Анхария-старшего и дедом Анхария-младшего. Упомянутый у Присциана Гай Анхарий Руф также маловероятен для такого родства с ними. Но тем не менее отца Анхария-старшего вполне могли звать Гай, так как эпитафии с территории Самния I в. до н.э. – I в. н.э. позволяют считать имя Гай, как и имя Квинт, традиционными для данного рода. Логично полагать, что в надписи на базе статуи (CIL IX. 5449; AE 2008. 487), поставленной Марком Анхарием со своим коллегой по дуумвирату в Фалерионе, названа Октавия Старшая, матерью которой была Анхария, первая жена отца Октавиана Августа – Гая Октавия. По всей вероятности, Октавия Старшая пережила своего брата-принцепса, в отличие от Октавии Младшей. Названный в надписи из Норции (AE 1991. 472; AE 2004. 903) Тит Анхарий по времени жизни может быть соотнесен с Анхарием Приском у Тацита, но доказательств их отождествления нет.

Рассмотрение родственных связей Анхариес позволяет еще раз обратить внимание на проблему формирования и состава римской республиканской политической элиты. Кит Хопкинс и Грехэм Бартон ввели понятия «циркулирующей» (нестабильной) элиты и «внутренней» (стабильной) элиты, изучая только консульские семьи, прослеживая поколения предков-консулов³⁰. На мой взгляд, римская элита – это все, занимавшие высшие магистратуры, все носители империя, не только консулы, но и преторы, поэтому выяснять состав ее следует на более

²⁸ L'Année épigraphique 2008, 212.

²⁹ См.: Дементьева 2025. Надписи, относящиеся к магистратской и промагистратской деятельности Анхариес, рассмотрены в этой статье.

³⁰ Hopkins, Burton 1983, 31–119.

широком представительстве в ней. В данном случае наглядным является пример внука Анхарии, сына Октавии Старшей – Секста Аппулея (консула 29 г. до н.э.), племянника Октавиана Августа. Он не имел консулов-предков, но отец его достиг преторской должности, а по материнской линии рода Анхариев он имел прадеда и двоюродного деда преторов (последний был еще и проконсулом). Другой его дед – Гай Октавий – тоже достиг претуры и проконсулата. Не имея предков-консулов, разве он не относился к правившей элите и даже к стабильной ее части? Полагаю, что очевидным образом относился.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Bleicken, J. 1998: *Augustus. Eine Biographie*. 2. Aufl. Berlin, 623–624.
- Bolgov, N.N., Bolgova, A.M. 2019: Pristsian Grammatik i ego nasledie [Priscianus Grammarian and his legacy]. *Hypothekai: Zhurnal po istorii antichnoy pedagogicheskoy kul'tury* 3: *Obrazovanie v Pozdney Antichnosti* [Journal on the History of Ancient Pedagogical Culture 3: Education in Late Antiquity], 104–120.
- Болгов, Н.Н., Болгова, А.М. 2019: Присциан Грамматик и его наследие. *Hypothekai: Журнал по истории античной педагогической культуры* 3: *Образование в Поздней Античности*, 104–120.
- Broughton, T.R.S. 1998 : *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. Allanta.
- Cichorius, C. 1908: *Untersuchungen zu Lucilius*. Berlin.
- Dementyeva, V.V. 2025: Kvint Ankhariy (rimskiy pretor 56 g. do n.e.): voprosy rekonstruktsii cursus honorum [Quintus Ancharius (Roman Praetor in 56 BC): Questions of Reconstruction of cursus honorum]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"* [The Journal of Education and Science "History"] 16/6 (152). URL:<https://history.jes.su/s207987840035909-8-1/>
- Дементьева, В.В. 2025: Квинт Анхариий (римский претор 56 г. до н.э.): вопросы реконструкции cursus honorum. *ЭНОЖ «История»* 16/6 (152). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840035909-8-1/>
- Epigraphik-Datenbank Clauss / Slaby. URL:https://db.edcs.eu/epigr/epi_url.php?s_sprache=en&p_edcs_id=EDCS-20600421.
- Hopkins, K., Burton, G. 1983: Political Succession in the Late Republic (249-50 B. C.). In: Hopkins, K. *Death and Renewal*. Cambridge–London–New York–New Rechelle–Melbourne–Sydney, 31–119.
- Kienast, D. 1992: *Augustus: Prinzeps und Monarch*. 2. Aufl. Darmstadt.
- Kienast, D. 1990: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Klebs, E. 1894: Ancharius 6. In: *RE*. I. 2, 2102.
- L'Année épigraphique 1991: (Année 1988), 85. URL:<http://www.jstor.org/stable/>
- L'Année épigraphique 2004: (Année 2001), 286. URL:<http://www.jstor.org/stable/25607909>.
- L'Année épigraphique 2008: (Année 2005), 218. URL:<http://www.jstor.org/stable/>
- Lyubimova, O.V. Oktavia Starshaya. [Octavia Maior]. *Rimskaya genealogiya* [Roman Genealogy]. URL:<https://ancientrome.ru/genealogy/person.htm?p=118>.
- Любимова, О.В. Октавия Старшая. *Римская генеалогия*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ancientrome.ru/genealogy/person.htm?p=118> (дата обращения 13.11. 2024).
- Marengo, S. M. 2008: “Octavia soror diui Augusti” a Falerio. *Picus* 28, 193–204.
- Moor, K. 2017: Octavia Minor and the Transition from Republic to Empire. In: *Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Master of Arts History*. Clemson University, 8–11.

- Pollini, J. 1986: Ahenobarbi, Appuleii and Some Others on the Ara Pacis. *AJArch* 90/4, 453–460.
- Presicce C. (a cura) 2022: *I Fasti Capitolini*. Roma.
- Prisciani Institutionum grammaticarum libri I–XII. URL: <https://archive.org/details/PriscianiInstitutionumGrammaticarumLibriI-XII-hertz.1855/page/348/mode/1up?view=theater>.
- Wiseman, T. 1971: *The New Men in The Roman Senate: 139 B.C. – A.D. 14*. Oxford.

QUINTUS ANCHARIUS (ROMAN PRAETOR, 56 BC): QUESTIONS OF RECONSTRUCTION OF FAMILY TIES

Vera V. Dementyeva

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

E-mail: vv_dementieva@mail.ru

This article is a prosopographical study that summarizes epigraphic and narrative data on the generations of the Ancharii/Ancarii gens from the 1st century BC to the 1st century AD. When tracing family ties we start with Quintus Ancharius, praetor of 56 BC, is used as the starting point. The gens' primary territory is located in Samnium (originating from the Sabine Hills) and Picenum. The cognomens Rufus and Priscus are recorded within the gens. The presence of frequently repeated personal names Quintus and Gaius in the epitaphs of representatives of the Ancharii gens allows us to assume that the grandfather of Quintus Ancharius the Younger (praetor 56 BC) and, accordingly, the father of Ancharius the Elder (praetor 88 BC) were called Gaius, but the equestrian Ancharius (CIL I. 1569) from the ala of Scaeva mentioned with such a praenomen cannot be him, and Gaius Ancharius Rufus, named by Priscianus (Prisc. *Inst.* VII. 70), is unlikely to be him. The author presents arguments in support of the idea that the inscription from Falerio (CIL IX. 5449; AE 2008. 487) refers to Octavia the Elder (granddaughter of Ancharius the Elder and niece of Ancharius the Younger), and not to Octavian Augustus's second sister, Octavia the Younger. Titus Ancarius, mentioned in an inscription from Norcia (AE 1991. 472; AE 2004. 903), may correspond chronologically (in terms of his lifetime) to Ancharius Priscus in Tacitus (Tac. *Ann.* III. 38.1; 70.1), but no other arguments are found to confirm this. The author believes, using the example of the great-grandson of Ancharius the Elder, Sextus Appuleius (consul of 29 BC), that political leaders who did not have consuls among their ancestors, but had praetors on their father's and mother's lines, should be considered part of the stable core of the Roman ruling elite of the Republican era.

Keywords: Roman Republic, prosopographical studies, family ties, political elite, praetor, inscriptions.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 94–115
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 94–115
©Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-94–115

ИМПЕРАТОРСКОЕ СЕМЕЙСТВО В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПАТА: СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

А.В. Махлаюк

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия*

E-mail: makhl@imomi.unn.ru

ORCID: 0000-0002-7758-2374

В статье исследуются роль и значение семейно-родственных связей в системе принципата как своеобразной формы монархического правления. Рассматриваются отношения императоров, прежде всего из династии Юлиев-Клавдиев, со своими дальними, кровными или юридическими, родственниками и свойственниками, которые входили в императорский дом и зачастую становились жертвами политических расправ и преследований со стороны правящих принцев, подвергаясь смертельной опасности в силу самого своего статуса, делавшего их возможными претендентами на престол. Такая ситуация не может быть объяснена только паталогической кровожадностью отдельных императоров или так называемым «императорским безумием» (Caesarewahn Sinn). Большинство убийств внутри *domus Augusta* диктовалось специфической рациональностью и имело политический характер. В них отразилось коренное противоречие принципата, для которого, с одной стороны, изначально было характерно избегание открытой институционализации единоличной власти и правящей династии как таковой, а с другой – формирование императорского дома, приобретавшего характеристики монархического по своей сути института. Семейно-династическое наследование императорской власти соответствовало ожиданиям подвластных, прежде всего столичного плебса и армии, что вынуждало императоров, с одной стороны, искать помощников и преемников из числа родственников по крови или свойству, а с другой – видеть в них опасных конкурентов своей единоличной власти.

Ключевые слова: Римская империя, принципат, императорское семейство, *domus Augusta*, родственные связи, наследование императорской власти, династическая политика

Данные об авторе. Александр Валентинович Махлаюк – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и Средних веков Национального исследовательского ННГУ.

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект № 25-28-00997 «Память о предках и конструирование родства в периоды социально-политических трансформаций античных и средневековых обществ».

*Король: Знаете, небось, что такое королевский дворец? ...
За стеной люди давят друг друга, режут родных братьев,
сестер душат... Словом, идет повседневная, будничная
жизнь.*

Евгений Шварц «Обыкновенное чудо»

У Тацита, наряду с широко известным выражением *arcanum imperii*¹, встречается и понятие *arcana domus* («тайна императорского дома», «дворцовые тайны»). Последнее использовано в рассказе о злосчастной судьбе последнего внука Августа, Агриппы Постума, убийство которого сразу по восшествии на престол Тиберия стало *primum facinus novi principatus* – «первым (зло)деянием нового принципата». Историк особо подчеркивает, что Август, хотя и сетовал на нравы этого юноши и отправил его в изгнание, заручившись постановлением сената, тем не менее «никогда он не ожесточался до такой степени, чтобы умертвить кого-либо из членов своей семьи, и маловероятно, чтобы он пошел на убийство внука ради безопасности пасынка». Ответственность Тацит фактически возлагает на Тиберия и Ливию, которые – «он из страха, она из свойственной мачехам враждебности» – поспешили убрать внушавшего подозрения юношу (*propius vero Tiberium ac Liviam, illum metu, hanc novercalibus odiis, suspecti et invisī iuvenis caedem festinavisse*)². Последующие события показали, что эти опасения были небезосновательны: раб Агриппы по имени Клемент, если верить Тациту и другим свидетельствам, сначала, узнав о кончине Августа, попытался выволить Агриппу с острова Планазии, где тот находился в течение семи лет, и доставить в войска на германской границе, но, не успев, выкрал его прах, а затем распространил слух о том, что его господин якобы спасся, и, выдавая себя за него, приобрел немало сторонников и готовился покуситься на власть Тиберия, но по поручению последнего Саллюстий Крисп³ хитростью захватил Клемента, тот был доставлен к императору и тайно казнен (Тас. *Ann.* II. 39–40; Suet. *Tib.* 25. 1–3; Cass. *Dio* LVII. 16. 3–4).

Кто бы ни был истинным инициатором устранения Агриппы – и независимо от того, насколько достоверна сама история Клемента⁴, были ли его действия как-то связаны с членами императорского семейства или же это была собственная

¹ Тас. *Hist.* I. 4. 2: *evulgato imperii arcana posse principem alibi quam Romae fieri* («разглашенной оказалась тайна, окутывавшая приход принцепса к власти, и выяснилось, что им можно стать не только в Риме»). Ср. *Ann.* II. 36. 2, где *arcana imperii* переведено как «самая сущность единодержавия» (здесь и далее «Анналы» цитируются в переводе А.С. Бобовича).

² Тас. *Ann.* I. 6; ср. Vell. Pat. II. 112. 7; Suet. *Tib.* 22; Cass. *Dio* LVII. 3. 5–6. Этот эпизод неоднократно становился предметом специальных исследований, в которых предложены самые разные его интерпретации. См., например: Höhl 1935; Levick 1999, 65–66; Wiedemann 2008, 202 (убийство Агриппы было осуществлено по распоряжению Августа в завещании); Allen 1947 (смерть Агриппы по естественным причинам); Detweiler 1970 (в смерти виновны Ливия и Тиберий); Scharf 2001 (обзор всех источников и версий); Jones 2016 (причины исключения Агриппы из завещания Августа). См. также: Cogitore 1990.

³ Один из друзей Августа (Plin. *NH.* XXXIV. 3; Тас. *Ann.* III. 30. 3; PIR² VII, S 87).

⁴ Недавно было высказано мнение (Торбин 2024) о фиктивности самого этого события, которое было сконструировано Тацитом на основе традиции, благоволящей Агриппе Постуму и восходящей к Агриппине Старшей. Однако приведенные А.А. Торбиным аргументы представляются всё же недостаточно убедительными, чтобы полностью отвергнуть историчность мятежа Клемента.

инициатива раба, вышедшего из-под их контроля после первой неудачной попытки спасти Агриппу, – в этом эпизоде, вероятно, присутствуют отголоски династического спора между двумя ветвями императорского *domus*⁵. В любом случае судьба Агриппы Постума стала кульминацией всей неопределенности и потрясений, связанных со смертью Августа⁶.

И если Клемент выдавал себя за Агриппу, то Нимфидий Сабин, преторианский префект в конце правления Нерона, решив после смерти последнего из Юлиев-Клавдиев добиться императорской власти, распространял слухи о том, будто он является внебрачным сыном Гая Цезаря (Калигулы), который якобы еще подростком имел связь с его матерью, обладавшей приятной наружностью и родившейся от вольноотпущенника Цезаря по имени Каллист и какой-то швейи-поденщицы (Plut. *Galba*. 9. 1–2; Tac. *Ann.* XV. 72. 4). При этом префект предпринимал определенные шаги в Риме с помощью друзей, и ему тайно содействовали некоторые женщины и сенаторы (Plut. *Galba*. 9. 5). Не углубляясь в детали этой истории⁷, отметим, что даже внебрачное происхождение от императора могло мыслиться как весомое основание для притязания на власть, а в некоторых случаях, как известно, стать реальным доводом в пользу провозглашения нового императора, как это произошло в 218 г. в случае с Гелиогабалом (Варием Авитом Бассианом), которого его бабка Юлия Меса и мать Юлия Созмия объявили внебрачным сыном Каракаллы (тот якобы вступил в связь со своей кузиной Юлией Созмией) и тем самым добились поддержки его кандидатуры среди солдат и части сенаторов (Cass. Dio LXXIX. 31. 3; 32. 2–4; Hdn. V. 3. 10; 4. 1–4; SHA. *Macr.* 9. 4; 10. 2)⁸.

В рамках же той темы, к которой мы обратимся в данной работе, эпизод со смертью младшего внука Августа, как он представлен Тацитом, важен указанием на три принципиальных момента. Это, во-первых, опасная неопределенность в положении преемника власти, которому мог быть брошен вызов со стороны возможных претендентов из числа других кровных или юридических родственников покойного принцепса (в случае с Тиберием эта неопределенность усугублялась отсутствием прецедентов перехода власти, но в той или иной степени, ввиду отсутствия какого бы то ни было закона о престолонаследии, соответствующие риски возникали практически в каждой ситуации на протяжении всей истории принципата⁹). Во-вторых, члены императорского семейства, даже из самых близких родственников, как потенциальные претенденты на власть подвергались смертельной опасности в силу самого своего статуса, делавшего их альтернативными претендентами на престол, подчас даже независимо от их собственных намерений. В-третьих, при всей публичности этого верховного семейства, которую целенаправленно культивировал первый принцепс¹⁰, очень многое из того, что происходило внутри семейного и придворного окружения императора, должно было оставаться – и оставалось – скрытым от посторонних глаз, являясь

⁵ Rodeghiero 2018, 192.

⁶ Jones 2016, 85.

⁷ О заговоре Нимфидия см.: Ottley 2010; Дороненко 2021.

⁸ Icks 2011, 11–12.

⁹ France, Hurlet 2019, 181–202; Sheldon 2023, 190–202.

¹⁰ Severy 2003, 96–139, 158–186.

той самой *arsana domus*, которую упоминает Тацит, утверждая, что Саллюстий «убедил Ливию, что не следует распространяться ни о дворцовых тайнах, ни о дружеских совещаниях, ни об услугах воинов и что Тиберий не должен умалять силу принципата, обо всем оповещая сенат» (Тас. *Ann.* I. 6. 3).

Предметом нашего рассмотрения, однако, будут не столько эти дворцовые тайны, сколько судьбы тех членов императорского семейства, которые, подобно Агриппе Постуму, стали жертвами тайной борьбы за власть, произвола и подозрительности своих августейших родственников (и свойственников), т.е. судьбы тех персонажей второго и третьего плана, для которых семейно-родственные связи с принцепсами оказывались действительно смертельно опасными. В отличие от таких хорошо известных близких родственников принцепсов, как Юлии Старшая и Младшая, дочь и внучка Августа (который их вместе с Агриппой Постумом «называл тремя своими болячками и язвами» — *tris vomicas ac tria carcinomata sua* (Suet. *Aug.* 65. 4)), Друз Младший, Мессалина, ее дети от Клавдия Британник и Октавия, мать Нерона Агриппина Младшая, младший брат Каракаллы Гета, эти второ- и третьестепенные члены императорского дома редко попадают в фокус внимания исследователей и, насколько мне известно, еще не рассматривались в научной литературе в целом как особая часть императорского семейства и группа смертельного риска, обусловленного их возможной ролью в раскладке династических комбинаций.

Между тем эта группа, несомненно, заслуживает пристального рассмотрения, без которого невозможно в полной мере судить об императорском дворе как центре власти, о хитросплетениях его тайных механизмов и мотиваций, об императорском семействе как одном из наиболее значимых элементов принципата в целом. В этом отношении *arsana domus*, очевидно, самым непосредственным образом пересекаются с *arsanum imperii*, суть которой, как известно, в том, что можно было стать императором вне Рима; первая касается собственно династического фактора¹¹, а вторая, имея и более широкий смысл, относится скорее к способам смены одной династии другой, прежде всего через участие армии. Чтобы предметно говорить о специфике римского императорского династизма, а стало быть, и всей политической системы принципата, важно выяснить, какое значение придавалось семейным связям и родству с правящим принцепсом или его предками при выборе нового императора и легитимации его власти, какие степени родства мыслились как необходимые и достаточные, чтобы претендовать на императорский престол, почему, наконец, даже дальние родственники императорского семейства нередко оказывались жертвами династической политики. Не претендуя на исчерпывающий охват всех императорских родственников и свойственников, подвергшихся преследованиям и гибели¹², мы остановимся лишь на некоторых наиболее показательных случаях, относящихся главным образом к периоду правления первой императорской династии. Их анализ может помочь ответить на поставленные вопросы.

Но, прежде чем обратиться к конкретным свидетельствам, стоит в нескольких чертах обозначить тот общеисторический контекст, в котором соответствующие

¹¹ См. важные соображения на этот счет в работе: Hurlet 2009.

¹² Материал, относящийся к второстепенным и малоизвестным персонажам, входившим в императорское семейство, компактно представлен в книге: Craven 2019, которая может служить отправным пунктом для просопографии императорских родственников.

эпизоды имели место. Отметим прежде всего, что с обеими названными тайнами были связаны неизбежные опасности положения самого принцепса. Известно, что сроки правления римских императоров были самыми короткими среди трех десятков разных монахий. От Августа до Коммода включительно правили 18 императоров – в среднем 12,7 года. Естественной смертью их умерли 55,6%, были убиты 33,3%, 11,1% покончили с собой¹³. Исследование царевубийств в европейских монархиях с 600 по 1800 г., проведенное криминологом М. Айснером, показало, что из 1513 правителей в 24 европейских монархиях за рассматриваемый 1200-летний период 219 были убиты, а 8 казнены по решению суда¹⁴. Согласно принятой в криминологии методике для оценки уровня убийств, при которой в качестве знаменателя используется 100 000 человеко-лет, уровень убийств для изученных европейских монархов составляет 1 002,6 на 100 000 лет правления или 727,9, если исключить сомнительные случаи, такие как отравления¹⁵. Если же взять период с 27 г. до н.э. по 300 г. н.э., то известно 26 достаточно достоверных случаев убийства императоров другими римлянами: двое из них были казнены после поражения и свержения, от одного до четырех погибли в бою, а остальные 20–23 были убиты. Этот период охватывает около 372 лет правления, поскольку в некоторые периоды одновременно существовало несколько императоров с титулом августа. Это дает около 6 989 убийств на 100 000 лет правления, что почти в 10 раз превышает показатель для периода с 600 по 1800 г. Даже если исключить кризисный III век, когда убийства императоров происходило особенно часто, и говорить об императорах до Септимия Севера, то шесть определенных убийств действующих императоров и одна казнь свергнутого императора (Дидия Юлиана в 193 г.) дают цифру 3 070 убийств на 100 000 лет правления. Это означает, что убийства правителей в Римской империи были гораздо более распространены, чем даже в самый жестокий период раннего европейского Средневековья¹⁶.

Как подчеркивается в литературе, общим фактором всех этих убийств и династических кризисов было отсутствие в эпоху принципата понятной и работоспособной системы «престолонаследия»¹⁷. Ни собственно властные полномочия принцепса, определяемые в первую очередь *imperium proconsulare maius* и *tribunicia potestas*, ни почести и титулы, предоставляемые сенатом и народом, нельзя было передать по наследству¹⁸. Это было, пожалуй, единственным и наиболее очевидным слабым местом системы, созданной Августом, и именно

¹³ Retief, Cilliers 2010. См. также Sheldon 2023 (о насильственных смертях среди Юлиев-Клавдиев).

¹⁴ Eisner 2011.

¹⁵ Kelly 2022, 379.

¹⁶ Kelly 2022, 381.

¹⁷ Sawiński 2018, 255; Grainger 2020, XIV, 27, 301.

¹⁸ Сам Август стремился разными способами обеспечить наследование *in domo*, но по сути дела хотел передать свое положение – *stationem meam*, как он выражается в письме своему внуку и приёмному сыну Гаю (*August. Epist. Fr.* 22 *Malkovati* = *Gell. XV. 7. 3*; ср. *AE* 1996, 885, v. 130). Ср. также слова Веллея Патеркула о том, что сенат и римский народ настаивали, чтобы Тиберий занял место отца – *ut stationi paternae succederet* (II. 124. 2). Слово *statio*, первоначально использовавшееся в военной сфере в значении «сторожевой пост, караул», впоследствии было заимствовано философами-стоиками и в переносном смысле указывало на положение следующего своему долгу мудреца. Его использование Августом означает, что он считал себя человеком, стоящим на страже государственного порядка и общего блага (*Köstermann* 1932; *Béranger* 1973, 153–163).

здесь, по словам М. Бирд, коренились невероятные интриги, в которые вовлекались самые разные персонажи; можно сказать, что наследование и его проблемы были в самом центре имперской истории¹⁹. Статистика же насильственных смертей среди императоров свидетельствует, что процесс престолонаследия часто сопровождался жестоким насилием, причем многие императоры выметали с доски своих мало-мальски возможных преемников, особенно тех, кто был членами их собственного семейства, поскольку любой такой персонаж был потенциальной угрозой²⁰. И среди этих последних вероятность насильственной гибели, очевидно, была не менее значительной, чем среди самих правителей.

Примечательно также, что за 200 с лишним лет принципата только дважды родные сыновья становились преемниками на императорском престоле своих отцов: Тит, сын Флавия Веспасиана, в 79 г. и Коммод, сын Марка Аврелия, в 180 г.²¹ Если же взять все четыре династии Ранней империи, то передача Септимием Севером власти своим двум родным сыновьям как соправителям в 211 г. – всего лишь третий прецедент такого рода. В сравнении с другими монархиями в мировой истории это выглядит как минимум необычно, так же, как и сравнительно частое совместное правление двух императоров, которое, как и другие способы передачи и легитимации власти в рамках императорского семейства (усыновление, наделение потенциального преемника соответствующими властными полномочиями и почестями, эндогамные браки), было впервые использовано Октавианом Августом²² и стало впоследствии распространенной практикой²³. Отсутствие прямого наследника мужского пола вынудило Августа – а затем и многих последующих императоров – искать преемника среди родственников по женской линии, посредством усыновления, что ещё больше усиливало политическую значимость браков внутри обширного семейства²⁴. В итоге при принципате сложилась система передачи власти, коренным образом отличавшаяся от той, что существовала в восточных или эллинистических монархиях, не говоря уже о феодалных монархических государствах²⁵. Тем не менее это была династическая, хотя и своеобразная, система правления в обществе, которое уделяло особое внимание родству²⁶, и в государстве, которое в самих своих основах не могло обойтись без «республиканского фасада», но было, по своей сути, единовластием.

Средоточием же этого специфического римского монархизма как раз и были императорское семейство и императорский двор. За долгие десятилетия правления Октавиана Августа род Юлиев трансформировался в *domus Augusta* (*domus Caesaris*/*Caesarum*/*principis*/*Caesarea domus*) – особую семейную группу, выходящую по

¹⁹ Beard 2023, 57.

²⁰ Grainger 2020, XV.

²¹ Beard 2023, 67.

²² Mommsen 1877, 1089–1109; Hurler 1997; Таривердиева 2017; Gibson 2013; Sawiński 2018.

²³ По подсчетам Э. Корнеманна, из 262 лет между правлениями Августа (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.) и Александра Севера (222–235) 106 лет (т. е. более 40% эпохи ранней империи) императорская власть была в той или иной форме разделена между соправителями (Kornemann 1930, 184).

²⁴ Duchêne 2013, 264.

²⁵ Cp. Corbier 2007, 188.

²⁶ Hekster 2015, 25.

своему составу за круг кровных родственников, со своей внутренней иерархией²⁷, которая постоянно менялась в зависимости от изгнаний, смертей и усыновлений и служила «резервуаром» потенциальных наследников, которым можно было передать необходимый опыт²⁸. С установлением принципата *familia* замещается более широким понятием *domus*, позволявшим включить в семейную группу как кровных родственников по женской линии (как это было в случае детей Октавии, сестры Августа, или его дочери Юлии Старшей)²⁹, так и агнатов и предков по восходящей линии, что применительно к императорскому семейству делало понятие *domus* отчасти синонимом династии³⁰. Фактически *domus Caesarum* был столь обширной группой, что внутри нее неизбежно возникали отдельные «дома», как, например, *domus Germanici* («дом Германика»), который вызывал враждебность со стороны Тиберия³¹. Но в целом, говоря о первой императорской династии, *domus Augusta* функционировал как родственная группа, достаточно большая, чтобы посредством внутренних союзов обеспечить собственное воспроизводство и преемственность, но и достаточно узкая, чтобы избежать распыления права наследования среди слишком большого числа соперничающих кандидатов³².

Тем не менее такие потенциальные претенденты, в том числе среди дальних родственников и свойственников императоров, неизбежно появлялись, и именно они становились едва ли не первоочередной мишенью императорской подозрительности. Если говорить только об их насильственной гибели, то получится довольно пространный мартиролог. Конечно, в каждом конкретном случае такого рода политических расправ могли переплетаться самые разнообразные мотивы: от банальной ревности и личной неприязни до циничного расчета и корыстных происков отдельных членов императорского окружения. Но стоит обратить внимание на те комментарии и суждения, которыми античные авторы, сообщая о таких фактах, сопровождают свои свидетельства, указывая, помимо прочего, и на отношение подданных к родственным связям внутри императорского дома как фактору признания законности верховной власти. Из этих сообщений, как и из общего контекста подобных ситуаций, вырисовывается своеобразное римское понимание императорского династизма, в котором кровные узы с основателем династии выходят на первый план.

Особенно характерен в этом отношении ряд пассажей Тацита. В частности, описывая реакцию жителей столицы на развивающийся конфликт между Тиберием и Агриппиной Старшей, вдовой Германика, он подчеркивает, что Тиберия особенно задела «вспыхнувшая в толпе любовь к Агриппине: люди называли ее украшением родины, единственной, в ком струится кровь Августа, непревзойденным образцом

²⁷ О происхождении выражения *domus Augusta*, которое впервые зафиксировано у Овидия (*Ex Ponto* II. 2. 67–74) и используется затем в таких документах времен Тиберия, как “*Senatus consultum de Cn. Pisone patre*” (v. 33) и *Tabula Sierensis* (v. 17), см. Flory 1996, 291–296. Об этом феномене в целом см., например: Winterling 1999, 21–22, 196; Moreau 2005; Corbier 2007.

²⁸ Corbier 2007, 179; Duchêne 2013, 264. В таком смысле это понятие употреблено Тацитом в характеристике семейства Тиберия: *plena Caesarum domus* (*Ann.* IV. 3. 1).

²⁹ Fertik 2019, 40.

³⁰ Hekster 2015, 25. Подробнее см.: Hurler 2013, 119–122; Le Doze 2017, 68–78.

³¹ Saller 1984, 346–347. Ср. Tac. *Ann.* II. 43. 5: *divisa namque et discors aula erat tacitis in Drusum aut Germanicum studiis* («...ибо весь двор был разделен на два противостоящих друг другу стана, молчаливо отдававших предпочтение или Германику, или Друзу»).

³² Corbier 2007, 181.

древних нравов (*decus patriae, solum Augusti sanguinem, unicum antiquitatis specimen appellarent*)», при этом люди молили богов сохранить в неприкосновенности ее отпрысков, «чтобы они пережили своих недоброжелателей» (*Ann.* III. 4. 3). В другом эпизоде Агриппина при встрече с Тиберием резко заявляет ему, что она – «его (Августа. – *А.М.*) действительное и живое подобие, порожденное божественной кровью (*se imaginem veram, caelesti sanguine ortam*)» (*Ann.* IV. 52. 2). На важность же для простого народа кровного родства наследника «престола» с принцепсом указывает и сообщение Тацита о том, что после провозглашения Нерона императором завещание Клавдия не было оглашено, чтобы «предпочтение, отданное им пасынку, хотя у него был собственный сын, своею несправедливостью не смутило простой народ и не вызвало в нем негодования (*ne antepositus filio privignus iniuria et invidia animos vulgi turbaret*)» (*Ann.* XII. 69. 3).

Еще одно свидетельство Тацита (*Ann.* XIII. 1. 1–2) касается младшей Агриппины. Стремясь упрочить положение своего сына Нерона, приведенного к власти после убийства Клавдия, она устроила интригу против Марка Юния Силана, который был проконсулом Азии. Здесь историк снова ссылается на мнение городской толпы, которая оказывается не безразличной к выбору носителя власти и связывает его с «кровью Августа» (*Augusti sanguis*). По Тациту, Силан навлек на себя гибель «потому, что, погубив его брата Луция Силана³³, Агриппина страшилась возмездия, ибо в народе шли упорные толки, что едва вышедшему из детского возраста и преступно овладевшему верховною властью Нерону следует предпочесть мужа в зрелых годах, ничем не запятнанного, знатного и из потомков Цезарей, что тогда почиталось превыше всего: ведь и Силан также был праправнуком божественного Августа (*quod tunc spectaretur, e Caesarum posteris: quippe et Silanus divi Augusti abnepos erat*)»³⁴. При этом Тацит, рассказывая о смерти Силана (*Ann.* XIII. 1. 1), явно использует аллюзию на зловещее начало правления Тиберия, которое ознаменовалось смертью Агриппы Постума: *prima novo principatu mors Iunii Silani... ignaro Nerone per dolum Agrippinae paratur*³⁵. Юний Силан был отравлен на пиру всадником Публием Целером и вольноотпущенником Гелием, ведавшими личным имуществом принцепса в провинции Азия. Ближе к концу правления Нерона, столкнувшись с огульными обвинениями, покончил с собой и третий брат, Д. Юний Торкват, консул 53 г., и Тацит прямо называет причиной его смерти происхождение от Августа³⁶. После заговора Пизона погиб и Луций, юный

³³ Огульно обвиненный в прелюбодеянии со своей сестрой Юнией Кальвиной, Л. Силан, несмотря на то что он был обручен с дочерью Клавдия Октавией, был вынужден покончить жизнь самоубийством по приказу Клавдия (*Suet. Claud.* 27. 1; 29. 1; *Tac. Ann.* XII. 3–4; 8; *Cass. Dio* LX. 31. 7). Сама же Кальвина была позже отправлена в изгнание из-за дела Мессалины, возвращена обратно в 59 г. и благополучно встретила старость, скончавшись в 79 г. Она вышла замуж за Луция Вителлия, консула-суффекта в 48 г., который стал жертвой свержения своего брата императора Авла Вителлия (*ILS* 6239; *PIR*² I 856).

³⁴ Т.е. Силан находился в такой же степени родства с основателем принципата, что и Нерон: его мать, Эмилия Лепида, было дочерью Юлии Младшей, внучки Августа. См. *PIR* I² A 419; IV² I 829. О Юниях Силанах см. *Syme* 1989, 188–199.

³⁵ «... первой при новом принципате была гибель Юния Силана... устроенная кознями Агриппины при неведении Нерона». Ср. цитированный в начале статьи пассаж из *Ann.* I. 6. 1: *primum facinus novi principatus*. См. *Baldwin* 1985, 206.

³⁶ *Ann.* XV. 35. 2: «... принудили к самоубийству Торквата Силана, ибо, помимо его принадлежности к славному роду Юниев, божественный Август приходился ему прапрадедом». Ср. *Cass. Dio* LXII. 27. 2.

сын М. Силана: приговоренный к изгнанию вместе со старым Кассием Лонгином, мужем его тетки Лепиды; он был убит центурионом (Тас. *Ann.* XVI. 7–9)³⁷. Таким образом, Юнии Силаны, как констатирует Б. Болдуин, возвышались и гибли почти монотонно, особенно при Калигуле, Клавдии и Нероне³⁸, причем и то, и другое происходило во многом благодаря их родству с основателем принципата.

Действительно, такого рода расправы над собственными родственниками, в первую очередь теми, кто мог похвастаться происхождением от августейшей крови, в исторической традиции предстают как деяния «дурных» принцев с репутацией тиранов. Так, Тиберий, вслед за Агриппой Постумом, способствовал смерти своей бывшей жены, дочери Августа Юлии, уже 16 лет находившейся в ссылке (Тас. *Ann.* I. 53. 1–3; Cass. Dio LVII. 18. 1^a). В 16 г. Тиберием был принужден к самоубийству М. Скрибоний Либон Друз, правнук Помпея Великого, племянник Скрибонни, бывшей жены Августа, и двоюродный брат его внуков Гая и Луция Цезарей, о заговоре которого подробно рассказывает Тацит (*Ann.* II. 27–32)³⁹.

В числе прочих Тиберий расправился в 33 г. со своими собственными внуками Нероном и Друзом Цезарем, возможно, потому, что пришел к выводу, что они неприемлемы в качестве его наследников⁴⁰, причем, если верить Светонию, «сам написал на них обвинение, полное самых ядовитых нареканий, и, когда они были объявлены врагами отечества, умертвил их голодом...» (Suet. *Tib.* 54. 2. Здесь и далее пер. М.Л. Гаспарова). Тиберий также прекрасно понимал, что с его смертью и назначением Гая Калигулы императором его единственный оставшийся в живых родной внук, юный Тиберий Гемелл, сын Друза и Ливиллы, фактически будет обречен, подобно Агриппе Постуму и по той же причине. Сообщается, что старый император, рыдая, прижимал к себе мальчика и кричал Гаю: «Ты убьешь его!» (Тас. *Ann.* VI. 46. 4; ср. Cass. Dio LVIII. 23. 3). И Гемелл, хотя и усыновленный Калигулой после восшествия на престол, прожил совсем недолго и был принужден своим кузеном к самоубийству⁴¹. Вместе с тем, даже испытывая неприязнь к Гаю из-за любви к нему в народе и считая Клавдия умственно ограниченным, Тиберий не хотел искать преемника вне своего рода, так как опасался, по словам Тацита, «навлечь насмешки и поношения на память Августа, на род Цезарей»⁴², т. е. ориентировался на общественное мнение, которое, как мы видели из других замечаний Тацита, ставило во главу угла семейное происхождение и кровные узы наследника императорского статуса.

При Тиберии погиб и его единственный родной сын Друз (Друз Юлий, как он стал именоваться после усыновления Тиберия Августом в 4 г.), ставший в 23 г. жертвой собственной супруги (Клавдии) Ливии Юлии (она была вдовой внука

³⁷ Syme 1989, 192.

³⁸ Baldwin 1985, 208; ср. Syme 1989, 192.

³⁹ Ср. Vell. II. 130. 3; Sen. *Ep.* 70. 10; Suet. *Tib.* 25. 3; Cass. Dio LVII. 15. 4— О происхождении, семейных связях и самом заговоре Либона см.: Weinrib 1968; Cogitore 2002, 181–190; Pettinger 2012, 219–234 (автор отмечает, в частности, что отец Либона как приемный сын М. Ливия Друза Клавдиана приходился сводным братом Ливии Друзилле и дядей Тиберию, а значит, Скрибоний Друз Либон мог считаться двоюродным братом императора).

⁴⁰ Grainger 2020, 31.

⁴¹ Phil. *Leg. ad Gaium.* 4–5; In *Flacc.* 3; Suet. *Cal.* 23. 3; Ios. *Ant. Iud.* XVIII. 6. 9; Cass. Dio LIX. 8. 1.

⁴² Тас. *Ann.* VI. 46. 2: *sin extra domum successor quaereretur, ne memoria Augusti, ne nomen Caesarum in ludibria et contumelias verterent, metuebat.*

Августа Гая и приходилась кузиной Друзу как дочь Друза Старшего и Антонии Младшей), которая отравила его, чтобы, по версии Тацита, вступить в брак с раввавшимся к власти префектом претория Сеяном, притворившимся влюбленным в нее и склонившим ее к прелюбодеянию (Тас. *Ann.* IV. 3. 3–4). Об отравлении стало известно только после устранения Сеяна в 31 г., и Ливия либо была приговорена к смерти Тиберием, либо, переданная своей матери Антонии, умерщвлена голодом (Cass. Dio LVII. 11. 7)⁴³.

Непосредственные связи с *domus Caesarum* имело видное семейство Азиниев Галлов⁴⁴, и некоторые из них стали жертвами императорских репрессий. В их числе был Гай Азиний Галл (консул 8 г. до н.э.), сын знаменитого военачальника Цезаря, оратора, поэта и историка Гая Азиния Поллиона. Один из самых высокопоставленных и уважаемых консуляров Рима, пользовавшийся доверием Августа⁴⁵, Галл в 11 г. до н.э. женился на Випсании, дочери Марка Агриппы⁴⁶ и бывшей жене Тиберия, который развелся с ней по приказу Августа, чтобы жениться на овдовевшей дочери принцепса Юлии, и это стало главным мотивом личной неприязни Тиберия к Галлу, который к тому же заявлял права на Друза, сына Тиберия от Випсании, как на своего сына (Cass. Dio LVII. 2. 7) и тем самым, по мнению Тиберия, передаваемому Тацитом (*Ann.* I. 12. 4), «заносился... выше дозволенного рядовым гражданам (*plus quam civilia agitare*)». Азиний Галл упоминается Тацитом в числе тех трех мужей, которых Август в своих последних беседах рассматривал как способных его заменить (Тас. *Ann.* I. 13. 2). В правление Тиберия он отличался независимостью суждений и позиции по многим вопросам, что усугубляло ненависть Тиберия к нему (Тас. *Ann.* I. 76; 77; II. 33; 35; 36; IV. 20; 30; 71; Cass. Dio LVII. 2. 5–7; LVIII. 3. 1–2). В 30 г. он был отправлен Тиберием под домашний арест без официального суда и обвинения в каком-либо преступлении и спустя три года умер от голода. Тиберий посмертно обвинил его в прелюбодеянии с Агриппиной Старшей (Тас. *Ann.* VI. 23. 1–2; 25. 1–2; Cass. Dio LVIII. 3. 2–6), а его имя было подвергнуто *damnatio memoriae*⁴⁷.

В браке с Випсанией Галл стал отцом пятерых сыновей, которым Агриппина Старшая приходилась теткой по матери, а Друз, сын Тиберия, был единокровным братом. Один из них, тоже Азиний Галл, оказался впоследствии замешан в заговор против Клавдия, но отделался лишь изгнанием (Suet. *Claud.* 13. 3), поскольку, как поясняет Кассий Дион, из-за своего малого роста и уродливой внешности внушал скорее смех, чем опасения: «просто по своей великой глупости стал вести себя надменно и дерзко, возомнив, будто из-за знатности его рода римляне охотно примут его власть» (Cass. Dio LX. 27. 5). Его брату Сервию Азинию Целеру (консулсуффекту 38 г.) повезло меньше: хотя он считался другом императора Клавдия, но по неизвестным причинам впал в немилость и был казнен (Sen. *Apocol.* 13. 5).

⁴³ Подробнее см.: Cenerini 2014; Martina 2016, 296–301.

⁴⁴ О нем см. Oliver 1947.

⁴⁵ В письме к гражданам Книда, относящемся к 6 г. до н.э., когда Галл был наместником провинции Азия, Август называет его «своим другом» – τῷ ἐμῷ φίλῳ (SEG III, 780).

⁴⁶ Примечательно замечание Тацита, сообщающего о ее смерти в 20 г.: «...Випсания, единственная из детей Агриппы, умершая своей смертью, ибо все остальные были умерщвлены, – кто явно оружием, кто, по общему мнению, – ядом и голодом» (Ann. III. 19. 3).

⁴⁷ Об истории Галла подробно см., например: Shotter 1971; Herbert-Brown 2004; Satterfield 2023.

Вместе с тем, Тиберий в ряде случаев доверял ответственные должности членам императорского дома, к которому, по традиции, сложившейся при Августе, относились и зятья. Показателен в этом плане состав созданной в 36 г. специальной коллегии для определения ущерба после пожара в Риме⁴⁸. В ее состав были включены мужья четырех внучек принцепса (Тас. *Ann.* VI. 45. 3), а именно: Гней Домиций Агенобарб, муж Агриппины Младшей⁴⁹, Луций Кассий Лонгин (консул 30 г.), муж Друзиллы, Марк Виниций (консул 30 и 45 гг.)⁵⁰, женатый на Юлии Ливилле, и Рубеллий Бланд, супруг единственной родной внучки императора, Юлии.

Но если Тиберию хватало государственной мудрости, чтобы сочетать в отношении членов императорского дома предоставление почетных должностей одним и устранение других, неугодных или опасных в династических раскладах персон, то по вине его юного преемника, Калигулы, правившего всего четыре года, пострадало или погибло немало его августейших родственников и свойственников. Несмотря на то что в самом начале правления он проявил демонстративную почтительность к покойной матери, сестрам и бабке Антонии, которую сделал Августой (Cass. Dio LIX. 3. 3–5), а дядю, будущего императора Клавдия, выбрал своим коллегой по консулату⁵¹, очень скоро его отношение к родственникам радикально изменилось. Антонию всяческими унижениями он принудил к добровольной смерти, а возможно, и отравил (Suet. *Cal.* 23. 2; 29. 1; 39. 1; Cass. Dio LIX. 3. 6). Она умерла 1 мая 37 г. в возрасте 73 лет⁵². После смерти в 38 г. Друзиллы, любимой сестры Калигулы, которую он горько оплакивал и удостоил всевозможных почестей, включая обожествление (Cass. Dio LIX. 3. 6; 11. 1–5; Sen. *Cons. ad Polyb.* 17. 4–6), он в 39 г. наказал двух других сестер, Юлию Ливиллу и Агриппину, ссылкой на Понтийские острова за прелюбодеяние с Марком Лепидом, мужем Друзиллы, и соучастие в заговоре с ним⁵³. По обвинению в заговоре был убит и сам Лепид, хотя он был любовником и фаворитом Гая, который вместе с ним участвовал в постыдных связях с другими его сестрами, но которого он даже хотел оставить после себя наследником своей власти (Suet. *Cal.* 24. 3; Sen. *Ep.* I. 4. 7; Cass. Dio LIX. 11. 1; 22. 6–7)⁵⁴.

⁴⁸ Караваев 2014, 22.

⁴⁹ Тиберий сделал его консулом 32 г., «помимо древности его рода, также и потому, что тот состоял с Цезарями в кровном родстве» (*propinquum Caesaribus sanguinem delegerat*) (Тас. *Ann.* IV. 75).

⁵⁰ После убийства Калигулы в 41 г. Виниций объявил себя кандидатом на императорский престол (Ios. *Ant. Iud.* XIX. 4. 3). В 46 г. он был отравлен Мессалиной, чьи ухаживания он отверг и которая опасалась, что он мог замыслить месть за Юлию Ливиллу (Cass. Dio LX. 27. 4). См. PIR² V 445; Syme 1989, 183.

⁵¹ Впрочем, как замечает Кассий Дион, «он, наверное, убил бы и Клавдия, если бы не относился к нему с презрением, поскольку тот – отчасти по природе, отчасти из предусмотрительности – выглядел совершенным тупицей» (Cass. Dio LIX. 23. 5)

⁵² Segenni 1995, 315.

⁵³ Cass. Dio LIX. 22. 8; Suet. *Cal.* 24. 3; 29. 1; Phil. *Leg. ad Gaium.* 12; ср. также Hier. *Chron.* 178. 22–23 Helm: *Gaius sorores suas, quibus stuprum intulerat, insularum exilio condemnat* («Своих сестер, с которыми вступил в постыдную связь, Гай отправляет в ссылку на острова»). Утверждение Орозия (VII. 5. 9), что Гай приказал казнить своих сестер и только его смерть предотвратила казнь, не соответствует действительности. О сестрах Калигулы см. Humphrey 1979.

⁵⁴ Syme 1989, 136, 283, 298. Сестра Лепида была замужем за Друзом, сыном Германика, но, обвиненная в прелюбодеянии с рабом, была вынуждена покончить с собой (Тас. *Ann.* VI. 40. 3).

Под надуманным предлогом⁵⁵ Калигула заставил покончить с собой своего тестя М. Юния Силана, отца своей первой жены Юнии Клавдиллы (Suet. *Cal.* 23. 3; Phil. *Leg. ad Gaium.* 9–11; Sen. *Apocol.* 11. 2; Cass. Dio LIX. 8. 4). Вторую жену, Корнелию Орестиллу, которую увел прямо с пира по случаю ее помолвки с Гаем Кальпурнием Пизоном, Калигула отправил в изгнание вместе с бывшим женихом, обвинив их в том, что они встречаются друг с другом (Cass. Dio LIX. 8. 7). Четвертая же супруга Гая, Милония Цезония⁵⁶, была жестоко умерщвлена вместе с дочерью Друзиллой сразу после убийства Гая (Suet. *Cal.* 59; Ios. *Ant. Iud.* XIX. 2. 4; Cass. Dio LIX. 29. 7), что, очевидно, объясняется стремлением заговорщиков сразу и на корню предотвратить вероятное в будущем использование супруги и дочери свергнутого императора в борьбе за власть⁵⁷.

Дальним родственником приходился Гаю последний мавретанский царь (23–40 гг.) Птолемей, сын Юбы⁵⁸, которого он вызвал к себе и умертвил либо ради богатства (Cass. Dio LIX. 25. 1), либо из зависти к его пурпурному плащу, блеск которого привлек к себе все взгляды во время гладиаторских игр (Suet. *Cal.* 35. 1).

Вольным или невольным виновником гибели многих своих родственников был и император Клавдий, имевший нескольких детей от разных жен и сам погибший в результате заговора, организованного его четвертой супругой и племянницей Агриппиной Младшей. И хотя в целом ряде случаев устранение неугодных происходило по инициативе Мессалины и Агриппины, именно Клавдий представлен едва ли не как серийный убийца в той обвинительной речи, которую на совещании богов, решавших посмертную судьбу покойного императора, произносит божественный Август в «Апоколокинтосисе» Сенеки⁵⁹. В ее начале (*Apocol.* 10. 4) Август обвиняет Клавдия в убийстве двух Юлий, своих правнучек (дочерей Друза и Германика, т. е. родных племянниц Клавдия), и одного своего правнука Луция Силана, а далее заявляет, что Клавдий «убил своего тестя, Аппия Силана, двоих своих зятьев – Магна Помпея и Луция Силана⁶⁰, – свекра своей дочери, Красса Фруги... свекровь своей дочери Скрибонию, супругу свою Мессалину⁶¹...» (*Apocol.* 11. 5).

Действительно, обе Юлии сначала были возвращены Клавдием из изгнания (Cass. Dio LX. 4. 1), но после того, как Мессалина обвинила Юлию Ливиллу (дочь Германика) в прелюбодеянии с Сенекой, та была вновь отправлена в ссылку и вскоре умерщвлена (Tac. *Ann.* XIV. 63. 2; Cass. Dio LX. 8. 5); Юлия Ливия тоже

⁵⁵ Гай обвинил его в том, что тот в непогоду не отплыл с ним в бурное море, словно надеясь, что в случае несчастья с зятем он сам станет принцем.

⁵⁶ О женах Калигулы см. Wardle 1998.

⁵⁷ Такая же участь постигла после свержения Авла Вителлия его малолетнего сына Германика (родившегося между 63–68 гг.), который был убит вслед за отцом в декабре 69 г. по приказу Лициния Муциана и Антония Прима, военачальников Веспасиана (Tac. *Hist.* II. 59. 2; IV. 80. 1; Cass. Dio LXIV[LXV]. 22. 2).

⁵⁸ Он был правнуком Марка Антония от его дочери Селены (см. о нем: Plin. *NH.* V. 1. 16; 26. 2; Suet. *Cal.* 26. 1; Cass. Dio LI. 15. 6).

⁵⁹ Об убийствах, перечисленных в этой речи, см.: Baldwin 1964; Wolf 1986, 47–88; Horstkotte 1989.

⁶⁰ См. выше, примеч. 33.

⁶¹ О ней Август замечает, что он приходится ей таким же двоюродным дедом, как и самому Клавдию (*Apocol.* 11. 1). Мессалина, как известно, была приговорена к смерти после бракосочетания со своим любовником Гаем Силием. См. Fagan 2002; Cenerini 2010.

пала жертвой ревности и козней Мессалины: *dolo Messalinae interfectam* (Тас. *Ann.* XIII. 32. 5; 43. 5; Cass. Dio LX. 18. 4)⁶². Гай Аппий Силан, которого Клавдий женил на Домиции Лепиде, матери Мессалины, был убит по сговору Мессалины и вольноотпущенника Нарцисса, которые напугали простодушного Клавдия, заявив, что видели сны, в которых Аппий напал на него (Тас. *Ann.* XI. 29; Suet. *Claud.* 29. 1; 37. 2; Cass. Dio LX. 14. 3–4). Из-за происков всё той же Мессалины в 47 г. погиб Гней Помпей Магн, потомок Гнея Помпея по матери, муж Антонии, дочери Клавдия от Элии Петины, который был заколот в *concubitu dilecti adolescentuli* – «в объятиях любимого мальчика» (Suet. *Claud.* 29. 2; ср. 27. 2; Тас. *Hist.* I. 48. 1; Cass. Dio LX. 29. 6^a); также убиты были его родители, М. Лициний Красс Фруги (консул 27 г.) и Скрибония.

Антония потом вышла замуж за Фавста Корнелия Суллу Феликса, правнука диктатора. Он был сыном Домиции Лепиды Младшей, внучатой племянницы Августа (внучки его сестры Октавии), и консула-суффекта 31 г. Фавста Корнелия Суллы Лукулла. По материнской линии его бабкой и дедом были Антония Старшая, племянница Августа, и Луций Домиций Агенобарб. Кроме того, Сулла Феликс был младшим единокровным братом императрицы Валерии Мессалины⁶³. Таким образом, он сочетал знаковое имя республиканской истории и родственную связь с императорским домом. При Нероне он был заподозрен в притязаниях на императорскую власть, обвинен в заговоре, сослан в Массилию и, в конечном итоге, убит в 62 г. (Тас. *Ann.* XIII. 23. 1; XIV. 57. 4; 59. 5)⁶⁴.

Интриги Агриппины Младшей, ставшей супругой императора Клавдия, привели к гибели Лоллии Пауллины, третьей жены Калигулы, которая была в числе претенденток на руку овдовевшего Клавдия. По настоянию Агриппины, подстроившей ее обвинение в занятиях магией и астрологией, Клавдий отправил ее в ссылку, а позже она была убита офицером гвардии (Тас. *Ann.* XII. 22)⁶⁵.

Режим Нерона, приведенного к власти благодаря убийству Клавдия в 54 г., стал, можно сказать, кульминацией внутрисемейных расправ. Их жертвами пали не только Британник и Октавия, а затем и сама Агриппина Младшая, фактически приведшая своего сына к власти, но и многие представители побочных ветвей дома Юлиев-Клавдиев. Так, Нерон обвинил в подготовке переворота и казнил дочь Клавдия Антонию, которая после смерти Пoppеи Сабины отказалась выйти за него замуж (Suet. *Ner.* 35. 4; *Schol. Juven.* VIII. 213). Женитьба на ней могла рассматриваться Нероном как средство укрепить свои династические позиции, т.к. Антония была единственным выжившим членом императорской семьи и ее согласие на предложения о браке устранило бы источник потенциальной оппозиции Нерону⁶⁶. «За ней, – сообщает Светоний, – последовали остальные его родственники и свойственники: среди них был и молодой Авл Плавтий, которого он перед казнью изнасиловал и сказал: “Пусть теперь моя мать придет поцеловать моего

⁶² Syme 1989, 182.

⁶³ Rogers 1955, 201.

⁶⁴ Cogitore 2002, 228–230.

⁶⁵ См. Burgeon 2017.

⁶⁶ Rogers 1955, 209–210; Bradley 1978, 213–214. О том, что супружество с дочерью принцепса имело политическое значение может свидетельствовать позиция Бурра, который отговаривал Нерона от развода с Октавией и, согласно Кассию Диону, однажды сказал ему: «Тогда уж верни ей и приданое!», подразумевая под ним императорскую власть (Cass. Dio LII. 13. 1–2). Ср. Bradley 1978, 210.

преемника!» – ибо, по его словам, Агриппина любила этого юношу и внушала ему надежду на власть» (Suet. *Ner.* 35. 4). Этот Плавтий, возможно, был братом Плавтии Ургуланиллы, первой жены Клавдия⁶⁷, но это представляется маловероятным, как, впрочем, и другие предлагавшиеся варианты⁶⁸. Показательно, однако, что для Светония такие действия Нерона есть выражение общей тенденции к устранению любых мало-мальски возможных претендентов на власть. Нерон приказал утопить в море и совсем ребенка Руфрия Криспина, своего пасынка от Пoppей, за то, что тот, играя, называл себя полководцем и императором (Suet. *Ner.* 35. 5).

Более известной жертвой Нерона стал Гай Рубеллий Плавт⁶⁹, приверженец стоицизма, сын Гая Рубеллия Бланда и Юлии, дочери Друза Младшего, т.е. по матери он принадлежал к роду Юлиев и приходился праправнуком Августу, находясь, по словам Тацита (*Ann.* XIII. 19. 3), в той же степени родства с ним, что и Нерон⁷⁰. Через своих прабабок, Випсанию Агриппину и Антонию Младшую, он также был потомком Випсания Агриппы, Марка Антония и сестры Августа, Октавии Младшей. По рассказу Тацита (*Ann.* XIII. 19–21), сначала в 55 г. Юния Силана, сестра первой жены Калигулы Юнии Клавдиллы, обвинила Агриппину в намерении возратить себе верховную власть, вступив в брак с Плавтом и возведя его на престол. Но вина матери Нерона ничем не была доказана, и никаких действий против Плавта не последовало. В 60 г., когда в связи с появлением кометы пошли слухи о скором падении Нерона и возможном переходе власти в руки Плавта⁷¹, император предложил ему вместе с семьей отправиться в его поместье в Азии (Тас. *Ann.* XIV. 22. 3). Затем, однако, на фоне слухов о том, что Плавт готов отправиться к Корбулону, под началом которого было большое войско на Востоке, и в Азии якобы назревает мятеж⁷², посланный императором центурион убил Плавта (Тас. *Ann.* XIV. 57–59). Это произошло в 62 г., а спустя несколько лет лишились жизни, покончив с собой, его вдова Поллита, тесть Л. Антистий Ветер и теща последнего Секстия (Тас. *Ann.* XVI. 10–11).

Династические коллизии и связанные с ними эксцессы продолжились, хотя, очевидно, и не в таких масштабах, при последующих династиях, в каждой из которых находился хотя бы один «дурной» император. Среди Флавиев такая репутация прочно закрепилась за Домицианом. В числе тех, кто подвергся репрессиям и казням в его правление, источники называют и кровных родственников. В год своего ординарного консульства (95 г., причем совместного с Домицианом), по обвинению в «безбожии» (ἀθεόθης) и склонности «к иудейским обычаям»

⁶⁷ Hofmann 1951, 29.

⁶⁸ Bradley 1978, 214–215 (с указанием других версий).

⁶⁹ Rogers 1955, 199–205; Syme 1982, 193–195; Cogitore 2002, 233–234.

⁷⁰ per maternam originem pari ac Nero gradu a divo Augusto; cp. *Ann.* XIV. 22. 1: ... mater ex Iulia familia («мать которого принадлежала к роду Юлиев»).

⁷¹ Как пишет Тацит (*Ann.* XIV. 22. 1), «все в один голос Рубеллия Плавта» (omnium ore Rubellius Plautus celebratur) называли преемником Нерона.

⁷² Эти слухи распространялись префектом претория Тигеллином, который также указывал и на аналогичную опасность со стороны Фавста Суллы, сосланного в Нарбоннскую Галлию, откуда было недалеко до германского войска (Тас. *Ann.* XIV. 57. 1). Это значит, что, как и в других случаях, предполагалось, что потенциальный претендент на императорскую власть, пользуясь своим родством с императорским семейством, может обратиться за поддержкой армии.

был казнен его двоюродный брат Т. Флавий Клемент⁷³, а его супруга Флавия Домицилла, племянница (дочь сестры) императора, была отправлена в ссылку (Cass. Dio LXVII. 14. 1–2); были умерщвлены также двое их сыновей, которых сам Домициан усыновил и, по словам Светония, «открыто прочил в свои наследники, переименовав одного из них в Веспасиана, а другого в Домициана» (Suet. Dom. 15. 1). На основании позднейших сообщений христианских авторов (в частности, Euseb. Hist. Eccl. III. 18. 4) Клемент и Домицилла иногда считаются приверженцами христианства и жертвами гонений, но однозначных подтверждений этому нет и не менее вероятной остается версия о политических мотивах их преследования⁷⁴. Еще раньше был казнен Т. Флавий Сабин, консул 82 г., который был женат на Юлии, дочери императора Тита, и приходился Домициану двоюродным братом (Suet. Dom. 10. 4; Philostr. VA. VII. 7; Dio Chrys. Or. 13. 1 Arnim). О конкретных мотивах Домициана в этих эпизодах, за исключением Клемента и Домициллы, источники ничего не сообщают. Но его подозрительность дошла до того, что в числе прочих он казнил Луция Сальвия Отона Коккеяна, племянника Отона, консула 80 г., которого сначала даже хотел усыновить, за празднование дня рождения его дяди, ненадолго ставшего императором (Plut. Otho. 16. 2; Suet. Dom. 10. 3)⁷⁵.

Казнями близких родственников отличился и император Коммод. Так, после неудачного заговора 182 г. погибла Анния Аврелия Галерия Луцилла, сестра императора, вдова Луция Вера, супруга Тиберия Клавдия Помпейана, старого соратника Марка Аврелия. Исполнителем убийства Коммода должен был стать Клавдий Помпейан Квинтиан, племянник мужа Луциллы, помолвленный с ее дочерью и состоявший с ней в любовной связи (Cass. Dio LXXII [LXXIII]. 4. 4–6; Hdn. I. 8. 3–8; SHA. Comm. 4. 1–4)⁷⁶. Коммод отправил в ссылку и потом казнил и свою жену Бруттию Криспину, «разгневавшись на нее из-за какого-то прелюбодеяния» (Cass. Dio LXXII [LXXIII]. 4. 6). Казнен был также М. Петроний Сура Мамертин (консул 182 г.), муж Аврелии Корнифиции, дочери Марка Аврелия, вместе со своим сыном Антонином (SHA. Comm. 7. 5)⁷⁷.

Сама же Корнифиция, несмотря на преклонный возраст, была убита в ходе расправы, учиненной Каракаллой над родственниками Марка Аврелия и другими лицами, принадлежавшими к императорскому дому (SHA. Carac. 3. 6–8; Hdn. IV. 6. 3). По рассказу Диона, когда Каракалла приказал ей самой определить, какой смертью умереть, она «после долгих слез напомнила о том, что ее отец – Марк, дед – Антонин, брат – Коммод... Затем она сняла с себя все украшения, которые на ней были, и, подготовившись должным образом, вскрыла себе вены и умерла» (Cass. Dio LXXVIII [LXXVII]. 16. 6^a). В ходе этой расправы погибли и сын Клавдия Помпейана и Луциллы, т. е. внук Марка Аврелия, консул 209 г. (SHA. Carac. 3. 8), которого, как выяснилось из опубликованного в 1976 г. военного диплома, звали Луций (или Марк) Аврелий Коммод Помпейан⁷⁸; убиты были также двоюродный

⁷³ Он был внуком Тита Флавия Сабина, брата Веспасиана, и братом одноименного консула 82 г.

⁷⁴ См. Pergola 1978 и Парфёнов 2014, с обзором различных точек зрения.

⁷⁵ Gallivan 1981, 209.

⁷⁶ Об этом заговоре см. Aymard 1955; Hekster 2002, 50–55.

⁷⁷ PIR² P 229.

⁷⁸ Oates 1976.

брат Каракаллы Афр (или Апер?)⁷⁹ (SHA. *Carac.* 3. 6–7; Hdn. IV. 6. 3) и сын императора Гельвия Пертинакса (SHA. *Carac.* 4. 8). Очевидно, после убийства своего родного брата и соправителя Геты Каракалла стремился решительно избавиться от всех, кто в силу своих родственных связей с прежними императорами мог хотя бы теоретически представлять угрозу его единовластию или даже просто напоминать о них.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет сделать определенные выводы. Если основатель принципата не умертвил никого из членов императорского семейства⁸⁰, то история его преемников, правителей первой и последующих императорских династий, отмечена множеством жестоких и циничных расправ как с самыми близкими родственниками (кровными или юридическими: братьями, сестрами, матерью, племянницами, внуками, женами), так и весьма отдаленными, но имевшими ту или иную степень родства с основателем принципата, а также свойственниками (зятьями, невестками, тестями и т.д.). Такая ситуация вряд ли может быть объяснена только паталогической кровожадностью отдельных императоров или так называемым «императорским безумием» (*Caesarewahnsinn*), под которым понимается комплекс черт, присущих авторитарному правителю и обусловленных в той или иной степени психическим расстройством: гордыня, ненависть, преследование знати, расточительная роскошь, садистская жестокость, сексуальные извращения, мания величия⁸¹. Представляется, что большинство этих убийств носило политический характер, диктовалось специфической рациональностью и в их широком применении нашло отражение коренное противоречие принципата, для которого, с одной стороны, изначально было характерно избегание открытой институционализации единоличной власти и правящей династии как таковой, а с другой – формирование императорского дома, приобретающего чем дальше, тем больше характеристики монархического по своей сути института, хотя и выраставшего из традиционных практик римского аристократического семейства⁸². В правление Августа укоренились представления о семействе принцепса как «резервуаре» тех, кто способен продолжить деятельность и *statio* («служение») основателя принципата. При этом их политический престиж, с точки зрения как аристократии, так и рядовых граждан, обуславливался в первую очередь (кровно)родственными связями с Августом и правящим принцепсом, причем и по женской линии тоже, что было, по всей видимости, следствием сложившейся в семействе первого принцепса ситуации (не имевшему сыновей Августу пришлось неявно повысить статус женских линий своего рода, тем самым продвигая когнатический прин-

⁷⁹ PIR² S 430, 483.

⁸⁰ Впрочем, Август создал прецедент ещё в 29 г. до н. э., когда после поражения Антония и Клеопатры казнил Цезариона, предполагаемого сына Клеопатры от Юлия Цезаря, и Антиллу, старшего сына Марка Антония от его жены Фульвии (Plut. *Ant.* 81. 1; Suet. *Aug.* 17. 4; Cass. Dio LI. 15. 5). И его пример не был забыт. См. Corbier 1995, 186–187.

⁸¹ Winterling 2018, 62. Сам А. Винтерлинг, впрочем, приходит к парадоксальному выводу, что «императорское безумие» не являлось собственно психопатологическим феноменом, но было, скорее, результатом совпадения старых идеалов римской знати, стремившейся первенствовать, с неограниченной и нестабильной монархией. О феномене *Caesarewahnsinn* см. подробное исследование: Sittig 2018.

⁸² Neel 2022.

цип родства). Это способствовало существенному возрастанию политической роли матерей, жен и сестер императора, которые становились фигурами, обеспечивавшими в известной степени легитимность обладателя верховной власти⁸³ так же, как и императорские дочери, чьи дети могли продолжить династию⁸⁴. Такое обеспечение преемственности власти, когда она фактически передавалась кровному либо усыновленному родственнику (свойственнику), после тяжелого опыта гражданских войн в глазах римлян могло выглядеть как некая антитеза насильственному захвату власти по праву сильного, т.е. как один из способов избежать гражданской войны. Как подчеркивает в этой связи Ф. Зиттиг, «когнатические кровные связи лучше подходили для сокращения круга претендентов на престол, а следовательно, и их конфликтного потенциала, до числа, которое не могло быть произвольно расширено, тем самым гарантируя функцию монархии по поддержанию мира»⁸⁵. Это могло обеспечить более четкий порядок наследования престола, создавая некие иерархии, основанные на степени кровного родства, и предотвращая опасное вовлечение более дальних родственников в династические споры. В то же время агнатические принципы позволяли правителю окружать себя многочисленными опорами власти, что, однако, теоретически открывая доступ к наследованию для любого видного аристократа, делало положение потенциальных наследников шатким и усложняло четкую преемственность. В итоге передача власти превращалась, по выражению Зиттига, в «домашнюю гражданскую войну»⁸⁶.

Такая система, как и всё здание принципата в целом, была в своих основах созданием Августа, который, по словам Р. Сайма, «не пренебрегал ни одним родственником, каким бы малоизвестным, каким бы дальним он ни был, ни брачными, ни дружескими узами, сохранявшимися после развода. Со временем всё больше аристократических семей через брак вовлекались в семью и свиту

⁸³ Rouche 2006; Cenerini F. 2016. С этой тенденцией, вероятно, связана практика эндогамных браков в династии Юлиев-Клавдиев. Характерную мотивацию выбора Агриппины Младшей в качестве супруги Клавдия Тацит вкладывает в уста Палланта: «...превозносил более всего то, что она приведет с собою внука Германика; вполне достойно императорского семейства присоединить этого отпрыска знатного рода к потомкам Юлиев и Клавдиев и тем самым не допустить, чтобы женщина испытанной плодовитости и еще молодая унесла в другой дом славу и величие Цезарей» (Тас. *Ann.* XII. 2. 3). Ср. мотивы Тиберия при выборе Домиция Агенобарба в качестве мужа той же Агриппине: «Он избрал Домиция, помимо древности его рода, также и потому, что тот состоял с Цезарями в кровном родстве (*propinquum Caesaris sanguinem*), ибо мог похвалиться, что Октавия – его бабка, а через нее и Август – двоюродный дед» (Тас. *Ann.* IV. 75. 1).

⁸⁴ Joska 2019, 125; Meyers 2016.

⁸⁵ Sittig 2018, 227–228.

⁸⁶ Sittig 2018, 225–235. Сложность ситуации в первой императорской династии заключалось еще и в том, что в ней объединились в один род представители Юлиев и Клавдиев, что временами создавало дополнительное напряжение внутри императорского семейства. Более того, через сестру Августа Октавию целый ряд членов этого семейства вел свое происхождение от триумвира Марка Антония, ставшего на заключительном этапе гражданских войн главным врагом наследника Цезаря и подвергнутого после поражения «проклятию памяти» (Cass. Dio LI. 19. 3; Plut. *Ant.* 86. 5). И это обстоятельство тоже добавляло двусмысленности в сложную сеть семейно-родственных связей первой императорской династии. Любопытно, что Калигула, по утверждению Диона, даже «пожелал считаться скорее потомком Антония, нежели Августа», и предупредил, что, если консулы будут приносить жертвы по поводу несчастья Антония или же не совершат жертвоприношения в честь победы Августа, они в любом случае поступят не верно (Cass. Dio LI. 20. 2).

принцепса»⁸⁷. Вместе с тем семейно-династическое наследование принципата было тем, что соответствовало ожиданием подвластных, во всяком случае, столичного плебса и армии, что вынуждало императоров вслед за Августом, с одной стороны, искать помощников и преемников из числа родственников по крови или свойству, а с другой – видеть в них опасных конкурентов своей единоличной власти. При таком порядке вещей неизбежно возникало противоречие между династическим монархизмом, построенном на узах кровного родства, и, условно говоря, «меритократией», которая могла быть обеспечена выбором и усыновлением лучшего, т. е. опять-таки с использованием принципа семейственности в его юридической форме. Иными словами, принципат в том виде, в каком он был создан Августом, подразумевал неразрывную и противоречивую взаимосвязь того, что по-английски называется kingship (или, точнее, emperorship, т. е. «царская / императорская власть») и kinship («родство»). Идеальный вариант этой стороны монархической власти представлен Дионом Хрисостомом в 3-й «Речи о царской власти», обращенной к императору Траяну: «Разве может человек, считающий свою семью и кровных родственников частью своей души, не любить их больше, чем кого-либо другого? И он заботится не только о том, чтобы они разделяли так называемое счастье, но еще больше о том, чтобы они казались достойными соучастия в правлении, и проявляет величайшую заботу о том, чтобы они казались предпочтительными не из-за их родства, но благодаря их заслугам. Но больше всего он любит своих близких и считает их незаменимыми друзьями. Ибо он может освободиться от друзей, если усмотрит в них какую-либо неприятную черту, но он не может устранить кровной связи с родственниками, и он вынужден – каков бы ни был их характер – прислушиваться к этому имени» (Dio Chrys. *Peri Basileias*. III. 119–121). Однако, как и всякий идеал, он, разумеется, часто опровергался и извращался в реальной политической жизни, в чем убеждают обрисованные выше судьбы императорских родственников и свойственников во времена Юлиев-Клавдиев, Флавиев (в лице Домициана), Антонинов (в лице Коммоды) и Северов (в лице Каракаллы).

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Allen, W.Jr. 1947: The Death of Agrippa Postumus. *TAPA* 78, 131–139.
Aymard, J. 1955: La conspiration de Lucilla. *Revue des Études Anciennes* 57, 85–91.
Baldwin, B. 1964: Executions under Claudius: Seneca's 'Ludus de morte Claudii'. *Phoenix* 18, 39–48.
Baldwin, B. 1985: Executions, Trials and Punishment in Nero. In: Idem. *Studies on Greek and Roman History and Literature*. Amsterdam, 205–219 (= *Parola del passato* 22 (1967), 425–439).
Beard, M. 2023: *Emperor of Rome: Ruling the Ancient Roman World*. New York.
Béranger, J. 1973: *Principatus. Études de notion et d'histoire politique dans l'Antiquité Greco-romaine*. Genève.
Bradley, K.R. 1978: *Suetonius' Life of Nero: An Historical Commentary*. Bruxelles.
Burgeon, C. 2017: La vie de Lollia Paulina à travers celles des empereurs Caligula et Claude. *Eruditio Antiqua* 9, 87–108.

⁸⁷ Syme 1939, 378.

- Cenerini, F. 2010: Messalina e il suo matrimonio con C. Silio. In: A. Kolb (Hrsg.), *Augustae: Machtbewusste Frauen am römischen Kaiserhof? Herrschaftsstrukturen und Herrschaftspraxis II: Akten der Tagung in Zürich 18–20.9.2008*. Berlin, 179–192.
- Cenerini, F. 2014 (Claudia) Livia Giulia. *Archimède. Archéologie et histoire ancienne* 1, 124–132.
- Cenerini, F. 2016: Il matrimonio con un'Augusta: forma di legittimazione? In: A. Bielman Sánchez et al. (éd.), *Femmes influentes dans le monde hellénistique et à Rome IIIe siècle av. J.-C. – Ier siècle apr. J.-C.* Grenoble, 119–142.
- Cogitore, I. 1990: Mancipii unius audacia: le faux Agrippa Postumus face au pouvoir de Tibère. *Revue des Études Latines* 68, 123–135.
- Cogitore, I. 2002: *La légitimité dynastique d'Auguste à Néron à l'épreuve des conspirations*. Athènes.
- Corbier, M. 1995: Male Power and Legitimacy through Women: The Domus Augusta under the Julio-Claudians. In: R. Hawley, B. Levick (eds), *Women in Antiquity: New Assessments*. London–New York, 178–193.
- Corbier, M. 2007: Parenté et pouvoir à Rome. In: J.-Ph. Genet (éd.), *Rome et l'État moderne européen*. Rome, 173–196.
- Craven, M. 2019: *The Imperial Families of Ancient Rome*. Stroud.
- Detweiler, R. 1970: Historical Perspectives on the Death of Agrippa Postumus. *Classical Journal* 65.7, 289–295.
- Doronenko, I.A. 2021: Nimfidiy Sabin v 68 g.: istoriya dvukh zagovorov [Nymphidius Sabinus in AD 68: A Story of Two Conspiracies]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Political Science] 48.4, 741–748.
- Дороненко, И.А. 2021: Нимфидий Сабин в 68 г.: история двух заговоров. *Via in tempore. История. Политология* 48/4, 741–748.
- Duchêne, P. 2013: La construction des discours autour de la famille impériale. *Lalies (Langues et littérature: Actes des sessions de linguistique et de littérature)* 33, 257–270.
- Eisner, M. 2011: Killing Kings: Patterns of Regicide in Europe, AD 600–1800. *British Journal of Criminology* 51, 556–77.
- Fagan, G.G. 2002: Messalina's Folly. *Class. Q.* 52/2, 566–579.
- Fertik, H. 2019: *The Ruler's House: Contesting Power and Privacy in Julio-Claudian Rome*. Baltimore.
- Flory, M.B. 1996: Dynastic Ideology, the Domus Augusta, and Imperial Women: A Lost Statuary Group in the Circus Flaminius. *TAPA* 126, 287–306.
- France, J., Hurlet, F. 2019: *Institutions romaines: Des origines aux Sévères*. Paris, 181–202.
- Gallivan, P. 1981: The Fasti for A.D. 70–96. *Class. Q.* 31, 186–220.
- Grainger, J.D. 2020: *The Roman Imperial Succession*. South Yorkshire.
- Gibson, A.G.G. (ed.) 2013: *The Julio-Claudian Succession: Reality and Perception of the "Augustan Model"*. Leiden–Boston.
- Hekster, O. 2002: *Commodus: An Emperor at the Crossroads*. Amsterdam.
- Hekster, O. 2015: *Emperors and Ancestors: Roman Rulers and the Constraints of Tradition*. Oxford.
- Herbert-Brown, G. 2004: C. Asinius Gallus, Ti. Claudius Nero, and a Posthumous Agrippa in Ephesus (ILS 8897). *Syllecta Classica* 15, 131–151.
- Hofmann, M. 1951: Plautius (40). *RE. Halbd.* 51, 29.
- Höhl, E. 1935: Primum facinus novi principatus. *Hermes* 70, 350–355.
- Horstkotte, H. 1989: Die 'Mordopfer' in Senecas Apocolocyntosis. *Zeitschrift Für Papyrologie und Epigraphik* 77, 113–143.
- Humphrey J. 1979: The Three Daughters of Agrippina Maior. *American Journal of Ancient History* 4, 125–143.
- Hurlet, F. 1997: *Les collègues du prince sous Auguste et Tibère. De la légalité républicaine à la légitimité dynastique*. Rome.

- Hurlet, F. 2009: Comment devenait-on empereur à Rome? La succession dynastique sous les Julio-Claudiens. In: T. Piel (éd.), *Figures et expressions du pouvoir dans l'Antiquité. Hommage à Jean-René Jannot*. Rennes, 93–108.
- Hurlet, F. 2013: L'idéologie dynastique sous les Julio-Claudiens: origines, évolutions, modes d'expression et modalités de sa diffusion. In: G. Zecchini (éd.), *L'Augusteum di Narona*. Rome, 117–143.
- Icks, M. 2011: *The Crimes of Elagabalus: The Life and Legacy of Rome's Decadent Boy Emperor*. London.
- Jones, T. 2016: A Deafening Silence: Agrippa Postumus and the Will of Augustus. *Iris. Journal of the Classical Association of Victoria*. New Series 29, 77–85.
- Joska, S. 2019: 'Show them that You are Marcus's Daughter'. The Public Role of Imperial Daughters in Second- and Third-Century CE Rome. In: J. Rantala (ed.), *Gender, Memory, and Identity in the Roman World*. Amsterdam, 105–130.
- Karavaev, A.G. 2014: Genealogiya i prosopografiya starshey linii familii Klavdiev-Neronov [Genealogy and Prosopography of the Senior Line of the Claudii-Nerones Family]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4 (46), 19–26.
- Караваев, А.Г. 2014: Генеалогия и просопография старшей линии фамилии Клавдиев Неронов. *ПИФК* 4 (46), 19–26.
- Kelly, B. 2022: Violence and Security at Court. In: B. Kelly, A. Hug (eds.), *The Roman Emperor and His Court, c. 30 BC – c. AD 300*. Vol. 1: *Historical Essays*. Cambridge, 371–394.
- Kornemann, E. 1930: *Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum*. Leipzig–Berlin.
- Köstermann, E. 1932: Statio Principis. *Philologus* 87, 358–368, 430–444.
- Le Doze, Ph. 2017: D'Auguste à Tibère: aux sources d'une hérédité assumée. *Politica Antica. Rivista di prassi e cultura politica nel mondo Greco e romano* 7, 61–97.
- Levick, B. 1999: *Tiberius the Politician*. London–New York.
- Martina, G. 2016: L'interventismo familiare di Antonia Minore: il caso della morte di Germanico e Livilla. In: F. Cenerini, F. Rohr Vio (eds.), *Matronae in domo et in re publica agentes: spazi e occasioni dell'azione femminile nel mondo romano tra tarda repubblica e primo impero: atti del convegno di Venezia, 16–17 ottobre 2014*. Trieste, 287–304.
- Meyers, R. 2016: Filiae Augustorum: The Ties That Bind in the Antonine Age. *The Classical World* 109 (4), 487–505.
- Mommsen, Th. 1877: *Römischen Staatsrecht*. Bd. II.2. Leipzig.
- Moreau, Ph. 2005: La *domus Augusta* et les formations de parenté à Rome. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 16, 7–23.
- Neel, J. 2022: Republican Precursors. In: B. Kelly, A. Hug (eds.), *The Roman Emperor and His Court, c. 30 BC – c. AD 300*. Vol. 1: *Historical Essays*. Cambridge, 35–59.
- Oates, J.F. 1976: A Sailor's Discharge and the Consuls of A. D. 209. *Phoenix* 30/3, 282–287.
- Oliver, J.H. 1947: The Descendants of Asinius Pollio. *Am. J. Philol* 68/2, 147–160.
- Ottley, S. 2010: The Coup of Nymphidius Sabinus. *Ancient History Bulletin* 24, 95–113.
- Parfenov, V.N. 2014: Khristiane ryadom s imperatorskim tronom? K voprosu o veroispovedanii Flaviya Klementa i Domitsilly [Christians Next to the Imperial Throne? On the Question of the Religious Confessions of Flavius Clement and Domitilla]. *Trudy Saratovskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii* [Transactions of the Saratov Orthodox Theological Seminary] 8, 144–156.
- Парфёнов, В.Н. 2014: Христиане рядом с императорским тронном? К вопросу о вероисповедании Флавия Клемента и Домициллы. *Труды Саратовской православной духовной семинарии*. 8, 144–156.
- Pergola, Ph. 1978: La condamnation des Flaviens chrétiens sous Domitien: persécution religieuse ou répression à caractère politique? *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité*, Année 90.1, 407–423.

- Pettinger, A. 2012: *The Republic in Danger: Drusus Libo and the Succession of Tiberius*. Oxford.
- Retief, F., Cilliers, L. 2010: Causes of Death among the Caesars (27 BC – AD 476). *Acta Theologica* 26, 89–106.
- Rodeghiero, M.M. 2018: Imitatio C. Caesaris, divi fili, nella congiura di Clemente. *Historika* 8, 175–197.
- Rogers, R.S. 1955: Heirs and Rivals to Nero. *TAPA* 86, 190–212.
- Rouche, M. 2006: La matrilinéarité des Julio-Claudiens: empirisme ou archaïsme? *Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France. Année 2001*, 276–286.
- Saller, R.P. 1984: Familia, Domus, and the Roman Conception of the Family. *Phoenix* 38, 336–355.
- Satterfield, S. 2023: The Envy of Asinius Gallus. *Antichthon* 57, 117–136.
- Sawinski, P. 2018: *The Succession of Imperial Power under the Julio-Claudian Dynasty (30 BC – AD 68)*. Berlin.
- Scharf, R. 2001: *Agrippa Postumus. Splitter einer historischen Figur*. Landau.
- Segenni, S. 1995: Antonia Minore e la “domus Augusta”. *Studi Classici e Orientali* 44, 297–331.
- Severy, B. 2003: *Augustus and the Family at the Birth of the Roman Empire*. New York–London.
- Sheldon, R.M. 2023: *Kill Caesar!: Assassination in the Early Roman Empire*. London–New York.
- Shotter, D.C.A. 1971: Tiberius and Asinius Gallus. *Historia: Zeitschrift Für Alte Geschichte* 20.4, 443–457.
- Sittig, F. 2018: *Psychopathen in Purpur: Julisch-claudischer Caesarenwahnsinn und die Konstruktion historischer Realität*. Stuttgart.
- Syme, R. 1939: *The Roman Revolution*. Oxford.
- Syme, R. 1982: The Marriage of Rubellius Blandus. *Am. J. Philol* 103, 62–85.
- Syme, R. 1989: *The Augustan Aristocracy*. Oxford.
- Tariverdieva, S. E. 2017: Avgust i Agrippa: razvitie sistemy sopravleniya s 29 po 18 g. do n. e. [Augustus and Agrippa: The Development of the Co-Regent System from 29 to 18 BC] *Istoricheskij vestnik [Historical Bulletin]* 19, 126–169.
- Таривердиева, С.Э. 2017: Август и Агриппа: развитие системы соправления с 29 по 18 г. до н.э. *Исторический вестник* 19, 126–169.
- Torbin, A.A. 2024: Traditsiya o nachale principata Tiberiya: Sallyustiy Krisp i myatezh Klementa [The Tradition of the Beginning of Tiberius' Principate: Sallustius Crispus and the Revolt of Clement]. *Aristey [Aristaeus]* XXIX, 79–105.
- Торбин А. А. 2024: Традиция о начале принципата Тиберия: Саллюстий Крисп и мятеж Клемента. *Аристей*. XXIX, 79–105.
- Wardle, D. 1998: Caligula and His Wives. *Latomus* 57 (1), 109–126.
- Weinrib, E.J. 1968: The Family Connections of M. Livius Drusus Libo. *HSCPh* 72, 247–278.
- Winterling, A. 2018: Imperial Madness in Ancient Rome. In: N. Panou, H. Schadee (eds), *Evil Lords. Theories and Representations of Tyranny from Antiquity to the Renaissance*. Oxford, 61–80.
- Wolf, S. 1986: *Die Augustusrede in Senecas Apocolocyntosis: Ein Beitrag zum Augustusbild der frühen Kaiserzeit*. Königstein.

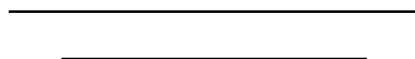
THE IMPERIAL FAMILY AND THE PRINCIPATE: FATAL TIES

Aleksandr V. Makhlayuk

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia**E-mail: makh1@imomi.unn.ru*

The article examines the role and significance of family and kinship ties within the system of the Principate, a peculiar form of monarchical rule. It deals with the relationships of emperors, primarily from the Julio-Claudian dynasty, with their distant, blood or legal, relatives and in-laws who were part of the imperial household. These individuals often fell victim to political purges and persecutions by ruling princes, facing mortal danger due to their very status, which made them potential contenders for the throne. This situation cannot be explained solely by the pathological bloodlust of individual emperors or the so-called “imperial madness” (Caesarewahnsinn). The majority of killings within the domus Augusta were dictated by a specific rationality and had a political character. They reflected the fundamental contradiction of the Principate, which, on the one hand, was initially characterized by an avoidance of overt institutionalization of sole power and the ruling dynasty as such, and on the other hand, by the formation of the imperial household, which acquired the characteristics of an inherently monarchical institution. The family-dynastic succession of imperial power corresponded to the expectations of the subjects, primarily the urban plebs and the army. This compelled emperors, on the one hand, to seek assistants and successors from among blood relatives or in-laws, and on the other hand, to view them as dangerous competitors to their sole authority.

Keywords: Roman Empire, Principate, imperial family, domus Augusta, kinship ties, succession of imperial power, dynastic policy

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 116–122
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 116–122
© Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-116–122

«ЗОНТИКИ» ЭЛАГАБАЛА

Е.С. Данилов

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: explorator@list.ru

ORCID: 0000-0002-3140-2534

Бог солнца и плодородия Элагабал короткий период занимал видное место в римском пантеоне. Среди его символических атрибутов выделялся конусообразный камень. Монетные изображения свидетельствуют о наличии предметов, похожих на «зонтики» и обрамляющих байтил. В статье подчеркивается церемониальное значение «зонтиков» Элагабала.

Ключевые слова: Римская империя, античная религия, нумизматика, Элагабал, зонт

В 2006 г. в *Journal of the Numismatic Association of Australia* была опубликована заметка К. Роуэн под интригующим названием «Шествие Элагабала и проблема зонтиков». К. Роуэн приводит доводы против устоявшегося мнения, согласно которому вытянутые предметы, обрамляющие культовый камень западносемитского бога и фигурирующие в римской монетной типологии III в., являются солнцезащитными навесами или зонтами¹.

К. Роуэн обратила внимание на то, что «зонтики» изображались на монетах по-разному, т.е. не имели устоявшейся иконографии. Исходя из этого наблюдения, она предположила, что резчики монетного двора работали на основе первичных наблюдений, поверхностных впечатлений и в целом пытались запечатлеть чуждую римской культуре вещь.

Итак, почему мы имеем дело не с предметами, защищающими от дневного света, и каково все же значение этих загадочных атрибутов?

Во-первых, как считает К. Роуэн, зонт в древности ассоциировался с Востоком. Он был показателем статуса, богатства и одновременно благоприятным символом, характерным для буддизма и не только для него. Во-вторых, зонт считался женским аксессуаром. В-третьих, зонт иногда увязывался с Афродитой и Дионисом, но не с Элагабалом. В-четвертых, учитывая ограниченное пространство монеты,

Данные об авторе. Евгений Сергеевич Данилов – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, руководитель Научно-образовательной лаборатории «Россия и Европа: сравнительное изучение доиндустриальных обществ» ЯрГУ.

В основу статьи положен доклад на Всероссийской научной конференции «XXIII Сергеевские чтения» (29–31 января 2025 г., МГУ им. М.В. Ломоносова).

¹ Klimowsky 1964, 133 f; Woytek 2019, 221, n. 100.

«зонтики» должны были иметь первостепенное значение для сцены, чтобы оправдать их включение. Наконец, в-пятых, нет никаких доказательств того, что «зонтики» играли какую-либо роль в религии сирийской Эмесы, где первоначально почитался Элагабал². Сама К. Роуэн поддерживает точку зрения М. Фрея и считает, что это священные штандарты или семейоны. Причем по внешнему виду они могли быть статуями³.

В целом соглашаясь с отношением к «зонтику» как сакральной вещи, остановимся на некоторых моментах. Действительно, зонт был заимствован с Востока и, вероятно, позволял идентифицировать его владельца как человека, не занимавшегося тяжелым физическим трудом⁴. Он стал считаться преимущественно признаком женщин⁵, но иногда и изнеженных мужчин⁶. Скорее всего, к III в. не нужно было приучать римлян к виду восточной одежды и сопутствующим ей аксессуарам⁷. Экзотичной модой в императорском Риме трудно было кого-то удивить. Так, на бронзовой пруте иудейского царя Ирода Агриппы I (37–44 гг.), воспитывавшегося в Риме, изображен зонтичный навес с бахромой (RPC I 4981). Гелиогабала, носящего пышные наряды, напоминающие финикийские и мидийские одеяния, сравнивали с Дионисом (Dio Cass. LXXX. 11. 2; Hdn. V. 3. 7; SHA. XVII. 23. 3).

Нам ничего неизвестно о мифах, которые сопровождали культ Элагабала да и многих других богов тоже. Поэтому жестко привязывать зонт в качестве сакрального атрибута к одному-двум богам не совсем корректно.

Впервые «зонтики» появляются на медных монетах сирийской Эмесы при Каракалле, не ранее 215 г. (RPC V.3, ID 69124). На реверсе запечатлен храм на подиуме с шестью колоннами (рис. 1, I). На фронтоне здания есть прямоугольная рамка, которая в иных вариантах чеканки заменяется полумесяцем (RPC V.3, ID 69122, 69152). Иногда полумесяц появляется слева от постройки (RPC V.3, ID 69123). Перед храмом виден священный камень на высоком украшенном основании. Камень обрамлен двумя шестью с полукруглыми навершиями. Перед камнем или на нем – орел с венком в клюве. При Макрине (217–218 гг.) изображение на реверсе не меняется. Правда, незначительно увеличивается диаметр монеты (RPC V.3, ID 69139).

² Rowan 2006, 114–115.

³ Frey 1989, 59f. «Между обоими изображениями стоит другая золотая статуя, ничем не похожая на них. Собственного вида она не имеет и свои черты заимствует у прочих богов. Ассирийцы зовут ее «знаменьем» (καλέεται δὲ σημῖον καὶ ὑπ' αὐτὸν Ἀσσυρίων), не прибавляя никакого собственного имени. Они не объясняют ни ее происхождения, ни странности ее внешнего вида. Одни сближают ее с Дионисом, другие с Девкалионом, а третьи даже с Семирамидой, ибо, действительно, на голове статуи находится золотой голубь. Поэтому-то и говорят, что «знаменье» (σημῖον) есть указание на Семирамиду» (Lucian. *De Dea Syria*, 33. Пер. С.С. Лукьянова).

⁴ Miller 1992, 105. В отличие от Ближнего Востока в античной Европе зонт стал более демократичным модным аксессуаром, но продолжал оставаться визуальным маркером социальных отношений (Muscarella 1999, 6) и символом обеспеченного досуга (Turfa 1999, 21).

⁵ Aristophan. *Hipp.* 1347–1348; Thesmoph. 823; Ovid. *Fast.* II. 311, *Ars. Am.* II. 209; Paus. VII. 22. 6.

⁶ Xen. *Cyr.* VIII. 8. 17; Dionys. Hal. *A. R.* VII. 9. 4; Iuvenal. *Sat.* IX. 50; Athen. *Deipn.* II. 31. 48f, XII. 46. 534b = Anacr. frag. 54 Diehl, XIII. 94. 612a = Pherecrat. frag. I. 162 Kock. Впрочем, зонт мог быть универсальным подарком для гостей обоего пола (Martial. *Epigr.* XIV. 28).

⁷ Как известно, приток иноземных предметов роскоши особенно стал заметен со II в. до н.э., после войн Рима на эллинистическом Востоке. С зонтами римляне могли познакомиться ещё раньше, через греков или этрусков.

Рис. 1. 1 – бронзовая монета Каракаллы. Эмеса, 215–216 гг. RPC V.3 ID 69124. URL: <https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/type/69124>; 2 – ауреус Урания Антонина (реверс). Эмеса, 253–254 гг. RIC IV 2 = RPC IX 1940. URL: <https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/coins/9/1940>; 3 – бронзовая монета Урания Антонина (реверс). Эмеса, 253–254 гг. RPC IX 1927. URL: <https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/coins/9/1927>; 4 – ауреус Гелиогабала. Антиохия Сирийская, 218–219 гг. RIC IV 196A. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1922-0909-4; 5 – бронзовая монета Гелиогабала (реверс). Лаодикея Приморская, 218–222 гг. RPC VI 8143. URL: <https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/coins/6/8143>

Наконец, при Гелиогабале (218–222 гг.) почитание одноименного бога (Dio Cass. LXXX. 11. 1; Aur. Vict. *De caes.* 23. 1) стало заметнее проявляться в монетной типологии. Фактически, мы имеем дело с нумизматически документированным путешествием конкретного бога, его торжественным переселением в Вечный город⁸.

Расширяется география соответствующих монетных типов с «зонтиками». Они распространяются на другие восточные полисы империи и становятся известны в Антиохии-на-Оронте, Лаодикее Приморской (Сирия), Элии Капитолине (Сирия Палестинская), Прусиаде-на-Гипии, Юлиополисе (Вифиния и Понт), Эфесе (Азия).

Преобладающим типом становится изображение камня на колеснице. Интересно, что в Эмесе данная композиция известна только на ауреусах узурпатора Урания Антонина в начале 250-х гг. Они снабжены двумя «зонтиками», внешний вид которых отличен от более ранних аналогов: они напоминают опахала (RIC

⁸ Sommer 2004, 109.

IV, Uranius Antoninus 2 = RPC IX 1940; рис. 1, 2)⁹. Кстати, флабеллум или веер, который использовался как в языческих ритуалах, так и в христианской церкви с самых ранних времен, мог служить не только для отгона насекомых, но и в качестве солнцезащитного козырька¹⁰.

Рядом с вифинской квадригой замечены три «зонтика» (RPC VI 3525). Кроме того, только на монетах вифинских городов на аверсе помещен профиль августи Юлии Паулы (RPC VI 3692), первой жены Гелиогабала.

Антиохийская чеканка, несмотря на ряд отличий, схожа с римской: четыре «зонтика» над квадригой с камнем, которая обращена вправо (RIC IV, Elagabalus 195–197; рис. 1, 4). Шляпковидные «зонтики» имеют шарообразные украшения, похожие на помпоны¹¹.

На монетах Лаодикеи Сирийской хорошо видны четыре «зонтика» над которыми сверху появляются семиконечная звезда (RPC VI 8144) или полумесяц (RPC VI 8143). В Элии Капитолине только два «зонтика» (RPC VI 9036, 30441). Но в обоих названных городах квадрига обращена к зрителю, а не движется вправо (рис. 1, 5).

Когда «зонтики» стоят у храма, они возвышаются над байтилом (RPC VI 8372)¹². В варианте с квадригой «зонтики» то расположены почти вровень с камнем, то находятся на таком расстоянии от него, что явно не создают тень или затеняют незначительно. Далее, во всех случаях не видно, где заканчивается опора «зонтиков», крепятся ли они к самой колеснице или их кто-то несет, т.е. они располагаются на заднем фоне. Обращает на себя внимание также то, что зонтиков не меньше двух и не больше четырех. У каждого из предметов полукруглая вершина, напоминающая грибок, причем очень небольшой. Если мы имеем дело не со схематичным изображением, а с попыткой передать реальную действительность, то получается, что «зонтики» такого размера просто не могли полностью прикрыть камень от солнца. При этом черный конический метеорит из Эмесы должен был заметно нагреваться под солнцем Ближнего Востока. Чтобы этого не произошло, он, возможно, покрывался драпировкой (Hdn. V. 3. 5).

В 2009 г. бельгийский археолог Б. Оверле высказал интересную мысль, с которой мы полностью согласны. Он считает, что нет особого смысла устанавливать «зонтики» вокруг объекта, а не над ним. Эти столбы, скорее всего, следует рассматривать как обозначение священного пространства, в котором хранился камень¹³.

Добавим к этому, что в той же Сирии почитался Зевс Касий, священный камень которого зафиксирован на монетах Селевкии Пиерии времен Антонинов под пирамидальным навесом с четырьмя столбами или опорами (RPC II 3766–3791; IV.3 6281, 9013).

⁹ «Зонтики» также напоминают опахала на монетном типе без колесницы (RPC IX 1943). Причём, внешний вид «зонтиков» у храма того же периода и монетного двора отличается шляпковидностью (RPC IX 1927; рис. 3). Можем ли мы на основании этого говорить о различных видах «зонтиков», используемых в одном культе?

¹⁰ Lo Bello 2020, 211.

¹¹ Особенно явственно помпоны шляпковидных «зонтиков» видны на экземплярах из Антиохии (RIC IV Elagabalus 196A, 196d) и Рима (RIC IV Elagabalus 143d).

¹² О камнях, называемых βαίτυλος см.: Güzel Yıldırım 2023, 15–17.

¹³ Overlaet 2009, 467.

Как отмечал М. Фрей, трудно придумать причину, по которой богу солнца понадобились бы «зонтики», особенно когда он изображен внутри своего храма, как это имеет место на монетах из Эмесы¹⁴. Однако действительно ли камень показан внутри храма? Может, он расположен перед ним, на площадке у ступеней, но в границах сакральной территории. Предмет, который находится внутри храма, а не рядом с ним или перед ним, имеет другие визуальные пропорции, он меньше и как бы утоплен в зрительном пространстве. Мы считаем, что на монетах из Эмесы намеренно не соблюдена перспектива, на них камень показан не под крышей храма. Даже если все же изображение подразумевает наличие камня внутри святилища, мы не знаем по каким принципам формировалась световая среда в том или ином конкретном здании. Может быть, в значимых местах храма бога солнца было также светло, как и снаружи. Не исключено, что орел также символично прикрывал камень Элагабала расправленными крыльями (RPC IV.3 5785), как это делала богиня Ника для камня Ма (RPC V.3, ID 83201).

На монетах Колибасса (Киликия Трахея) камень располагается между двумя колоннами, соединенными дугообразной перемычкой. По обе стороны от святыни стоят грифоны (RPC VI 10867)¹⁵. В месопотамских Каррах, известных своим лунным культом бога Сина, чеканка времени Гелиогабала отображала полумесяц на каменном основании между двумя шестами или военными значками (RPC VI 7864).

Представляется, что культовое почитание Элагабала имело региональную специфику. Поэтому где-то камень обрамлялся «зонтиками», где-то колоннами или ветвями, а где-то ничего подобного не было. Сакральный антураж Элагабала был перенесен в Рим напрямую из Эмесы, поэтому в столице империи появляются зонты, которые не были характерны, например, для Неаполя (Сирия Палестинская – RPC VI 8916) и других полисов, где знали интересующего нас бога, но почитали его по-своему.

Отчеканенные в Риме ауреусы и денарии 218–222 гг. тоже изображают парные предметы, окружающие то императора во время жертвоприношения, то байтил. Эти предметы похожи на военные значки, отдаленно напоминают сложенные зонты с треугольным навершием или расправленные с полукруглой вершиной (RIC IV, Elagabalus 48–49). Колесница, в свою очередь, обозначает процессию, в ходе которой камень перевозили из одного храма в другой (RIC IV, Elagabalus 143–144)¹⁶. Эта практика хорошо известна благодаря историку Геродиану (V. 6. 6–8).

Впрочем, использование «зонтиков» могло быть связано не только с торжественными шествиями. Так, более поздний знак отличия (если будет позволено такое сравнение), папская регалия – шелковый умбракулум – носится во время церковной процессии, но также устанавливается возле алтаря. Он разворачивается в церкви, которую посещает с визитом папа римский. Использование же католической церковью переносного трона (*sedes gestatoria*) в сочетании с двумя флабеллумами как ритуальными веерами, которое продолжалось до последней четверти XX в., имеет схожие черты с традицией применять «зонтики» во время перемещения байтила на колеснице.

¹⁴ Frey 1989, 60–63; Icks 2008, 41.

¹⁵ Подробнее: Güzel Yıldırım 2023, 21.

¹⁶ О храмах и праздничной процессии: Baldus 1991. Об увлечении Галиогабала спортивными, парадными и ритуальными колесницами: Dio Cass. LXXX. 14. 2; SHA. XVII. 6. 3, 23. 1, 27. 1, 28. 1–2.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам, которые, конечно, во многом умозрительны и являются скорее предположениями.

Условные «зонтики» Элагабала были церемониальными атрибутами, использовавшимися во время священнодействий, религиозных процессий и жертвоприношений. Они маркировали пространство, в которое могли входить только посвященные. Эти служители, избранные верховным жрецом, носили специальную одежду, опять же описанную Геродианом. Должностные лица, высокопоставленные мужи, передающие самому императору благования для возлияний и внутренности животных для сожжения, имели длинные хитоны с пурпурной полосой посередине, а также льняные сандалии (Hdn. V. 5. 9–10).

Ритуальное назначение «зонтиков» не исключает их солнцезащитную функцию. Хотя сплошной навес на четырех шестах был бы более эффективным средством от перегрева камня, он мог быть неудобен в случае транспортировки байтила на колеснице, особенно в случае сильных порывов ветра. Во время остановок камень могли снимать и обставлять его теми же походными «зонтиками».

По всей видимости, «зонтики» имели декоративную или эстетическую функцию. Цвет тента, форма наконечника, возможные дополнительные узоры (символы) на стержне могли радовать глаз и нести недоступную нам информацию о прославляемом божестве. Они концентрировали внимание зрителей на предмете поклонения, расположенном между ними, придавали оттенок значимости происходящей церемонии.

Самым сложным и ключевым для понимания и точной интерпретации всей совокупности рассмотренных монетных типов является вопрос о символическом значении «зонтиков». Сама по себе зонтичная форма наводит на мысль о постулируемом защитном качестве Элагабала, который отвечал за плодородие, благотворное солнечное воздействие на живых существ, благополучие Эмесы и временно получил статус покровителя всего Римского государства, став *Deus Sol Invictus*¹⁷ и *Conservator Augusti*¹⁸. Под сводами Элагабалия, храма, построенного на Палатинском холме, были собраны самые священные реликвии римских граждан (SHA. XVII. 1. 6, 3. 4). Вероятно, в совокупности они должны были обеспечить духовную безопасность квиритов, а верховного жреца культа Элагабала (Eutrop. VIII. 22) сделать ближе к сонму богов.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

- Baldus, H.R. 1991: Zur Aufnahme des Sol Elagabalus-Kultes in Rom, 219 n. Chr. *Chiron* 21, 175–178.
- Badaracco, E. 2015: *Il culto del Deus Elagabalus dal I al III secolo d.C. attraverso le testimonianze epigrafiche, letterarie e numismatiche. Tesi di Dottorato in "Storia, Letterature e Culture del Mediterraneo", XXVIII ciclo.* Sassari.
- De Arrizabalaga y Prado, L. 2010: *The Emperor Elagabalus. Fact or Fiction?* Cambridge.

¹⁷ AE. 1990. 654, 2000. 1203, 2004. 556a; CIL. VII. 585, X. 5827, XI. 3774 etc. О двусмысленности между монетами и надписями, в соответствии с которой *invictus* относится как к жрецу, так и богу см.: De Arrizabalaga y Prado 2010, 256.

¹⁸ RIC IV, Elagabalus 61c–d, 62, 63; RIC IV. Uranius Antoninus 1–2; RPC IX 1940, 1941, 1943. См. также: Badaracco 2015, 183, 209.

- Frey, M. 1989: *Untersuchungen zur Religion und zur Religionspolitik des Kaisers Elagabal*. Stuttgart.
- Güzel Yıldırım, S. 2023: Emesa'lı Güneş Tanrısı'nın Kutsal Taşı: Küçük Asya Sikkelerinde Emesa Baetyloları. *Mimarlar Arkeologlar Sanat Tarihçileri Restoratörler Ortak Platformu E-Dergisi. E-Journal Common Platform of Architects, Archaeologists, Art Historians and Conservator-Restorers* 17.2, 14–32.
- Icks, M. 2008: *Images of Elagabalus*. Dissertation. Nijmegen.
- Klimowsky, E.W. 1964: Sonnenschirm und Baldachin. Zwei Sinnbilder der irdischen und himmlischen Würde, insbesondere auf antiken Münzen. *Schweizer Münzblätter* 13.14 (55), 121–134.
- Lo Bello, A. 2020: *The Origins of Catholic Words. A Discursive Dictionary*. Washington.
- Miller, M.C. 1992: The Parasol: An Oriental Status-Symbol in Late Archaic and Classical Athens. *Journal of Hellenic Studies* 112, 91–105.
- Muscarella, O.W. 1999: Parasols in the Ancient Near East. *Notes in the History of Art* 18.2, 1–7.
- Overlaet, B. 2009: A Roman Emperor at Bishapur and Darabgird – Uranius Antoninus and the Black Stone of Emesa. *Iranica Antiqua* 44, 461–530.
- Rowan, C. 2006: The Procession of Elagabalus and the Problem of the Parasols. *Journal of the Numismatic Association of Australia* 17, 114–119.
- Sommer, M. 2004: Elagabal – Wege zur Konstruktion eines 'schlechten' Kaisers'. *Scripta Classica Israelica* XXIII, 95–110.
- Turfä, J.M. 1999: Parasols in Etruscan Art. *Notes in the History of Art* 18.2, 15–24.
- Woytek, B.E. 2019: Elagabalus and the *Aedes Dei Invicti Solis Elagabali* in Rome: The Numismatic Evidence. *Numismatic Chronicle* 179, 205–224.

ELAGABALUS' "UMBRELLAS"

Evgeniy S. Danilov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

E-mail: explorator@list.ru

The sun and fertility god Elagabal held a prominent place in the Roman pantheon for a short period. Among his symbolic attributes, a conical stone stood out. Coinage depicts objects resembling “umbrellas” framing the *baetyl*. The article emphasizes the ceremonial significance of Elagabalus's “umbrellas”.

Keywords: ancient religion, Roman Empire, numismatics, Elagabalus, umbrella

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 123–136
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 123–136
©Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-123–136

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ ПОНТА, ВИФИНИАРХ И ПОНТАРХ: ОСОБЕННОСТИ ТИТУЛАТУРЫ МАРКА АВРЕЛИЯ АЛЕКСАНДРА ИЗ АМАСТРИИ

Г.М. Творогов

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия*

E-mail: publetvgl@yandex.ru

ORCID: 0009-0005-8132-1264

В статье изучается надпись, найденная в Амастрии (Marek, Kat. Amastris 95), в которой упоминается представитель местной элиты Марк Аврелий Александр в качестве верховного жреца Понта (ἀρχιερεὺς τοῦ Πόντου), а также вифиниарха и понтарха (Βεϋθυνιάρχης καὶ Ποντάρχης), что поставило под сомнение т.н. «теорию идентификации», отождествляющую верховных жрецов и койнархов. Анализ источников, найденных на территории провинции Вифиния-Понт, позволил сделать вывод о том, что формулировка «вифиниарх и понтарх» была устоявшейся в течение длительного времени и обозначала должностное лицо, исполнявшее одновременно свои обязанности главы койнона Вифинии и койнона городов Понта в Никомедии. Титул «ἀρχιερεὺς τοῦ Πόντου» следует отнести ко времени службы Марка Аврелия Александра в Амастрии. Утверждается, что употребление обоих титулов связано с разными периодами его деятельности, оно позволило избежать повторения титула «понтарх».

Ключевые слова: римские провинции, Малая Азия, императорский культ, Вифиния, Понт, койнон, верховный жрец, вифиниарх, понтарх, метрополия

ВВЕДЕНИЕ

Изучение организации и функционирования институтов императорского культа на территории восточных провинций Римской империи не теряет своей актуальности. Как известно, за проведение культовых мероприятий в честь императоров на провинциальном уровне отвечали κοινά – объединения городов внутри определенных регионов (эпархий) во главе с верховными жрецами. Другие титулы, которые использовались в отношении этих людей, сочетали в себе название эпархии, в рамках которой функционировал койнон, с добавлением -αρχ (азитарх, вифиниарх, понтарх, галатарх и т.д.)¹; для их

Данные об авторе. Глеб Михайлович Творогов – аспирант ЯрГУ.

¹ Модестин использует термин «жречество этноса»: ἔθνοος ἱερωσύνη, οἷον Ἀσιαρχία, Βιθυνιαρχία, Καππαδοκαρχία (Dig. XXVII. 1. 6. 14). О трактовке понятия «этнос» из этого фрагмента см. Vitale 2016, 96–102.

обозначения в научной литературе используется термин «койнархи»². Длительная дискуссия в историографии, в которой сторонники т.н. «теории идентификации», отождествляющей верховных жрецов и койнархов, противостоят оппонентам, не разделяющим это отождествление, длится более века³, однако к окончательному решению антиковеды не пришли до сих пор.

Одним из наиболее важных аргументов противников идентификации является одновременное употребление названных терминов в отношении одного и того же человека в надписях с перечислением его заслуг. Такие случаи были обнаружены в κοινά Македонии (EKM 1. Beroia 68, 69; SEG 16. 390; IG X, 2 1 163; SEG 49. 816, 817), Западного Понта (IScM I 178–180; IScM II 52, 69; IScM III 99, 100), Галатии (IAnkyraBosch 139, 249–253, 287). Примечательно, что в каждом из указанных случаев оба титула находятся в одном ряду с исполняемыми в рамках койнона должностями, что дало повод сторонникам идентификации – П. Херцу⁴, а впоследствии Ф. Кирбихлеру⁵ и М. Витале⁶ – понимать их как две стороны одной и той же службы: титул койнарха использовался для указания на политический и административный аспекты этой службы, а титул архиерея – на религиозный. В вышеперечисленных примерах это объяснение может быть допустимо, однако надпись, обнаруженная на территории епархии Понт двойной провинции Вифиния-Понт (Marek, Kat. Amastris 95)⁷, выбивается из общего правила. Считаю необходимым привести ее целиком:

ἀγα[θῇ τῇ] χηρῇ θεῷ [π]ατρίῳ Διὶ Βονιτηνῷ
Μάρ[κος] Αὐρήλιος Ἀλέξανδρος Γαίου τοῦ
καὶ Ἀρελίου τοῦ προστάτου καὶ γενεάρχου
ἐκ προγόνων καὶ κτίστου τῶν ἱερῶν τόπων καὶ
τροφέως ἀσυνκρίτου καὶ πρώτου ἄρχοντος
καταρξαμένου τῶν θεμελίων τοῦ ναοῦ ὁ γενεάρχης
καὶ προστάτης καὶ κτίστης καὶ τρο-

φεὺς καὶ ἀρχιερεὺς τοῦ Πόντου, ἄρξας τὴν μεγί-

στην ἀρχὴν τῆς λαμπρότατης Ἀμαστριανῶν
πόλεως, Βειθυνάρχης καὶ Ποντάρχης τιμη-

θεὶς ὑπὸ θεοῦ Ἀντωνεῖνου, πάσαις ταῖς τῆς
πολιτείας τιμαῖς διαπρέψας, κατασκευάσας

τὸν ναὸν μετὰ παντὸς τοῦ κόσμου {vac.}
ἀφιέρωσεν {vac.} ἐν τῷ θεοῦ ἔτει. {vac.}

Благой судьбе! Богу Зевсу Бонитену Марк
Аврелий Александр, сын Гая и внук Арейпа,
который был вождем и генеархом

от предков, основателем священных мест,
несравненным воспитателем, первым
архонтом, заложившим фундамент храма,
(Марк Аврелий Александр) генеарх, вождь,
основатель, воспитатель,
верховный жрец Понта, занимавший
высшую должность,
блистательнейшего полиса амастрийцев,
вифиниарх и понтарх, удостоенный почестей

божественным Антонином, всеми почестями
гражданства отмеченный, освятил храм,
соорудив
(его) со всем убранством.
В 279 году.

² Edelman-Singer 2015, 161.

³ Наиболее острые научные дискуссии велись относительно отождествления верховных жрецов Азии и азиархов – см. Творогов 2025; Filippini 2019, 181–194.

⁴ Herz 1992, 102–103, 108.

⁵ Kirbihler 2008, 117.

⁶ Vitale 2016, 104–105.

⁷ Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой на территории Малой Азии существовало два отдельных понтийских койнона (κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλεων и κοινὸν Πόντου). Историография по этому вопросу: Sørensen 2016, 75–84; Wu 2018, 16–21.

В приведенной надписи перечислены заслуги гражданина Амастрии Марка Аврелия Александра. Среди должностей, занимаемых им, есть и понтарх, и верховный жрец Понта. Это обстоятельство позволило таким исследователям, как Т. Беккер-Нильсен⁸, Й. Мадсен⁹ и Э. Борджия¹⁰, утверждать, что оба титула обозначают разные должности. Однако сведения, которые содержатся в данном источнике, по нашему мнению, не так однозначны, как может показаться на первый взгляд.

СОДЕРЖАНИЕ НАДПИСИ

Надпись, датируемая 209 г. н.э., была найдена в нескольких десятках километров к юго-востоку от Амастрии¹¹. Она посвящена Зевсу Бонитену М. Аврелием Александром, который завершил строительство храма, основанного еще его дедом Арейпом¹². Титул генеарха, возглавивший перечень достижений Александра, должен был подчеркивать его лидирующую роль в местном клане; такое руководство, по мнению Ч. Ву, имело под собой религиозную основу и требовало от генеарха определенных инвестиций на поддержание местного культа, важного для возглавляемого им клана¹³. Остальные локальные титулы – *πρόστατης*, *κτήστης*, *τροφεὺς* – Александр, как предполагается, также занимал в связи со святилищем Зевса Бонитена¹⁴.

Далее М. Аврелий Александр перечисляет свои официальные должности, однако располагает их в необычном порядке: «*ἀρχιερεὺς τοῦ Πόντου, ἄρξας τὴν μεγίστην ἀρχὴν τῆς λαμπροτάτης Ἀμαστριανῶν πόλεως, Βειθυνιάρχης καὶ Ποντάρχης*». Это несколько отличается от размещения титулов, характерного для других надписей, где указываются и верховное жречество, и койнархия: по непонятной причине должности, которые исполнялись Александром в одном койноне, отделены друг от друга, причем между ними автор надписи поставил не только титул главы союза Вифинии, но и муниципальный – главного магистрата Амастрии. Также нужно отметить, что исполнение должности койнарха являлось пиком политической карьеры провинциала¹⁵, из-за чего в значительной части надписей, прославлявших представителей элиты, эту должность стремились разместить ближе к началу списка достоинств знати. Поэтому в случае М. Аврелия Александра было бы логично поместить все титулы, связанные с его деятельностью на надписном уровне, перед *ἄρξας τὴν μεγίστην ἀρχὴν τῆς λαμπροτάτης Ἀμαστριανῶν πόλεως*. Как же тогда объяснить причину столь странной расстановки?

⁸ Bekker-Nielsen 2008, 84.

⁹ Madsen 2009, 93.

¹⁰ Borgia 2018, 301.

¹¹ Wu 2018, 155.

¹² Не совсем понятно утверждение С.Л. Серенсена (Sørensen 2016, 74) о том, что описанный здесь храм был святилищем императорского культа в Амастрии; речь идет о храме Зевса Бонитена.

¹³ Wu 2018, 156.

¹⁴ Ruscu 2019, 625.

¹⁵ Quaß 1993, 216; Burrell 2004, 346.

МАРК АВРЕЛИЙ АЛЕКСАНДР КАК ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ ПОНТА

Прежде всего необходимо определить, в каком месте М. Аврелий Александр исполнял свои служебные обязанности в качестве верховного жреца Понта. Мы допускаем, что таким городом могла стать Амастрия. Одним из доказательств этого является наличие на монетах полиса, датированных последними годами правления Траяна, титула метрополии¹⁶ (RPC III 1204A, 1205, 1207, 1208, 1209, 1210). Город с таким названием представлял собой религиозный центр койнона, где проводились культовые и праздничные мероприятия в честь императоров¹⁷. Одним из условий предоставления полису этого высокого звания могло стать наличие в нем верховного жреца¹⁸, которому вменялись обязанности по организации такого рода празднований. Следовательно, Амастрия, равно как и Гераклея Понтийская, обладавшая рангом метрополии в то же время (RPC III 1161–1170, 1172–1176), могли принимать у себя собрания койнона, возглавляемого архиереем. Однако после смерти Траяна этот титул для обоих полисов исчезает из источников, что позволило Б. Пюэшу усомниться в том, что Амастрия и Гераклея Понтийская когда-либо были метрополиями в официальном значении этого слова¹⁹. Мы не согласны с данной точкой зрения: исследование Б. Зайонц показало, что на интересующих нас амастрийских монетах имеются отсылки к императорскому культу. Так, серия монет с изображением Диониса и легендой DIONYCOC CEBACTOC на аверсе (RPC III 1209) может служить одним из способов отождествления императора с популярным богом²⁰. На других монетах император сравнивался с Гелиосом как символом власти (RPC III 1210)²¹. Еще один монетный тип с изображением Помпеи Плотины, супруги императора Траяна, имел легенду ΠΛΩΤΕΙΝΑ ΘΕΑ CEBACTH (RPC III 1208), что подчеркивает божественную сущность одного из членов императорской семьи. Примерно в то же время, когда были отчеканены эти монеты, в Амастрии появилась надпись в честь Тита Юлия Аквилы, верховного жреца Понта, носившего венец (ἄ[v]λαβόντ[α] στέφα[v]o[v])²², которого почитил койнон городов Понта (Marek, Kat. Amastris 7). Кроме этого источника, а также надписи в честь М. Аврелия Александра, в Амастрии были найдены свидетельства еще о трех верховных жрецах Понта / понтархах (Marek, Kat. Amastris 12, 19, 55), охватывающие период от начала II в. н.э. до начала III в. н.э.; ни в одном другом понтийском полисе не было обнаружено больше. В городе имелась необходимая инфраструктура для заседаний койнона, в том числе культовое сооружение для поклонения императору²³. Доказательством является обнаруженная здесь статуя принцепса (предположительно, Адриана) в кирасе, установленная, вероятно, в императорском зале банно-гимнастического комплекса и, возможно, имевшая культовое значение²⁴. Еще одним, пусть и косвенным, подтверждением того, что

¹⁶ Zajac 2023, 70–71.

¹⁷ Puech 2004, 395; Heller 2006.

¹⁸ Puech 2004, 393.

¹⁹ Puech 2004, 359–360.

²⁰ Zajac 2018, 81–82.

²¹ Zajac 2018, 82.

²² Данный атрибут верховных жрецов зафиксирован также в других источниках, см.: Грацианский 2022, 82.

²³ Wu 2018, 287–289.

²⁴ Aydin et al. 2015, 232–233.

город мог быть местом собрания койнона, является структура изучаемой нами надписи, точнее, фрагмента с перечислением должностей и титулов М. Аврелия Александра. На наш взгляд, этот отрывок можно разделить на три части: первая (γενεάρχης καὶ προστάτης καὶ κτίστης καὶ τροφεὺς) содержит локальные титулы, характеризовавшие Александра как лидера пафлагонского клана, тратившего средства на обустройство храма одного из местных культов; вторая (ἀρχιερεὺς τοῦ Πόντου, ἄρξας τὴν μεγίστην ἀρχὴν τῆς λαμπροτάτης Ἀμαστριανῶν πόλεως) включает сведения, какие должности он исполнял непосредственно в самой Амастрии (провинциальную и муниципальную); третья (Βειθυνιάρχης καὶ Ποντάρχης τειμηθεὶς ὑπὸ θεοῦ Ἀντωνεῖνου, πάσαις ταῖς τῆς πολιτείας τειμαῖς διαπρέψας) информирует о том, чего он достиг за пределами территории родного полиса.

Таким образом, совокупность вышеизложенных свидетельств позволяет сделать вывод о том, что Амастрия могла служить местом собраний койнона с председательствовавшим на них верховным жрецом Понта, и М. Аврелий Александр, по нашему предположению, как обладатель этого титула реализовывал свои обязанности в данном качестве именно в Амастрии.

«ВИФИНИАРХИ И ПОНТАРХИ»

Перейдем к рассмотрению связанных друг с другом титулов Βειθυνιάρχης καὶ Ποντάρχης, поскольку единой точки зрения на то, как осуществлялись эти должности, нет. М. Витале, констатировавший наличие тесной связи между койноном городов Понта и койноном Вифинии (с опорой на исследование К. Марека²⁵), заключил, что обе должности могли исполняться одним лицом одновременно в ходе периодических совместных заседаний делегатов от обоих союзов²⁶. С иной позицией выступила Ю. Далайсон²⁷, по мнению которой невозможно установить, исполнялись ли эти должности одновременно или попеременно. Еще критичнее отнесся к положениям М. Витале С.Ю. Сапрыкин²⁸, утверждавший, что обе должности исполнялись поочередно. Для того чтобы сформулировать нашу точку зрения, необходимо рассмотреть все имеющиеся источники с указанием людей, обладавших как титулом вифиниарха, так и титулом понтарха.

²⁵ Marek 1993, 73–82.

²⁶ Vitale 2012, 196–197.

²⁷ Dalaison 2016, 200–201.

²⁸ Сапрыкин 2017, 677–678.

Таблица 1.

Отмеченные в источниках «вифиниархи и понтархи»

Имя	Должность	Датировка надписи	Ссылка
Не сохранилось	<Βειθυνι(?)>άρχ<η>ν καὶ Ποντά[ρ]χην	117–138 гг.	IK Prusa ad Olympum 13
Марк Домиций Юлиан	Βειθυνιάρχου καὶ Ποντάρχου	II в.	IK Prusias ad Hyprium 53
Ульпий Тит Элиан Антонин	Βειθυνιάρχου καὶ Ποντάρχου	Конец II – начало III вв.	IK Prusias ad Hyprium 17
Тит Ульпий Элиан Папиан	Βειθυνιάρχην καὶ Ποντάρχην	Конец II – начало III вв.	IK Prusias ad Hyprium 17
Марк Аврелий Александр	Βειθυνιάρχης καὶ Ποντάρχης	209 г.	Marek, Kat. Amastris 95
Марк Аврелий Хрисений Деметрий	Βειθυνιαρχίας καὶ Πονταρχίας	После 212 г.	IK Prusias ad Hyprium 29

Какие выводы мы можем сделать из приведенных данных? Во-первых, на сегодняшний день обнаружены сведения о шести должностных лицах в провинции Вифиния-Понт, отмеченных как «вифиниархи и понтархи», а также о девяти вифиниархах²⁹, пяти понтархах³⁰ и трех верховных жрецах Понта (мы не берем в расчет понтархов и верховных жрецов Понта, сведения о которых обнаружены за пределами епархии Понт двойной провинции Вифиния-Понт; информации об этих должностных лицах в других регионах Малой Азии несколько меньше – всего один архиерей Понта и пять понтархов)³¹. Из этого следует, что занятие обеих должностей одним лицом было достаточно частым явлением в северо-западной Анатолии. Необходимо отметить практически полное отсутствие других источников, где бы фигурировали люди, занимавшие главенствующее положение в разных κοινά. Исключениями являются случаи Марка Аврелия Миндия Маттидиана Поллиона, обладателя титулов βειθυνιάρχου δις καὶ ἀσιάρχου ναῶν τῶν ἐν Ἐφέσῳ (OGIS 525) / ἀρχιερέα Ἀσίας ναῶν τῶν ἐν Ἐφέσῳ ... τρις βειθυνιάρχην (IEph 627, 3056), и Луция Цецилия Прокла, понтарха и лесбарха (Marek, Kat. Amastris 19). Трудно представить, чтобы и тот, и другой исполняли свои обязанности в этих союзах одновременно, однако мы не считаем правильным использовать это обстоятельство в качестве аргумента применительно к целым шести «вифиниархам и понтархам», как это делает Ю. Далайсон³². Во-вторых, все надписи с данными о таких людях, по меткому замечанию К. Марека, найдены только на территории провинции Вифиния-Понт (пять – в городах епархии Вифинии, одна – в епархии Понт); лишь в ее пределах зафиксировано совмещение должностей вифиниарха и понтарха в одном лице³³. В-третьих, в течение целого столетия формулировка «Βειθυνιάρχης καὶ Ποντάρχης» никак не изменилась: мы не наблюдаем перестановок терминов (в случае с надписью из Амастрии было бы логичнее поместить титул понтарха перед титулом вифиниарха) или повторения исполнения должностных обязанностей койнарха хотя бы в одном из κοινά, как в

²⁹ Не считая лиц, обозначенных в источниках как архонты койнона эллинов в Вифинии.

³⁰ Надпись из Амиса (St. Pont. III 2) содержит сведения о супружеской паре понтархов, Марке Юлии Юлиане и Секстилии Кирилле, поэтому в нашу статистику включены четыре мужчины и одна женщина; о том, почему женщины также могли обладать титулом койнарха, см. Edelman-Singer 2016, 401.

³¹ Таблица со всеми известными вифиниархами и понтархами – Dalaison 2016, 196–199.

³² Dalaison 2016, 201.

³³ Marek 1993, 77.

ситуации с Поллионом. Можно согласиться с версией М. Витале, объяснявшего этот феномен «эпиграфической привычкой»³⁴.

Суммируя вышесказанное, мы полагаем правомерным утверждать, что все перечисленные «вифиниархи и понтархи» синхронно председательствовали как в κοινὸν Βειθυνίας, так и в κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλεων, исполняя жреческие функции на общих праздниках обоих κοινά. Такой вывод мы можем сделать с опорой на надпись из Прусиады-на-Гипии (IK Prusias ad Hypium 53), в которой перечисляются родители Кальпурнии Домиции Маркианы: отец, Марк Домиций Юлиан, вифиниарх и понтарх, а также неокор богини Деметры, и мать, Флавия Домиция Артемонида, верховная жрица и неокор богини Деметры. Как известно, архиереи/койнархи могли привлекать к совместной службе своих родственников и жен³⁵. В нашем примере мы видим именно такую ситуацию, и Флавия Домиция Артемонида, вероятно, была верховной жрицей Вифинии и Понта. Но почему в ее титуле отсутствуют уточняющие топонимы? Свою роль сыграла эпиграфическая традиция: удивительно, но мы не знаем ни одного ἀρχιερεὺς τῆς Βιθυνίας, а в источниках встречаются лишь вифиниархи и архонты койнона³⁶. Было высказано предположение, согласно которому упомянутые в вифинских источниках обычные верховные жрецы, чей титул не сопровождался топонимом, и были теми самыми провинциальными архиереями³⁷. Если данная теория верна, то пробел в конкретизации титула Флавии Домиции Артемониды становится вполне объяснимым, равно как и отсутствие «верховных жрецов Вифинии и Понта».

ПЕРВЫЙ ГОРОД ВИФИНИИ И ПОНТА

Заседания койнона Вифинии проходили в Никомедии – полисе, который получил от самого Августа право на строительство одного из первых (наравне с пергамским) храмов императорского культа провинциального значения на всем греческом Востоке (Cass. Dio. LI. 20. 7), что впоследствии позволило обрести статус города-неоко́ра. Полис также обладал такими почетными титулами, как «метрополия» (еще при Клавдии – RPC I 2076–2081) и «первый город» (начиная с правления Домициана – RPC II 653–664). Однако у Никомедии был серьезный конкурент в лице Nikei. Известно, что с середины I в. н.э. она называла себя «первым городом эпархии» (RPC I 2042), а начиная со второй половины I в. н.э. происходила настоящая война за титулы. И Никомедия, и Nikeia претендовали на титул «первого города», который фиксируется в эпиграфических и нумизматических источниках в разных вариациях:

³⁴ Vitale 2012, 196.

³⁵ Herz 1992, 101–102; Kirbihler 2008, 113, 117; Edelmann-Singer 2016, 388–402.

³⁶ Campanile 1995, 346.

³⁷ Fernoux 2004, 353–354; Vitale 2012, 194.

Таблица 2.

Понятие «первый» в титулатурах Никомедии и Никеи

	Первый (город)	Первый (город) епархии	Первый (город) Вифинии	Первый (город) Вифинии и Понта / Понта и Вифинии
Никомедия	RPC II 653, 663A; RPC IV.1 5585, 5592, 5593, 5594, 5597, 5650, 5652, 5653, 6061, 6062, 6065, 6068–6072, 6079, 6117, 6257, 7976, 7978, 7980, 10022, 10435, 10655, 11854, 25050	Свидетельства отсутствуют	RPC II 656–660b, 662, 663, 663B, 664; RPC III 1089, 1091	RPC II 654–655A, 661; RPC III 1090, 1092; RPC VI 3395; TAM IV,1 34; BCH 39 (1915) 51 note 3; SEG 29. 1345; TAM IV,1 25
Никея	RPC II 632, 641A; RPC III 1059	RPC I 2042; RPC II 633–637, 639, 640A, 641, 644–646; IK Iznik 25–28, 53–54	RPC II 630–631C	RPC II 638, 640, 642, 643, 647; IK Iznik 29, 30, 30A

Следует задаться вопросами: какие города имели право называться «первыми» и как объяснить такое обилие формулировок? Исследователи по-разному трактуют это понятие. Б. Баррелл полагала, что среди всех титулов «первый город» занимал особое положение: он находился в центре своеобразной «паутины», которая формировалась из входивших в союз общин³⁸. По ее мнению, голос такого города на собраниях койнона имел наибольший вес и мог оказывать влияние на позицию других полисов³⁹. Иначе трактовала значение понятия «πρώτη πόλις» А. Хеллер, для которой он был исключительно почетным титулом без какого-либо серьезного содержательного компонента: «он не выражал ничего иного, как только обладание первым местом в том этикете, который регулировал собрания койнона»⁴⁰. В данный момент мы не будем вступать в дискуссию: для настоящего исследования важен лишь тот факт, что титул «πρώτη πόλις» использовался его владельцами с целью подчеркнуть свое высокое положение в рамках κοινά.

Важнейшим источником, из которого мы черпаем информацию о том, как можно было получить этот титул, является речь представителя Второй софистики Диона Хрисостома, посвященная вражде Никеи и Никомедии и их взаимным претензиям на статус «первого города» (Dio Chrys. Or. XXXVIII). Оратор подмечает, что оба города боролись за право идти впереди шествия (Dio Chrys. Or. XXXVIII. 38): вероятно, здесь имелась в виду торжественная процессия представителей городов, входивших в состав койнона, ежегодно собиравшихся на праздничные мероприятия в честь императоров и следовавших к месту жертвоприношения⁴¹. Решение же о предоставлении титула «первого» принималось городами союза: «Ныне же дело обстоит так, что раздор ваш взволновал другие города. Тем кажется, будто вы ждете от них помощи, каковая

³⁸ Burrell 2004, 357–358.

³⁹ Burrell 2004, 358.

⁴⁰ Heller 2006.

⁴¹ Price 1984, 128–129.

и вправду потребна в вашем споре, ибо вы походите на двух славных мужей, не способных прийти к согласию в делах государства. Тем приходится перед всеми заискивать – даже перед теми, кто много слабее их. И покуда вы боретесь за первенство, велика опасность, что оно окажется в руках тех, перед кем вы ныне заискиваете» (Dio Chrys. *Or.* XXXVIII. 34–35. Пер. С.И. Межерицкой). Отсюда следует, что титулы «первый», «первый эпархии», «первый Вифинии» могли быть дарованы общинами того объединения, куда входили оба города, а именно койнона Вифинии. Но как объяснить тот факт, что Никея и Никомедия носили титул «первый Вифинии и Понта / Понта и Вифинии»? На каких основаниях союз вифинских полисов дал разрешение на добавление к титулу топонима «Понт» и почему соседний койнон городов Понта не воспротивился этому? Л. Робер, посвятивший одну из своих работ соперничеству Никомедии и Никей, видел в этом стремление обоих городов превзойти друг друга в пышности титулатуры⁴². Схожие мысли высказывала и А. Хеллер, по мнению которой данная формулировка была не более чем риторическим преувеличением, поскольку и тот, и другой полис стремились возвысить свое положение в масштабах всей провинции; такой титул впоследствии стал официальным и одобренным римскими властями⁴³. С диаметрально противоположной точкой зрения вновь выступил М. Витале. Согласно его концепции, разрешение на то, чтобы Никомедия и Никея добавили к своим титулам «первых» топоним «Понт», те получили от κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλεων⁴⁴. Это было возможно благодаря особой административной связи двух эпархий одной провинции – Вифинии и Понта⁴⁵. Исследователь выдвинул гипотезу, согласно которой заседания койнона городов Понта могли проходить у вифинских соседей в их главных центрах – Никомедии и Никее⁴⁶; при этом оба κοινά действовали совместно во главе с «вифиниархами и понтархами»⁴⁷. Схожая ситуация, доказывает М. Витале, была характерна для провинции Киликии, где в метрополиях Тарсе и Аназарбе проводились совместные игры и заседания κοινά трех эпархий (Киликии, Исаврии, Ликаонии), входивших в ее состав⁴⁸, хотя у нас и нет сведений о верховных жрецах / койнархах всех трех эпархий, только о киликархах⁴⁹.

Мы солидарны с М. Витале в том, что периодические совместные заседания обоих κοινά действительно были и, вероятно, проходили на территории эпархии Вифинии. При этом сам койнон городов Понта, когда собирался отдельно, вероятно, проводил свои заседания в собственной эпархии. Выше мы обосновали свою позицию о том, что Амастрия могла быть местом собраний κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλεων. Еще одним таким полисом стала Гераклея Понтийская. На это указывает найденная на ее территории надпись, в которой «совет, народ и койнон городов Понта почтили добровольно избранного и щедрого верховного жреца

⁴² Robert 1977, 4.

⁴³ Heller 2006.

⁴⁴ Vitale 2012, 190.

⁴⁵ Vitale 2012, 196–197; Vitale 2014, 57–58.

⁴⁶ Vitale 2012, 179–180, 187.

⁴⁷ Vitale 2012, 180, 191, 196–197.

⁴⁸ Vitale 2012, 191; Vitale 2014, 58. С конца II в. н.э. Тарс и Аназарб стали использовать следующую титулатуру: μητρόπολις τῶν τριῶν ἐπαρχιῶν Κιλικίας Ἰσαυρίας Λυκαονίας προκαθεζομένη. Подробнее об этом см.: Nollé 1995, 39–50.

⁴⁹ Vitale 2012, 318.

Понта Аврелия Александра, сына Тимофея» (IK Heraclea Pont. 3)⁵⁰. В еще одной крайне фрагментарной надписи из Гераклеи имеется словосочетание «τῶν ἐν τῷ Πόντῳ πόλιων» (IK Heraclea Pont. 82), явно отсылающее к соответствующему койнону. Другое свидетельство оттуда же сообщает о почестях, оказанных верховной жрице божественного Антонина Клавдии Сатурнии ее племянницами по решению собрания койнона и отечества (κατὰ τὸ κρίμα τοῦ κοινοβουλίου καὶ τῆς πατρ[ίδ]ος – IK Heraclea Pont. 1)⁵¹. Мы уже отмечали, что Гераклея, наравне с Амастрией, упоминается на монетах эпохи Траяна в качестве метрополии (RPC III 1161–1170; 1172–1176), а также во второй половине III в. н.э. (RPC X ID 59945, 59948, 59971, 86466, 86467, 86473). Во времена Филиппа Араба Гераклея обрела статус города-неоко́ра⁵², а в нескольких источниках II в. н.э. и второй половины III в. н.э. (IK Heraclea Pont. 51; RPC X ID 59948, 86466, 86467) полис фигурирует как «первый город Понта».

ПРИЧИНЫ ЛИШЕНИЯ АМАСТРИИ И ГЕРАКЛЕИ ПОНТИЙСКОЙ ТИТУЛА «МЕТРОПОЛИЯ»

Итак, оба полиса (Амастрия и Гераклея Понтийская), по нашему мнению, являлись центрами койнона городов Понта, однако после смерти Траяна они перестают упоминаться в источниках как метрополии (лишь Гераклея вновь получит этот титул, но спустя более века). Чем это можно объяснить?

Мы считаем, что лишение обоих понтийских городов титула «метрополия» являлось следствием борьбы Никомедии и Nikei. В 123 г. н.э. последняя добивается от императора Адриана огромных уступок: в добавление к своему титулу «первого города» она получает статусы метрополии и неоко́ра, о чем торжественно объявили ее жители, сделав две идентичные надписи на городских воротах (... ἡ εὐσεβεστάτη νεωκόρος τῶν Σεβαστῶν, ἀπὸ Διονύσου καὶ Ἡρακλέους πρώτη Βιθυνίας καὶ Πόντου, ἡ μητρόπολις ... – IK Iznik 29, 30), однако позднее титулы оказались стерты. Причину этой утраты пытался определить Л. Робер, полагавший, что данное событие пришлось на конец II в. н.э. в момент противостояния Септимия Севера и Песценния Нигера, когда Никомедия поддержала первого, а Nikea – последнего (Herodian. Hist. III. 2. 9). Одержав победу, Септимий Север наказал выступившие против него города (Cass. Dio LXXV. 8. 4), что могло стать причиной лишения Nikei всех ее титулов⁵³. Однако ряд исследователей выступили против такой интерпретации⁵⁴, поскольку в городской чеканке Nikei, начиная как минимум с правления Антонина Пия (при Адриане в чеканке Nikei наблюдается лакуна⁵⁵), полис не упоминался как дарованные в 123 г. н.э. привилегии, так и титул «первого города». Более того, в двух схожих по содержанию эфесских надписях, относящихся ко времени Коммода, прославлялся Марк Аврелий Миндий Маттидиан Поллион, бывший куратором трех вифинских городов – τῆς λαμπροτάτης μητροπόλεως Νεικομηδείας, Νεικέας, Προύσης (IEph 627,

⁵⁰ Αγαθῇ τύχῃ. ἡ βουλὰ καὶ ὁ δῆμος καὶ τὸ κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλιων ἐτείμασαν τὸν αὐθαίρετον καὶ μεγάλόψυχον ἀρχιερέα τοῦ Πόντου, Αὐρήλιον Ἀλέξανδρον Τεμποθέου. Надпись составлена на диалекте и была найдена в пределах Гераклеи Понтийской: это в совокупности дает нам основание предположить, что данный город был местом заседаний койнона (Sørensen 2016, 74).

⁵¹ Siekierka et al. 2021, 966–967.

⁵² Burrell 2004, 257.

⁵³ Robert 1977, 23–28.

⁵⁴ Puech 2004, 364–365; Heller 2006; Bertolazzi 2020, 103–104.

⁵⁵ Robert 1977, 19.

3056); из них метрополией была названа только Никомедия. Отсюда следует, что Никея потеряла свои титулы гораздо ранее конца II в. н.э. – или при Адриане, или при Антонине Пие⁵⁶. Это совпадает с тем временем, когда Амастрия и Гераклея Понтийская также перестали упоминаться в эпиграфических и нумизматических источниках в качестве метрополий. Мы считаем, что эти события были друг с другом каким-то образом связаны, однако определить причину, по которой все эти города утратили свои титулы, не представляется возможным. Наиболее внятное объяснение дала А. Хеллер: вероятно, Никомедия, для которой статус метрополии был крайне важен, стремилась остаться единственной метрополией и использовала свои рычаги давления для лишения Никеи ее новых привилегий⁵⁷. Дополняя эти рассуждения, мы можем предположить, что Никомедия использовала свое влияние не только для устранения титулов своей главной соперницы, но и для ликвидации двух официальных метрополий в епархии Понт, чтобы таким образом обрести исключительное положение во всей провинции.

Приведенный порядок рассуждений, однако, не должен вводить нас в заблуждение относительно того, где отдельно от вифинского союза заседал койнон городов Понта и исполняли свои обязанности верховные жрецы Понта / понтархи. Например, Смирна, Кизик и Сарды, к которым были приписаны верховные жрецы Азии / азиархи ввиду появления в них храмов императорского культа провинциального значения (уникальность койнона Азии заключается в том, что там одновременно служили как минимум пять архиереев: в Пергаме, Смирне, Эфесе, Кизике и Сардах⁵⁸), смогли получить статус метрополии только в III в. н.э., в то время как Пергам и Эфес приобрели его уже во II в. н.э.⁵⁹ Перге и Сиде, крупнейшие памфилийские города, стали именоваться метрополиями только в эпоху «солдатских императоров» (Перге при Таците, Сиде при Пробе)⁶⁰. Нам неизвестна метрополия койнона Лесбоса, при этом мы знаем о существовании лесбархов (Marek, Kat. Amastris 19) и «первого города Лесбоса» – Митилены (RPC X ID 61445, 84194, 85379, 85383, 85384). Следовательно, недостаточно быть местом заседаний койнона, иметь верховного жреца и проводить игры под эгидой союза, чтобы стать метрополией; все перечисленные факторы, вероятно, являлись лишь условиями для предоставления этого почетного титула⁶¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы приходим к следующему выводу: Марк Аврелий Александр занимал пост верховного жреца Понта в одном из городов епархии Понт – Амастрии или Гераклее Понтийской (мы склоняемся к первому варианту). Как «вифиниарх и понтарх», он служил в епархии Вифинии, а именно в Никомедии, крупнейшем городе провинции, ставшим к началу III в. н.э. бесспорным лидером в своем регионе, монополизировав титулы метрополии, первого города

⁵⁶ Bertolazzi 2020, 104.

⁵⁷ Heller 2006.

⁵⁸ Kirbihler 2008, 108, 113, n. 46.

⁵⁹ Puech 2004, 392–394.

⁶⁰ Nollé 1993, 312–313.

⁶¹ О том, какими дополнительными преимуществами обладали города-метрополии, см.: Puech 2004, 385–399; Heller 2006.

Вифинии и Понта, а также обладавшим двумя храмами императорского культа провинциального значения (ТАМ IV,1 25). Используя оба титула главы койнона городов Понта («верховный жрец Понта» и «понтарх»), автор надписи стремился избежать повторения титула «понтарх», поскольку устойчивая формулировка «вифиниарх и понтарх» обозначала одновременное руководство сразу двумя *κοινά*.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Aydin, B., Buccino, L., Summerer, L. 2015: Honoured, Beheaded and Buried: A New Deposit of Statues from Amastris. In: K. Winther-Jacobsen, L. Summerer (eds.), *Landscape Dynamics and Settlement Pattern in Northern Anatolia during the Roman and Byzantine Period*. Stuttgart, 219–238.
- Bekker-Nielsen, T. 2008: *Urban Life and Local Politics in Roman Bithynia: The Small World of Dion Chrysostomos* (Black Sea Studies 7). Aarhus.
- Bertolazzi, R. 2020: *Septimius Severus and the Cities of the Empire* (Epigrafia e Antichità 47). Faenza.
- Borgia, E. 2018: The kilikarchia in the Roman Province of Cilicia. In: F. Camia, L. Del Monaco, M. Nocita (eds.), *Munus Laetitia. Studi Miscellanei: offerti a Maria Letizia Lazzarini*. Vol. I. Roma, 295–320.
- Burrell, B. 2004: *Neokoroi: Greek Cities and Roman Emperors* (Cincinnati Classical Studies. New Series 9). Leiden–Boston.
- Campanile, M.D. 1995: Il koinon di Bitinia. Βιθυνιάρχαι e ἄρχοντες τοῦ κοινοῦ τῶν ἐν Βιθυνίᾳ Ἑλλήνων. *Studi classici e orientali* 43, 343–357.
- Dalaison, J. 2016: Néocorie et koinon: les attestations et représentations du culte impérial fédéral sur les monnaies provinciales romaines du nord de l'Asie mineure (Pont, Paphlagonie et Arménie mineure). In: A. Kolb, M. Vitale (Hrsg.), *Kaiserkult in den Provinzen des Römischen Reiches: Organisation, Kommunikation und Repräsentation*. Berlin–Boston, 189–228.
- Edelmann-Singer, B. 2015: *Koina und Concilia: Genese, Organisation und Sozioökonomische Funktion der Provinziallandtage im Römischen Reich* (Heidelberger Althistorische Beiträge und epigraphische Studien 57). Stuttgart.
- Edelmann-Singer, B. 2016: Die Kaiserpriesterinnen in den östlichen Provinzen des Reiches – Reflexionen über Titel, Funktion und Rolle. In: A. Kolb, M. Vitale (Hrsg.), *Kaiserkult in den Provinzen des Römischen Reiches: Organisation, Kommunikation und Repräsentation*. Berlin–Boston. 387–405.
- Fernoux, H.-L. 2004: *Notables et élites des cités de Bithynie aux époques hellénistique et romaine (IIIe s. av. – IIIe s. ap. J.-C.): Essai d'histoire sociale*. Lyon.
- Filippini, A. 2019. *Efeso, Ulpiano e il Senato. La contesa per il primato nella provincia Asia nel III sec. d.C.* (Acta Senatus: B. Studien und Materialien 5). Stuttgart.
- Gratsianskiy, M.V. 2022: Spor Nikei i Nikomidii na Khalkidonskom sobore za status mitropolii: grazhdanskiy aspekt [The Dispute Between Nicaea and Nicomedia over the Status of Metropolis at the Council of Chalcedon: The Civic Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations] 27/6, 74–89.
- Грацианский, М.В. 2022: Спор Никеи и Никомидии на Халкидонском соборе за статус митрополии: гражданский аспект. *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 27/6, 74–89.

- Heller, A. 2006: "Les bêtises des Grecs". Conflits et rivalités entre cités d'Asie et de Bithynie à l'époque romaine (128 a.C.–235 p.C.). Bordeaux. URL: <https://books.openedition.org/ausonius/3368>.
- Herz, P. 1992: Asiarchen und Archiereiai. Zum Provinzialkult der Provinz Asia. *TYCHE: Beiträge zur Alten Geschichte Papyrologie und Epigraphik* 7, 93–115.
- Kirbihler, F. 2008: Les grands-prêtres d'Éphèse: aspects institutionnels et sociaux de l'asiarchie. In: A. Rizakis, F. Camia (eds.), *Pathways to Power: Civic Elites in the Eastern Part of the Roman Empire. Proceedings of the International Workshop Held at Athens Scuola Archeologica Italiana di Atene in December 2005*. Atene, 107–149.
- Madsen, J.M. 2009: *Eager to be Roman: Greek Response to Roman Rule in Pontus and Bithynia*. London.
- Marek, Ch. 1993: *Stadt, Ära und Territorium in Pontus-Bithynia und Nord-Galatia* (Istanbuler Forschungen 39). Tübingen.
- Nollé, J. 1993: Die feindlichen Schwestern – Betrachtungen zur Rivalität der pamphyliischen Städte. In: G. Dobesch, G. Rehrenböck (Hrsg.), *Die epigraphische und altertumskundliche Erforschung Kleinasiens: Hundert Jahre kleinasiatische Kommission der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Akten des Symposiums vom 23. bis 25. Oktober 1990*. Wien, 297–317.
- Nollé, J., Zellner, H. 1995: Von Anazarbos nach Mopsuestia. Historische Anmerkungen zu zwei unpublizierten Stadtprägungen der römischen Kaiserzeit aus Kilikien. *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte* 46, 39–50.
- Price, S.R.F. 1984: *Rituals and Power: the Roman Imperial Cult in Asia Minor*. Cambridge.
- Puech, B. 2004: Des cités-mères aux métropoles. In: S. Follet (ed.), *L'hellénisme d'époque romaine. Nouveaux documents, nouvelles approches (Ier s. a.C. – IIIe s. p.C.). Actes du colloque international à la mémoire de Louis Robert, Paris, 7–8 juillet 2000*. Paris, 357–404.
- Quaß, F. 1993: *Die Honoratiorenschicht in den Städten des griechischen Ostens: Untersuchungen zur politischen und sozialen Entwicklung in hellenistischer und römischer Zeit*. Stuttgart.
- Robert, L. 1977: La Titulature de Nicée et de Nicomédie: La Gloire et la haine. *HSCP* 81, 1–39.
- Ruscu, L. 2019: Zu manchen Wandlungen im religiösen Leben der Schwarzmeerpoleis in der römischen Kaiserzeit. In: V. Cojocaru, L. Ruscu, T. Castelli, A.-I. Pázsint (eds.), *Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion*. Cluj-Napoca, 621–636.
- Saprykin, S.Yu. 2017: Τὸ κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλεων v Yuzhnom Prichernomor'ye [Τὸ κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλεων on the South Black Sea Coast]. *Vestnik drevnei istorii [Journal of Ancient History]* 77.3, 651–687.
- Сапрыкин, С.Ю. 2017: Τὸ κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλεων в южном Причерноморье. *ВДИ* 77/3, 651–687.
- Siekierka, P., Stebnicka, K., Wolicki, A. 2021: *Women and the Polis: Public Honorific Inscriptions for Women in the Greek Cities from the Late Classical to the Roman Period*. Vol. 1. Berlin–Boston.
- Sørensen, S.L. 2016: *Between Kingdom and Koinon. Neapolis/Neoklaudiopolis and the Pontic Cities* (Geographica Historica 33). Stuttgart.
- Tvorogov, G.M. 2025: Sootnoshenie titulov organizatorov imperatorskogo kul'ta v rimskikh provintsiyakh Maloy Azii: diskussionnye voprosy [The Interrelation between Imperial Cult Organizers' Titles in the Roman Provinces of Asia Minor: Discussion Issues]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» [Journal of Education and Science "History"]* 16.6 (152).
- Творогов, Г.М. 2025: Соотношение титулов организаторов императорского культа в римских провинциях Малой Азии: дискуссионные вопросы. *ЭНОЖ «История»* 16/6 (152).

- Vitale, M. 2012: *Eparchie und Koinon in Kleinasien von der ausgehenden Republik bis ins 3. Jh. n. Chr.* (Asia Minor Studien 67). Bonn.
- Vitale, M. 2014: 'Pontic' Communities under Roman Rule – Polis-Identities, Provincialisation and the Koina 'of Pontus'. In: T. Bekker-Nielsen (ed.), *Space, Place and Identity in Northern Anatolia* (Geographica Historica 29). Stuttgart, 49–61.
- Vitale, M. 2016: 'Priest' – 'Eparchy-arch' – 'Speaker of the ethnos': The Areas of Responsibility of the Highest Officials of the Eastern Provincial Imperial Cult. *Mnemosyne: A Journal of Classical Studies* 69, 82–111.
- Wu, C.-Y. 2018: *The Local Impact of the Koinon in Roman Coastal Paphlagonia. Ph.D. Dissertation. University of Pennsylvania.* Philadelphia.
- Zajac, B. 2018: Who, why, and when? Pseudo-autonomous coins of Bithynia and Pontus dated to the beginning of the second century AD. In: B. Zajac, P. Koczwara, S. Jellonek (eds.), *Pecunia Omnes Vincit. Coin as a Medium of Exchange Throughout Centuries Conference Proceedings of the 3rd International Numismatic Conference.* Krakow, 75–91.
- Zajac, B. 2023: *Between Roman Culture and Local Tradition: Roman Provincial Coinage of Bithynia and Pontus during the Reign of Trajan (98–117 AD)* (Archaeopress Roman Archaeology 100). Oxford.

HIGH PRIEST OF PONTUS, BITHYNIARCH AND PONTARCH: FEATURES OF THE TITULATURE OF MARCUS AURELIUS ALEXANDER OF AMASTRIS

Gleb M. Tvorogov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

E-mail: publetvgl@yandex.ru

The article examines an inscription found in Amastris (Marek, Kat. Amastris 95), which mentions a representative of the local elite, Marcus Aurelius Alexander, as the high priest of Pontus (ἀρχιερεὺς τοῦ Πόντου), as well as Bithyniarch and Pontarch (Βειθυνιάρχης καὶ Ποντάρχης). This evidence has cast doubt on the so-called “identification theory”, which equates high priests and koinarchs. An analysis of sources found in the province of Bithynia-Pontus has led to the conclusion that the formulation “Bithyniarch and Pontarch” was well established over a long period and designated an official who simultaneously headed the koinon of Bithynia and the koinon of the cities of Pontus in Nicomedia. The title “ἀρχιερεὺς τοῦ Πόντου” should be attributed to the period of Marcus Aurelius Alexander’s service in Amastris. It is argued that the use of the two titles is associated with different periods of his career and allowed the author of the inscription to avoid repeating the title “Pontarch”.

Keywords: Roman provinces, Asia Minor, imperial cult, Bithynia, Pontus, koinon, high priest, Bithyniarch, Pontarch, metropolis

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 137–150
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 137–150
©Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-137–150

ПРЕТОРИАНЦЫ И НАСЕЛЕНИЕ РИМА

Е.А. Гуськов

*Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;
Самарский университет, Самара, Россия*

E-mail: megistos@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0841-6938

Преторианская гвардия, которую Август превратил в постоянный институт, была важнейшей частью военного гарнизона Рима, который, помимо нее, также включал в себя городские когорты, вигилов и некоторые другие узкоспециализированные (в основном разведывательные) службы. В статье рассматриваются, с одной стороны, такие технические аспекты пребывания преторианцев в столице, как организация караульной службы, маршруты передвижения отрядов по городу; с другой – влияние военного присутствия на местных жителей, их взаимодействие в рамках городского пространства как в бытовом, так и в политическом плане.

Ключевые слова: Древний Рим, Римская империя, принципат, преторианские когорты, преторианцы, плебс

Как известно, в соответствии с республиканской традицией, в Риме было запрещено находиться войскам. Однако бурные события последних десятилетий республики несколько раз приводили к нарушению этого табу. Даже когда у Августа, получившего высший проконсульский империй, появилась легальная возможность разместить своих телохранителей в столице, ему хватило благоразумия не бравировать этим правом, дабы лишний раз не раздражать не привыкших к новым порядкам сограждан. По словам Светония (*Aug.* 49. 1), в столице «сын божественного» никогда не держал более трех когорт, да и те были, по видимому, расписаны по квартирам, выкупленным у горожан. В каких конкретно точках города они находились, установить невозможно¹. Остальные когорты были размещены в ближайших городах². С этого момента преторианцы становятся неотъемлемой, хотя пока еще малозаметной частью жизни Рима и окрестных городов. По городу они передвигались в «гражданской» одежде – в тогах (*Tac. Hist.* I.

Данные об авторе. Евгений Александрович Гуськов – кандидат исторических наук, доцент департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ; старший научный сотрудник Научно-исследовательской части № 90 Самарского университета.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 24-28-01528 «Интеракции многосторонних групп раннеимператорского Рима: сенаторы, городской плебс, военный гарнизон столицы».

¹ Как метко выразился М. Дюрри, мы вряд ли теперь отыщем то, что Август хотел скрыть от своих современников (*Duruy* 1938, 44).

² Не подлежит сомнению их постоянное присутствие в Остии, а вот остальные города в основном дискуссионны – Тибур, Тускул, Анций, Пренесте и др.

38. 2) – именно для того, чтобы меньше привлекать внимание. Более ощутимым их присутствие стало после того, как в правление Тиберия к 23 г. н.э.³ все преторианские и городские когорты были стянуты в один специализированный военный лагерь на самой высокой точке Виминала, за Коллинскими воротами, примерно в 500 м от Сервиевой стены, т.е. не в самом городе, а, строго говоря, в предместье, и только позднее, по мере расширения померия, он был включен в городскую черту. Надо полагать, выбор локации для *Castra praetoria* был обусловлен прежде всего техническими требованиями⁴, поскольку внутри города было труднее найти территорию, способную одновременно вместить порядка 15 когорт⁵, а также топографическими особенностями и логистическими задачами, но в то же время не следует совсем списывать со счетов и стремление Тиберия хотя бы номинально соблюдать прежние, еще памятные, республиканские нормы⁶, да и желательно было все-таки для усиления дисциплины держать воинов подальше от столичных развлечений (Тас. *Ann.* IV. 2. 2).

Взаимная пространственная локализация дворцового комплекса на Палатине и преторианского лагеря на Виминале положила начало постоянно функционирующему маршруту для караулов, ежедневно заступающих на дежурство и возвращающихся с него⁷. Их путь пролегал между Виминалом и

³ Здесь и далее все даты – новой эры.

⁴ Sablayrolles 2001, 139.

⁵ Учитывая, что преторианский лагерь впоследствии не подвергался расширению, претерпев лишь некоторые изменения внутренних построек (Гуськов 2024, 693–694), уже к моменту возведения в нем должны были свести плюс-минус все те силы, которые будут его занимать на протяжении I в., т.е. 9 (а вскоре и 12) преторианских, 3 городские когорты и как минимум статоров. Список обитателей лагеря: *CIL* VI. 1009 = *ILS* 2012.

⁶ Busch 2007, 317–318, 323. Даже в более поздние времена императоры, демонстрировавшие свою открытость и «близость к народу», старались не афишировать наличия у себя большой охраны, чтобы лишний раз не подчеркивать военный характер своей власти и заодно обозначить верность римским традициям. При Веспасиане, по словам Диона Кассия, дворец якобы вовсе не охранялся (LXV (LXVI). 10. 5). На самом деле, в это трудно поверить. Впрочем, Веспасиан обычно и не жил на Палатине (Dio Cass. LXV (LXVI). 10. 4–5). В качестве префекта преторианцев при собственном отце Тит делал ставку скорее на тайных агентов и «людей в штатском», нежели на военизированную охрану. Возможно, Дион подразумевал лишь отсутствие ее по внешнему периметру дворца. Тот же Дион сообщает, что Траян имел привычку передвигаться по городу без охраны (Dio Cass. LXVIII. 7. 3) и даже на войне, бывало, брал с собой минимум эскорта (LXVIII. 31. 3).

⁷ Размер караула, отряженного из преторианского лагеря во дворец, а также сопровождавшего императора во время перемещений по столице на самом деле неизвестен, однако античные авторы обычно определяют его как *cohors*. См. *примеры*: Тас. *Hist.* I. 38. 2 (...*una cohors togata defendit nunc Galbam*...); 41. 1 (*comitatae ... cohortis*); I. 43. 1 (*centurio ... praetoriae cohortis, ... custodiae ... additus*); Тас. *Ann.* I. 24. 1–3. Здесь опять-таки нельзя забывать, что речь в любом случае шла бы о когорте, даже если бы в *comitatus* она была представлена только своей вексиляцией. В данном конкретном случае это слово буквально обозначает всего лишь сопровождение императора (свиту), не обязательно указывая на его размер, но оно почти наверняка, так или иначе, соотносится с когортой – самой крупной структурной единицей гвардии. Размер эскорта зависел от обстоятельств: повседневный мог ограничиваться, наверное, одной-двумя центуриями, а официальный требовал более широкого представительства. Это не значит, что вся когорта отправлялась во дворец. На эту мысль наводят общие рассуждения о порядке организации охраны императора во время его дальних поездок по различным провинциям империи. Обычно императора-августа в путешествиях сопровождали четыре когорты, а цезарей (наследников принципата или, позднее, младших императоров) – по одной или в особых случаях по две когорты. Если предположить, что дежурство несла вся когорта сразу, то получается, что каждый преторианец бывал в карауле раз в 5–6 дней, а преторианцам в составе комитата тогда приходилось бы дежурить раз в два дня, т.е. намного чаще, чем в провинциальных гарнизонах, где караул составлялся из двух контуберниев от каждой центурии дежурной когорты, т.е. порядка 20% от ее штата (Махлаюк, Негин 2021, 280), а это значит, что легионер заступал

Циспием, одной из вершин Эсквилина, очевидно, вдоль Патрицианской улицы, пересекаясь с «кипящей», по словам Марциала (Ш. 11. 51), Субурой, и с северо-западной или юго-восточной стороны подходил ко дворцу⁸. Поскольку дворцовый ансамбль постоянно расширялся и перестраивался, маршрут подхода также претерпевал некоторые изменения как в связи с ростом числа караульных постов, так и с учетом смены фактического нахождения императора внутри его многочисленных сегментов⁹, однако в целом на участке приблизительно до акведука Клавдия он должен был оставаться относительно стабильным. Часть караульного отряда, вне всяких сомнений, заходила со стороны Большого Цирка, так как главная караульная комната практически на любом этапе осуществления застройки находилась на примыкавшей к нему стороне холма. В *Domus Tiberiana*, самом раннем элементе Палатинского дворца, караульная комната преторианцев располагалась в южной его части¹⁰. При Домициане главная караульная сместилась восточнее, сразу за главным входом (в т.н. *lararium*) в *Domus Augustana*. Само собой, существовали и другие посты. Отсюда было довольно удобно отправлять наряды преторианцев и в Большой Цирк, и в построенный при Флавиях Амфитеатр, и на Форум, т.е. в самые частые места публичного появления императора.

Поскольку в рамках новой политической системы преторианским когортам была отведена роль императорского щита, преторианцы в буквальном и переносном смысле были заслоном для императора от всех возможных врагов – как из числа представителей нобилитета империи, так и плебса. Преторианцы

в караул в среднем раз в две недели. Если же исходить из того, что этот показатель в столице и провинциальном гарнизоне был приблизительно равен, то мы неизбежно приходим к выводу о том, что в караул уходило примерно 12 контуберний одной когорты, из которых одна часть охраняла дворец, а другая – лагерь. Территориальный разброс защищаемых пунктов не сильно отразился на графике караулов, потому что штат преторианской когорты превосходил штат когорты в легионе. Охрана других объектов (например, сената, обеспечение безопасности на играх, в театре и т. п.) осуществлялась в порядке нарядов. Столь же эпизодическим было и дополнительное усиление *stationes* когорт вигилов (схему их расположения см.: Ravón Tótfalusi 2003, 126 ff.). Во время императорских поездок по Империи преторианский корпус фактически лишался не менее 40% своего состава на несколько месяцев, а то и лет (как это было при Тиберии, Траяне, Адриане, Марке Аврелии, Коммоде, Септимии Севере, Каракалле и т. д.). Что касается походных условий, то охрана императорского штаба требовала гораздо меньше людей, чем охрана дворца. Кроме того, некоторые императоры предпочитали подолгу находиться вне шумной столицы, в относительной близости от нее. В таких случаях дополнительной задачей было обеспечение коммуникации между лагерем и оторванными от него когортами. При длительной дислокации на одном месте для солдат возводили стационарные строения той или иной степени «монументальности». Например, на вилле Адриана в Тибуре (Тиволи) трехэтажное здание вблизи летнего триклиния идентифицируется как казармы, вмещавшие два ряда по 10 комнат (Durry 1938, 59). Что-то подобное, наверное, было и с Антонином Пием, который любил подолгу бывать в специально выстроенном дворце (*palatium extruxit*) в Лории (SHA. *Ant. Pius*. 1. 8).

⁸ М. Дюрри склоняется к «западному» варианту конечной части маршрута – через форумы (Durry 1938, 52). В целом с ним согласен и К. Роллингер (Rollinger 2022, 229). Действительно, этот путь выглядит короче, если смотреть по прямой. «Восточный» вариант, напротив, представляется чуть более протяженным, однако имел более простой маршрут. Скорее всего, использовались оба варианта в зависимости от обстоятельств, особенно в моменты больших строев к западу от Палатина при Антонинах.

⁹ Так, Тиберий, по крайней мере, до переезда на Капри, жил в западной части холма, поэтому последующие императоры, расширяя его дворец, были вынуждены делать пристройки к нему с востока, при этом все элементы комплекса «смотрели» на Большой Цирк.

¹⁰ Durry 1938, 56.

сопровождали императора во всех его официальных и частных перемещениях по столице и вне ее, во время государственных и просто торжественных мероприятий. Их сопровождение не заканчивалось даже после смерти императора – они играли важную роль и во время императорских похорон¹¹. С одной стороны, они обеспечивали безопасность самого мероприятия, по-видимому, создавая нечто вроде живого ограждения, отделяя народ от участников церемонии, а с другой – принимали непосредственное участие в ней (в частности, в ритуальном беге, *decursio*)¹².

Взаимодействие обитателей преторианского лагеря и гражданского населения столицы античные авторы освещают изредка и вдобавок очень однобоко – по сути, только в моменты политических кризисов, когда римский народ, вспомнив о своем былом достоинстве и политическом влиянии, проявлял себя как один из могущественных политических игроков, с которым приходилось считаться правящей верхушке. В эти редкие моменты, запечатленные в нарративе, народ, как правило, был враждебен воинам императорской охраны, и порой дело доходило до открытых военных столкновений между ними. Однако сводить их взаимоотношения к банальному противостоянию было бы сильным упрощением, поскольку в каждом отдельном случае причины, побудившие их к борьбе друг с другом, были разные. К тому же большую часть времени они проводили вполне мирно, изо дня в день пересекаясь на кривых улочках Рима, в харчевнях и лупанарах, в театре и на играх; даже в моменты обострения политической борьбы народ и телохранители императора далеко не всегда оказывались по разные стороны баррикад. В конце концов львиная доля самих преторианцев – это те же жители столицы. Выхваченные из ее массы дилектом и отделенные от сограждан стенами лагеря на Виминале и военной этикой, они все же не до конца разрывали связи со своими родственниками и друзьями, которые по-прежнему жили от них в шаговой доступности.

Подавляющее большинство встреч обычных горожан с воинами императорской охраны носило бытовой характер и случалось во время марша караула на Патрицианской улице. Ювенал живо и красочно изобразил столкновение прохожего с одним из солдат (*Sat.* 3. 243–248):

...а нам, спешащим, мешает
 Люд впереди, и мнет нам бока огромной толпою
 Сзади идущий народ: этот локтем толкнет, а тот палкой
 Крепкой, иной по башке тебе даст бревном иль бочонком;
 Ноги у нас все в грязи, наступают большие подошвы
 С разных сторон, и вонзается в пальцы военная шпора¹³.

Несмотря на неблагоприятный характер описанной встречи, этот владелец солдатского сапога, представляющий собой собирательный образ военного, изображен как источник бытовых неприятностей, точно такой же, как и любой человек в толпе. Хотя, если верить античным авторам (*Tac. Hist.* II. 74; *Iuven. XVI.* 7–50; *Apul. Met.* IX. 39; X. 1; *Herod. VII.* 12. 3), для штатского встреча с солдатами обычно внушала опасения из-за возможных злоупотреблений с их стороны, марш сопровождаемого офицерами преторианского караула по улице

¹¹ *Tac. Ann.* I. 8. 7–8; III. 2. 1–2; *Hist.* II. 49. 9; *Suet. Tib.* 75. 3; *Inscr. Ital.* XIII. 1. p. 191 etc.

¹² Richard 1966, 316 suiv.

¹³ L. 248: ...et in digito clavus mihi militis haeret (пер. Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского).

не сулил особых неприятностей. Имеется, правда, несколько намеков на то, что иногда воины проявляли насилие, расчищая путь для императорского кортежа, так что, например, Марку Аврелию и Пертинаксу даже приходилось принимать специальные меры против чрезмерно активных действий своих телохранителей (Herod. I. 2. 4; II. 4. 1). Тем не менее гораздо большую опасность все же представляли солдаты, слоняющиеся без дела по городу поодиночке или малыми группами. Видимо, именно их имеют в виду античные авторы, отмечающие творившийся в городе произвол при Коммодe (Dio Cass. LXXIV (LXXV). 8. 1; Herod. II. 2. 5; 4. 1; 4. 4–5; 5. 1). В чем конкретно он проявлялся, можно понять по аналогичным эпизодам в других уголках Империи – без подтверждения своих полномочий они реквизируют часть имущества, а иногда даже людей, прикрываясь служебной необходимостью¹⁴. Согласно Тациту, который говорит конкретно о столичных солдатах, к грабёжам и похищениям (*latrocinia et raptus*) их толкали еще и поборы центурионов (Hist. I. 46. 2). В целом, воины осознавали свою безнаказанность по отношению к штатским и при определенных обстоятельствах пользовались этим. При отсутствии какой бы то ни было статистики нам остается только предполагать, что в Риме в большинстве случаев такие действия не носили массового характера, поскольку контроль над обитателями преторианского лагеря в нормальных условиях по объективным причинам теоретически был сильнее из-за более высокой доли офицерского звена. К тому же императоры были крайне заинтересованы в спокойствии столицы – в гораздо большей степени, чем в провинциях, а потому вопросам дисциплины среди столичных воинов уделялось больше внимания. Недаром информация о подобных эксцессах появляется только в моменты политических неурядиц и кризисов, когда надзор за дисциплиной ослабевал. Это было связано с тем, что преторианцы острее остальных воинов, особенно в провинциальных частях, ощущали персональную связь с императором, и вследствие этого сами себя, судя по всему, считали более привилегированными, чем любые другие представители военного ремесла. Это чувство должно было усиливаться по мере того, как в число легионеров стало вливаться все больше провинциалов (cf. Tac. Hist. II. 21 4; SHA. Did. Iul. 6. 5)¹⁵. Как результат, с гораздо меньшим пикетом преторианцы, эти *Italiae alumni et Romana vere iuventus* (Tac. Hist. I. 84. 3), воспринимали приказы, исходящие не от императора (Dio Cass. LXXII (LXXIII). 9. 1) или от императора, чье положение на престоле было по тем или иным причинам неоднозначным и шатким (Herod. II. 4. 5). В такие моменты неустойчивым оказывалось и положение офицеров, не рискующих противостоять солдатской массе и препятствовать их самоволию. Впрочем, все перечисленное относится к исключительным ситуациям, по которым нельзя делать общих выводов.

По сведениям античных авторов, между столичными жителями и телохранителями императора имели место несколько столкновений на

¹⁴ Подробнее об этом, включая эпиграфические и папирологические свидетельства, см. Махлаюк 2000, 29–56.

¹⁵ См. слова Отона о различии преторианцев и легионеров Вителлия (Tac. Hist. I. 84. 3). Конечно, этническое и культурное различие здесь преднамеренно преувеличено, но вряд ли оно было полностью надуманно. Эта мысль отчетливо сформулирована не только в политическом контексте античного нарратива, но и встречается в свидетельствах, происходящих непосредственно из армейской среды. Самый яркий пример представляет собой стихотворная эпитафия центуриона VII преторианской когорты Г. Манлия Валериана (CIL V. 923 = ILS 2671), который подчеркивает, что он *...qui cohortis | centuriam reguit | praetoriae fidus, non | barbaricae legioni[s]*. Обширный комментарий к надписи: Redaelli 2018.

протяжении I–III вв. Здесь было бы уместно вспомнить, что нарративные источники дают весьма специфический срез ушедшей реальности, во-первых, делая непропорционально большой акцент на политические процессы и вдобавок к этому в большинстве случаев еще и в моменты кризисов, а во-вторых, неравномерно и однобоко освещая мотивы участников таких событий. Причины этих конфликтов были различные, однако в них, несомненно, присутствовал и социально-политический фактор, поскольку основными «жертвами» таких столкновений были представители высших слоев. Конечно, можно было бы в подобных случаях видеть исполнение преторианцами приказов сверху, однако это далеко не везде возможно. Так, преторианцы отличились грабежами и поджогами домов жителей столицы во время подавления т.н. заговора Сеяна осенью 31 г., «обидевшись» на то, что Тиберий посчитал их недостаточно надежными (Dio Cass. LVIII. 12. 2: καὶ οἱ στρατιῶται ἀγανακτοῦντες ὅτι αὐτοὶ τε ἐς τὴν τοῦ Σεῖανου εὐνοίαν ὑποπτεύθησαν καὶ οἱ νυκτοφύλακες σφῶν ἐς τὴν τοῦ αὐτοκράτορος πίστιν προετιμήθησαν, ἐμπρήσεις τε καὶ ἀρπαγὰς ἐποιοῦντο, καίτοι πάντων τῶν ἐν ταῖς ἀρχαῖς ὄντων τὸ ἄστυ πᾶν ἐκ τῆς τοῦ Τιβερίου), а весной 69 г. сильно погромили дома тех, кого они сами посчитали врагами провозглашенного ими же императора Отона (Tac. Hist. I. 85. 1: *...per domos occulto habitu, et maligna cura in omnis, quos nobilitas aut opes aut aliqua insignis claritudo rumoribus obiecerat...*). В последнем случае речь шла в основном о домах знатных и влиятельных граждан, в большинстве своем, вероятно, сенаторов. А в 31 г., по-видимому, объектами их нападений были дома родственников и друзей поверженного префекта претория. В обоих случаях инициатива, как говорится, исходила «снизу»; во всяком случае, у нас нет оснований подозревать иное¹⁶.

Что касается основной массы населения, насколько можно понять из источников, конфликты с гвардейцами были редкими, а в целом отношения между ними носили в основном бытовой характер, притом, можно сказать, условно позитивный. Известно, что преторианцы, находясь на службе, нанимались к столичным жителям на поденные работы, выполняя порой даже рабские занятия (*servilibus ministeriis*) (Tac. Hist. I. 46. 2). Преторианцев нередко привлекали к тушению пожаров, когда не хватало сил вигильских когорт, специально предназначенных для этих целей¹⁷. Учитывая, как часто горел Рим, вопрос борьбы с огнем приобретал не только инженерно-технический, но и социально-политический характер. Достаточно вспомнить, что именно на этом поприще снискал себе народную любовь эдил Эгнаций Руф, привлечший к тушению огня собственных рабов, за что в итоге и пострадал, поскольку своими действиями бросил вызов популярности самого Августа (Dio Cass. LIII. 24. 5. 6; LIV. 2. 4)¹⁸. Несмотря на то что в зависимости от персоны конкретного императора, действия императорских телохранителей на пожаре могли расцениваться более чем двусмысленно (пожалуй, самый яркий пример – Dio Cass. LXII. 17. 1), все же

¹⁶ Тацит видел в подобном поведении воинов скорее их желание пожить за чужой счет, нежели проявление их верности присяге, хотя и не отрицал последнюю, однако, например, Дион Кассий без видимых возражений готов принять, что воинами, громившими дома сенаторов, действительно руководила обида.

¹⁷ Вот некоторые примеры: Dio Cass. LVII. 14. 10; LIX. 9. 4; LXII. 17; LXXIII. 24. 3; Tac. Ann. III. 72. 4; Suet. Tib. 53; Claud. 18. 1 и т. д. Обзор зафиксированных случаев см. Юров 2023, 7–8.

¹⁸ Sablayrolles 2001, 132.

думается, что основная масса населения италийских городов, особенно та ее часть, что на себе испытала все ужасы пожаров, вряд ли питала к ним негативные чувства. Некоторые из телохранителей императора даже сложили свои головы, выполняя эту, строго говоря, постороннюю для себя задачу. Так, еще во времена Августа при тушении пожара в Остии погиб один преторианец из VI когорты, чье имя, к сожалению, не сохранилось для истории (*CIL* XIV. 4494 = *ILS* 9494). Этот ныне безымянный герой удостоился общественных похорон от благодарных остийцев.

По всей видимости, преторианцы делили с горожанами и римские термы. Во всяком случае, внутри *castra praetoria* нет строений, которые можно было бы идентифицировать как бани¹⁹. Так что, возможно, возвращаясь с караула, они посещали общественные бани наряду с обычными римлянами; скорее всего, им были отведены для этого специальные часы, чтобы присутствие немалого числа солдат не смущало других отдыхающих.

Однако когда мы переходим к политическим вопросам, то видим столичных воинов и простых римлян почти всегда по разным сторонам друг от друга. Впрочем, чтобы лучше понять причины такой закономерности, лучше стоит сначала отметить один эпизод, который несколько выпадает из этого правила. В 190 г. преторианцы и народ, кажется, впервые по-настоящему сражались друг против друга во время народного выступления против непопулярного императорского кубикюлярия Клеандра, который исполнял обязанности *a pugione* при Коммодe²⁰. Пользуясь своим положением, могущественный спальник, решив поскорее утихомирить толпу, пока весть о начавшихся беспорядках не дошла до императора, отправил отряд воинов против восставших, погибло несколько человек (*Dio Cass.* LXXIII. 13. 4: ... ὁς στρατιώτας τινὰς ἐπ' αὐτοὺς ἔπεμψε, καὶ ἑτρώσαν τινὰς καὶ ἀπέκτειναν). Геродиан добавляет к этому рассказу ряд важных нюансов. Во-первых, отправленные Клеандром воины были «царскими всадниками» (I. 12. 6: οἱ Βασιλείοι ἵππεις), т.е. почти наверняка речь идет об *equites singulares Augusti*. Во-вторых, когда всадники оттеснили толпу, на помощь народу неожиданно пришли пешие воины, находившиеся в городе (I. 12. 9: οἱ τῆς πόλεως πεζοὶ στρατιῶται). В отличие от конных воинов, с идентификацией последних, к сожалению, возникают трудности. Э. Бёрли

¹⁹ Геродиан, однако, уверяет, что, когда в ночь убийства Геты в лагере укрылся Каракалла, некоторые воины в это самое время мылись (IV. 4. 5). Но, принимая во внимание археологические свидетельства, легко представить, что наш автор просто эксплицировал свои знания о наличии бань в римских военных лагерях на крепость преторианцев. М. Дюрри предполагал, что они в лагере все-таки были, но, видно, в несохранившейся его части (Dürry 1938, 53). Возможно, мы никогда об этом не узнаем наверняка, но вариант с отсутствием бани не такой уж невероятный; стоит учитывать, что преторианский лагерь отличался от прочих военных лагерей и другими особенностями: в нем, к слову, не было даже *principium* и квартир офицеров, поскольку важнейшие вопросы управления когортами телохранителей решались непосредственно во дворце (Bingham 2013, 73–74).

²⁰ Вопреки распространенному заблуждению, Клеандр не был префектом претория, поскольку, являясь вольноотпущенником, не обладал достаточным социальным статусом для столь высокой должности, предназначенной главным образом для всадников. Ни Дион Кассий, ни Геродиан, современники этого либертина, ни *HA*, которая в данном случае опирается на Мария Максима, другого современника, не называют его префектом, а в надписях он обычно обозначается просто как *a cubiculo* и *a pugione* (*AE* 1952. 6; 1961. 280 = *CIL* VI. 41118; *ILS* 1737). Только Аммиан Марцеллин, спустя почти два столетия, прямо именует его «префектом при императоре Коммодe» (XXVI. 6. 8: ... *Cleandro quem agentem sub imperatore Commodo praefecturam sublata*...). Вопреки словам Аммиана, гораздо более важным является специфика социального статуса Клеандра и факт отсутствия упоминаний о его префектуре в надписях. Подробнее об этом см. Kłodziński 2010. В чем заключался смысл новой должности, не понятно.

допускает, что противниками всадников выступали урбаникианцы, чью численность он ошибочно определяет в 1500 человек (т.е. три квингенарные когорты)²¹. Главным его аргументом является то обстоятельство, что за безопасность в столице и, в частности, на конных состязаниях, во время которого и началось восстание (Dio Cass. LXXIII. 13. 3: ἰπλοδρομία τῆς ἡγῆς), отвечал городской префект, а значит, наводить порядок должны были подчиненные ему силы²². Однако тут всплывает еще одна проблема: городские когорты, как и преторианские, подчинялись, скорее всего, префекту претория²³. Вдобавок, если они даже действовали официально по приказу римского префекта, то должны были поддерживать, скорее, уж всадников, а не толпу. Думается, что Бёрли подтолкнуло к данному заключению еще и то, что урбаникианцев нередко считают конкурентами преторианцев, однако в действительности для этого нет однозначных подтверждений²⁴. Таким образом, определять наших пеших воинов, вступивших в бой с всадниками, как урбаникианцев нужно очень осторожно, так как все явные и неявные послышки для такого заключения оказываются либо неверными, либо хрупкими. Обратим внимание, что стимулом для них, по Геродиану, выступала «ненависть к конным» (I. 12. 9: ...μίσηται τῶν ἰπλέων), которую вполне могли разделять и пехотинцы преторианских когорт. Именно спешенные сингулярии в антониновскую и северовскую эпохи несли охрану внутренних помещений дворца и, судя по всему, самой императорской опочивальни, в то время как внешний кордон обеспечивался преторианским караулом. Даже преторианские трибуны должны были проходить досмотр перед посещением императора²⁵. Эквиты получали жалование больше, чем у преторианцев. Так что, если зависть и была мотивом, а это, скорее, просто догадка Геродиана, чем точно известный ему факт, у преторианцев тоже было достаточно поводов для нее.

Назначение Клеандра *a pugione*, вероятно, означало подчинение ему как раз турм сингуляриев, но не всей преторианской гвардии: может быть, в этом и заключался смысл этой специально введенной для него должности – вывести их из-под власти префекта претория? Раз пехотинцы решились вступить в бой на стороне народа против всадников, значит либо никакого конкретного приказа по поводу данной ситуации они не получали, либо проигнорировали его. Последний вариант, несмотря на меньшую вероятность, отбрасывать полностью не стоит: в конце концов, было хорошо известно про отсутствие Коммода в городе, а приказы его вольноотпущенника в такой экстренной ситуации были заведомо ущербными.

²¹ На самом деле их было четыре (RMD IV. 288; CIL XVI. 134 = AE 1908. 146). Об их размере: Freis 1967, 38 ff.; Гуськов 2024, 683.

²² Birley 2002, 79. Такую возможность допускал еще С. Уиттакер: Whittaker 1964, 366 ff.

²³ Laet 1946, 520 ff.

²⁴ Основанием для утверждения о соперничестве преторианского и городского корпусов обычно служат события января 41 г., когда после громкого и неожиданного убийства Гая в результате заговора ряда сенаторов, императорских вольноотпущенников и высших офицеров гвардии, в течение двух дней в Риме сохранялась политическая неопределенность. Здание курии, предположительно отстаивавшей республику, охраняли то ли три (Ios. B. Iud. II. 205), то ли четыре (Ios. Ant. XIX. 188) когорты, которые идентифицируются как городские (Suet. Claud. 10. 3). В это же время преторианцы провозгласили Клавдия новым императором. Тем не менее до столкновений дело не дошло: как только стало известно об аккламации, стоявшие возле сената когорты сами быстро разошлись. Здесь и в помине не было никакого противоборства, а сама двусмысленность возникла только потому, что воины *cohortium urbanarum* изначально были в неведении относительно подлинных целей своего «стояния».

²⁵ Гуськов 2022, 147, прим. 34.

С точки зрения Геродиана, действия пехотинцев были спонтанными и самовольными, но поскольку само это народное выступление было, со всей очевидностью, спланированным²⁶, нельзя исключать возможность того, что воины действовали в соответствии с заранее полученной инструкцией²⁷. Помощь пешим, а также городские условия, не позволявшие в полной мере развернуться всадникам, уравнивали силы сторон. По словам Диона, было несколько погибших и раненных (LXXIII (LXXII). 13. 4), а вот Геродиан, напротив, уверяет, что жертв было много (I. 12. 7–9), по-видимому, с обеих сторон. Поскольку Клеандр в конечном итоге лишился жизни, можно сказать, что в этой схватке народ все-таки одержал верх²⁸. Как бы то ни было, этот неожиданно возникший союз преторианцев и столичного плебса носил чисто конъюнктурный характер и представляет собой в большей степени исключение, чем правило.

Все другие примеры, скорее, свидетельствуют о существовавшем и, видимо, постепенно нараставшем расхождении социальных и политических интересов плебса и столичных воинов. Всего через 3 года после описанных событий, в апреле 193 г., плебс, недовольный тем, что преторианцы убили Пертинакса, открыто выражал свое негодование на произведенную ими аккламацию Дидия Юлиана и требовал его низложения (Dio Cass. LXXIV. 13. 2–5; SHA. *Did. Iul.* 4. 2–4). Горожане преградили Юлиану дорогу из курии на Капитолий, куда он направлялся для совершения жертвоприношений по случаю начала собственного правления (Dio Cass. LXXIV. 13. 4–5; SHA. *Did. Iul.* 4. 6). Преторианцам даже пришлось прикрывать императора щитами, чтобы в него ничего не прилетело с крыш домов, как это случилось с ними самими в 190 г. Толпу разогнали, но не обошлось без раненных (а по версии Диона, и убитых). Большинство жертв погибли в давке на узких улицах.

Дион Кассий сообщает о трехдневных боях между народом и преторианцами в начале правления Александра Севера, но, к сожалению, не приводит никаких деталей (Dio Cass. LXXX b. 2. 3). Можно допустить, эти события были как-то связаны с падением Домиция Ульпиана, поскольку в описании Диона данное сообщение следует сразу после рассказа о его убийстве преторианцами, но с уточнением, что это было *еще при его жизни* (ζῶντος δ' οὖν ἔτι αὐτοῦ στάσις μεγάλη τοῦ δήμου πρὸς τοὺς δορυφόρους ἐκ βραχείας τινὸς αἰτίας ἐγένετο, ὥστε καὶ ἐπὶ τρεῖς ἡμέρας μάχεσθαι τε ἀλλήλοις καὶ πολλοὺς ὑπ' ἀμφοτέρων ἀπολέσθαι). Исходя из

²⁶ См. обстоятельный анализ данных событий в статье С. Уиттакера (Whittaker 1964). Собственно в том, что это выступление было спланированным, не сомневался и Дион Кассий, но он, однако, не представлял себе его грандиозного размаха.

²⁷ Поскольку эти воины, неважно, преторианцы или урбаникианцы, в любом случае были подчинены префекту претория, то напрашивается соответствующий вывод. Однако доказать его не представляется возможным, потому что нам даже неизвестно имя начальника (начальников?) гвардии в разгар этих событий (вероятная датировка – 19 апреля 190 г.). Список преторианских префектов при Коммодe: Kłodziński 2012. Префект П. Атилий Эбуциан к этому времени уже сложил свою голову из-за козней Клеандра (в 188 или 189 г.), а Регилл и Л. Юлий Вегилий Грат (или Галл) Юлиан, кажется, возглавили преторий только после свержения всемогущего кубикюлярия. Что касается потенциальных мотивов, которыми руководствовался наш безымянный начальник гвардии, то они выглядят понятными: именно Клеандр фактически подвел к смерти как минимум двух префектов – Секста Тигидия Перенниса (Dio Cass. LXXII (LXXIII). 9. 3) и П. Атилия Эбуциана (SHA. *Comm.* 6. 11–12), – а новый префект, имея перед собой такие зловещие примеры, вряд ли хотел пополнить трофейный зал зарвавшегося либертина в качестве третьего экспоната.

²⁸ Mullens 1948, 72.

данного хронологического указания, эти бои следует отнести к весне – первой половине лета 223 г.²⁹ Что интересно, солдаты, находясь на грани поражения, подожгли город, тем самым вынудив горожан пойти на переговоры (ἡττώμενοι δὲ οἱ στρατιῶται πρὸς ἔμπρησιν τῶν οἰκοδομημάτων ἐτράποντο: καὶ τοῦτου δείσας ὁ δῆμος μὴ καὶ πᾶσα ἡ πόλις). Смысл этих событий остается скрытым от нас, но показателен сам факт того, что воины решились даже на поджог столицы, чего раньше было невозможно представить.

Пожалуй, апогеем их конфликтных отношений стала практически настоящая гражданская война, которую Рим пережил в 238 г. (по-видимому, в марте-апреле)³⁰. С точки зрения причинно-следственных связей, ситуация была похожей на события 193 г., а внешне ситуация напоминала то, что было в 223 г. После провалившегося восстания африканского наместника Гордиана (I), поддержанного сенатом, к Риму приближался император Максимин со своей армией; для противостояния ему сенат выбрал двух императоров из своих рядов – М. Клодия Пупиена Максима и Д. Целия Кальвина Бальбина. Народ был недоволен в особенности кандидатурой Пупиена (Herod. VII. 10. 5–6), как в свое время он отвергал кандидатуру Дидия Юлиана. Ненависть к Пупиену была так сильна, что толпа горожан попыталась воспрепятствовать им взойти на Капитолий, в новоиспеченных правителей полетели камни и палки. Тогда удалось избежать кровопролития благодаря тому, что сенат согласился на требование народа провозгласить императором также наследника погибшего Гордиана – Гордиана III. Но ситуация снова неожиданно обострилась спустя несколько дней, когда в самой курии два сенатора – Галликан и Меценат – прямо во время заседания убили двух или трех безоружных преторианцев-ветеранов, находившихся у алтаря Виктории (Herod. VII. 11. 3–4). После чего Галликан лично призвал народ вооружаться и «убивать врагов сената и римлян, друзей и союзников Максимиана» (пер. М. В. Скржинской; *ibid.* 11. 5: ...φονεῦειν τοὺς ἐχθροὺς μὲν συγκλήτου καὶ Ῥωμαίων φίλους δὲ καὶ συμμάχους Μαξιμίνου). Убийство этих преторианских воинов и призыв к борьбе со всем гарнизоном – довольно настораживающее обстоятельство. Необходимо учесть, что данные события развернулись практически сразу после того, как Пупиен покинул город вместе с войском, чтобы помешать Максиминому захватить столицу, оставив в Риме только небольшую часть воинов, готовившихся к отставке. По крайней мере по рассказам наших источников, эти ветераны вроде бы не собирались сражаться за Максимиана или, соответственно, против сената и народа. Их оставил лично Пупиен, будучи уверенным в их преданности и надежности. В связи с чем возникает закономерный вопрос: не было ли это на самом деле атакой на позиции самого Пупиена?³¹

Взбужденная призывом Галликана толпа, вооружившись всем, что смогла найти в городе, и подойдя к лагерю преторианцев, осадила его, но взять крепость так и не удалось – сказались отсутствие и военного опыта, и специальной техники. После безуспешных и стоивших много крови попыток народ уже повернул назад, в город, и, видимо, был готов оставить все как есть. Именно в этот момент преторианцы предприняли вылазку, убив множество людей. Эта дерзкая акция спровоцировала

²⁹ Наиболее вероятная датировка смерти Ульпиана – лето 223 г.: Modrzejewski, Zawadzki 1967. При этом, согласно Пасхальной хронике (*Chron. min.* 61), эти бои имели место «в консульство Максимиана и Элиана», т.е. в 223 г.

³⁰ Kildahl 1962.

³¹ Mullens 1948, 75.

еще больший гнев «народа и сената» (τοῦ τε δήμου καὶ τῆς συγκλήτου). По-видимому, урок был усвоен, и атаки на лагерь стали более организованными³², но даже это не позволило переломить ситуацию. После того как горожане попытались перекрыть водопровод, ведущий в лагерь, осажденные решились на открытую схватку. В итоге бои перекинулись на сам город, где у горожан было преимущество – взобравшись на крыши домов, они стали осыпать сверху воинов камнями, черепицей и палками. Правда, как и 15-ю годами ранее, преторианцы решились на крайние меры: не имея возможности согнать людей с крыш, они подожгли все, что могло гореть, спровоцировав грандиозный пожар. Погибло множество народа. Только после вероломного убийства Бальбина и Пупиена и признания преторианцами единственным Августом Гордиана III, выдвинутого народом, наступил мир.

Судя по количеству жертв (если, конечно, принимать их число на веру), вряд ли менее ожесточенными были и сражения на улицах Рима на Целии при Аврелиане, но о них мало что известно³³.

Таким образом, эпоха Северов стала своеобразным рубежом в истории взаимоотношений двух неравных групп столицы – плебеев и воинов. После реформы Септимия Севера отчуждение между гражданским населением Рима и преторианцами, набираемыми теперь из удаленных провинций, стало еще заметнее, чем прежде, когда различия между ними носили, главным образом, социoproфессиональный характер. Значительной части самих прежних преторианцев, происходивших либо непосредственно из Рима, либо из ближайших итальянских городов, удавалось поддерживать в том или ином виде семейные связи даже во время службы, а потому полнее остальных воинов, расквартированных в провинциальных частях, они сохраняли и клиентельные обязательства своих семей. Достаточно вспомнить, что именно такие связи послужили если не «клеем», то как минимум прикрытием для участников убийства императора Гая (Калигулы). Его преемнику Клавдию, прекрасно осведомленному о составе заговорщиков, даже пришлось издать специальный запрет на посещение воинами домов сенаторов для утренних приветствий, предписанных клиентам традицией (Suet. *Claud.* 25. 1), однако и эта мера, хоть и осложнила планы потенциальных противников императора, не сильно помогла; запрет салютаций лишь сместил акцент на прочие формы проявления патронатно-клиентельных отношений. У нас есть пример чуть более позднего времени, когда Отон вовлек в заговор против Гальбы, по крайней мере, одного клиента-преторианца³⁴. В действительности та-

³² К сожалению, рассказ Геродиана, нашего главного источника по этим событиям, становится путанным. С одной стороны, он упоминает мобилизацию, проведенную в это время, и назначение военачальников (VII. 12. 1: στρατηγοί), однако следом же отправляет их вместе с Пупиеном на борьбу с Максимом, хотя уже сделал это раньше (II. 2). Ясно, что таким образом он хотел показать одновременность происходящего в разных частях Италии. Но в это самое же время τοῖς στρατηγοῖς были среди народа (II. 3). Наверное, оптимально будет понимать под ними не тех, кто был назначен на командные посты в момент мобилизации и затем остался в городе (II. 1), а просто тех, кто взял на себя руководство народным движением. В противном случае нам бы пришлось получить ситуацию, когда те, кого Пупиен оставил руководить обороной города, воюют против тех, кто должен был нести основное ее бремя.

³³ Согласно Аврелию Виктору (*De Caes.* 35. 6), против императора с его войском восставшие монетарии выставили почти 7000 бойцов, а вот *HA*, чей автор или редактор, вне всяких сомнений, вдохновлялся сочинением Виктора, уверяет, что столько было одних только погибших (SHA. *Aurelian.* 38. 2–4). Cf. Eutr. IX. 14.

³⁴ Гуськов 2026 (в печати).

ких случаев, вне всяких сомнений, было больше. Многочисленные низовые связи создавали довольно сложную картину взаимодействия рядовых жителей столицы и обитателей преторианского лагеря, которые и сами были в прошлом такими же гражданскими лицами и держали в голове вероятность снова стать ими по завершении военной карьеры. Императорские телохранители в большей степени, чем кто-либо еще в армейской среде, сохраняли пиетет к староримским традициям, что бы это ни значило в условиях империи. Позднее остальных они приобщались к чуждым обычаям и культам³⁵ и прямо осознавали свое усиливающееся отличие от остальных воинов. Однако утвержденный Септимием Севером новый принцип комплектования императорских телохранителей привнес в их взаимоотношения с римлянами (и в широком, и в узком смысле) новый нюанс. Хотя многие новые воины претория, происходившие в первую очередь из балканских и дунайских областей, носили вполне римские или греческие имена, их этническое происхождение вызывает немало вопросов³⁶. Дион Кассий (Dio Cass. LXXV. 2. 4–6) неспроста обращает внимание на их отличный от привычного римским жителям внешний вид, грубые манеры и речь. Таким образом, к прежним различиям добавляется цивилизационный и культурный фактор.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Alföldy G. 1976: Consuls and Consulars under the Antonines: Prosopography and History. *Ancient Society* 7, 263–299.
- Bingham, S.J. 2013: *The Praetorian Guard: A History of Rome's Elite Special Forces*. Waco.
- Birley, A.R. 2002: *Septimius Severus. The African Emperor*. London–New York.
- Busch, A.W. 2007: 'Militia in Urbe'. The Military Presence in Rome. In: L. De Blois, E. Lo Cascio (eds.), *The Impact of the Roman Army (200 BC – AD 476). Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects*. Leiden–Boston, 315–342.
- Durry, M. 1938: *Les cohortes prétoriennes*. Paris.
- Freis, H. 1967: *Die Cohortes Urbanae*. Köln–Graz.
- Hammond M. 1957: Composition of the Senate, A.D. 68–235. *JRS* 47.1–2, 74–81.
- Guskov, E.A. 2021: Lutsiy Domitsiy Valerian (*CIL* VI. 210 = *ILS* 2103): proiskhozhdenie [Lucius Domitius Valerianus (*CIL* VI. 210 = *ILS* 2103)' Origin]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1 (71), 233–242.
- Гуськов, Е. А. 2021: Луций Домиций Валериан (*CIL* VI. 210 = *ILS* 2103): происхождение. *ПИФК* 1 (71), 233–242.
- Guskov, E.A. 2022: Paroli dlya pretoriantsev: k voprosu o dostovernosti Historia Augusta [Watchwords for Praetorians: on the Question of the Reliability of the Historia Augusta]. *Moscow State Pedagogical University Bulletin. Series: Historical Sciences* 3 (47), 137–151.
- Гуськов, Е.А. 2022: Пароли для преторианцев: к вопросу о достоверности Historia

³⁵ Самым подробным исследованием религиозных предпочтений преторианцев по сей день остается соответствующая глава в монографии М. Дюрри (Durry 1938, 306–358); в целом о культах, распространенных среди воинов столичного гарнизона, см. Melmeluzzi 2022.

³⁶ Например, Sharankov 2011, 136; Tomas 2017, 234 ff.; Гуськов 2021. Усиление позиций провинциалов охватывал все слои и группы населения, включая высшие. Провинциалы, при Коммодe все еще находившиеся в меньшинстве в сенате, теперь уже превратились в лидирующую по численности группу (Hammond 1957, 76, 77; Alföldy 1976, 282 ff.), причем почти треть из них составляли выходцы из африканских провинций (Mullens 1948). «Африканцы» активно наращивали свое присутствие в различных сферах римского общества на протяжении антониновской эпохи. Длинный перечень политических, культурных и религиозных деятелей второй половины II – начала III в., происходящих из Африки, – см. Jerary 2008, 176–178.

- Augusta. *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки* 3 (47), 137–151.
- Guskov, E.A. 2024: Chislennost' shtata pretorianskikh kogort v I–II vv. n.e. [The Size of the Praetorian Cohorts in the First-Second Centuries AD]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 84 (3), 676–707.
- Гуськов, Е.А. 2024: Численность штата преторианских когорт в I–II вв. н.э. *ВДИ* 84 (3), 676–707.
- Guskov, E.A. 2026: Pretorianskaya gvardiya i senat: po raznye storony barrikad? [The Praetorian Guard and the Senate: On Opposite Sides of the Barricades?]. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology* 25 (1) (Forthcoming).
- Гуськов, Е.А. 2026: Преторианская гвардия и сенат: по разные стороны баррикад? *Вестник НГУ. Серия: История и филология* 25 (1) (в печати).
- Jerary, M.T. 2008: Septimius Severus the Roman Emperor, 193–211 AD. *Africa: Rivista trimestrale di studi e documentazione dell'Istituto italiano per l'Africa e l'Oriente* 63 (2), 173–185.
- Kildahl, Ph.A. 1962: A Solution to the Chronological Problem of the Year 238 A.D. *The Historian* 24 (3), 263–269.
- Kłodziński, K. 2010: Marcus Aurelius Cleander – *praefectus praetorio* or a *pugione* of the Emperor Commodus. In: D. Musial (ed.), *Society and Religions. Studies in Greek and Roman History* 3, 55–77.
- Kłodziński, K. 2012: Prefekci pretorianów cesarza Kommodusa. *KLIO. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym* 20 (1), 3–44.
- Laet, S.J. De 1946: Les pouvoirs militaires des Préfets du Prétoire et leur développement progressif. *Revue belge de philologie et d'histoire* 25.3–4, 509–554.
- Makhlayuk, A.V. 2000: *Armiya Rimskoy imperii. Ocherki traditsiy i mental'nosti* [Army of the Roman Empire. Essays on Traditions and Mentality]. Nizhny Novgorod.
- Махлаюк, А.В. 2000: *Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности*. Нижний Новгород.
- Makhlayuk, A.V., Negin, A.E. 2021: *Povsednevnyaya zhizn' rimskoy armii v epohu Imperii* [Daily Life of the Roman Imperial Army]. St. Petersburg.
- Махлаюк, А.В., Негин, А.Е. 2021: *Повседневная жизнь римской армии в эпоху Империи*. СПб.
- Melmeluzzi, E. 2022: *Divinità, riti e culti dei soldati in servizio a Roma, in rapporto con le pratiche religiose dei civili e con la topografia cittadina*. PhD Thesis. Roma.
- Modrzejewski, J., Zawadzki, T. 1967: La date de la mort d'Ulpien et la préfecture du prétoire au début du règne d'Alexandre Sévère. *Revue historique de droit français et étranger, Quatrième série* 45, 565–611.
- Mullens, H.G. 1948: The Revolt of the Civilians A. D. 237–8. *Greece & Rome* 17 (50), 65–77.
- Pavón Torrejón, P. 2003: *La cárcel y el encarcelamiento en el mundo romano*. Madrid.
- Redaelli, D. 2018: Militari ad Aquileia. Nuove note sull'epigrafe di C. Manlio Valeriano. *Epigraphica* 80 (1–2), 223–246.
- Richard, J.-C. 1966: Les aspects militaires des funérailles impériales. *Mélanges d'archéologie et d'histoire* 78, 313–325.
- Rollinger, C. 2022: Specie Dominationis: The 'Ceremonial' Uses of Imperial Bodyguards under the Principate. In: L.L. Brice (ed.), *Brill's Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean*. Leiden–Boston, 223–248.
- Sablairolles, R. 2001: La rue, le pouvoir et le soldat: la garnison urbaine à Rome de César à Pertinax. In: *La ville de Rome sous le Haut-Empire: nouvelles connaissances, nouvelles réflexions: colloque*. Rome, 127–154.
- Sharankov, N. 2011: Language and Society in Roman Thrace. *Journal of Roman Archaeology Suppl.* 82, 135–155.
- Tomas, A. 2017: Life on the Frontier: Roman Military Families in Lower Moesia. *Studia Europaea Gnesnensia* 16, 225–257.
- Whittaker, C.R. 1964: The Revolt of Papirius Dionysius A.D. 190. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 13 (3), 348–369.
- Yurov, V.V. 2023: Vspomogatel'nye zadachi pretorianskikh kogort [Auxiliary Tasks of the Praeto-

rian Cohorts]. *Via in Tempore. Istoriya. Politologiya* [*Via in tempore. History and Political Science*] 50 (1), 5–12.

Юров В. В. 2023: Вспомогательные задачи преторианских когорт. *Via in Tempore. История. Политология* 50 (1), 5–12.

PRAETORIANS AND THE POPULATION OF ROME

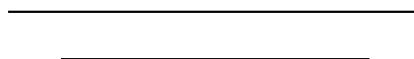
Evgeniy A. Guskov

*Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia;
Samara University, Samara, Russia*

E-mail: megistos@yandex.ru

The Praetorian Guard, which Augustus turned into a permanent institution, was the most important part of the military garrison of Rome, which, in addition to it, also included urban cohorts, vigiles and some other highly specialized (mainly reconnaissance) services. The article examines, on the one hand, such technical aspects of the praetorians' stay in the capital as the organization of guard duty, the routes of movement of detachments around the city, and, on the other hand, the impact of the military presence on local residents, their interaction within the urban space, both in domestic and political terms.

Keywords: Ancient Rome, Roman Empire, principate, praetorian cohorts, praetorians, plebs

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2026), 151–162
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2026), 151–162
©Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-2-92-151–162

ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК РИМСКИХ ЗЕМЛЕМЕРНЫХ ПРАКТИК

М.Н. Кириллова

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
Москва, Россия*

E-mail: marikirillowa@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9029-5727

В статье анализируются случаи апелляции римских землемеров к обычаям как к источнику их деятельности. Не будучи юристами, землемеры часто используют в общепринятых значениях слова *mos* и *consuetudo*, которыми принято обозначать обычаи как источник права; однако, можно выделить несколько случаев их употребления для объяснения отдельных институтов или ситуаций. Так, примечательно использование *mos* для описания римских представлений о пользовании землей и, напротив, апелляция к *consuetudo*, когда речь идет о связи древних религиозных установлений с межевой практикой. Использование *consuetudo* вместо *mos* иллюстрирует, что землемеры отделяли свое ремесло от религиозных практик, к которым оно восходит. Иная ситуация с использованием принципа *consuetudo regionis* – апелляции к обычаям, сложившимся на покоренных территориях до римского завоевания. По землемерным текстам видно, что в римском праве эта концепция распространяется с середины II в. н.э.: с ней не знакомы авторы более ранних текстов, однако, к *consuetudo regionis* системно апеллирует Сикул Флакк. Тем не менее, даже авторы ранних текстов обращают внимание на местные особенности оформления границы, межевых знаков и документации, равно как и на необходимость соответствовать им. Поддержание местных практик воспринималось как следование *fides* – принципу добросовестности; подробный анализ отдельных случаев позволит как установить случаи инокультурного влияния на римское межевание, так и сделать более общие выводы о землепользовании покоренных народов в доримский период.

Ключевые слова: Древний Рим, *mos*, *consuetudo*, римское право, римские землемеры, римская религия

Данные об авторе. Мария Николаевна Кириллова – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВИ РАН, доцент МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Исследование подготовлено при поддержке гранта РНФ 24-78-10152 «Этнокультурное взаимодействие в Средиземноморье IV–I вв. до н. э.: политика, религия и интеллектуальная жизнь (Италия, Египет, Малая Азия)».

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху Империи римское межевание представляло собой развитую систему технических и юридических норм. Она формировалась на протяжении нескольких столетий; важный этап ее развития пришелся на период Поздней республики. В это время аграрный вопрос неоднократно становился разменной монетой для римских политиков, которые стремились вывести как можно больше колоний и таким образом обеспечить себе поддержку их населения. Они вмешивались и в вопросы земельного права, и в отдельные детали землеустройства: в частности, в трактате «Об установлении лимитов» упоминаются «законы Семпрония, Корнелия и Юлия» (Hug. 4 = HG I. 18), а также многочисленные нововведения Августа¹. Однако у землемеров отсутствуют конкретные отсылки к деятельности римских должностных лиц, связанной с межеванием, в догракханский период². Это препятствует реконструкции более ранних этапов истории римского межевания.

В настоящей статье мы хотели бы обратить внимание на другой источник формирования римского межевания и земельного права – обычаи. Обычаи, актуальные для землемерной практики эпохи Империи, до сих пор не становились предметом отдельного анализа. В то же время они хорошо знакомы исследователям как важный источник римского права и административных решений, актуальный на протяжении всей истории Рима³. Анализ обычаев, упоминаемых у землемеров, позволит не только уточнить историю межевых институтов в ранние периоды римской истории, но и по-новому посмотреть на связь между землемерными и юридическими сочинениями классического периода римского права.

1. MOS И CONSUETUDO У РИМСКИХ ЮРИСТОВ

Римское право развивалось на протяжении многих веков, меняясь вместе с римским обществом. В нем отразились разные формы и проявления обычного права. Для описания обычного права юристы используют слова *mos* («нравы»), а также *consuetudo* («привычка, обыкновение»). По определению, данному Ульпианом, «обычай – это молчаливое согласие народа, укоренившееся благодаря долговременной привычке» (Ulp. Reg. 1. 4. pr.: *Mores sunt tacitus consensus populi longa consuetudine inveteratus*)⁴. *Mos* в большей степени ассоциировался с предками (*mos maiorum*) и непосредственно с римскими обычаями и ценностями (*mos Romanum*). Как следствие, *mos* был важным источником религиозных и политических практик⁵. На это обращает внимание Фест в своем определении *mos*: «Обычай – это установление отцов, т.е. память древних, относящаяся в основном к древним религиям и церемониям»⁶.

¹ Кириллова 2018.

² Здесь необходимо указать на упоминание землемерами некоего закона Мамилия, который тяжело поддается датировке. Он подтверждает норму из Законов XII таблиц, однако исследователи все же склонны связывать его скорее со временем Поздней республики. См. аргументы в Campbell 2000, 321–322.

³ Дождев 2000, 83–89; Gallo 2013; Кофанов 2023.

⁴ См. также: «Прежний укоренившийся обычай заслуженно применяется как закон, и это право называется правом, установленным нравами» (Iul. 84. Dig. D. 1. 3. 32: *Inueterata consuetudo pro lege non immerito custoditur, et hoc est ius quod dicitur moribus constitutum*).

⁵ Кофанов 2023, 79–80.

⁶ Fest. S.v. *mos*: *Mos est <institutum pa>trium; id est memoria veterum pertinens maxime ad religiones <caerim>oniasque antiquorum*.

Иной оттенок имело *consuetudo*: обычай, который считался частью *ius gentium* – права покоренных народов, заимствованного в римское⁷. Это, как правило, порядок вещей, сложившийся на определенной территории. Так, в речах против Верреса Цицерон упоминает *consuetudo* в одном ряду с *ius* (Cic. *In Verr.* II. 1. 116: *ius, consuetudinem, aequitatem, edicta omnium neglegit*), имея в виду порядки, сложившиеся на Сицилии. Начиная со II в. н.э. римские юристы все чаще обращаются к обычаям, существующим в провинциях. Так, юрист Юлиан, живший во II в. н.э., предлагает следующее: в случае отсутствия письменных законов обращаться сначала к тому, «что введено законами и обычаями», затем к близким по смыслу установлениям, и лишь в конечном счете к праву города Рима⁸. Некоторые исследователи сомневаются, что это предписание относится к области частного права, однако согласны с тем, что оно действовало при решении административных вопросов⁹. В постклассическую эпоху *consuetudo* оказался приравнен к *lex*, если обычай не противоречил здравому смыслу. Обычай даже начинает превалировать над законом, поскольку в римском праве появляется идея *desuetudo*, согласно которой закон теряет силу при отсутствии применения¹⁰.

2. ЗЕМЛЕМЕРНЫЕ СОЧИНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В сочинениях римских землемеров можно найти различные примеры апелляции к *mos* и *consuetudo*. Укажем, однако, на некоторые проблемы, связанные с установлением авторства и времени создания этих текстов; их необходимо учитывать при анализе сведений землемерных сочинений на предмет апелляции к принципам римского права.

Самой часто переиздаваемой частью землемерного корпуса являются пространственные трактаты. Их, как правило, датируют I–II вв. Помимо них, к землемерным сочинениям относятся «Книги колоний» (IV в.) – описания италийских общин с указаниями на особенности их межевания, а также краткие фрагменты разнородных текстов, особенно тяжело поддающиеся датировке. Среди них есть известные тексты, к которым часто обращаются исследователи¹¹, однако они до сих пор изучены сравнительно мало.

Об авторах трактатов мы можем судить исключительно на основании самих текстов. Не только попытки их идентификации с реальными людьми, но и их имена, распространенные в научной литературе, восходят к первой публикации этого источника, подготовленной К. Лахманном. Однако в настоящее время его выводы все чаще ставятся под сомнение. Например, автора трактатов Юлиа Фронтин Лахманн отождествил с Секстом Юлием Фронтином – крупным военным и политическим деятелем эпохи Флавиев¹². Эта гипотеза длительное время вызывала сомнения у исследователей, пока Й.-О. Линдерманн наконец не доказал ее беспо-

⁷ Коптев 1999, 116; Дождев 2000, 86.

⁸ Iul. 84. *Dig. D.* 1. 3. 32: *De quibus causis scriptis legibus non utimur, id custodiri oportet, quod moribus et consuetudine inductum est... si nec id quidem appareat, tunc ius, quo urbs Roma utitur, servari oportet. Inueterata consuetudo pro lege non immerito custoditur, et hoc est ius quod dicitur moribus constitutum.*

⁹ Gaudemet 1956; Alonso 2020, 54–55.

¹⁰ Guarino 2001, 138.

¹¹ Например, «пророчество Вегойи» принято считать важным свидетельством об этрусском обществе, несмотря на сомнения в его подлинности, см. De Grummond, Simon 2006, 30–31.

¹² Lachmann 1852, 101–102.

вательность¹³. Затруднена и атрибуция некоторых текстов. Лахманн выделил двух авторов по имени Гигин: Гигин, называемый Старшим, и Гигин Громатик, который, с его точки зрения, жил позже; поэтому в научной литературе его обозначили Младшим. Эти реконструкции в настоящее время также были пересмотрены. Так, исследование С. Ратти показало, что трактат Гигина Громатика «Об установлении лимитов» следует датировать эпохой Веспасиана¹⁴ – так он становится, наоборот, наиболее ранним из землемерных трактатов. Й.-О. Линдерманн же, изучив рукописи землемерных текстов, обнаруженные в XX в., реконструировал название трактата как *Hygini liber gromaticus de limitibus constituendis*, «Громатическое сочинение Гигина об установлении лимитов»¹⁵. В результате само существование Гигина Громатика было поставлено под вопрос. Учитывая, что некоему Гигину в античности был приписан целый ряд разноплановых сочинений, можно предположить, что в реальности такого автора не существовало. Вероятно, это псевдоним, связанный с Гаем Юлием Гигином, римским интеллектуалом и энциклопедистом, жившим в эпоху Августа¹⁶. Таким образом, исследователям остается в каждом конкретном случае решать, к какому периоду могла бы относиться та или иная реалья, существовала ли она во времена создания текстов, или же авторы восприняли ее из документации или более ранних, неизвестных нам источников.

Поскольку исследователи римского права имеют вполне определенные представления о времени распространения концепции *consuetudo regionis*, можно сделать интересные наблюдения. Так, вне зависимости от того, существовал Гигин Громатик или нет, аргументы С. Ратти о датировке трактата «Об установлении лимитов» эпохой Веспасиана до сих пор актуальны. Если он действительно был написан в I в. н.э., то в нем не должна быть отражена концепция *consuetudo regionis*. Действительно, *consuetudo* упоминается в нем только один раз, а *consuetudo regionis* не упоминается в принципе. Большинство авторов нечасто апеллируют к *mos* и *consuetudo*; исключением из общего правила представляется сочинение некоего Сикула Флакка, где на *consuetudo regionis* регулярно указывается как на обстоятельство, которое землемер должен учитывать при исследовании местности. Это хорошо согласуется с общей тенденцией датировать данное сочинение довольно поздним временем¹⁷. Отметим, что, по нашим наблюдениям, Сикул Флакк действительно производит впечатление позднего компилятора. Однако он пытается дать больше информации, в том числе не особенно актуальной в его время, что делает его ценным источником для реконструкции истории римского межевания.

¹³ Lindermann 2016.

¹⁴ Ratti 1996, 238; Guillaumin 2005, 68.

¹⁵ Lindermann 2022, 141.

¹⁶ С именем Псевдо-Гигина связывают мифографическое сочинение *Genealogiae* (оно же *Fabulae*), а также *De astronomia* (Петров 1997, 5). С точки зрения А.В. Колобова, ему же можно приписать сочинение «Об устройстве военных лагерей» (Колобов 2002, 108).

¹⁷ Сикула Флакка называют «недатруемым автором», поскольку в самом его трактате практически нет упоминаний реалий, которые позволили бы его датировать (Guillaumin 2010, XXXV–XXXVI). По общему впечатлению от текста, его принято относить ко II в., однако последнее время встречаются предложения датировать его сочинение более поздним временем (De Nardis 2019, 297–298).

3. MOS И CONSUETUDO В ЗЕМЛЕМЕРНЫХ ТЕКСТАХ: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ЕДИНИЧНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Хотя землемеры принимали участие в судебных процессах и среди их сочинений есть тексты, посвященные разным типам земельных споров и вариантам их решения, они не юристы, а технические специалисты. Наиболее определенными выглядят их апелляции к *consuetudo regionis*. Этих случаев не так мало: три у Гигина, и около двенадцати – у Сикула Флакка; они будут рассмотрены отдельно. Закономерно, что землемеры часто употребляют *mos* и *consuetudo* в общепринятых значениях. Так, в сочинении «Об установлении лимитов» *mos* обозначает в основном «общепринятый способ»: *more arcifinio* (HG V. 9; VI. 5) – по обычаю (т.е. с помощью) арфиция, *more castrorum* (HG VI. 6) – по обычаю военного лагеря, *more colonicum* (HG XX. 2) – по обычаю колонии. В этих выражениях заметна лишь апелляция к устоявшимся порядкам. Интерес представляют четыре случая, в которых обычай представлен причиной существования определенных порядков: упоминание *mos*, ограничивающего владение землей (SF I.6), *consuetudo* как обычая, к которому восходит лимитация (Hug. 5 = HG I. 21), *consuetudo* как практики жертвоприношения при установке межевого знака – термина (SF II. 8–9), а также *consuetudo* как обычая использовать определенный тип полей (H II. 26). Рассмотрим их более подробно.

Сикул Флакк упоминает *mos*, описывая гракханскую реформу: «Сверх того, он ввел закон, чтобы в Италии никто не владел более чем двумястами югерами, ведь он (т.е. Гракх – М.К.) подметил, что против обычая владеть большей площадью участка, чем которую сам владеющий мог обработать» (SF I. 6: *Praeterea legem tulit, nequis in Italia amplius quam ducenta iugera possideret: intellegebat enim contrarium esse morem maiorem modum possidere quam qui ab ipso possidente coli possit*). Непонятно, о каком Гракхе идет речь в этом пассаже, поскольку до этого Сикул сообщает о введенном ограничении в 200 югеров, тогда как в большинстве источников о реформе Тиберия указано 500 югеров, не считая 250 на каждого из двух старших сыновей (Plut. *Tib. Gracch.* 8, App. *B.C.* I. 8). На этом основании Т. Моммзен предлагал заменить в тексте 200 (CC) на 1000 (D) югеров¹⁸, таким образом, согласуя его с данными большинства источников. Обычай, запрещающий владеть землей, которую не можешь обработать сам, с одной стороны, совпадает с логикой *occupatio*, позволяющей обрабатывать незанятый *ager publicus*. В то же время сведения о гракханской реформе хоть и отрывочны, но встречаются во многих источниках и в общих чертах совпадают между собой, и в этой связи странно, что кроме Сикула Флакка никто больше не упоминает про этот обычай как стимул к реформе. Можно провести параллель между этим сообщением и сведениями Плиния: так, он приводит слова Мания Курия, согласно которым «вредным надо считать гражданина, которому семи югеров недостаточно» (Plin. *NH.* XVIII. 18). Можно предположить, что если кто-то владеет землей, которую не может обработать сам, то он обрабатывает ее при помощи арендаторов или рабов, на что далее обращает внимание Плиний (Plin. *NH.* XVIII. 21). Вероятно, если такие представления существовали в римском обществе, они актуализировались в период распространения латифундий, который пришелся на начало новой эры¹⁹.

¹⁸ Mommsen 1905, 96.

¹⁹ Кузищин 1976, 194.

Таким образом, высказанное мнение выглядит не менее актуальным для эпохи, в которую предположительно жил Сикул Флакк.

В сочинении «Об установлении лимитов» проведение лимитов также связывается с некими «древними обычаями»: «Лимиты проводятся согласно древним обычаям. Вследствие этого не всякое межевание полей обращено скорее к Востоку, чем к Западу, хотя священные здания ориентируются на Восток. Ведь древние архитекторы предписывали, чтобы храмы смотрели прямо на Запад. Впоследствии же было решено, чтобы все святыни обращали к той части неба, из которой земля освещается. Так и лимиты ориентируются на Восток»²⁰. Этот фрагмент, в котором рассказывается о проведении лимитов – дорог, формировавших территорию римской колонии – с трудом поддается интерпретации. А.В. Подосинов пришел к выводу, что при проведении лимитов землемеры ориентировались на восход Солнца, а затем, двигаясь на Запад, продлевали их²¹. Происхождение лимитации в сочинении «Об установлении лимитов» связывается с *disciplina Etrusca* – этрусским религиозным учением. В начале сочинения проведение лимитов даже называется словом «ритуал» (*Hyg. 1 = HG I. 1: Inter omnes mensurarum ritus eminentissima traditur limitum constitutio*). На вероятность, что римская лимитация связана с этрусскими ритуальными градостроительными практиками, указывает сопоставление более поздних римских межеваний с организацией этрусского поселения на территории Марцаботто²². Однако землемерный автор ссылается на *consuetudo* не для того, чтобы описать происхождение лимитации (его мнение на этот счет достаточно определенное), а чтобы объяснить, в какую сторону проводятся лимиты и какое у этого действия могло быть сакральное значение. Несмотря на сакральный контекст, ориентация лимитов объясняется *consuetudo*, а не *mos*. Это словоупотребление можно трактовать как попытку отделить землемерную практику от религиозной традиции.

К этому примеру можно добавить еще один случай употребления *consuetudo* в религиозном контексте. В сочинении Сикула Флакка *consuetudo* применено к описанию жертвоприношения Термину (*SF II. 8–9*). Очевидно, во времена Флакка это жертвоприношение уже не воспринималось как нечто обязательное²³. Тем примечательнее, что применительно к нему используется термин «обычай»: богу Термину, в честь которого наиболее распространенный у римлян межевой знак называли термином, жертвуют мед, вино и то, что обычай велит приносить в жертву. Как и в предыдущем случае, правила жертвоприношения описываются не возвышенным *mos*, а более прозаическим *consuetudo*, что лишний раз свидетельствует о десакрализации землемерных практик в эпоху Империи.

Употребление *consuetudo* в значении «сложившийся порядок» можно обнаружить в трактате Гигина «О статусах полей». Он сообщает, что по истечении срока аренды многие вектигальные поля сдаются заново, «как это обычно происходит с вектигальными полями» (*H II. 26: plures vero finite illo tempore iterum veneunt*

²⁰ *Hyg. 5 = HG I. 21: Secundum antiquam consuetudinem limites diriguntur. Quare non omnis agrorum mensura in orientem potius quam in occidentem spectat. In orientem sicut aedes sacrae. Nam antiqui architecti in occidentem templa recte spectare scripserunt: postea placuit omnem religionem eo conuertere, ex qua parte caeli terra inluminatur. Sic et limites in orientem constituuntur.*

²¹ Подосинов 2024, 261.

²² Кириллова 2023, 101–106.

²³ Кириллова 2021, 119–120.

locanturque ita ut vectigalibus est consuetudo). Этот случай употребления *consuetudo* можно было бы истолковать как не имеющий юридического контекста, однако, с нашей точки зрения, здесь есть апелляции к сложившимся порядкам при использовании вектигальных полей.

Мы видим, что землемеры редко объясняют отдельные установления межевания нравами и обычаями. Оговорим, что про эти сюжеты они вообще пишут нечасто, но если пишут, то пытаются осветить происхождение отдельных институций более конкретно. Можно сделать вывод, что землемеры апеллируют к *mos* или *consuetudo* в условиях, когда они не могут дать более определенное объяснение (как в случаях с ориентацией лимитов) или когда они пытаются апеллировать к мировоззренческим представлениям (*mos* о пользовании землей).

4. *CONSUETUDO REGIONIS* В ЗЕМЛЕМЕРНОЙ ПРАКТИКЕ

Чаще всего в землемерных трактатах говорится о *consuetudo regionis*. Гигин упоминает *consuetudines regionis* в сочинении, посвященном земельным спорам, и советует учитывать их при проведении исследований («О типах контроверсий»). Это обстоятельство особенно примечательно на фоне того, что в аналогичном сочинении Юлий Фронтин пишет про местные практики, но не называет их «обычаями». Очевидно, это следует связать с тем, что они еще не были осмыслены как явление, имеющее правовое значение. Мы уже отмечали, что чаще всего об обычаях регионов пишет Сикул Флакк. Ему принадлежит объемное сочинение «О статусах полей»; непосредственно земельные споры он в нем не рассматривает, поэтому нельзя сделать вывод, что внимание к *consuetudo regionis* представляет собой отличительную особенность описания именно этой проблематики. Сикулу Флакку, несомненно, были знакомы труды Гигина, и это отражается на интересующих нас фрагментах с упоминаниями *consuetudo regionis*, которые посвящены одним и тем же сюжетам и частично совпадают дословно (Н. III. 8, SF II. 5). Отметим, что Сикул Флакк пишет о необходимости учитывать обычаи местности настолько часто, что в этих пассажах можно заподозрить формулу, содержание которой утратило значение.

Как правило, *consuetudines regionis* упоминаются, когда речь идет о том, что при работе землемеру необходимо учитывать местные практики: виды пограничных знаков, особенности оформления границы и документации. Обратимся к сведениям о пограничных знаках. Чаще всего в трактатах упоминаются термины – каменные стелы, которые устанавливались в местах пересечения основных лимитов, а также на границах между участками. Текст Гигина показывает, что межевые знаки оформлялись по-разному от региона к региону: «Обыкновенно большинство (межевых знаков) из камня. Смотри же, из какого камня, потому что у всех свои обычаи, как правило, в своем регионе. Те кладут кремневые, те тибуртинские, те местные, те чужеземные, те отполированные и подписанные, те или из дуба или из определенного дерева, ведь некоторые зовут их жертвенными. И каждый регион соблюдает свои обычаи, как я сказал, согласно верности клятве»²⁴. Аналогичный пассаж есть у Сикула Флакка (SF II. 5), однако без финальной мысли о важности

²⁴ Н III. 8: solent plerique lapidei esse. At vide e quo lapide, quoniam quique consuetudines fere per regiones suas habent. Alii ponunt siliceos, alii Tiburtinos, alii enchorios, alii peregrinos, alii autem politos

fides – доверия, верности клятве или договору. Иными словами, с точки зрения Гигина, *consuetudo regionis* важно, поскольку оно легитимизирует сложившийся в регионах порядок вещей и поддерживает его ради сохранения справедливости и стабильности. Представляется, что это замечание Гигина демонстрирует глубокое понимание причин оформления *consuetudo regionis* в отдельную категорию обычаев и восприятия их как источника права.

Сикул Флакк рассматривает и другие детали, связанные с оформлением границ. В частности, он упоминает каналы (SF II. 35), которые могут указывать на границу: при работе с ними землемеру важно отличить пограничный канал от дренажного канала. Он в очередной раз призывает землемеров учитывать *consuetudines regionum*, включая весь комплекс особенностей местности, которые могут указывать на границу, охватывая деревья и межевые знаки (SF II. 38). Упоминает он и межевые стенки, которые служат границами между участками (SF II. 39–40). Как известно, межевыми стенками часто выделялись границы у греков: например, они были найдены при изучении хоры Херсонеса²⁵. Флакк, к сожалению, не уточняет, в каких регионах встречаются эти стенки: его повествование обобщенное, и описанное им можно также принять на счет восточных провинций и их практик. Тем не менее в «Книгах колоний» упоминаются межевые стенки в определенных регионах: например, для поля Куреса Сабинского²⁶. Можно предположить, что эллинские традиции повлияли на раннее римское межевание.

Случаи, которые касаются особенностей документации, связаны с сохранением локальных традиций измерений на территории отдельных общин. Наиболее распространенной римской мерой площади был югер, и при создании подробных планов поселений землемеры указывали площадь участков именно в югерах. Однако в некоторых областях сохранялись и другие единицы площади. Так, по сообщению Гигина, в Далмации использовался *versus*, равный 8 640 римским футам, поэтому площадь участков фиксировалась и в югерах, и в версах (H. II. 50). Эта мера площади упоминается и у Варрона: «в Западной Испании, например, мерят югами, в Кампании – версами, а у нас в Римской и Латинской области – югерами... Верс равен ста квадратным футам» (Varr. RR. I. 10: *Nam in Hispania ulteriore metiuntur iugis, in Campania versibus, apud nos in agro Romano ac Latino iugeris... Versum dicunt centum pedes quoquo versum quadratum*). Как видим, верс Варрона не совпадал с версом Гигина; впрочем, Гигин оговорил распространенность этой меры для Далмации. В сочинении «Об установлении лимитов» мы встречаем указание на некий *vorsum*: *Primum agri modum fecerunt quattuor limitibus clausum (figuram similem), plerumque centenum pedum in utraque parte, quod Graeci plethron appellant, Osci²⁷ et Umbri vorsum* (F III. 9). Сопоставляя верс Варрона, распространенный в Кампании, с ворсом из землемерного трактата, можно предположить, что речь идет об одной и той же единице площади. Скорее всего, ее название, как и название югера, связано со вспашкой: в древности происхождение югера связывалось

et scriptos, alii aut robureos aut ex certa materia ligneos, quidam etiam hos quos sacrificales <vocant>. Et observat suam quaeque regio, ut dixi, consuetudinem, uti conveniat fides.

²⁵ Щеглов 1984, 53.

²⁶ Campbell 2000, 192.

²⁷ Й.-О. Линдерманн считает цитируемое сочинение Фронтина сборником вольно скопированных цитат из сочинения Гигина «Об установлении лимитов», в недавнем издании Фронтина Линдерманн вместо *Osci* воспроизводит *Tusci* (Lindermann 2025, 286).

с упряжкой быков, которая может вспахать этот участок за один день (Plin. *NH.* XVIII. 3), а один из вариантов перевода *versus* – борозда. Принципиально, однако, что это свидетельство о функционировании среди италийских народов некоего верса как единицы площади указывает на наличие у них межевых практик, развившихся самостоятельно и существовавших по крайней мере в эпоху Поздней Республики – Ранней Империи.

Продолжая описывать иноземные практики межевания, Гигин упоминает и другую меру площади – плинфу. Плинфы, т.е. «квадратные кирпичики, как центурии» со стороной 6 000 футов были распространены на Киренаике, во владениях, доставшихся Риму от царя Птолемея VIII (Н. II. 52). Плинфы представляли собой единицу межевания, которая применялась в эллинистическом Египте – об этом свидетельствуют данные папирологии. Так, в папирусе P.Lille 1, в котором идет речь о рытье каналов на квадратном участке в Арсинойском номе, упомянут термин *τὸ πλινθεῖον*: имеется в виду план местности, состоящей из прямоугольных участков (*ὡς διαγέγραπται ἐν τῷ πλινθεῖῳ*). Этот пример служит еще одним доказательством знакомства римских землемеров с иноземными практиками межевания и представлений о том, что их необходимо поддерживать в имеющемся виде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы показали, поиск обращений к обычаям в землемерных текстах дает примечательные результаты. Землемеры нечасто апеллируют к обычаям как таковым; как правило, они используют их для объяснения причин отдельных явлений, причем в случаях, когда им сложно сообщить об этих причинах что-то по существу. Эти упоминания также указывают на то, что землемеры понимают свое ремесло отдельно от породивших его религиозных практик. Однако иная ситуация с *consuetudo regionis*, местными обычаями, которые с середины II в. н.э. стали восприниматься юристами как важный источник по меньшей мере для принятия административных решений.

По всей видимости, установка на уважение местных практик межевания негласно присутствовала всегда. Сложно сказать, чем она была вызвана в большей степени: общей консервативностью римского подхода к управлению, римскими представлениями о священности границ или же какими-то другими обстоятельствами. Тем не менее уже в текстах, которые были написаны до распространения принципа *consuetudo regionis*, мы можем найти отсылки к местным практикам. После того как к *consuetudo regionis* начинают чаще апеллировать юристы, эта концепция проникает в землемерные тексты и уже известный феномен приобретает название. Указания на местные *consuetudines*, как прямо названные, так и косвенно описанные, могут прояснить историю развития межевых практик в регионах, впоследствии подчиненных римлянами.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Alonso, J.L. 2020: *The Constitutio Antoniniana and Private Legal Practice in the Eastern Empire*. In: K. Czajkowski, B. Eckhardt (eds), *Law in the Roman Provinces*. Oxford, 44–64.
Campbell, B. 2000: *The Writings of the Roman Land Surveyors. Introduction, Text, Translation and Commentary* (Journal of Roman Studies Monograph, 9). London.

- De Grummond, N.T., Simon, E. 2006: *The Religion of the Etruscans*. Austin.
- De Nardis, M. 2019: I libri coloniarum Iachmanniani e la datazione di Siculus Flaccus. In: *Uomini, istituzioni, mercati. Studi di storia per Elio Lo Cascio*. Bari, 287–298.
- Dozhdev, D.V. 2000: *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik dlya vuzov* [Roman Private Law: A Textbook for Universities]. Moscow.
- Дождев, Д.В. 2000: *Римское частное право: учебник для вузов*. М.
- Gallo, F. 2013: La consuetudine grande sconosciute. *Rivista di diritto Romano* 13, 1–13. URL: <https://www.ledonline.it/index.php/Rivista-diritto-romano/article/view/5264>.
- Gaudemet, J. 1956: La coutume au bas-empire. Rôle pratique et notion théorique. *Labeo* 2, 147–59.
- Guarino, A. 2001: *Diritto privato romano*. Napoli.
- Guillamin, J.-Y. 2005: *Les arpenteurs romains*. T. 1. *Hygin le Gromaticus*. Frontin. Paris.
- Guillamin, J.-Y. 2010: *Les arpenteurs romains*. T. 2. *Hygin. Siculus Flaccus*. Paris.
- Kirillova, M.N. 2018: О чем был «закон божественного Августа»? [What Was the Content of *lex divi Augusti*?] *Indoeuropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 22 (1), 619–627.
- Кириллова, М.Н. 2018: О чем был «закон божественного Августа»? *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22 (1), 619–627.
- Kirillova, M.N. 2021: Kul't Termina i praktika rimskogo mezhevaniya v I v. n.e. [Cult of Terminus and the Practice of Roman Land Surveying in the 1st Century AD.] In: *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages] 33. Moscow, 118–122.
- Кириллова, М.Н. 2021: Культ Термина и практика римского межевания в I в. н.э. В сб.: *Восточная Европа в древности и средневековье*. Т. 33. М., 118–122.
- Kirillova, M.N. 2023: Disciplina Etrusca i formirovanie rimskogo ortogonal'nogo mezhevaniya [Disciplina Etrusca and the Development of the Roman Orthogonal Land Surveying]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 83 (1), 94–113.
- Кириллова, М.Н. 2023: Disciplina Etrusca и формирование римского ортогонального межевания. *ВДИ* 83 (1), 94–113.
- Kofanov, L.L. 2024: Obychay kurii kak istochnik konstitutsionnogo prava v Rime epokhi respubliki [Customs of the Curia as a Source of Constitutional Law in Rome during the Republic]. *Biznes, menedzhment i pravo* [Business, Management and Law] 2, 78–85.
- Кофанов, Л.Л. 2024: Обычаи курии как источник конституционного права в Риме эпохи республики. *Бизнес, менеджмент и право* 2, 78–85.
- Kolobov, A.V. 2022: Psevdo-Gigin. Ob ustroystve voennykh lagerey [Pseudo-Hyginus. On the Organization of Military Camps]. In: *Drevnost' i srednevekov'e Evropy* [Antiquity and Middle Ages of Europe]. Perm, 108–130.
- Колобов, А.В. 2022: Псевдо-Гигин. Об устройстве военных лагерей. В сб.: *Древность и средневековье Европы*. Пермь, 108–130.
- Koptev, A.V. 1999: Pozdneantichnyy colonus iuris alieni i klassicheskoye pravo lits [Late antique colonus iuris alieni and the classical law of persons]. *Drevnee pravo* [Ius antiquum] 4, 116–143.
- Коптев, А.В. 1999: Позднеантичный colonus iuris alieni и классическое право лиц. *Древнее право* 4, 116–143.
- Kuzishchin, V.I. 1976: *Genезис rabovladel'cheskikh latifundiy v Italii (II v. do n.e. – I v. n.e.)* [Genesis of Slave-Ownning Latifundia in Italy (2nd Century BC – 1st Century AD)]. Moscow.
- Кузищин, В.И. 1976: *Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э. – I в. н.э.)*. М.
- Lachmann, K. 1852: Über Frontinus, Balbus, Hyginus und Aggenus Urbicus. In: *Die Schriften der römischen Feldmesser*. Bd. 2. Erläuterungen zu den Schriften der römischen Feldmesser. Berlin, 97–142.

- Lindermann, J.-O. 2016: Echt oder unecht? Frontin als gromaticher Autor aus der Sicht der Philologie. *eTopoi. Journal for Ancient Studies* 5, 18–45.
- Lindermann, J.-O. 2022: *Hygini liber gromaticus de limitibus constituendis. Historisch-kritische Edition und Erläuterungen*. Darmstadt.
- Lindermann, J.-O. 2025: *Iuli Frontini opera gromatica: Historisch-kritische Edition*. Freiburg im Breisgau.
- Mommsen, Th. 1905: *Gesammelte Schriften*. 1. Abt.: *Juristische Schriften*. Bd. 1. Berlin.
- Petrov, A.V. 1997: «Астрономия» Юлиа Гигина и ее место в культуре Римской империи [“Astronomy” of Iulius Hyginus and its Place in the Culture of the Roman Empire.]. In: *Gigin. Astronomiya*. Пер. с латинского А.И. Рубина [Hyginus. *Astronomy*. Translated by A.I. Rubin]. St. Petersburg, 5–19.
- Петров, А.В. 1997: «Астрономия» Юлия Гигина и ее место в культуре Римской империи. В кн.: *Гигин. Астрономия*. Пер. с латинского А.И. Рубина. СПб, 5–19.
- Podossinov, A.V. 2024: *Ex oriente lux. Orientatsiya po stranam sveta v arkhaiskikh kul'turakh Evrazii* [Ex oriente lux. Orientation by the Cardinal Points in the Archaic Cultures of Eurasia]. Moscow.
- Подосинов, А.В. 2024: *Ex oriente lux. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*. М.
- Ratti, S. 1996: Le substrat augustéen dans la *Constitutio limitum* d'Hygin le Gromaticus et la datation du traité. *Dialogues d'histoire ancienne* 22, 220–238.
- Shcheglov, A.N. 1984: Khora Khersonesa. Okrug goroda na Gerakleyskom poluostrove [Chora of Chersonesus. Districts of the City on the Heracleian Peninsula]. In: *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient States of the Northern Black Sea Region]. Moscow, 53–54.
- Щеглов, А.Н. 1984: Хора Херсонеса. Округа города на Гераклейском полуострове. В кн.: *Античные государства Северного Причерноморья*. М., 53–54.

CUSTOM AS THE SOURCE OF ROMAN LAND SURVEYING PRACTICES

Maria N. Kirillova

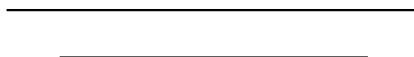
*Institute of World History of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia;
Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia*

E-mail: marikirillova@yandex.ru

The article analyzes cases in which Roman surveyors appeal to customs as the source of their activities. Not being lawyers, surveyors often use the words *mos* and *consuetudo*, which are usually used to denote customs, in their generally accepted meanings; however, several cases of their use can be distinguished to explain individual institutions or situations. Thus, a noteworthy case is the use of *mos* to describe Roman ideas about land use and, conversely, an appeal to *consuetudo* in the context of the connection between ancient religious institutions and surveying practice. It seems that the use of *consuetudo* instead of *mos* illustrates that surveyors perceived their craft separately from the religious practices that gave rise to it. A different situation is with the use of the principle of *consuetudo regionis*, an appeal to customs that developed in conquered territories before their subjugation by the Romans. In Roman law, this concept is

widespread, starting from the middle of the 2nd century AD, which is reflected in survey works: the authors of earlier texts are not familiar with it, however, Siculus Flaccus, whose treatise has recently been attributed to a rather late period, systematically appeals to *consuetudo regionis*. Nevertheless, even the authors of the early texts pay attention to local features of border design, boundary markers and documentation, as well as the need to comply with them. Maintaining local practices was perceived as following *fides*, the principle of good faith; a detailed analysis of individual cases will allow both to establish cases of foreign cultural influence on Roman surveying and to draw more general conclusions about the land use of conquered peoples in the pre-Roman period.

Keywords: custom, *mos*, *consuetudo*, Roman law, Roman surveyors, Roman religion

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 163–175

© The Author(s) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-163–175

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 163–175

© Автор(ы) 2026

К ВОПРОСУ О IUS CONUBII РИМСКИХ ЦЕНТУРИОНОВ

Е.С. Иванова

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

E-mail: ivelina777@yandex.ru

ORCID: 0009-0005-0023-803X

В статье рассматривается вопрос о праве римских центурионов на законный брак. На основе эпиграфических данных и юридических источников изучаются социальные и демографические аспекты семей этих офицеров с целью выявить признаки их правового признания или его отсутствия. Устанавливается, что многие семьи центурионов отличаются высоким социальным положением и выглядят юридически признанными. В то же время выявляется общая редкость заключения браков центурионами и их поздний брачный возраст. Принимая во внимание неоднозначность сведений, делается осторожный вывод, что центурионы получали право оформить законный брак по достижении срока службы, необходимого для почетной отставки.

Ключевые слова: центурионы, римский брак, ius conubii, «брачный запрет», латинская эпиграфика

«Римский брак – это вопрос намерения: если вы живете как муж и жена, значит вы и есть муж и жена»¹. Такое емкое определение римскому браку дал американский исследователь Дж. Крук в середине прошлого столетия. В самом деле, для заключения законного брака (iustum matrimonium) от римлян требовались только правоспособность (ius conubii), согласие обеих сторон и их намерение создать семью². Несмотря на формальную простоту заключения браков, далеко не каждый союз мужчины и женщины имел законный статус. Некоторые категории римских граждан в результате реформ Августа были лишены права conubium и поэтому не могли вступать в законный брак³. Наиболее многочисленной категорией населения, попавшей под действие так называемого «брачного запрета», были рядовые солдаты⁴. Точно неизвестно, в рамках какого установления был введен данный запрет, однако его действие сохранялось вплоть до конца II в. н. э. (197 г.), когда его отменил Септимий Север (Herodian. III. 8. 5).

Данные об авторе. Елена Сергеевна Иванова – аспирант, младший научный сотрудник кафедры истории Древнего мира и Средних веков ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Работа подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект №25-28-00997 «Память о предках и конструирование родства в периоды социально-политических трансформаций античных и средневековых обществ».

¹ Crook 1967, 101.

² Treggiari 1991, 37–49.

³ Treggiari 1991, 61–66.

⁴ Treggiari 1991, 64.

Среди возможных причин запрета солдатских браков Августом исследователи называют повышение мобильности войска и сокращение расходов на жалование солдат⁵. С этой точки зрения отсутствие женщин и детей облегчало передвижение солдат на марше, а также исключало проблему их размещения и содержания. В историографии существуют и другие мнения относительно мотивов Августа при установлении «брачного запрета»⁶. Не рассматривая их все, остановимся только на одной теории, важной для восприятия последующего материала. Эта теория представлена в новой и наиболее полной работе о солдатских браках С. Фанг, в которой для понимания брачной политики Августа предлагается обратить внимание на ее культурный контекст⁷. С. Фанг отмечает, что в римской ментальности воинская дисциплина была несовместима с присутствием женщин в военном лагере. Главная воинская добродетель, *virtus*, противопоставлялась стереотипным женским порокам (нехватке самообладания, пристрастию к роскоши), а отношения с женщинами представлялись опасными и приводящими к распространению этих пороков среди воинов. В этом отношении запрет на брак был призван формально отделить солдат от женщин и сохранить тем самым маскулинность римского войска⁸. Вместе с этим «брачный запрет» подчеркивал символическое различие между военной и гражданской жизнью. Если правом и обязанностью обычного гражданина по закону Папия и Поппея были семейная жизнь и воспитание детей, то для воина домашний очаг находился в его лагере⁹. Отрицая законность семейных связей римских солдат и исключая их таким образом из гражданской общины, «брачный запрет» тем самым позволял использовать армию для контроля и, при необходимости, подавления гражданского населения. Таким образом, «брачный запрет» действительно повышал эффективность римской армии, легитимируя ее использование для устрашения не только противников империи, но и подданных римского императора¹⁰. Несмотря на стройность аргументов С. Фанг, вопрос о причинах установления «брачного запрета» остается дискуссионным.

Стоит отметить, что отсутствие права *conubium* у солдат не означало действительного запрета на сожительство с женщинами или образование семьи, а подразумевало, что такой союз является неформальным (*matrimonium iniustum*) и не влечет за собой правовых последствий законного брака¹¹. По этой причине дети, рожденные в таком браке, не попадали под отцовскую власть и не могли наследовать его имущества по закону¹². Об этом явно свидетельствуют папирусы из частной коллекции Cattaoui, на которых сохранились краткие протоколы судебных заседаний префектов Египта по семейным делам римских солдат (Chr. Mitt. 372).

Также не существовало законного способа передать приданое для оформления такого союза, а значит, и легальной возможности вернуть его женщине в слу-

⁵ Watson 1969, 134; Keppie 1984, 148; Campbell 1994, 151–152; подробный обзор историографии по теме см.: Phang 2001, 345–350.

⁶ См. Wells 1998, 188; Carrié 1989, 109.

⁷ Phang 2001, 344–383.

⁸ Phang 2001, 382–383.

⁹ Ср. Tac. Hist. III. 84. 2: «Честь воина – в лагере: там его родина, там его пенаты».

¹⁰ Phang 2001, 380–381.

¹¹ Phang 2001, 200.

¹² Phang 2001, 38–39.

чае развода или смерти мужа¹³. Согласно римскому праву, приданое, предназначенное для незаконного брака, подлежало изъятию в пользу государства (Dig. 23. 2. 61). Однако папирусные документы свидетельствуют, что незаконно переданное приданое солдатских жен оставалось в собственности воинов при прекращении их неформального союза (Chr. Mitt. 372, 6). Получается, что ответственность за незаконный брак несла только женщина.

Если по проблемам правового положения солдатских семей в историографии стало больше ясности благодаря публикациям папирусных документов, то вопрос о том, какие ранги военнотружущих попадали под действие «брачного запрета», является дискуссионным¹⁴. Право *conubium* определено было у высших офицеров и командующих из всаднического и сенаторского сословий¹⁵. Прямых свидетельств о правовом статусе семей центурионов не сохранилось. Это обстоятельство, а также срединное положение центурионов в военной иерархии затрудняют решение проблемы о распространении действия «брачного запрета» на этих офицеров¹⁶.

В современной историографии можно выделить три подхода к вопросу о правовом статусе семей центурионов. Большинство исследователей признает, что у центурионов было право *conubium* и их браки были законными¹⁷. В качестве аргументов сторонники этой точки зрения приводят высокий социальный статус самих центурионов и их детей, достигавших порой значимых всаднических и сенаторских позиций¹⁸. Кроме того, приверженцы такой позиции обращают внимание на археологические свидетельства, в частности, на отдельные и достаточно просторные жилые помещения для этих офицеров, в которых нередко находят женские и детские артефакты¹⁹. Исследователи также обнаруживают более высокий процент семейных центурионов в сравнении с рядовыми солдатами²⁰ и указывают на совпадения имен отцов и детей в семейных эпитафиях офицеров, что должно свидетельствовать о законнорожденности этих детей²¹. Хотя все представленные аргументы кажутся убедительными, ни один из них прямо не подтверждает наличия права *conubium* у центурионов²².

Примечательно, что сторонники альтернативной точки зрения, согласно которой центурионы попадали под действие «брачного запрета», также указывают на социальный статус этих офицеров²³. Эти исследователи подчеркивают различие между краткосрочными всадническими должностями (*militiae equestres*) и долгосрочными позициями профессиональных воинов (*milites caligati*), к которым относились и центурионы²⁴. Если всадникам запрещалось вступать в законный брак только с жительницами той провинции, где они служили, то логичным выглядит предположение о том, что полному «брачному запрету» подвергались все остальные служащие, относящиеся к категории *milites caligati*. Соответственно,

¹³ Phang 2001, 34–38.

¹⁴ Phang 2001, 130.

¹⁵ Grubbs 2002, 157–158.

¹⁶ Manklow 2020, 34.

¹⁷ Manklow 2020, 35.

¹⁸ Dobson 1970, 110; Hoffmann 1995, 110; Cherry 1989, 128.

¹⁹ Hassall 1999, 35.

²⁰ Cherry 1985, 55.

²¹ Hassall 1999, 35.

²² См. также: Ward 2012, 177; Greene 2011, 89–90.

²³ Watson 1969, 134.

²⁴ Jung 1982, 340–341. Ср. Friedl 1996, 255.

всаднический ранг должен был являться пределом для общего запрета на брак²⁵. Стройность данного объяснения нарушается, однако, существованием центурионов, происходивших из всаднического сословия, а также спорностью термина «*milites caligati*», который в разных контекстах используется для определения различных групп воинов²⁶, в том числе для обозначения нескольких должностей рядовых ауксилариев (*gregales*, *immunes*, *principales*) при необходимости отделить их от командовавших ими центурионов и декурионов. По-видимому, центурионы имели более высокий социальный статус, чем *milites caligati*, поэтому их привилегии и ограничения могли существенно отличаться.

Слабые стороны гипотезы о распространении «брачного запрета» на центурионов были учтены в компромиссной теории С. Фанг. Исследовательница предполагает, что центурионы получали право *conubium* по достижении срока службы, необходимого для почетной отставки рядовых легионеров²⁷. В таком случае центурионы из эвокатов своего права на брак также не теряли. Спорным остается положение центурионов из всадников. Хотя представляется маловероятным, что при назначении на должность они лишались права на законный брак на следующие 20 лет. Если теория С. Фанг верна, то внутри центурионата должна была существовать особая группа служащих (происходивших из рядовых легионеров), временно ограниченных в праве вступать в брак. На первый взгляд, наличие такой группы не противоречит в целом неоднородному составу центурионов, среди которых были военные разных возрастов, статусов и рангов. Однако по размеру жалования и уровню привилегий выделяются только три ранга этих офицеров: *primi ordines* и центурионы II–X когорт, а возможность перехода в I когарту не зависела от социального происхождения центуриона²⁸. Поэтому при условии, что сами военнослужащие рассматривали право *conubium* как привилегию, ограничение в этом праве, обусловленное только социальным происхождением, могло оказывать негативное влияние на формирование корпоративного единства центурионов.

Таким образом, неоднородность состава центурионов по социальному происхождению и их срединное положение как в военной иерархии, так и в римском обществе создают дополнительные сложности в решении проблемы о правовом статусе семей этих офицеров. В данной статье на основе комплексного анализа эпиграфических материалов и юридических документов будут изучены социальные и демографические характеристики семей центурионов с целью выявить признаки их юридического признания или его отсутствия и определить тем самым правовой статус этих семей.

На первый взгляд, учитывая особую роль центурионов в формировании и поддержании воинской дисциплины, их многочисленные обязанности и безусловную верность императору, право *conubium* кажется противоречащим служебной этике этих офицеров. Если же принять во внимание политические мотивы установления «брачного запрета», согласно которым семейные связи рядовых солдат с гражданскими лицами ограничивались для более эффективного использования армии

²⁵ Phang 2001, 131–132.

²⁶ Manklow 2020, 60–67.

²⁷ Phang 2001, 132.

²⁸ Dobson 1974, 407–409.

для контроля или подавления населения²⁹, то семейные отношения центурионов, командовавшими этими солдатами, представляются еще более недопустимыми.

Однако семейные связи с гражданскими лицами могли представлять опасность только при условии, что семья военного была глубоко интегрирована в местное общество в регионе прохождения службы. Семьям центурионов было сложнее интегрироваться в местные общества из-за частых перемещений этих офицеров с одного места службы на другое. Так, Вибия Паката, жена центуриона Флавия Верекунда, последовала за супругом из родной Паннонии в Северную Африку, а оттуда в Британию (RIB 3504)³⁰. Также из Паннонии вслед за мужем-центурионом переехала в Германию Юлия Эмерита (AE 1990, 761). Наиболее показательным является пример Клавдии Марции Капитолины (ILS 2658), чей супруг, центурион Марк Петроний Фортунат, за время своей карьеры послужил в 13 легионах в разных провинциях (от Британии до Африки)³¹. Как верно заметила Л. Алласон-Джонс, жены центурионов (вне зависимости от своего правового статуса) путешествовали значительно чаще, чем другие женщины Римской империи³².

Примечательно, что обязанность жены последовать за мужем, «куда бы он ни отправился», могла быть прописана в брачном соглашении, о чем упоминает Папиниан в 4-й книге «Ответов». Интересно, что в качестве примера юрист приводит соглашение центуриона и его супруги (Dig. 23. 4. 26. 3). Само по себе свидетельство Папиниана, датируемое к тому же 198–211 гг., т.е. периодом уже после отмены «брачного запрета», ничего не говорит о правовом статусе жены центуриона, поскольку соглашение могло иметь место и в незаконном браке (*matrimonium iniustum*). Однако выбор центуриона и его супруги для иллюстрации данного положения указывает на то, что брачные соглашения на случай частых переездов мужа были особо актуальны именно для семей этих офицеров. Соответственно, высокую горизонтальную мобильность можно считать характерной чертой семей центурионов, о которой было известно и римским законоведам. Данная особенность действительно могла препятствовать глубокой интеграции семей этих офицеров в местные провинциальные сообщества, что в свою очередь способствовало укреплению их связей с военными структурами и предотвращало таким образом негативное влияние этих семей на воинскую дисциплину и военно-политическую эффективность римской армии.

Итак, при рассмотрении практических аспектов семейной жизни центурионов обнаруживается, что наличие семьи у этих офицеров не противоречило политическим целям установления «брачного запрета». Для достижения этих целей в случае с центурионами кажется достаточным ограничить их в праве на брак с женщинами, жившими в той провинции, где проходила служба офицера, как это было установлено для командиров всаднического ранга. Тем не менее для подтверждения этого тезиса стоит изучить другие особенности семей центурионов и их связи с причинами действия «брачного запрета».

Наше исследование специфики семей центурионов основывается на сведениях 329 надгробных надписей, происходящих с территорий практически всех провинций Римской империи и датируемых в основном периодом от установления

²⁹ Phang 2001, 383.

³⁰ Foubert 2013, 396.

³¹ Махлаюк, Негин 2021, 365.

³² Allason-Jones 2005, 49.

принципата до 235 г. н. э. В этих надписях центурионы представлены в двух ролях: либо как лица, в память о которых воздвигнуты монументы, либо как инициаторы их создания. Изучение данных источников было начато с проведения статистического анализа и установления процентного соотношения надписей, в которых упоминаются центурионы с женами и/или детьми, и эпитафий безбрачных офицеров. Для реализации целей данной работы достаточно привести только часть результатов проведенного анализа. Так, стоит отметить, что соотношение центурионов с женами и детьми и их безбрачных коллег получается примерно таким же, как и среди рядовых солдат³³. В эпитафиях центурионов, датированных I в. н. э., жены и дети упоминаются в 11% случаев. В надгробных надписях II в. н. э. этот показатель возрастает до 50%. В III в. н. э. количество эпитафий семейных центурионов достигает 75%.

Отсутствие сведений о членах семьи в эпитафиях необязательно означает, что их не было в реальной жизни центуриона³⁴. Такое умолчание могло быть связано с ценностными приоритетами офицеров. Некоторые из них, возможно, в большей степени стремились сохранить о себе память как о доблестных воинах, нежели как о примерных семьянинах. Подобное стремление представляется вполне закономерным для офицера, посвятившего жизнь военной службе. Это предположение косвенно подтверждается эпиграфическими традициями, характерными для разных групп центурионов. Так, в надписях с подробным описанием карьеры и перечислением трех и более занимаемых постов, жены и дети упоминаются только в 23% случаев, в то время как в эпитафиях с кратким указанием на одну или две должностные позиции это число достигает 63%. Также, стоит отметить, что общее количество эпитафий с подробным описанием карьеры резко сокращается в начале III в. н. э. Если ко II в. н. э. относится 11% таких надписей, то к III в. н. э. – только 3%.

Таким образом, в начале III в. н. э. вместе с увеличением количества эпитафий семейных центурионов наблюдается значительное снижение числа надгробных надписей с детальным описанием карьеры. В связи с этим можно предположить, что в этот период в ценностных установках центурионов произошли изменения и роль отца семейства стала более совместимой с положением военнотружущего и более значимой для определения социального статуса этих офицеров.

Причиной изменения ценностных установок центурионов, отразившихся в их поминальных практиках, могло быть предоставление им права на законный брак Септимием Севером в 197 г. н. э. В таком случае центурионы вместе с правом *conubium* получали возможность официально носить статус *pater familias* и иметь законных детей под своей властью. Тогда распространение семейных монументов центурионов могло быть связано как с увеличением реального количества офицеров с женами и детьми, так и с появившимся стремлением увековечить достижение нового статуса.

Кроме того, новый почетный статус, достижение которого римляне также обычно отмечали в мемориальном искусстве, в конце II в. н. э. появляется не только у центурионов, но и у их сыновей. Начиная с правления Коммода получает распространение практика дарования сыновьям центурионов всаднического

³³ См. Phang 2002, 365.

³⁴ См. Carroll 2006, 182.

статуса в знак признания служебных заслуг их отцов³⁵. Причем известны дети, получившие этот титул в самом раннем возрасте. Так, Гай Юлий Непотиан, сын центуриона VIII Августова легиона Юлия Валента, ушел из жизни в возрасте двух лет, успев при этом получить статус римского всадника (AE 1976, 494).

В римском мемориальном искусстве дети, которые, подобно Непотиану, значительно превзошли своих родителей в социальном статусе, часто изображались в традиции *puer senex* (зрелый ребенок), т.е. с атрибутами взрослой жизни, которую они могли бы вести в соответствии со своим новым положением, если бы смерть не настигла их так рано³⁶. Эта традиция была особо распространена в поминальных практиках вольноотпущенников. Такими памятниками они выражали не только горе и чувство утраты, но и несбывшиеся надежды на будущее своей семьи, которой их дети со статусом свободнорожденных римских граждан должны были обеспечить высокое социальное и материальное положение³⁷. Как показывают отдельные монументы, изображение детей в традиции *puer senex* было свойственно и римским военнотружущим. Например, трехлетний Аврелий Клавдиан, также награжденный переводом во всадническое сословие за службу своего отца-протектора, представлен на памятнике скачущим на лошади с венком в руке (CIL VI, 1595). Хотя подобных изображений детей центурионов на данный момент неизвестно³⁸, само указание статуса всадника, несоответствующего возрасту ребенка, может свидетельствовать о чаяниях его семьи, которой ребенок-всадник мог принести достойный уровень жизни и высокое место в социальной иерархии³⁹.

Итак, практика награждений привилегированным статусом сыновей центурионов также могла способствовать распространению семейных монументов этих офицеров в начале III в. н. э. Теперь, когда всаднический статус сына свидетельствовал о служебных успехах отца, семья центуриона становилась институтом, позволявшим аккумулировать достижения предков и улучшать тем самым свое социальное положение в будущих поколениях. Тем не менее появление такой практики до отмены «брачного запрета» вызывает сомнения в том, что центурионы попадали под его действие.

Таким образом, статистические данные эпитафий с относительно редкими упоминаниями жен и детей центурионов в I–II вв. н. э. и значительным увеличением таких упоминаний в начале III в. н. э. могут свидетельствовать только об изменении ценностных установок центурионов: если в период раннего принципата центурионы стремились подчеркнуть в эпитафиях свои служебные достижения, создавая образ доблестных воинов, то к правлению династии Северов этот образ гармонично дополнился ролью отца семейства. Причины таких изменений могут быть связаны с брачно-семейной политикой римских императоров, включая отмену действия «брачного запрета» и практику дарования всаднического статуса сыновьям центурионов. Однако, поскольку награждения детей этих офицеров на-

³⁵ Davenport 2012, 104, 106, 116.

³⁶ Davenport 2012, 114.

³⁷ Davenport 2012, 114. См. также: Mander 2013, 60; Rawson 2003, 183.

³⁸ См. CIL V, 914 с единственным на данный момент изображением ребенка центуриона. Трехлетний мальчик изображен с птицей — традиционным атрибутом детей в мемориальном искусстве (Mander 2013, 7, 26, 37).

³⁹ Davenport 2012, 114.

чались до отмены «брачного запрета», вопрос о распространении данного ограничения на центурионов остается открытым.

Переходя к детальному рассмотрению эпитафий с упоминаниями жен и/или детей центурионов, отметим, что эти инскрипции содержат сведения о 101 женщине, проживавшей в браке с офицером. Во всех надписях эти женщины называются терминами *coniux* или *uxor*, которые в других контекстах обычно используются для обозначения законных жен⁴⁰. В отдельных случаях жены центурионов могли иметь даже прозвание матроны, т.е. почтенной матери семейства. Такой неофициальный титул носила Юлия Гермiona, супруга Юлия Севера, центуриона V Македонского легиона (CIL III, 222). Выбор этих терминов предполагает, что сами офицеры воспринимали живших с ними женщин как своих законных супругов.

Социальный статус большинства женщин был достаточно высоким. Около 78% жен центурионов были римскими гражданками и носили римские имена⁴¹. Некоторые из них происходили из военного сообщества и состояли в родстве с сослуживцами центурионов. Так, дочь гастата Грания Нигелла стала женой примипила Гая Косия Флора (SEG 33, 1195; AE 1984, 893), а дочь примипила Анния была замужем за центурионом Аврелием Филиппом (CIL III, 10503). Интересный случай представлен в почетной надписи из Сирии, в которой центурион Юлий Кандидий перечисляет заслуги другого центуриона Гнея Юлия Руфа, приходившегося ему дядей и тестем (AE 1998, 1435). Браки с двоюродными сестрами, вероятно, не были редкостью на востоке империи⁴².

Сведения о возрасте вступления в брак избранниц центурионов немногочисленны и противоречивы. Отдельные эпитафии свидетельствуют, что брак с центурионом был первым для женщины. Так, Валерии Гемине (CIL III, 14216, 10) и Сертории Фесте (CIL XIII, 1893) исполнилось только 17 лет, когда их мужья-центурионы поставили им скорбные памятники. Кассия Квартина (CIL III, 12239) и Клодия Секунда (AE 1901, 140) умерли в 25 лет. Но супруг Клодии, центурион городской когорты, также указал, что эта женщина к моменту своей смерти прожила с ним в браке 7 лет без единой ссоры. Ранний возраст вступления в брак также предполагается в надписях с упоминанием длительной продолжительности совместной жизни. Маловероятно, что Аврелия Юния, жена центуриона Элия Эквестора, прожив с ним в браке 60 лет, вышла замуж позднее 20 лет (AE 1990, 852). Хотя возраст 17–20 лет совпадает со средним брачным возрастом римских женщин, определяемым в историографии 16–20 годами, невозможно утверждать, что все избранницы центурионов выходили замуж в этом возрасте. По крайней мере одно исключение известно из эпиграфики. В эпитафии Ветурии, супруги центуриона Тита Юлия Фортуната, сообщается, что она вступила с ним в брак в 27 лет (CIL III, 3572). Помимо данного исключения, стоит учитывать, что средняя продолжительность римского брака составляла 14 лет, но, как подчеркивает Б. Шоу, многие союзы распадалась и раньше из-за смерти одного из супругов⁴³. Этот демографический аспект римского брака позволяет С. Фанг предположить, что среди солдатских невест могли быть

⁴⁰ Treggiari 1991, 6.

⁴¹ Еще 10% женщин также имели римское гражданство, но их имена были греческого или иного происхождения. Только для 3% женщин указан статус вольноотпущенниц, и в 9% случаев этот статус предполагается в связи с особым именем женщины.

⁴² См., например: Scheidel 1997.

⁴³ Shaw 2002, 240–241.

и молодые вдовы их сослуживцев⁴⁴. Такое предположение допустимо распространить и на невест центурионов. Но принимая во внимание возможность повторного брака для избранниц центурионов, стоит отметить, что их возраст даже в таком случае едва ли превышал 28–30 лет, поскольку этими годами ограничивается средняя продолжительность жизни жен центурионов по данным их эпитафий. По всей видимости, невесты центурионов не были значительно старше женщин, выходивших замуж за гражданских мужчин.

Для установления брачного возраста самих центурионов можно применить метод, предложенный в работах Сэллера и Шоу⁴⁵. Он основан на подсчете людей, умерших в определенном возрасте. В каждой возрастной группе отдельно считаются люди, похороненные родителями и поминаемые супругами. Затем строится график соотношения возраста и числа умерших с двумя кривыми, обозначающими заказчиков надписей (родителей или супругов). Точка пересечения этих кривых указывает на средний возраст вступления в брак. Поскольку среди заказчиков эпитафий центурионов часто встречаются вольноотпущенники или наследники вне родственного круга, для более точного определения их брачного возраста представляется необходимым добавление третьей кривой (рис. 1).

Рис. 1. Заказчики эпитафий для центурионов

Итак, точка пересечения кривых, обозначающих количество центурионов, поминаемых родителями и женами, указывает на возрастной промежуток 30–39 лет. Однако, начиная с этого возрастного диапазона и до 49 лет, наблюдается возрастание численности не только центурионов, похороненных супругами, но и тех, чью память почтили вольноотпущенники и другие наследники. Одновременное возрастание двух кривых и их второе пересечение в точке 60–69 лет фактически иллюстрирует общую статистику соотношения семейных и холостых центурионов, представленную выше. Это подтверждает, что брачные союзы действительно создавала только половина центурионов. Их средний возраст на момент вступления в брак по данному графику (с небольшим округлением) составляет 35–45 лет. Это значительно превышает брачный возраст гражданских мужчин, создававших семьи в 25–30 лет⁴⁶, но совпадает с показателями, подсчитанными С. Фанг для рядовых

⁴⁴ Phang 2001, 177.

⁴⁵ Saller 1987; Shaw 1987.

⁴⁶ Saller 1987, 34.

солдат, которые начинали обзаводиться семьями в 37 лет⁴⁷. Отметим, что самым почтенным был возраст примипила Элия Клавдиана, заключившего брак предположительно со своей вольноотпущенницей Элией Ирэной в 64 года (CIL VI, 3551).

Поздние браки центурионов предполагают существенную разницу в возрасте между ними и их женами. Большая разница в возрасте между супругами в целом характерна для «средиземноморского» типа брака и была распространена в семьях обычных римских граждан⁴⁸. Тем не менее этот демографический аспект семьи центуриона весьма примечателен, поскольку выбор в качестве супруги женщины детородного возраста с высоким социальным статусом может свидетельствовать о намерении жить именно в браке и воспитывать детей. Такое намерение, как было отмечено выше, отличает римский брак от других форм сожителства.

Что касается детей центурионов, то в эпитафиях они упоминаются достаточно редко. Всего известно 86 детей из 52 надгробных надписей. По этим данным, среднее число детей в семьях центурионов составляет 1,5 для I–II вв. н. э. и 1,8 для начала III в. н. э. Мальчики встречаются чаще, чем девочки, в соотношении 129:100, что значительно выше естественного уровня, составляющего 105 мальчиков на 100 девочек⁴⁹. Такие показатели, возможно, связаны с традициями поминовения. Мужчины чаще упоминаются на памятниках, посвященных их кровным семьям, в то время как женщины преимущественно встречаются в контекстах семей их мужей.

В самом деле, некоторые дочери центурионов известны из эпитафий, созданных их супругами. Процитируем для примера паннонскую надпись II в. н. э.: «... Ульпии Антонилле, дочери Ульпия Кандидиана, центуриона, Тит Элий Верин, декурион колонии Аквинцензий, фламин, дуумвир, жрец города Рима, супруге благочестивейшей, которая прожила 24 года» (CIL III, 3368)⁵⁰. Обычно при имени римской гражданки указываются только *praenomen* и *cognomen* ее отца⁵¹. В таком случае родство с центурионом установить было бы сложно. Поэтому нехарактерное для эпиграфической традиции указание должности отца в данной надписи действительно позволяет предположить, что дочери центурионов недостаточно представлены в эпитафиях в силу культурных норм, и реальное соотношение девочек и мальчиков в семьях центурионов было близким к естественному уровню. Также примечательно в данной надписи свидетельство о браке дочери центуриона с представителем муниципальной аристократии. Для заключения подобного брака требовалось хорошее приданое. Упоминание Титом Элием Вериним имени и должности своего тестя в эпитафии, также нетипичное в поминальных практиках, может служить признаком взаимоуважительных отношений тестя и зятя и отсутствия серьезных конфликтов между ними. Поэтому нет оснований предполагать наличие споров о приданом в семье этого центуриона. Назначение центурионом приданого дочери свидетельствует о том, что офицер признавал ее своим законным ребенком. Кроме того, само стремление Тита Элия Верина сохранить память о браке с дочерью центуриона указывает, что их союз был социально одобряемым, и статус Ульпии Антониллы соответствовал положению ее мужа.

⁴⁷ Phang 2001, 167.

⁴⁸ Saller 1987, 34.

⁴⁹ Phang 2001, 299.

⁵⁰ Здесь и далее перевод наш, если не указано иное.

⁵¹ Caldelli 2015, 583.

Должность отца рядом со своим именем указывали и сами женщины при заказе надгробных надписей. Например, в эпитафии II–III вв. н. э. из Мезии сообщается: «Ульпий Гортензий прожил 20 лет, и Ульпий Балимбер прожил 18 лет. Коккея Гортензия, дочь Коккея Гортензия, центуриона XI Клавдиева легиона, жена Ульпия Балимберия, принцепса I Италийского легиона, сыновьям благочестивейшим сделала» (AE 1988, 1003). Упоминание должности отца Коккеи Гортензии может свидетельствовать о важности его звания для ее самоидентификации и демонстрации социального статуса. Маловероятно, что подобная гордость происхождением из семьи центуриона могла быть у незаконнорожденного ребенка.

Происхождением из семьи центуриона гордились и сыновья этих офицеров. Так, в почетной надписи италийского муниципального аристократа Гая Фабия подчеркивается, что не только его отец, но и его дед носили титул примипилара (CIL XIV, 349). Если дочерям отец-центурион мог обеспечить достойное приданое, как показывает случай с Ульпией Антониллой, то сыновья, по-видимому, получали возможности для быстрого развития карьеры. Гай Нервилий Юст, сын флотского центуриона, начал военную карьеру не во флоте, подобно отцу, а в привилегированной преторианской гвардии (AE 1978, 257). Луций Сервий Сабин, сын примипила, пошел по стопам отца и стал центурионом VI Победоносного легиона (AE 1903, 77). Гай Валерий Плавтиан, также сын примипила, перешел в сословие римских всадников и стал представителем муниципальной аристократии, исполняя должности понтифика и дуумвира (AE 1957, 294). Пример блестящей карьеры и личных достоинств сына примипилара приводит Тацит при изложении биографии Гельвидия Приска: «Гельвидий Приск родился... от отца примипилария. Как гражданин и сенатор, как муж, зять и друг, он был всегда неизменен: презирал богатство, неуклонно соблюдал справедливость и не ведал страха» (Tac. Hist. IV. 5. Пер. Г.С. Кнабе). Однако карьерные перспективы сыновей центурионов не ограничивались только возможностью занять место в сенате. Сын и внук центурионов, Тит Флавий Веспасиан, стал императором Римской империи (Suet. Vesp. 1).

Высокий социальный статус детей центурионов и гордость некоторых из них своим семейным происхождением предполагает их рождение в законном браке. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что все центурионы имели право вступать в законный брак и производить на свет законнорожденных детей на протяжении всего периода военной службы. Немногочисленность женатых центурионов и их поздние браки свидетельствуют, что определенные ограничения для создания семьи существовали. Тем не менее эти ограничения могли быть связаны не только с отсутствием права *conubium*, но и со спецификой служебной деятельности этих офицеров, предполагавшей частые переезды и исполнение многих обязанностей. В тех случаях, когда подобные препятствия удавалось преодолеть, семьи центурионов выглядят юридически признанными, отличаются высоким социальным положением и следуют традиционным римским ценностям благочестия (*pietas*) и единодушия (*concordia*), что можно проиллюстрировать следующей эпитафией: «Богам Манам. Гай Юлий Валент, сын Гая, центурион V Македонского легиона, родом из Амасии, прожил 50 лет, прослужил 30 лет. Валерия Фронтиня супругу и Юлия Адриана, Юлий Юлиан, Гай Юлий Валентин, дети, отцу благочестивейшему [памятник] поставили» (CIL III, 14214, 10).

Таким образом, исследование социальных и демографических аспектов семей центурионов не приводит к однозначному решению проблемы их правового статуса. Тем не менее высокое социальное положение жен и детей этих офицеров при общей редкости заключения браков центурионами, по-видимому, подтверждает теорию С. Фанг. Тогда следует признать, что центурионы получали *ius conubii* только по достижении срока службы, необходимого для почетной отставки. В таком случае социальная неоднородность офицерского состава дополняется очередной характеристикой, связанной с правом и возможностью создать официально признанную семью.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Allason-Jones, L. 2005: *Women in Roman Britain*. 2nd ed. York.
- Caldelli, M.L. 2015: Women in the Roman World. In: Ch. Bruun, J. Edmondson (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Epigraphy*. Oxford, 582–604.
- Campbell, J.B. 1994: *The Roman Army, 31 BC – AD 337: A Sourcebook*. London; New York.
- Carrié, J.-M. 1989: Il soldato. In: A. Giardina (ed.), *L'uomo romano*. Bari, 105–106.
- Carroll, M. 2006: *Spirits of the Dead: Roman Funerary Commemoration in Western Europe*. Oxford.
- Cherry, D. 1989: Soldiers' Marriages and Recruitment in Upper Germany and Numidia. *Ancient History Bulletin* 3, 128–130.
- Cherry, D. 1985: *The Marriage of Roman Citizens and Non-Citizens: Law and Practice*. PhD Dissertation. Ottawa.
- Crook, J.A. 1967: *Law and Life of Rome*. Ithaca. New York.
- Davenport, C. 2012: Soldiers and Equestrian Rank in the Third Century AD. *Papers of the British School at Rome* 80, 89–123.
- Dobson, B. 1970: The Centurionate and Social Mobility during the Principate. In: C. Nicolet (ed.) *Recherches sur les structures sociales dans l'Antiquité classique*. Caen 25–26 avril 1969. Paris, 99–116.
- Dobson, B. 1974: The Significance of the Centurion and Primipilaris in the Roman Army and Administration. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II. 1, 392–434.
- Foubert, L. 2013: Female travellers in Roman Britain: Vibia Pacata and Julia Lucilla. In: E.A. Hemelrijk, G. Woolf (eds.), *Women and the Roman City in the West*. Leiden–Boston, 391–403.
- Friedl, R. 1996: *Der Konkubinat im kaiserzeitlichen Rom: von Augustus bis Septimius Severus*. Stuttgart.
- Greene, E.M. 2011: *Women and Families in the Auxiliary Military Communities of the Roman West in the First and Second Centuries AD: PhD Dissertation*. University of North Carolina. Chapel Hill.
- Grubbs, J.E. 2002: *Women and the Law in the Roman Empire: A Sourcebook on Marriage, Divorce and Widowhood*. London.
- Hassall, M. 1999: Homes for Heroes: Married Quarters for Soldiers and Veterans. In: A. Goldsworthy, I. Haynes (eds.), *The Roman Army as a Community*. Portsmouth, 35–40.
- Hoffmann, B. 1995: The Quarters of Legionary Centurions of the Principate. *Britannia* 26, 107–152.
- Jung, J.H. 1982: Das Eherecht des römischen Soldaten. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II. 14, 302–346.
- Keppie, L. 1984: *The Making of the Roman Army*. London.
- Makhlayuk, A.V., Negin, A.E. 2021: *Povsednevnyaya zhizn' rimskoy armii v epokhu Imperii*. St. Petersburg.

- Махлаюк, А.В., Негин, А.Е. 2021: *Повседневная жизнь римской армии в эпоху Империи*. СПб.
- Mander, J. 2013: *Portraits of Children on Roman Funerary Monuments*. Cambridge.
- Manklow, C.H. 2020: *Standing by the Standards: Military Rank and Social Status in the Roman West from Augustus to Diocletian: PhD Dissertation. University of Cambridge*. Cambridge.
- Phang, S.E. 2002: The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A. D.): Culture, Law, and Practice. *Journal of Family History* 27.4, 352–373.
- Phang, S.E. 2001: *The Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235): Law and Family in the Imperial Army*. Leiden.
- Rawson, B. 2003: *Children and Childhood in Roman Italy*. Oxford.
- Saller, R. 1987: Men's Age at Marriage and Its Consequences in the Roman Family. *Classical Philology* 82, 21–34.
- Scheidel, W. 1997: Brother-Sister Marriage in Roman Egypt. *Journal of Biosocial Science* 29, 361–371.
- Shaw, B. D. 1987: The Age of Roman Girls at Marriage: Some Reconsiderations. *Journal of Roman Studies* 77, 30–46.
- Shaw, B. D. 2002: 'With Whom I Lived': Measuring Roman Marriage. *Ancient Society* 32, 195–242.
- Summerly, J. R. 1992: *Studies in the Legionary Centurionate: PhD Thesis. Durham University*. Durham.
- Treggiari, S. 1991: *Roman Marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian*. Oxford.
- Ward, G. A. 2012: *Centurions: The Practice of Roman Officership: PhD Dissertation. University of North Carolina*. Chapel Hill.
- Watson, G. R. 1969: *The Roman Soldier*. New York–Ithaka.
- Wells, C. M. 1998: Celibate Soldier: Augustus and the Army. *American Journal of Ancient History* 14.2, 180–190.

TOWARDS THE IUS CONUBII OF ROMAN CENTURIONS

Elena S. Ivanova

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russia*

E-mail: ivelina777@yandex.ru

The article examines the issue of the right of Roman centurions to legal marriage. Based on epigraphic data and legal sources, the social and demographic aspects of these officers' families are studied to identify signs of their legal recognition or its absence. It is established that many centurions' families are distinguished by high social status and appear to be legally recognized. At the same time, a general rarity of marriage among centurions and their late marital age are revealed. Taking into account the ambiguity of the evidence, a cautious conclusion is made that centurions gained the right to formalize a legal marriage upon reaching the term of service required for honourable discharge.

Keywords: centurions, roman marriage, ius conubii, "marriage ban", Latin epigraphy.

Problemy istorii, filologii, kul'tury

3 (2026), 176–192

© The Author(s) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-176–192

Проблемы истории, филологии, культуры

3 (2026), 176–192

© Автор(ы) 2026

ИСТОРИЯ БЕЗ ИСТОРИКА: «ORIGO GENTIS ROMANAE» КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК В ПОЗДНЕРИМСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Д.В. Кареев

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

E-mail: dima75ru@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4911-0633

В статье впервые в отечественной историографии предпринята попытка изучения различных подходов к датировке, авторству и структуре одного из важнейших источников поздней античности – «Origo gentis Romanae», а также его места среди языческой позднеримской литературы. Именно через раскрытие этих вопросов можно вплотную подойти к рассмотрению «Origo gentis Romanae» как самостоятельного и отдельного произведения, а не только как части корпуса текстов, приписываемых Сексту Аврелию Виктору, на чем во многом настаивает зарубежная историография.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, латинская языческая историография, «Origo gentis romanae», Секст Аврелий Виктор, бревиарий, эпитама

ВВЕДЕНИЕ

Латинская языческая литература IV–V вв., за исключением фундаментального труда Аммиана Марцеллина, еще совсем недавно воспринималась как литература исключительно вторичная, лишенная какой-либо внятной исторической концепции. Считалось, что авторы этих работ никак не проявляют себя как самостоятельные историки, оставаясь бездумными компиляторами более выдающихся трудов прошлого. Во многом такое негативное мнение среди современных историков было сформировано и тем историческим контекстом, в котором жили эти авторы. Традиционно поздняя Римская империя в исторической науке воспринималась как эпоха упадка, не способная продемонстрировать свое лицо, а лишь готовившая следующий принципиально новый период развития. Естественным образом, подобный взгляд распространялся и на литературу того времени. Но благодаря появлению такого понятия как «долгая античность», в

Данные об авторе. Дмитрий Валериевич Кареев – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом ИвГУ.

результате чего был введен, по сути, новый этап в истории изучения древнего мира вообще и Римской империи в частности, эту концептуальную установку на сегодняшний день во многом удалось преодолеть¹.

Латинская языческая историография периода поздней Римской империи представляет собой, в какой-то степени, символический культурный феномен той эпохи, когда Рим переживал свое последнее политическое, административное и культурное возрождение: этому возрождению усиленно способствовали реформы Диоклетиана и Константина, которые продолжались в течение примерно полувека до конца царствования Феодосия Великого. Соответственно, отталкиваясь от этого контекста, все исторические работы языческих латинских авторов были объединены единой перспективой и целью. Как в случае Аммиана Марцеллина, Евтропия и Феста, их перспектива охватывала долгую историю Рима, от его основания вплоть до современных им дней, в случае Секста Аврелия Виктора, безымянного автора «Эпитомы из Цезарей» и «Scriptores Historiae Augustae» с самого начала правления либо Октавиана Августа, либо Адриана и также до современной им эпохе. Цель же их состояла в том, чтобы продемонстрировать преемственность истории Рима в его этических ценностях, политических институтах и военном авторитете, и предложить эту преемственность в качестве модели для империи и ее будущего².

Убедительные аргументы в пользу того, что эти историки и биографы не были простыми компиляторами сведений из прошлого, а имели свою достаточно четко обозначенную в их произведениях индивидуальность, эрудированность и тонкое знание греческой и латинской литературы, выдвинул еще в первую половину 1970-х гг. В. ден Бозр³. В дальнейшем, позиция В. ден Бозра по этому вопросу была закреплена в целом ряде статей и монографий⁴.

Не стали здесь исключениями и те исторические работы, авторство которых не поддается точной идентификации, что автоматически ставит вопрос о времени их создания. Среди таковых наибольший интерес вызывает трактат, получивший у историков условное название «Origo gentis Romanae». Этот текст является сборником из двадцати трех глав, который вместе с так же анонимным «De viris illustribus» и точно принадлежащим Сексту Аврелию Виктору «Liber de Caesaribus» составляет в рукописях единый корпус, из которого «Origo gentis Romanae» представляет собой первую его часть⁵.

Один из кодексов «Origo gentis Romanae» был обнаружен в Королевской библиотеке в Брюсселе еще в 1850 г. Т. Моммзеном и, в дальнейшем, введен в научный оборот⁶. С тех пор началось последовательное его изучение в западной историографии наряду с произведениями Секста Аврелия Виктора или приписывающихся ему. Вопросы, поднимавшиеся в этих исследованиях, были и остаются на сегодняшний день традиционными, но от этого не потерявшими свою актуальность, начиная от авторства и времени создания текста и до,

¹ Brown 1971, 29–45; Marcone 2008, 4–19; James 2008, 20–30.

² Bonamente 2003, 85.

³ Boer 1972, 187.

⁴ Из последних подобных исследований особенно следует отметить: Stover, Woudhuysen 2023, 418–420.

⁵ Richard 1983, 7.

⁶ Mommsen 1877, 26.

чрезвычайно важного вопроса, связанного с источниковой базой «Origo»⁷. Здесь следует упомянуть и активную деятельность, связанную с переводом «Origo» на европейские языки⁸. В рамках же отечественной историографии наблюдается критически малое число исследований, посвященных данному трактату. По сути, единственной обстоятельной работой до сих пор остается статья В.С. Соколова, опубликованная в 1963 г.⁹, и его же перевод «Origo gentis Romanae», выполненный в 1964 г., который нуждается в значительных уточнениях¹⁰.

Основной целью данной статьи является изучение различных подходов к датировке, авторству и структуре «Origo gentis Romanae», а также его места среди языческой позднеримской литературы. Именно через раскрытие этих вопросов можно вплотную подойти к рассмотрению «Origo gentis Romanae» как самостоятельного и отдельного произведения, а не только как части корпуса текстов, приписываемых Сексту Аврелию Виктору, на чем, во многом настаивает зарубежная историография.

Рассмотрим в начале, какое место «Origo gentis Romanae» занимает в структуре реальных или приписываемых Аврелию Виктору исторических произведений.

I. «ORIGO GENTIS ROMANAE» В СОСТАВЕ Т.Н. КОРПУСА СОЧИНЕНИЙ СЕКСТА АВРЕЛИЯ ВИКТОРА

Две рукописи XV в. – Codex Bruxellensis (Pulmanni) и Codex Oxoniensis – сохранили для нас корпус, включающий три небольших произведения: 1) «Origo gentis romanae»; 2) «Liber de viris illustribus urbis Romae»; 3) «Historiae abbreviate» Секста Аврелия Виктора, более известная как «Liber de Caesaribus». «Liber de viris illustribus» также дошла до нас в другой традиции, в которой отсутствуют последние девять жизнеописаний (Цезаря, Октавиана, Катона, Цицерона, Брута, Кассия, Секста Помпея, Марка Антония, Клеопатры) и которая отличается также в других отношениях. В современной историографии господствует точка зрения, что некий неизвестный составитель этого трехчастного корпуса написал пространное предисловие, которое во всех изданиях фигурирует именно как вступление к «Origo gentis romanae»¹¹. Как мы видим из этого предисловия, в нем имеется достаточно четкая цель:

«A Iano et Saturno conditoribus, per succedentes sibimet reges, usque ad consulum decimum Constantii, digesta ex auctoribus Verrio Flacco, Antiate (ut quidem idem Verrius maluit dicere, quam Antia), tum ex annalibus pontificum, dein Cincio, Egnatio, Veratio, Fabio Pictore, Licinio Macro, Varrone, Caesare, Tuberone, atque ex omni priscorum historia; proinde ut quisque neotericorum asseveravit, hoc est et Livias et Victor Afer».

А. Момильяно, ссылаясь на независимую рукописную традицию, полагает, что составитель корпуса также вырезал большую часть первой главы «De viris illustribus» и включил ее в заключительную XXIII главу «Origo», в которой мы читаем:

⁷ Momigliano 1958, 56–73; Puccioni 1958, 211–223; Smith 2005, 97–136.

⁸ Pseudo-Aurelius Victor 1983, 75–105; Haniszewski, Karas, Koch, Parobek, Pratt, Serwicki 2004, 1–19.

⁹ Соколов 1963, 62–75.

¹⁰ Секст Аврелий Виктор 1964, 197–240.

¹¹ Momigliano 1958, 56

«*Sed horum omnium opinionibus diversis repugnat nostrae memoriae proclamans historia Liviana, quae testatur, quod auspicato Romulus ex suo nomine Romam vocavit muniretque moenibus edixit, ne quis etc*»¹².

По мнению А. Момильяно, связь между этими словами и словами предисловия очевидна, поскольку эти два отрывка, взятые вместе, не только свидетельствуют о вмешательстве составителя, но и говорят кое-что о целях, образовании и, возможно, также о датах жизни этого человека¹³. К тому же, последняя XXIII глава «Origo» обрывается на фразе, продолжение которой мы находим уж во II главе «Liber de viris illustribus»¹⁴. Историк приходит к выводу, что составитель корпуса не идентичен автору так называемого «Origo». Автор корпуса критически смотрит на «Origo», как доказывают приведенные выше слова, в которых он противопоставляет традицию Тита Ливия как лучшую традицию писателям-республиканцам, столь обильно упоминаемым в так называемом «Origo»¹⁵. А. Момильяно убежден, что составитель не может быть идентичен и Аврелию Виктору, который писал на латыни гораздо лучше и, к тому же, фигурирует как «neotericus» в предисловии. Составитель собрал воедино три текста, но не написал ни один из них, для того чтобы создать то, что он назвал «*Origo gentis romanae a Jano et Saturno conditoribus per succedentes sibimet reges, usque ad consulatum decimum Constantii*». Из этого отрывка ясно, что «Origo gentis romanae» – это название не первого трактата, а всего трехчастного корпуса. Настоящее «Origo gentis romanae» – это не так называемое «Origo», а история Рима от его истоков до 360 г. н.э.¹⁶

С точкой зрения А. Момильяно согласен и В.С. Соколов, который высказывает более радикальный взгляд на предисловие к «Origo». Он считает, что оно вообще не принадлежит к античности, поскольку «в нем есть грубая ошибка грамматического порядка (*maluit dicere* вместо *maluit dici*); кроме того, сам Аврелий Виктор едва ли упомянул бы здесь самого себя». В конечном итоге, эти факты заставляют отечественного исследователя «предположить, что подзаголовок был составлен в XVI в. первым издателем сочинений Аврелия Виктора Андреем Скоттом»¹⁷.

Другую точку зрения высказал Дж. Пуччиони: предисловие не является общим для всего корпуса, а только исключительно для «Origo», поскольку в большинстве случаев содержащаяся в нем информация относится только к «Origo», источники которого оно перечисляет¹⁸. С ним также соглашается С. д'Элиа, считая, что структура корпуса в том виде, в каком она дошла до нас, отличается от той, которую оглашал его титул¹⁹. Действительно, автор этого предисловия проводил различие между «Origo», с одной стороны, и «De viris illustribus» и «De Caesaribus» Аврелия Виктора, с другой. Ж.-К. Ришар, переводчик «Origo gentis romanae», на это возражает, что этот контраст, отнюдь не преднамеренный, а отражает фактическую ситуацию, которая обусловлена доксографическим

¹² Momigliano 1958, 57. Следует отметить, что в современных критических изданиях текста «Origo» эта фраза удалена.

¹³ Momigliano 1958, 57.

¹⁴ Соколов 1963, 63. В современных переводах эта фраза также удалена из текста «Origo», как более поздняя интерполяция, хотя В.С. Соколов включает ее в свой перевод.

¹⁵ Momigliano 1958, 57.

¹⁶ Momigliano 1958, 58.

¹⁷ Соколов 1963, 62.

¹⁸ Puccioni 1958, 219.

¹⁹ D'Elia 1965, 108.

характером «Origo», а также отсутствием в последующих текстах каких-либо ссылок на источники, использованных их авторами²⁰. Это несоответствие также использовалось в поддержку теории, согласно которой предисловие и «Origo» были делом рук одного и того же человека. Ж.-К. Ришар приводит следующие аргументы о несостоятельности данной гипотезы. По его мнению, в предисловии, той его части, относящейся к «Origo», перечислено значительно меньше авторов, чем цитируется в самом произведении. Кроме того, Веррий Флакк, Гней Эгнаций Вераций и Варрон, в дальнейшем нигде не упоминаются в книге. То есть, предисловие – это работа некоего ученого, которому пришла идея объединить в единое целое три книги, которые, непрерывно повествовали о римской истории вплоть до 360 г. н.э.²¹

Таким образом, делая здесь промежуточный вывод из вышеприведенных точек зрения, мы согласны с тем, что автор «Origo gentis romanae» не идентичен тому человеку, который выступил в качестве компилятора единого корпуса из трех сочинений. Не является им и Секст Аврелий Виктор, упомянутый в предисловии, поскольку стиль, применяемые методы изложения материала и работа с источниками являются абсолютно разными и строго индивидуальными для каждого из этих трех трактатов. Однако, вполне возможно допустить, что предисловие, или по крайней мере, какая-то его часть действительно относится к оригинальному тексту «Origo», задающее определенные концептуальные установки неизвестного автора, тем более что без подобного предисловия не обходилось ни одно историческое сочинение античности. В нем упомянуты те источники, которыми активно воспользовался, автор «Origo». Тот факт, что некоторые авторы не упомянуты в дальнейшем повествовании, можно легко объяснить тем, что мы не обладаем полным текстом «Origo», обрывающимся на версиях убийства Рема. Вполне возможно допустить, что эта книга рассказывала и о дальнейших событиях римской истории. По нашему мнению, в случае с предисловием мы наблюдаем те же самые вмешательства неизвестного компилятора, который попытался связать два абсолютно разных текста, как мы видели ранее, а именно «Origo gentis romanae» с «Liber de viris illustribus urbis Romae». Фраза «*usque ad consulatum decimum Constantii*» как раз и может быть такой вставкой, связывающей «Origo gentis romanae» уже с «De Caesaribus» Аврелия Виктора. Обстоятельством, подтверждающим факт вмешательства компилятора, может служить точно такая же фраза из введения к историческому труду того же Аврелия Виктора – «*usque ad consulatum decimum Constantii Augusti*», которую он, скорее всего, и перенес, для связности, в предисловие к корпусу. Вводящая здесь в некоторое недоумение современных историков фраза «*proinde ut quisque neotericorum asseveravit*» также вполне укладывается в концепцию автора «Origo». Упоминание неотериков, кружка поэтов I в. до н.э. или «новейших», как их называл Цицерон, далеко не случайный факт. Они весьма органично вписываются в круг источников «Origo» и уже в силу этого достойны упоминания. К тому же, слово «neotericus» было популярно в IV–VI вв. Поэтому безымянный автор понимает «neotericus» как писателей эпохи Августа или после Августа²². Кроме того, од-

²⁰ Richard 1983, 11.

²¹ Richard 1983, 12.

²² Momigliano 1958, 58–59.

ной из составляющих творчества неотериков было увлечение мифологической ученостью²³, как раз то, чем и занимается анонимный автор «Origo» в своей работе. При этом, если вспомнить вступление к «Ab Urbe condita» Тита Ливия, то там мы найдем любопытные параллели. Ливий утверждает, что «рассказы о событиях, предшествовавших основанию Города и еще более ранних, приличны скорее творениям поэтов, чем строгой истории, и того, что в них говорится, я не намерен ни утверждать, ни опровергать. Древности простительно, мешая человеческое с божественным, возвеличивать начала городов» (Liv. I. Praef. 6)²⁴. В этих словах мы можем прочесть последующее развитие концепции автора «Origo», направленной на «научное» объяснение мифологических основ римского государства. Остается упоминание имени «Victor Afer». Соблазн видеть здесь Секста Аврелия Виктора историка африканского происхождения очень велик, и скорее всего, это он и есть. Составитель корпуса снова здесь выстраивает своеобразный мостик между текстами корпуса и сознательно вводит имя этого историка в текст предисловия, чтобы подчеркнуть преемственность и неразрывность всех трех произведений.

Наконец, неслучайно употребление и самого слова «origo» в названии анонимного сочинения. Как справедливо заметил А. Момильяно, его значение в качестве исторического произведения восходит к недошедшим до нас «Origines» Катона Старшего²⁵. Позднейшие авторы осознавали ценность названия труда Катона. Так, Секст Помпей Фест, римский грамматик II в. н. э., автор труда «De verborum significatu» замечает: «*Originum libros quod inscripsit Cato, non satis plenum titulum propositi sui videtur amplexus*»²⁶. Одна из частей «Хронографа 354 года», где кратко излагается Римская история от Пика и Фавна до императора Лициния, называется «Origo gentis Romanorum»²⁷.

II. ДАТА СОСТАВЛЕНИЯ «ORIGO GENTIS ROMANAE»

Датировать «Origo» еще более сложная задача, чем устанавливать его индивидуальность как текста в т.н. общем корпусе сочинений Аврелия Виктора. Здесь встает закономерный вопрос, рассматривать ли «Origo» как некий оригинальный текст и, соответственно, датировать его отдельно от всего корпуса, либо связывать время его создания и редактуры с работой неизвестного компилятора.

Наиболее раннюю датировку «Origo» обосновывает В.С. Соколов. Его аргументы основываются на источниках, которые использует автор «Origo». Он считает маловероятным, что «Origo gentis romanae» – продукт исторической мысли поздней античности. По его мнению, «оно могло быть взято в готовом виде из какой-нибудь работы, сохранившейся от прежнего времени, по-видимому, не раньше I в. н. э. и не позже, что нам кажется достоверным, поскольку указанные в нем источники принадлежат главным образом ко II и I вв. до н.э.»²⁸.

Однако в современной историографии в большинстве случаев принято рассматривать датировку «Origo» без отрыва от всего корпуса сочинений Аврелия

²³ Дуров 2022, 215.

²⁴ Пер. В.М. Смирнова.

²⁵ Momigliano 1958, 58.

²⁶ Momigliano 1958, 58.

²⁷ Momigliano 1958, 58.

²⁸ Соколов 1963, 74.

Виктора. Следует отметить, что еще одно сочинение этого корпуса, а именно «De viris illustribus» так же не имеет точной датировки. Но третий текст, сочинение Аврелия Виктора «De Caesaribus» четко датируется 360 г. Поэтому, по мнению А. Момильяно, именно 360 г. представляет собой *terminus post quem* для составления корпуса и является приблизительной датой этой компиляции. Однако трудно понять, почему составитель, если он принадлежал к более позднему периоду, решил представить римскую историю вплоть до такой неудобной даты, которая даже не является концом правления какого-либо императора. А. Момильяно отмечает, что на первый взгляд составитель, это, по-видимому, человек, живший немногим позже 360 г. На это указывают два обстоятельства: во-первых, он использует термин «*neotericus*», так же, как и Иероним Стридонский, и, во-вторых, знает, что Аврелий Виктор был африканцем. Возражением против этой даты и отнесение составления корпуса к более позднему периоду, к первой половине V в. может быть то, что существуют хорошо задокументированные интерполяции из Евтропия и Павла Орозия, которые были вставлены в текст «De viris illustribus» в том виде, в каком он представлен в корпусе. Эти вставки не встречаются в независимой рукописной традиции «De viris illustribus». И если мы приписываем эти интерполяции составителю корпуса, то он должен быть старше 417 г. н.э., то есть даты составления «*Historiae adversus paganos*» Орозия²⁹. Но А. Момильяно считает, что отождествление составителя корпуса с интерполятором «De viris» является ненужным и почти наверняка неправильным. На это указывает то, что интерполятор использовал для своей работы не оригинальные тексты Евтропия и Орозия, а отрывки их работ, которые можно найти в «*Historia Romana*» («*Historia Miscella*») лангобардского историка X–XI вв. Ландульфа Сагакса. Следовательно интерполятор должен был жить позже 1020 г., приблизительной даты работы Ландульфа Сагакса, и, следовательно, должен отличаться от составителя корпуса, который по своим лингвистическим и культурным особенностям безошибочно считается современником Иеронима Стридонского³⁰.

Дж. Пуччиони предлагает значительно более позднюю датировку и относит объединение наших трех текстов ко второй половине VI в., однако полагает, что сам текст «*Origo*» был написан между 350–400 гг.³¹ Засвидетельствованный для IV в. сохраняющийся определенный интерес к сборникам, в которых в краткой форме излагалась вся римская история, можно привести в подтверждение этой низкой хронологии³².

Ж.-К. Ришар относит составление корпуса к 580-м гг., исходя из той посылки, что еще до конца VIII в. существовало рукописное единство двух произведений, а именно «*Liber de Caesaribus*» и «*Epitome de Caesaribus*», приписываемых одному автору Сексту Аврелию Виктору, и обе книги когда-то оказались объединенными в одном историческом сборнике. Так, в «*Historia Langobardorum*», завершенной до 796 г., Павел Диакон приводит цитату Аврелия Виктора, которая содержится как в «De Caesaribus», так и в «*Epitome de Caesaribus*», в то время как в его «*Historia Romana*», датируемой не позже 782 г., присутствует три цитаты из «*Epit-*

²⁹ Momigliano 1958, 59.

³⁰ Momigliano 1958, 59.

³¹ Puccioni 1958, 222–223.

³² Brown 1971, 29–30.

ome de Caesaribus». Из того факта, что имя Аврелия Виктора нигде не упоминается в «Historia Romana» Ж.-К. Ришар делает следующие выводы. С одной стороны, все происходит так, как если бы Павел Диакон не знал «De Caesaribus», а только «Epitome de Caesaribus», несомненно, еще в его эпоху, приписываемую Аврелию Виктору. С другой стороны, явного дисбаланса в цитировании, характерного для «Historia romana», достаточно, чтобы установить, что уже в третьей четверти VIII в. кодикологическое целое этих двух исторических сочинений перестало существовать. Но это единство все еще существовало в 559 г., когда Иоанн Лид написал свой «De Magistratibus reipublicae Romanae», в котором он цитирует как Аврелия Виктора, так и «Epitome». Таким образом, между этой датой и 782 г. наш корпус, куда входил и «Origo», по-видимому, заменил собой объединение «De Caesaribus» и «Epitome de Caesaribus», делает вывод Ж.-К. Ришар³³. Он также выдвигает гипотезу о том, что на формирование нашего общего корпуса оказало влияние как «Historiae Ecclesiasticae Tripartitae Epitome» Кассиодора, так и хорошо засвидетельствованная мода на сборники, охватывающие в сокращенной форме прошлое Рима³⁴.

Самую позднюю датировку «Origo» предложил Б.Г. Нибур. Он считал, что этот текст вообще нужно отнести к началу XVI в., полагая, что это не более чем как подделка, вышедшая из гуманистической среды того времени. Он рассматривал «Origo» как самостоятельное произведение, дата которого могла быть установлена без какой-либо ссылки на некий «корпус», в котором оно было передано. Однако эта гипотеза была успешно опровергнута еще во второй половине XIX в. Аргументы против датировки Б.Г. Нибура были следующие: уникальное использование имени Геракла Rescarius в главе VI «Origo» нигде больше не встречается, но подтверждается именем Garanus в обширных комментариях к Вергилию римского грамматика IV в. Сервия, которые были впервые опубликованы только в 1600 г.; список колоний, выведенных в правление Латина Сильвия в главе XVII, можно сравнить только со списком, который есть у Диодора, но наш единственный источник, упоминающий этот факт, приводится в армянском переводе Евсевия, ставшим известным также только в 1817 г.; фраза Рема в главе XXIII «*multa, inquit, in hac urbe temere sperata atque praesumpta felicitasime proventura sunt*» повторяется только в «Excerpta vaticana» Диодора, которые были обнаружены и опубликованы в 1827 г.³⁵.

В этом контексте в качестве промежуточного вывода вновь следует упомянуть «Origo gentis Romanorum» «Хронографа 354 года», который, как считает А. Момильяно, «представляет собой вульгарную и популярную компиляцию». По своей краткости и отсутствию хотя бы малейшей индивидуальности он не может сравниться с длинным, стилизованным и, в определенной степени, научным «Origo». Но название в обоих случаях одно и то же и используется с одинаковым значением «история». Структура также почти одинакова. Поэтому либо компилятор более позднего и крупного «Origo», созданного очевидно после 360 г., был вдохновлен более ранним и меньшим «Origo», созданного до 354 г., либо оба отражают некую общую модель. Т. Моммзен утверждал, что более раннее и

³³ Richard 1983, 18–19.

³⁴ Richard 1983, 19.

³⁵ Momigliano 1958, 63; Richard 1983, 20–21; Smith 2005, 99.

меньшее по размеру «Origo» было известно Евтропию и Иерониму Стридонскому. Тот факт, что меньший «Origo» был предназначен для необразованных людей и, по крайней мере, в его нынешнем контексте, по своему характеру является христианским, не исключает его влияния на больший «Origo», который был составлен для образованных людей своего времени и определенно носит языческий характер. На это указывают упоминаемые в тексте «Origo» всевозможные гадания (XI. 3), оракулы (XII. 3), знаки, посылаемые богами (XIX. 4) и жертвоприношения (VIII. 4). Более ранний «Origo» вполне мог натолкнуть на мысль о том, что был необходим ученый, авторитетный и языческий «Origo», который также внес бы свой вклад в своеобразную «борьбу идей» язычества и христианства IV в.³⁶

III. СТРУКТУРА И ИСТОЧНИКИ «ORIGO GENTIS ROMANAE»

«Origo gentis romanae» представляет собой довольно цельный и структурно единый текст повествовательного характера, сравнимый с анналами. При внимательном чтении обнаруживается, что автор сюжетно разбивает его на ряд частей, каждая из которых подчинена определенной источниковой базе. По нашему мнению, текст «Origo» за исключением вступления может быть условно разделен на шесть смысловых эпизодов, каждый из которых так же обладает своей внутренней структурой, включающей в себя различные версии тех или иных событий. Схема нам здесь видится следующая.

Вступление: упоминаемые источники сведений: Марк Веррий Флакк, анналы понтификов, Гней Эгнаций Верраций, Фабий Пиктор, Лициний Макр, Марк Терренций Варрон, Гай Юлий Цезарь (историк, дед полководца и диктатора Гая Юлия Цезаря), Квинт Элий Туберон, неотирики, Тит Ливий, Секст Аврелий Виктор, упоминаемый как Виктор Афр.

Часть 1. Рассказ о том, кто первым прибыл в Италию. (1) Первая версия прибытия Сатурна (I. 1–4); (2) версия с прибытием Атенора и основание Патавии (I. 5–9); (3) версия с ребенком дочери афинского царя Эрехтеи Креусы Яном (II. 1–4) и основание Яникула; (4) вторая версия прибытия Сатурна в Италию во время правления Яна в Италии, с рассказом о том, чему научил Сатурн жителей Италии (III. 1–7). Упоминаемые источники сведений: Вергилий, неизвестный автор, написавший «Происхождение города Патавии», сам автор «Origo», написавший комментарии к «Происхождению города Патавии».

Часть 2. (1) Прибытие в Италию после «потопа» племен аборигенов (версия с происхождением этих племен и их названием), правление Пика и Фавна (Сильвана) (IV. 1–6); (2) прибытие в Италию аркадца Эвандра, сына Меркурия и Карменты, основание им Палатина, и рассказ о том чему научил Эвандр жителей Италии (V. 1–4); (3) история пастуха Рекарана или Геркулеса (две версии этого события) (VI–VII. 1–4); (4) Геркулес или Рекаран обучают исполнению священных обрядов «Потия» и «Пенария»³⁷ (ошибка автора: это роды, а не конкретные люди) (VIII.

³⁶ Momigliano 1958, 62.

³⁷ Схожая фраза о том, что это конкретные люди, а не отдельный роды, есть в «Сатурналиях» Макробия: «Поэтому, намереваясь совершить священнодействие, Геркулес запретил женщинам присутствовать [на нем] и приказал блюстителям священнодействий Политию и Пинарию, чтобы они не пускали тех [на богослужение].» (I. 12. 28. Пер. с лат. и древнегр. В.Т. Звиревича). Феодосий Макробий 2024, 50–51.

2–6). Упомянутые источники сведений: Квинт Энний, Вергилий, Тит Макций Плавт, Кассий Геминус.

Часть 3. Прибытие в Италию Энея в правление сына Латина Фавна. История спасения Энея из Трои. Две версии о спасении Энея: (1) спасся с отцом и с двумя сыновьями; (2) с одним сыном Асканием Юлом и отцом (IX. 1–3). Путешествие Энея. Упомянуты следующие события: (1) основание во Фракии города Энеума (IX. 4); (2) прибытие на остров Делос, где он взял себе в жены Лавинию, дочь жреца Аполлона Ания (IX. 5); (3) похороны кормчего Мизена в Италии (IX. 6); (4) прибытие Энея в город Кимбария (Кумы), где Сибилла предсказывает ему будущее (X. 1–2); (5) прибытие Энея в город Кайеты (X. 3–4); (6) прибытие Энея в царство Латина, в местность Лаврент (X. 5); (7) жертвы богам, основание города Лавиния (1 версия: XI. 1–3), две версии жертвоприношения богам Энея (2 и 3 версия: XII. 1–3); (8) выделение царем Латином 500 югеров земли Энею для поселения (две версии этого события: XII. 4–5); (9) несостоявшаяся битва между Латином и Энеем, дружественный союз с Энеем (XIII. 1–3); (10) строительство Лавиния (2 версия), женитьба Энея на дочери царя Латина Лавинии (ср. с IX. 5), которая до этого была посватана за Турна Гердонского (ошибка автора, на самом деле это Турн царь рутулов XIII. 4); (11) битва Энея и Латина против Турна, победа Энея и убийство Турна, объявление Энея царем (XIII. 5–7); (12) альтернативная версия гибели Турна (XIII. 8); (13) продолжение войны против рутулов; (14) битва Энея против рутулов и их союзника царя агиллеев Мезенция, три версии гибели Энея (XIV. 1–4); (15) избрание царем Аскания или Еврилеона (XIV. 5). Упомянутые источники сведений: Александр Эфесский, Лутаций Дафнис, Гай Юлий Цезарь, Вергилий, Вулкаций Сегидий, Ацилий Пизон, Семпроний Тудитан, Домиций (?), Марк Октавий, Марк Порций Катон Старший.

Часть 4. Происхождение и правление Аскания Юла, потомки Аскания Юла и их правление. (1) Война Аскания против Мезенция и его сына Лавза, гибель Лавза и бегство Мезенция (XV. 1–4); (2) происхождение Аскания и его прозвища Юл (XV. 5); (3) бегство Лавинии к начальнику стад Энея Тирру и рождение ей сына Сильвия, слухи об убийстве Лавинии Асканием, бунт против Аскания, две версии возвращения Лавинии Асканием в город (XVI. 1–5); (4) через 30 лет Асканий основывает Альбу Лонгу (XVII. 1–3); (5) смерть Аскания и борьба за власть между сыном его Юлом (?) и Сильвием Постумом, царем избирается Сильвий (XVII. 4–5), вывод колоний в правление Сильвия (XVII. 6); (6) царствование Тиберия Сильвия, сына Сильвия, его гибель в войне (XVIII. 1); (7) правление Аремула Сильвия, его высокомерие по отношению к людям и богам, две версии его гибели (XVIII. 2–4), правление Авентина Сильвия и версия его гибели в сражении (XVIII. 4). Упомянутые источники сведений: Гай Юлий Цезарь, Авл Постум, Марк Порций Катон Старший, Секст Геллий, Луций Цинций Алимонт, Квинт Элий Туберон, анналы понтификов, Лутаций Дафнис, Ацилий Пизон, Ауфидий, Домиций (?).

Часть 5. Правление царя Проки, его преемников Нумитора и Амулия. Начало истории Ромула и Рема до основания Рима. (1) Правление царя Проки, его наследники Нумитор и Амулий, раздел имущества, когда Нумитор предпочел частное имущество, Амулий царскую власть (XIX. 1–2); (2) убийство Амулием сына Нумитора, сестру убитого Рею Сильвию он приказал сделать весталкой (XIX. 3–4); (3) вторая версия с Реей Сильвией, согласно которой, Амулий в роще Марса

учинил над ней насилие, рождение близнецов и убийство Реи Сильвии (XIX. 5–6); (4) версия, с подменой Нумитором близнецов у Амулия, настоящие близнецы отданы пастуху Фаустулу (XIX. 7); (5) третья версия с Реей Сильвией, ее соблазнение богом Марсом в священной роще (XX. 1); (6) вторая версия с близнецами, согласно которой Амулий приказал отнести младенцев к реке и бросил их в воду, спасение их Фаустулом, который передал их на воспитание своей жене Акке Ларенции (XX. 2–4); (7) третья версия с близнецами согласно которой Амулий передал их для убийства рабу Фаустулу, но, упрощенный Нумитором не убивать их, отдал на прокормление знакомой ему женщине Акке Ларенции, которую звали волчицей из-за торговли своим телом (XXI. 1); (8) воспитание близнецов в Габиях, убийство Ромулом с вооруженными пастухами Амулия, восстановление во власти Нумитора, версия с происхождением имен Ромула и Рема (XXI. 2); (9) священные игры при жертвоприношениях, устроенные Ромулом и Ремом (XXII. 1); (10) вторая версия с убийством Амулия Ромулом и Ремом (XXII. 2–4). Упоминаемые источники сведений: Валерий Анциат, Марк Октавий, Лициний Макр, Фабий Пиктор, Венноний, Квинт Энний, Гай Юлий Цезарь, анналы понтификов.

Часть 6. Основание Рима. Версии. (1) Спор Ромула и Рема по поводу основания города, гадания по птицам, по совету Нумитора (XXIII. 1–4); (2) вторая версия спора, убийство Рема и Фаустула, противящихся Ромулу (XXIII. 5); третья версия спора, что Рем не был убит и жил дольше Ромула (XXIII. 6). Упоминаемые источники сведений: Лициний Макр, Гней Эгнаций Верраций.

Как мы можем убедиться, структурно «*Origó*» очень странный текст. В первой и второй части, охватывающих главы с I по VIII, обсуждаются, в основном, некоторые мифологические отрывки из «Энеиды» и их следствия для истории Италии. До шестой главы единственными явными источниками сведений являются Вергилий, Энний и Плавт. Есть только одно исключение: ссылка на некую работу «*De Origine Patavina*» и комментарии к ней, составленные самим автором «*Origó*». Все это должно настроить читателя на обсуждения в стиле «Сатурналий» Макробия, но начиная с третьей части или главы IX, рассказа о прибытии в Италию Энея мы замечаем изменения, свидетельствующие о переходе к историческому повествованию. Последний раз Вергилий упомянут только в IX. 7, когда речь идет о смерти кормчего Энея Мизена. Фактически, начиная с девятой главы и до конца идет поток ссылок на древнеримских антикваров и историков. В качестве основного источника информации Вергилия заменяют историки, главным образом республиканские. По мнению А. Момильяно, меняется и литературная форма, которая становится менее личной и дискурсивной, а ссылка на Вергилия в VII. 4 («*Quam opinionem sequi metuit noster Maro*») доказывает, что автор сознательно планирует это изменение³⁸. В определенной степени, это изменение должно быть как-то связано с устоявшейся традицией в римской историографии. Автору «*Origó*» пришлось отказаться от Вергилия, когда он перешел к повествованию об Энее, поскольку история того, рассказанная Вергилием, уже не соответствовала канонам исторического повествования.

Особенностью «*Origó*» является то, что неизвестный автор любит цитировать два или даже три источника для одной и той же точки зрения, как, например, в одной из версий основания Лавиния упоминаются Цезарь-историк и Лутаций

³⁸ Momigliano 1958, 70.

Дафнис («*ut scribit Caesar libro primo et Lutatius libro secundo*»; XI. 3), или в случае происхождения Аскания и его прозвища Юл, когда автор ссылается на того же Цезаря-историка и Марка Порция Катона Старшего («*ut scribunt Caesar libro secundo et Cato in Originibus*»; XV. 5). Терминология, которую он использует в обращении со своим источником, фиксируется практически без изменений. «Scribere», «tradere», «docere» – это те глаголы, к которым автор «Origo» предпочитает прибегать, представляя читателю свои источники. Многочисленные «at vero», разбросанные по всему тексту, служат ему знаком того, что он переходит к важному варианту традиции, которой придерживался до сих пор. Эти стилиевые особенности подпадают под то, что, по мнению П. Шмидта, следует называть тем набором методов, позволяющих смягчить разнородный и иногда противоречивый характер заметок различного происхождения и содержания, которые в ходе своего повествования анонимный автор сопоставляет, рассказывая об одном и том же событии³⁹.

Все это натолкнуло Х. Питера, на версию о том, что автор «Origo» использовал текст первой книги «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского в качестве своего основного источника, поскольку между ними действительно наблюдается значительное сходство, начиная с объяснения слова «аборигины» и, заканчивая, общей структурой истории о Ромуле⁴⁰. С ним не соглашается А. Момильяно, приводя убедительные аргументы в пользу того, что автор «Origo» никогда не зависел от Дионисия в строгом смысле слова. Так, к примеру, у обоих авторов не идентична история Эвандра, имя Никостраты, матери Эвандра, можно также найти у Плутарха, Рекаран как имя Геракла неизвестно Дионисию, у Дионисия Кайета дает свое имя мысу, а в «Origo» – гавани, и так далее⁴¹. Однако, по крайней мере, присутствует одна общая черта в расположении их материала, которую вряд ли можно считать случайной. Оба автора объективно описывают мифические и эвгемерические версии легенд: их трактовка истории о Геракле является особенно хорошим примером их общего подхода. Дионисий не был оригинален в своем отношении к раннему Риму, и можно с уверенностью предположить, что он нашел мифологические и эвгемерические версии, уже объединенные в его источниках. Это означает, что и автор «Origo», возможно, пользовался подобными книгами поскольку его ссылки на республиканских историков и антикваров кажутся подлинными.

Теория единого источника была сформулирована еще в XIX в. Х. Беренсом⁴² и нашла свое дальнейшее развитие в исследованиях П. Шмидта⁴³. Х. Беренс полагал, что анонимный автор «Origo» позаимствовал для своей брошюры текст какой-то несохранившейся работы Веррия Флакка, на том основании, что его имя стоит первым в числе тех, которые упомянуты в предисловии⁴⁴. Так же, когда дело доходит до цитат, автор «Origo» ссылается на «De verborum significatu» Веррия, или, скорее всего, на эпитому этого сочинения, выполненную Секстом Помпеем Фестом. Желая придать некоторую последовательность своей гипотезе, Х. Беренс был вынужден исправить текст предисловия, который он предлагал прочитать

³⁹ Schmidt 1978, 1594.

⁴⁰ Peter 1912, 85.

⁴¹ Momigliano 1958, 71.

⁴² Behrens 1887, 778.

⁴³ Schmidt 1978, 1611–1615.

⁴⁴ Behrens 1887, 778.

следующим образом: «*digesta Verrio Flacco ex auctoribus...*» вместо «*digesta ex auctoribus Verrio Flacco*»⁴⁵. Однако Ж.-К. Ришар нашел эти доводы Х. Беренса неубедительными⁴⁶, а А. Момильяно, на основании упоминания Веррия Флакка только в предисловии, но не в тексте «*Origo*», пришел к выводу, что «*Origo*» содержит в себе признаки сокращения⁴⁷. Действительно, трудно поверить, что Марк Веррий Флакк никогда не упоминался в тексте «*Origo*» (это касается и Гнея Эгнация Веррация и Марка Терренция Варрона, упомянутых также только в предисловии). Здесь встает вопрос о том, зачем автору «*Origo*» понадобилось добавлять эти три имени в свое предисловие, если их нет далее в тексте? Возможно, здесь мы наблюдаем работу составителя корпуса, а не собственно автора «*Origo*». Маловероятно, что он добавил эти три имени по собственному желанию просто для того, чтобы указать, что он считал их источником «*Origo*». По всей видимости, имена Веррия Флакка, Веррация и Варрона когда-то упоминались в тексте. Если это так, то они должны были встречаться в части, ныне утраченной, полагает А. Момильяно⁴⁸.

Относительно подлинности цитат «*Origo*» были приведены весомые аргументы в пользу их достоверности⁴⁹. А. Момильяно сделал предположение, что «*Origo*» восходит к источникам эпохи Августа и заключает, что во второй части «*Origo*» мы имеем свободную переработку книги, написанной при Августе или Тиберии, которая содержала ссылки на более ранних писателей⁵⁰.

IV. «ORIGO GENTIS ROMANAE» КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Попытаемся теперь рассмотреть «*Origo*» как самостоятельный источник, со своей оригинальной концепцией, которую попытался заложить в свой текст безымянный автор. Без сомнения, целью ее автора (вероятно, грамматика⁵¹) было разъяснение прошлого Рима от Януса и Сатурна до Ромула. Поэтому из того, что сказано о его источниках, возникает соблазн причислить его к составителям бревиариев и эпитом, которыми была наполнена интеллектуальная жизнь поздней античности. И здесь вновь мы сталкиваемся с проблемным вопросом авторства. Самостоятельный ли это позднеантичный текст, не дошедший до нас в полном объеме, или же это работа неизвестного компилятора, попытавшегося создать полный обзор римской истории от Яна и Сатурна до правления Констанция II? Если предположить, что это был некий компилятор, то крайне маловероятно, что составитель корпуса Аврелия Виктора действительно создал текст «*Origo*» из кропотливого изучения более ранних историков: более правдоподобно, что он сократил работу, которая опиралась на их опыт. Некоторые признаки сокращения текста действительно присутствуют в «*Origo*», однако они столь незначительны и эфемерны, что не могут являться убедительными доказательствами. К тому

⁴⁵ Behrens 1887, 779.

⁴⁶ Richard 1983, 43.

⁴⁷ Momigliano 1958, 65.

⁴⁸ Momigliano 1958, 66.

⁴⁹ Momigliano 1958, 66–70; Smith 2005, 100–103.

⁵⁰ Momigliano 1958, 71.

⁵¹ Banchich 2007, 308; Sehlmeier 2004, 22–27.

же, если считать предисловие к «Origo» относящимся только к нему, а не ко всему корпусу, то работа обозначается именно как история, а не как эпитома или бревиарий.

Термин «breviarium» наиболее близок тексту «Origo», поскольку был уместен для текстов, в которых содержалось краткое изложение темы, основанной на нескольких, чаще всего, не называемых источниках, однако неизвестный автор предпочел не обращаться к нему, в отличие от многих других произведений, где этот термин явно фигурирует и даже выносится в название работы⁵².

В случае с эпитамами мы сталкиваемся с проблемами двойного авторства, когда есть создатель оригинала и создатель эпитомы. Недавнее исследование жанра эпитом предлагает выделить четыре основные его категории: 1) сокращение одного текста; 2) сокращение одного текста с дополнительным материалом; 3) сокращение нескольких текстов одного автора; 4) сокращение нескольких текстов нескольких авторов⁵³. При этом, автор эпитомы обычно обозначает и автора сокращаемого текста. Примеров таких множество начиная с Плиния Старшего («Diophane qui ex Dionysio epitomas fecit»), Юстина («Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi»), Флора («Flori Epitomae de Tito Livio bellorum omnium annorum DCC libri duo») и заканчивая предполагаемыми современниками автора «Origo» («Incerti Auctoris Epitome De Caesaribus libellus de vita et moribus imperatorum brevatus ex libris Sexti Aurelii Victoris a Caesare Augusto usque ad Theodosium»)⁵⁴. Как правило, в большинстве случаев обозначаются оба автора, но если фигурирует только один, то гораздо более вероятно, что это оказывается тот человек, чья работа была сокращена⁵⁵. В случае с «Origo» мы не наблюдаем ничего подобного. Все это лишний раз служит доказательством оригинальности и самостоятельности автора «Origo». Это не «epitome», «breviarium» или «historiae abbreviatae», а отдельное произведение, автоматически включенное в сборник в неполном виде, обрывающимся на середине повествования. В предисловии к «Origo» мы видим (хотя и в несколько искаженном виде, как показано ранее) скорее вступление к классическому историческому труду, с перечислением источников информации, а не тех произведений, которые подвергаются сокращениям.

Как справедливо заметил К. Смит, «Origo» нервирует нас своими цитатами⁵⁶. Ближайшая аналогия к тексту «Origo» это, без сомнения, другой загадочный текст поздней античности – «Scriptores Historiae Augustae». Обилие цитат и ссылок на самые разнообразные источники так же является его характерной чертой. Однако, в отличие от «Origo», эти цитаты и источники «Scriptores Historiae Augustae» в большинстве своем вымышлены автором или авторами этого сборника биографий. Но «Scriptores Historiae Augustae» дает нам другой повод для размышлений о природе «Origo». Автор или авторы биографий императоров также сформировали корпус, как и в случае с корпусом текстов Аврелия Виктора, и, почти, наверняка, обосновали его составление и источники в предисловии к нему, ныне утраченном. Здесь мы видим во многом схожую картину. Но, кто бы

⁵² Stover, Woudhuysen 2023, 46–47.

⁵³ Stover, Woudhuysen 2023, 45.

⁵⁴ Stover, Woudhuysen 2023, 48–50.

⁵⁵ Stover, Woudhuysen 2023, 50.

⁵⁶ Smith 2005, 100.

ни были авторами «истории Августов», они реально или мнимо «сотрудничали» друг с другом в рамках текстов своего корпуса. Так, например, «Флавий Вописк» ссылается на «Треbelлия Поллиона» (SHA. Vit. Aug. II. 1), «Юлия Капитолина» и «Элия Лампридия» (SHA. Vit. Prob. II. 7), что, действительно, создает определенную логику исторического и, даже, художественного повествования. В случае же корпуса Аврелия Виктора, мы снова видим прямо противоположную картину, где полностью отсутствует сотрудничество между тремя авторами. Эти тексты как самостоятельные произведения были собраны одним компилятором, который минимально вмешался в их структуру, чтобы создать иллюзию более-менее связанного и единого повествования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать ряд выводов относительно «*Origo gentis romanae*». Во-первых, автором «*Origo*», без сомнения, был человек, который жил в современной атмосфере языческих дискуссий о Вергилии и ранней римской истории, чрезвычайно популярных в IV–V вв. Возможно, сначала он попробовал свои силы в создании комментария к труду о происхождении города Патавии («*suo loco plenissime annotavimus in commentatione, quam hoc scribere coepimus, cognita ex libro, qui inscriptus est De Origine Patavina*»; I. 6). Позже он предпринял попытку более амбициозной работы о происхождении Рима. Он разделял восхищение своих современников архаичными текстами и был убежден, что авторы эпохи Республики лучше всех разбираются в мифологическом прошлом Рима. По всей видимости, как показывает Дионисий Галикарнасский, общая схема изложения ранней истории была разработана уже во времена Августа, и автор «*Origo*» взял за правило никогда не цитировать авторов, писавших позже Августа.

Во-вторых, определенные стилистические и фактологические особенности не препятствуют отнесению «*Origo*» к 350–400 гг. н.э. Это относится, прежде всего, к упоминаемым в тексте «*Origo*» всевозможным гаданиям, оракулам, знакам, посылаемым богами, жертвоприношениям, придающим некоторую последовательность данному выводу. К тому же, образованность автора и его интересы (особенно параллели с «Сатурналиями» Макробия) позволяют предположить именно эту дату. Что касается принадлежности «*Origo*» к корпусу текстов Аврелия Виктора, то это является дополнительным элементом неопределенности и предметом постоянных дискуссий. Действительно, если формирование корпуса относится к последней трети VI в. или даже к началу следующего столетия, теоретически допустимо, что «*Origo*» появился во время создания или чуть позже «*Liber de Caesaribus*» Аврелия Виктора.

В-третьих, предисловие к «*Origo*» следует рассматривать именно как оригинальное вступление к тексту, а не ко всему корпусу текстов Аврелия Виктора. В нем мы можем увидеть переработки и вставки, сделанные неизвестным составителем корпуса в целях минимальной связности для читателя всех трех текстов.

В-четвертых, «*Origo gentis romanae*» представляет собой достаточно цельный и структурно единый текст повествовательного характера, в отличие от «*De viris illustribus*» и «*Liber de Caesaribus*» Аврелия Виктора. Его можно сравнить с анналами, или, что было более актуально для IV в., брeвиарием, хотя неизвестный

автор и не выносил в заголовок два этих термина. Сам текст насыщен ссылками на различных историков, анналистов и антикваров, главным образом, относящихся к эпохе республиканского Рима или правления Октавиана Августа, что очень редко можно встретить в исторических трудах того времени. В «Origo» присутствуют фактологические ошибки, и не всех авторов мы можем ясно идентифицировать, но он дает нам представление о том, как выглядел один из аспектов римской исторической науки в IV в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Banchich, T.M. 2007: The Epitomizing Tradition in Late Antiquity. In: J. Marincola (ed.), *A Companion to Greek and Roman Historiography*. Vol. I. Malden–Oxford–Carlton, 305–313.
- Behrens, H. 1887: Zur Origo gentis romanae. *Neue Jahrbucher Philologie und Paedagogik* 135, 769–782.
- Boer, W. den 1972: *Some Minor Roman Historians*. Leiden.
- Bonamente, G. 2003: Chapter Three Minor Latin Historians of the Fourth Century A.D. In: G. Marasco (ed.), *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity Fourth to Sixth Century A.D.* Leiden–Boston, 85–127.
- Brown, P. 1971: *The World of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad*. London.
- Durov, V.S. 2022: *Istoriya rimskoy literatury [The History of Roman Literature]*. St. Petersburg.
- Дуров, В.С. 2022: *История римской литературы*. СПб.
- D’Elia, S. 1965: *Studi sulla tradizione manoscritta di Aurelio Vittore: Parte I. La tradizine diretta*. Napoli.
- Haniszewski, K., Karas, L., Koch, K., Parobek, E., Pratt, C., Serwicki, B. (transl.) 2004: *Origo Gentis Romanae*. New York.
- James, E. 2008: The Rise and Function of the Concept “Late Antiquity”. *JLA* 1(1), 20–30.
- Marcone, A. 2008: A Long Late Antiquity? Consideration on a Controversial Periodization. *JLA* 1(1), 4–19.
- Momigliano, A. 1958: Some Observations on the “Origo Gentis Romanae”. *Journal of Roman Studies* 48.1/2, 56–73.
- Mommsen, Th. 1877: Zu der Origo Gentis Romanae. *Hermes* 12(4), 401–408.
- Peter, H. 1912: Die Schrift “Origo gentis Romanae”. *Berichte uber Verhandlungen des konigliche sachsische Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig* 44, 71–165.
- Puccioni, G. 1958: La composizione dell’ “Origo gentis Romanae”. *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa* 27, 211–223.
- Richard, J.-C. 1983: Introduction. In: J.-C. Richard (texte etab., trad. et comm.), *Pseudo-Aurelius Victor Les Origines du Peuple Romain*. Paris, 7–71.
- Sehlmeyer, M. 2004: *Origo Gentis Romanae: Die Ursprunge des romischen Volkes*. Darmstadt.
- Schmidt, P.L. 1978: Das Corpus Aurelianum und S. Aurelius Victor. In: *RE Supplementband* 15, 1583–1676.
- Smith, C.J. 2005: The Origo Gentis Romanae: Facts and Fictions. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 48, 97–136.
- Stover, J., Woudhuysen, G. 2023: *The Lost History of Sextus Aurelius Victor*. Edinburgh.
- Sokolov, V.S. 1963: Anonimnye rimskie istoriki IV veka n. je. [Anonymous Roman historians of the fourth century A.D.]. *Vestnik MGU. Seriya “Istoriya”* [Bulletin of Moscow State University. Series “History”] 1, 62–75.
- Соколов, В.С. 1963: Анонимные римские историки IV века н. э. *Вестник МГУ. Серия «История»* 1, 62–75.

HISTORY WITHOUT A HISTORIAN: “ORIGO GENTIS ROMANAE” AS AN INDEPENDENT SOURCE IN LATE ROMAN HISTORICAL DISCOURSE

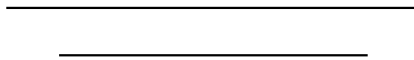
Dmitriy V. Kareev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

E-mail: dima75ru@yandex.ru

This article represents the first attempt in Russian historiography to examine various approaches to the dating, authorship, and structure of one of the most important sources of Late Antiquity, the “*Origo gentis Romanae*”, as well as its place within Late Roman pagan literature. By addressing these issues, it becomes possible to approach the “*Origo gentis Romanae*” as an independent and distinct work, rather than merely as a part of the corpus of texts attributed to Sextus Aurelius Victor, a view largely maintained in Western historiography.

Keywords: Late Roman Empire, Latin pagan historiography, *Origo gentis Romanae*, Sextus Aurelius Victor, breviary, epitome

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 193–206

© The Author(s) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-193–206

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 193–206

© Автор(ы) 2026

ДРЕВНЕЙШЕЕ (ВЕТХОЗАВЕТНОЕ И АНТИЧНОЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЕ) ПРОШЛОЕ В «ХРОНИКЕ» ИОАННА НИКИУСКОГО

М.М. Холод

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: mmkholod@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6834-2010

В настоящем очерке в центре внимания находится начальная часть «Хроники» Иоанна Никиуского (конец VII в.), та, где описаны события ветхозаветного и античного мифологического прошлого (гл. I–L, LI–LV). Автор очерка приходит, помимо прочего, и к тому выводу, что при ее составлении Иоанн не особенно заботился об ее содержательной отделке, видя в ней пусть и необходимый, но все же сравнительно малозначимый раздел создаваемого сочинения, призванный главным образом к тому, чтобы служить введением к описанию им последующих, более важных, с его точки зрения, событий.

Ключевые слова: Иоанн Никиуский, «Хроника» Иоанна Никиуского, Ветхий Завет, античная мифология, Иоанн Малала, византийские хроники

«Хроника» Иоанна, епископа города Никиу в Египте¹, написанная то ли на греческом, то ли на коптском языке в конце VII в. (и сохранившаяся в переводе на геэз, сделанном в 1601 г. с арабского перевода оригинала, также до нас не дошедшего), в общем не избалована широким к себе вниманием². Более того, хотя в ней описываются события начиная от сотворения мира, ученые обращаются к этому сочине-

Данные об авторе. Максим Михайлович Холод – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00493-П, выполняемый на базе СПбГУ.

¹ Издание: Zotenberg 1883, с франц. пер. и комментарием. Пер. на англ. с кратким комментарием: Charles 1916. Новое издание первой части «Хроники» (по гл. LXXX включительно): Elagina 2018, с англ. пер. и комментарием.

² Общую информацию об Иоанне Никиуском и его «Хронике», а также ее последующих переводах (с указанием более ранних релевантных исследований) см., в частности: Frazer 1991; Witakowski 2006, 288–289; Weninger 2007; Fiaccadori 2009; Howard-Johnston 2010, 181–189; Французов 2010a; 2010b; Elagina 2018, xxvi–xliv. Относительно того, что перевод «Хроники» на арабский яз. был сделан, скорее всего, в конце XII–XIII вв., см.: Французов 2010b, 80. О том, как это произведение переводилось с арабского на геэз в 1601 г., и о его эфиопских переводчиках см.: Gusarova 2022. Что же касается языка, на котором был написан оригинал «Хроники», то он точно неизвестен. На сегодняшний день спор ведется в основном о том, был ли первоначальный текст сочинения полностью коптским либо греческим. По поводу этого теперь см. особенно: Frantsouzoff et al. 2025.

Как уже было сказано, главным источником, откуда Иоанн Никиуский черпал свои сведения о событиях древнейшего, в том числе и античного мифологического прошлого являлось сочинение Малалы. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить один из фрагментов повествования Иоанна Никиуского с соответствующим пассажем из труда Малалы – к примеру, их рассказы о герое Персее (имея к тому же в виду, что у Иоанна Никиуского этот рассказ – один из наиболее подробных в интересующей нас части его труда):

Ioann. Nic. (Elagina)⁵:

XXI. [1] Был один муж по имени Персей. И возжелал он Ассирийского царства. И взревновали к нему сыновья Нина, брата отца его, сиречь Зевса. [2] И когда отправился он в область <Ливии>⁶, то встретила ему юная девица, которая шла одна. [3] И схватил он ее за волосы, и отрубил он ей голову мечом, и поместил он голову в сумку⁷ девицы, что была (теперь) с ним, следуя той одержимости, коей его обучил отец его Зевс. [4] И носил он ее с собой на всякий бой, на коий выходил. [5] И когда отправился он (далее), то двинулся вниз в Эфиопию и вернулся (затем) в Ассирию. А когда ликаонцы вступили с ним в сражение, то взял он голову девицы-колдуньи Горгоны, показал им и победил их. [6] И построил он город Иконий, а то был маленький город, коий назывался прежде Амандра, ведь там поставил он пред (ним) образ свой с нечистой Горгоной⁸. [7] И когда пошел он на область Исаврию и Киликию, то также сражались они (т.е. их жители. – М.Х.) с ним, и победил он их благодаря действию чар, что были в голове Горгоны. [8] А киликийский город, коий назывался Андрас, сделал он столицей (и) называл его Тарс⁹. [9] И из Киликии пошел он в страну Сирийскую, и в том месте также (встретился?) другой¹⁰ – Сарданапал, а имя это – тронное. [10] А тот (т.е. Персей. – М.Х.) отверг своих сородичей, разграбил свое царство, изменил имя страны и назвал ее

⁵ Пер. с гезза пассажа, данного ниже, сделан С.А. Французовым, за что мы ему весьма благодарны. Перевод выполнялся по изданию: Elagina 2018.

⁶ Вслед за А. Зотенбергом принимаем интерпретацию Ⲫⲉⲗⲓⲛⲓⲁ:- как искаженного греч. ὥρῳ τῆς..., а равно и отождествление этой области с Ливией, взятое им у Малалы (II. 11; см. ниже) (Zotenberg 1883, 249, n. 2).

⁷ Согласно Т. Нёльдеке, ⲁⲩⲧⲁⲗⲏ:- – это скорее «сумка» (Nöldeke 1883, 1373). Такое значение этого слова представляется в данном случае вполне убедительным. Ср.: Elagina 2018, 37, n. 155.

⁸ Это – этимологическая легенда, которую в связи с Иконием передает Малала (Εἰκόνιον ← εἰκών, «изображение», т.е. изображение, якобы поставленное Персеем у ворот этого города в честь его первой победы с помощью головы Горгоны – II. 11; см. ниже). Для читателя-копта, если считать, что оригинал «Хроники» Иоанна Никиуского был написан все-таки на коптском языке, данная легенда была бы тоже понятна, ибо греч. слово εἰκών употреблялось и в коптском (см., к примеру, коптский перевод Библии, где оно встречается периодически).

⁹ Здесь же Иоанн Никиуский опускает этимологическую легенду, относящуюся к Тарсу, которую рассказывает Малала. По Малале (II. 11; см. ниже), в Андрасе Персей поставил свою ступню на землю, когда слез с коня, согласно полученному оракулу, возвещавшему ему после этого победу, и, победив, переименовал данный город в Тарс (Ταρσός ← τάρσος, «ступня»).

¹⁰ Налицо явная порча текста. Но если следовать как Малале (II. 11), так и дальнейшему изложению событий у самого Иоанна Никиуского, то в данном месте речь должна была идти о победе Персея над Сарданапалом. Сарданапал – легендарный правитель Ассирии, по представлениям античных писателей, последний ее царь. Его историческими прототипами являлись либо Ашшурбанапал (669 – ок. 635/27 гг. до н.э.), либо его сын Син-шар-ишкун (или оба вместе), при котором Ассирийское царство действительно было разгромлено, а во время падения ее столицы Ниневии погиб он сам (612 г. до н.э.). Так или иначе, закрепившийся в античной традиции образ Сарданапала

Ассирией персов по имени своему, царство же их – другим именем. [11] И когда он упразднил то имя, то посадил там ростки деревьев, которые называются мирт, сиречь слива. [12] И еще доныне сажают они те ростки в память об имени его. А персы были ассирийцами в то время, и царствовал он над ними всеми 53 года. [13] И когда случились землетрясение, рев (ветра), обильные дожди, то быстро наполнилась река, что в Ассирии, называемая Оронт. [14] И снизошел огонь в виде шара с неба, подобно молнии. [15] И умолкли люди, и оставили они неприязнь, и остановилось течение реки. [16] И когда удивился Персей случившемуся, то сказал, что иониты, которые содеяли это, – служители ада, водящиеся с бесами. А огонь в то время все горел, и поддерживали тот огонь. [17] И потому взял он его, перенес в Персию при возвращении своем и установил его в царстве Ассирийском. [18] А персы сделали его божеством, стали почитать его, построили для него храм и назвали его «Огнем Неугасимым». [19] Об огне же говорили они «Сын Солнца», коий завернут в кристалл, а форма кристалла напоминает коробочку хлопка, цвет которого подобен воде, ибо рождается он от воды и середина его похожа на воду.

Ioann. Mal. (Thurn)¹¹:

II. [11] А у упомянутого выше Пика, сиречь Зевса, имелся раньше еще и другой, рожденный после Гермеса и Геракла, сын – Персей, от прекрасной женщины по имени Даная, дочери Акрисия, происходившего из области Аргивской. Рассказал о ней миф в своей драме мудрейший Еврипид, а именно, что Даная поместили в какой-то ящик и бросили в море, ведь соблазнил ее Зевс, обратившийся золотом. Мудрейший же Буттий, историк и хронограф, поведал, что Пик, сиречь Зевс, смог склонить ее к себе, когда она находилась в опочивальне возле моря, убедив ее многим золотом. И, похитив ее, ведь была она прекрасна, соблазнил он ее, и от нее у него был сын по имени Персей, упомянутый выше.

Пишут, что Персей имел крылья, так как был очень быстрым с детских лет. И с этих вот пор отец его Пик, сиречь Зевс, обучал Персея проделывать и сотворять колдовство с помощью отвратительной чаши, научив его посредством нее всяким таинственным и нечестивым чарам. И говорил он ему: «Победишь ты через это всех противников и неприятелей своих и всякого враждебного человека, и все, кто взглянут на лицо это Горгоны, ослепнут и застынут, будто мертвые и сраженные тобою». И в остальном увещевал Персея отец его Пик, сиречь Зевс.

Позднее же, когда после смерти отца своего Пика Персей возмужал, возжелал он царства ассирийцев. Но относились к нему со злобой дети Нина, дяди его, брата отца его. И, получив ответ оракула, отправился он в область Ливии. И встретила на пути Персею одна девица, дева местная, имевшая лохматые волосы и дикие глаза. И, остановившись, спросил он ее: «Как зовут тебя?» А она сказала со всей откровенностью: «Медуза». И схватил он ее за волосы, и отсек он ей голову серповидным мечом, коий носил. И, взяв ее голову, тотчас сотворил Персей над ней таинственным образом, как был научен отцом своим Пиком, чары отвратительного колдовства. И носил он ее впредь в помощь себе против всех противников и неприятелей для их подчинения и уничтожения, а голову назвал Горгоной

как царя, проводившего жизнь в плотских удовольствиях, весьма далек от того, какими были в реальности оба этих правителя.

¹¹ Пер. ниже – наш.

из-за быстроты помощи и из-за действенности против врагов¹². И оттуда, пройдя через эту местность, прибыл Персей в область Эфиопии, над которой царствовал Кефей. И, обнаружив там храм Посейдона, вошел он в него, и увидел он оставленную в храме девицу, отданную сюда по приказу ее отца Кефея, а звали деву Андромеда. И вывел он ее из храма, и, соблазнив, ведь была она прекрасна, сделал он ее женой. И, отплыв, вернулся Персей обратно из области той.

Направляясь же к стране ассирийцев, прибыл он в область Ликаонии. И когда ликаонцы узнали об этом, то тотчас оказали сопротивление и сразились с ним. Но Персей, прибегнув к помощи головы Горгоны, победил их. И, обнаружив деревню по имени Амандра, сделал он ее городом. И поставил Персей там за воротами стелу с изображением Горгоны, и, совершив жертвоприношение, назвал он Тихе города по имени своему Персидой. Стоит стела эта в нем и по сей день. И нарек Персей город этот Иконию, ибо получил там изображение первой своей победы с Горгоной¹³. И подчинил он остальные части этой области без сопротивления. А придя в Исаврию и Киликию и встретив сопротивление врагов своих, получил Персей следующий оракул: «Когда сойдешь с коня своего и поставишь ступню свою на землю, да одержишь ты победу!» И, сойдя с коня своего в деревне под названием Андрас, поставил Персей там ступню свою. После же того, как одержал он с помощью Горгоны победу, сделал он эту деревню городом и назвал ее Тарсом по оракулу о ноге своей¹⁴. И принес Персей в жертву для очищения города непорочную девицу по имени Парфенопа. А когда воздал он благодарность, отправился он оттуда через гору Аргей против ассирийцев. И, победив их и убив Сарданапала, царя их, происходившего из рода его, подчинил их себе Персей. И царствовал он над ними 53 года, и назвал он их персами по имени своему, лишив ассирийцев таким образом и царства и имени. И посадил Персей деревья, и назвал он их «персеи», не только там посадил он персеи, но и в землях Египетских в память о себе¹⁵. Научил он персов и обряду с отвратительной и безбожной чашей Медузы, и из-за учения этого назвал он область их областью мидийцев¹⁶.

[12] Узнал Персей после того, как процарствовал над страной Персидской много лет, что в области Сирийской живут иониты из Аргоса, и прибыл он к ним в Сирию на гору Сильпий как к своим родственникам. Они же, приняв его со всем почетом, совершили перед ним земной поклон. А когда опознали его эти аргивя-

¹² Греч. γοργός – «стремительный, энергичный, ретивый».

¹³ См. выше прим. 8.

¹⁴ См. выше прим. 9.

¹⁵ Персеи (*timusops laurifolia*) – деревья средней высоты, остающиеся зелеными круглый год, встречаются в горных районах Эфиопии и Йемена. Они были отлично известны в древнем Египте (упоминаются в египетских текстах с правления XVIII династии, 1550–1292 гг. до н.э.). Их египетское наименование – *Swb* (Erman, Grapow 1930, 435:10–14). От этого корня происходит и название мумиеобразных статуэток шабти/шавабти (ушебти) (Erman, Grapow 1930, 435:15–16). В коптском яз. название этого дерева такое же – ϣⲟⲩⲛ(н)ⲱ, ϣⲟⲩⲉ (саид.), ϣⲱⲉ (бохайр.), но есть и варианты – персеа, персеиас (явно под влиянием греч.) (Crum 1939, 603a). Хорошо знали о персеях и в греко-римском мире (Theoph. Hist. plant. IV. 2. 5; Diosc. De mater. med. I. 187; Plin. Nat. hist. XIII. 17; XV. 13, с указанием на то, что их нередко ошибочно путают с персиковыми деревьями – *persica*). О персеях см. теперь, в частности: Gale, Gasson, Hepper, Killen 2000, 342.

¹⁶ Название страны Мидии/мидийцев Малала пытается вывести, следовательно, из его созвучия с именем Медузы (Μηδία ← Μέδουσα), повторяя тем самым взятую им откуда-то соответствующую этимологическую легенду.

не-ионополиты, а именно, что происходит и он из рода аргивян, то, возрадовавшись, воспели его. Но случилась буря и сильно разлилась река, протекавшая возле города ионитов, под названием Драконт, а ныне Оронт, и попросил Персей ионитов помолиться. И в тот момент, когда молились они и совершали таинственные действия, снизошел с неба шар огня от молнии, коий привел к тому, что прекратилась буря и оказался сдержан поток реки. И Персей, удивившись случившемуся, тотчас же зажег огонь от огня этого и, оберегая, имел его при себе. Возвращаясь, унес он этот самый огонь в страну Персидскую, в царство свое. И научил он людей почитать этот огонь, коий, говорил он им, увидел он снизошедшим с неба. И почитают персы огонь этот по сей день как божественный. Персей же основал для ионитов храм, коий назвал «Храмом Огня Неугасимого». Равным образом основал он храм огня и в стране Персидской, поставив служить ему там богобоязненных мужей, коих назвал магами. А написал об этом Павсаний, мудрейший хронограф.

[13] Спустя время царь Кефей, отец Андромеды, придя из Эфиопии, повел войну против Персея. А Кефей был незрячим из-за старости. Персей, услышав, что Кефей ведет войну, сильно разгневался. И выступил он против него, неся голову Горгоны, и показал он ему ее. Но незрячий Кефей напал на него верхом на коне. И Персей, не зная, что тот не видит, счел, что голова Горгоны, кою он держал, больше не оказывает воздействия. И, повернув ее к себе, взглянул он на нее, и, ослепнув, застыл он, будто мертвый и сраженный. А затем царствовал над персами сын Персея и Андромеды Меррос, поставленный дедом своим Кефеем, царем Эфиопии. И, приказав, чтобы отвратительная голова Горгоны была сожжена, ушел Кефей в страну свою. Род же Персея после этого остался царствовать над областью Вавилонской.

Итак, как можно заметить, Иоанн Никиуский, перекладывая у себя рассказ Малалы о Персее, сильно его сократил. Он выпустил оттуда не только длинный ряд отдельных деталей, но даже и целые эпизоды: вначале – о браке Данаи и Пика-Зевса и детстве Персея, дальше – о походе Персея в Эфиопию и его браке с Андромедой, наконец, – о гибели Персея и урегулировании после этого дел в его царстве. Да и те эпизоды, которые Иоанн Никиуский все же оставил в своем изложении, оказались у него также немало сокращены – в частности, рассказ о прибытии Персея на берега Оронта и снизошедшем там с неба огненном шаре, а затем об установлении в Персии зороастризма (13–19). При этом очевидно, что произведенные Иоанном Никиуским сокращения отнюдь не всегда можно назвать удачными, как и переименование им по-своему части тех сведений Малалы, которые он у себя сохранил – результатом этого стали неясность в изложении некоторых событий, путаница, а иногда и откровенные ошибки.

Так, бросается в глаза, что Иоанн Никиуский «отправляет» Персея в Эфиопию, но, грубо сократив затем текст Малалы, тут же «возвращает» его обратно, причем сразу в Ассирию (5), а не на путь к ней, как указано у его источника, – в области Малой Азии, т.е. в Ликаонию, Исабрию и Киликию. К тому же Иоанн Никиуский полностью опускает этимологическую легенду, связанную с Тарсом (8), которую приводит Малала, так что в итоге читателю оставалось только гадать, почему Персей назвал Андрас именно Тарсом. Далее, Иоанн Никиуский явно неверно понял утверждение Малалы о переименовании Персеем ассирийцев в персов, превратив его у себя в итоге в бессмыслицу (10, 12), а заодно и перепутал Сирию с Ассирией, вследствие чего получилось, что Оронт у него стал протекать не в

первой, как должно быть, а во второй (9, 13). (Впрочем, справедливости ради отметим, что причиной подобной путаницы у Иоанна Никиуского вполне мог быть и сам Малала, который в других частях своего сочинения нередко говорит об Ассирии/ассирийцах, Персии/персах, Мидии/мидийцах и Вавилонии/вавилонянах как об одном и том же, а в случае двух последних – в том числе и в рассказе о Персее.) Кроме того, Иоанн Никиуский неверно идентифицировал упоминаемые Малалой персеевы деревья (11), хотя они и были отлично известны в его родном Египте (возможно, однако, что путаница здесь произошла позднее – уже из-за некомпетентности в этом переводчиков его произведения). Ну и, наконец, если у Малалы в эпизоде с огненным шаром иониты предстают полностью в положительном свете, то коптский хронист пишет о них негативно (16) – вероятно (если, конечно, считать, что он изначально понял текст правильно), вследствие указания Малалы на творимые ими в тот момент, помимо молитв, некие «таинственные действия» (μυσταγωγεῖν), которые могли быть восприняты Иоанном Никиуским как проявление богопротивного колдовства (к тому же не исключено, что на такое его отношение к ионитам был способен повлиять и более ранний, выпущенный у него, рассказ о них Малалы, который придает этим поселившимся в Сирии аригиянам явно мистический ореол – II. 6).

Что же касается добавлений, которые Иоанн Никиуский внес в свой текст, перелагая рассказ Малалы о Персее, то их в целом немного. В основном они не несут никакой новой важной информации и, насколько можно судить, были нужны ему лишь для того, чтобы еще больше, чем это есть у Малалы, украсить и/или драматизировать повествование (особенно в этом отношении выделяется все тот же эпизод с огненным шаром). Между тем в рассказе Иоанна Никиуского о Персее имеется одно предложение (19), которого у Малалы нет. Это – дополнение к концу весьма странного описания последним введения в Персии зороастризма (с его особым почитанием огня, на чем Малала и делает акцент). Понятно, что данное предложение, отличающееся крайней неясностью, было составлено Иоанном Никиуским на основании информации, взятой уже из другого источника.

Проведенное таким образом сравнение рассказов Иоанна Никиуского и Малалы о Персее показывает, что основные отличия между ними обусловлены сокращением коптским хронистом текста своего предшественника (довольно сильным), некоторым переименованием тех сведений, которые он от него у себя оставил, а также рядом сделанных им к этому добавлений.

Более того, если сравнить и остальную часть труда Иоанна Никиуского, описывающую события древнейшего, в том числе и мифологического прошлого, а именно те пассажи, для которых главным источником выступало сочинение Малалы, с текстом последнего, то становится ясно, что все вышесказанное относительно рассказа о Персее можно отнести и на ее счет (разница, которая наблюдается в случае этих пассажей, состоит лишь в степени переработки Иоанном Никиуским для своего труда того или иного эпизода, взятого у Малалы). Опять-таки сравнение начальных частей обоих этих произведений позволяет говорить, что обычно Иоанн Никиуский довольно четко придерживался той последовательности в изложении материала, которая была задана Малалой, причем это относится как к его соответствующему повествованию в целом, так и к отдельным историям, в нем содержащимся. От такой последовательности он отходит только в нескольких ме-

стах (если не учитывать незначительные отклонения этого рода), либо добавляя здесь к сведениям, взятым у Малалы, информацию уже из дальнейшего его изложения, либо, наоборот, приводя сведения, которые у того встречались раньше, но были Иоанном Никиуским до сих пор не отражены (в частности: XX, ср.: Ioann. Mal. II. 8 – об открытии философом Гераклом Тирским шелка/пурпура в царствование Финика; XXII, ср.: Ioann. Mal. II. 7 – о царствовании в Аргосе Инаха; XXIII. 2, ср.: Ioann. Mal. VII. 4 – о наречении Посейдоном страны, где он правил, по имени своей жены Ливии). В свою очередь, при подобном сравнении бросается в глаза и то, что Иоанн Никиуский оставил полностью без внимания весьма важные с точки зрения библейской истории и античной мифологии события, включая те, которые занимают в повествовании Малалы значительное по объему место. Действительно, у Иоанна Никиуского выпали, к примеру: сообщение Малалы о Ное и Потопе и последующем расселении потомков Сима, Хама и Иафета по земле (I. 4, 6); весь, кроме похода сделанного Иоанном Никиуским намека на историю Эдипа (XXV), беотийско-фиванский мифологический цикл, в том числе и история Диониса (II. 14–17); описание событий на Крите в правление Миноса, переходящее у Малалы в рассказ о Тесее (IV. 16–19); опять-таки весь – представленный у Малалы довольно подробно – троянский мифологический цикл (IV. 10–11; V. 1–37), за исключением брошенных Иоанном Никиуским буквально вскользь отдельных фраз о Тросе, Пелее, Приаме и Гекубе, а также ахейском герое Паламеде (XLV–XLVII); наконец, рассказ о том, что происходило в Иудее после правления Соломона, причем столь весьма важное событие, как захват Иерусалима Навуходоносором и увод им иудеев в плен (V. 39–VI. 1), упомянуто Иоанном Никиуским лишь между прочим, в рамках истории о сокрытии Иеремией Ковчега завета Господня и других реликвий Храма перед его сожжением вавилонским царем (L. 1). Вместе с тем примечательна и выборка Иоанном Никиуским того, что он все же оставил у себя из текста Малалы: нередко это либо только часть, либо вообще не слишком значимые сведения, отсутствие которых – в отличие от многих выпущенных им – едва ли бы, пожалуй, сильно сказалось на качестве содержания начальных глав его сочинения. Так, приступив к переложению рассказа Малалы об Эдипе (XXV, ср.: Ioann. Mal. II. 17), Иоанн Никиуский его резко прерывает, а потому оставляет своего читателя в полном неведении о дальнейшей судьбе этого героя, прежде всего о том, какая катастрофа ждала его в будущем; далее, из числа героев-участников боев под стенами Трои он пишет лишь об одном Паламеде (правда, несколько иначе, чем Малала) (XLVI, ср.: Ioann. Mal. V. 9), не удосужившись при этом уделить и слова самым известным из них – скажем, Агамемнону, Ахиллу, Одиссею или Гектору; кроме того, упомянув лишь между делом о разгроме Иерусалима Навуходоносором (L. 1), Иоанн Никиуский в то же самое время сообщает у себя о захвате этим царем Пальмиры (XLVIII. 5, ср.: Ioann. Mal. XVIII. 2), а затем еще и описывает особо взятие им Тира (XLIX, у Малалы данный сюжет отсутствует).

В результате такого использования Иоанном Никиуским сведений из сочинения Малалы в его труде сложилась, как это можно видеть, довольно странная, мозаичная картина событий из ветхозаветного и греко-римского мифологического прошлого: об их строгой системности, упорядоченности здесь – в отличие от самого произведения Малалы, которому это в принципе, пусть и не без оговорок, присуще, – говорить явно не приходится.

Не улучшает ситуацию и та информация, которая была внесена Иоанном Никиуским в свой текст уже из других источников. В интересующей нас части его произведения таких заимствований обнаруживается в целом немало – как в виде отдельных фраз либо предложений, сделанных им для дополнения или уточнения сведений, взятых у Малалы, так и в виде целых (больших или меньших) пассажей, вставленных им в контекст своего опирающегося на труд Малалы повествования. Чтобы проиллюстрировать первый случай, достаточно указать, к примеру: на сообщение Иоанна Никиуского о том, что Пик-Зевс, выступив против Крона, его убил, ведь тот пожирал собственных детей (VI. 5, ср.: Ioann. Mal. I. 10); на приведенное выше описание им обожествленного персами огня, который был перенесен к ним Персеем с берегов Оронта (XIX. 19, ср.: Ioann. Mal. II. 12); на уточнение коптским хронистом того, что фараон Петиссоний, правивший в Египте при Моисее, есть Амасис¹⁷ (XXX. 1, 7, ср.: Ioann. Mal. III. 11–14); на его указание об основании Пелеем города Пелусия/Фарэма¹⁸ (XLV, ср.: Ioann. Mal. V. 5, 9, 29). Что же касается вставленных пассажей, то тут прежде всего выделяются те, которые имеют отношение к древнейшей, какой она представлялось Иоанну Никиускому, истории Египта (информация, содержащаяся в них, имеет пересечение с тем, что написано у Малалы, лишь в нескольких местах, да и то весьма поверхностное): XII–XIX (большой раздел, в котором говорится о происходившем в Египте от правления Солнца, сына Гефеста, до правления Хеопса), XXX. 11–13 (о египетских божествах после гибели фараона Петиссония при исходе евреев из Египта), XXXI (эпизод из далекого прошлого Никиу, в котором, очень похоже, отразилась местная этимологическая легенда, объясняющая обретение данным городом этого его названия). Другие подобного рода пассажи, которые выделяются также особо (хотя их и меньше, чем посвященных египетским «древностям»), – те, где Иоанн Никиуский приводит сведения, связанные с ветхозаветной историей и подчас с последующей христианской. Из данных пассажей отметим, в частности: XI (о ближайших потомках Мафусаила, в том числе Тувалкаине); XXVII. 11–17 (о Мельхиседеке в дополнение к информации, почерпнутой у Малалы, а также о прозвании иудеев евреями); XXX (о разрушении властью Господа языческого храма в Мемфисе); XXXVIII (о строительной деятельности царя Соломона до того, как он прогневал Бога); XLII (об обретении Константином Великим Святых гвоздей, которыми было прибито к кресту тело Иисуса Христа); XLIX (о захвате Навуходоносором Тира); L (об Иеремии, спрятавшем Ковчег завета Господня и иные реликвии Храма перед его разрушением

¹⁷ В Ветхом Завете, в том числе и в книге Исход, где содержится основная информация об исходе евреев из Египта, тогдашний его правитель называется просто фараоном, так что Петиссоний – это всего лишь вариант его имени, приводимый у Малалы (III. 13–14) и повторяемый вслед за ним Иоанном Никиуским. Более интересно, однако, то, что у Иоанна Никиуского, в отличие от Малалы, этот Петиссоний называется также Амасисом, являвшимся историческим фараоном Египта, который, правда, правил гораздо позже того времени, когда должен был жить Моисей (567–526 гг. до н.э.). Очень похоже, что здесь у Иоанна Никиуского нашла отражение резко негативная по отношению к Амасису традиция, египетская по своему происхождению (о ее существовании в Египте после его завоевания персидским царем Камбисом II в 525 г. до н.э. см. теперь: Ладынин 2025б), которая со временем, уже в христианском Египте, и стала основой для уподобления Амасиса тому фараону, при котором совершился исход евреев.

¹⁸ Греч. Пелусий, араб. ал-Фарамā. Иоанн Никиуский опускает у себя рассказ Малалы, в котором Пелей фигурирует как отец Ахилла и дед Неоптолема (V. 5, 9, 29), но приводит вместо этого, опираясь в данном случае на некий источник, этимологическую легенду, связанную с основанием Пелусия (Πηλούσιον ← Πηλεύς).

Навуходоносором). Кроме того, есть один пассаж, в котором Иоанн Никиуский дополняет сказанное им ранее в нескольких местах об афинском прошлом, а именно сообщает здесь об особых достижениях афинян в деле врачевания (XXXVII).

Вопрос об источниках для всех этих отдельных фраз и пассажей, вставленных Иоанном Никиуским в переложенный им у себя текст Малалы, решается однозначно лишь для ряда сюжетов, имеющих отношение к ветхозаветной истории: это собственно Священное Писание (в частности: XI, ср.: Быт. 4:18–22; XXVII. 11–12, ср.: Пс. 75:2–3; 109:4; XXXVIII, ср.: 3Цар. 2:35, 11:1–13), а в одном случае – сочинение Епифания Кипрского¹⁹, на что указывает сам коптский хронист (L, ср.: 2Мак. 2:4–8).

Определить же источники для других подобного рода мест в его произведении, крайне трудно. Так, учитывая, что Иоанн Никиуский подчас пересказывает ветхозаветный материал именно по Малале, можно лишь предположить его обращение в ряде случаев – где Священное Писание явно не использовалось им напрямую (к примеру: XXVII. 14–17, ср.: Быт. 10:21–25; 11:1–17; 1Пар. 1:18–19²⁰; XXXIV, ср.: 4Цар. 2:11; XLIX, ср.: Иез. 29:18) – к неким еще трудам, в которых этот материал находил, как у Малалы, определенное отражение, включая и сугубо церковную литературу. В свою очередь, хотя история обретения Константином Святых гвоздей, приведенная у Иоанна Никиуского (XLII. 1–2), известна от целого ряда более ранних церковных авторов (в частности: Ambr. De ob. Theod. 47–52; Ruf. Aquil. Hist. Eccl. X. 8; Theod. Cyrth. Hist. Eccl. I. 17), кажется, что основой для коптского хрониста здесь выступало все-таки сочинение Созомена (II. 1): допустить это позволяет – кроме того факта, что Иоанн Никиуский знал и использовал его для своего труда, – непосредственно предшествующее данной истории сообщение коптского хрониста о чудесных исцелениях в храме архангела Михаила в Сосфении (XLI. 13), почерпнутое, судя по всему, как раз у Созомена (II. 3). Правда, очевидно, что эта история о Святых гвоздях подверглась у Иоанна Никиуского переработке: вместо двух гвоздей у него фигурируют три (третий гвоздь был якобы опущен Константином в месте Халкидонской переправы), что позволяет говорить о получении им такого свидетельства из какого-то еще, помимо сочинения Созомена, источника (происходит ли отсюда же и указание Иоанна Никиуского на помещение Константином одного из двух других гвоздей в конское седло, а не в шлем, как у Созомена – *περικεφαλαίαν κατασκεύασαι*, либо это результат некой путаницы, допущенной позднейшими переводчиками, неясно).

Далее, когда читаешь раздел Иоанна Никиуского о древнейшем прошлом Египта, той части, которой нет у Малалы (XII–XIX), обращает на себя внимание очевидная близость его рассказов о Сесострисе, Сабаке и Хеопсе с тем, что о них написано у Геродота (XVII, ср. Hdt. II. 108–109 – Сесострис; XVIII, ср. Hdt. II. 137 – Сабак; XIX, ср. Hdt. II. 124–126 – Хеопс). Тем не менее отсюда вовсе не следует, что Иоанн Никиуский был знаком непосредственно с сочинением Геродота: если бы это было так, то следов обращения к нему коптского хрониста было бы в его произведении много, чего, однако, не обнаруживается. Скорее всего, Иоанн Ники-

¹⁹ Епифаний (ок. 315–403 гг.) – архиепископ кипрский, отец и учитель Церкви, ересеолог. От многочисленных сочинений Епифания полностью сохранились только два – «Анкорат» («Слово якорное») (374 г.) и «Панарий» («Ковчег») (375–377 гг.). О нем подробнее см., в частности: Фокин 2008, 557–580.

²⁰ К этому в дополнение см.: Eskhult 2014.

уский опирался здесь на какой-то источник, в котором и были приведены сведения, взятые из соответствующих рассказов Геродота. В свою очередь, весьма примечательно, что порядок, в соответствии с которым он пишет о правлениях Сесостриса, Сабака и Хеопса, совершенно не согласуется, в отличие от Геродота, с их действительной последовательностью. И это еще один аргумент в пользу того, что Иоанн Никиуский использовал в данном случае не собственно сочинение Геродота, а некий труд, в котором такая последовательность уже не была соблюдена (по крайней мере, показательно, что, как было отмечено выше, тогда, когда Иоанн Никиуский опирался на изложение Малалы, он обычно следовал его повествованию четко)²¹. Восходили ли к тому же труду и остальные сведения, представленные Иоанном Никиуским в данном «египетском» разделе, непонятно. Впрочем, имея в виду компактность последнего, это кажется возможным. И раз так, то тогда допустимо предполагать, что труд этот имел египетское происхождение: помимо соответствующей общей тематики, обращает на себя внимание и известная специфичность приводимой в данном разделе информации, в том числе топографического характера (хотя, конечно, что-то из этого могло быть добавлено в текст и самим Иоанном Никиуским – к примеру, упоминание о существовании еще и в его дни канала Дик: XVII. 4). Более того, учитывая эвгемерическую трактовку представленных здесь событий, можно думать, что такой труд был написан не раньше позднеллинистического времени, а скорее – уже в римский период. Опять же отнюдь не исключено, что именно к этому труду относились и другие вставки Иоанна Никиуского, касающиеся древнейшего прошлого Египта, правда, вероятно, не все: во всяком случае, сюжет из истории Никиу (XXXI), основывающийся, насколько можно судить, на местном предании, явно выбивается из событий общеегипетского значения, которые приводятся коптским хронистом в интересующей нас части его сочинения.

Если, однако, насчет источников Иоанна Никиуского, помимо Малалы, для описанных в его сочинении ветхозаветных и египетских «древностей» (а в одном случае и для событий христианской истории) еще что-то можно предположить, то для ряда мест – вне этой тематики – сказать нельзя даже и такого: то, откуда он взял для них сведения, остается полностью неясным (в частности, для сообщения о том, что Пик-Зевс убил Крона, пожиравшего своих детей – VI. 5; для описания обожествленного персами огня, перенесенного к ним в страну Персеом – XIX. 19; для указания, в котором отразилась этимологическая легенда, связанная с основанием Пелеем Пелусия/Фарэмā – XLV; для свидетельства о Паламеде как о первом, кто стал учить игре на музыкальных инструментах – XLVI; для пассажа об особом преуспевании афинян в области медицины – XXXVII).

Попробуем в конце ответить на вопрос: почему же описание ветхозаветного и античного мифологического прошлого, приходящееся на начальную часть «Хро-

²¹ Были ли почерпнуты Иоанном Никиуским из того же самого труда и некоторые сведения, отсутствующие в рассказах Геродота об этих египетских правителях, сложно сказать. Так или иначе, кроме прочего, в гл. XIX обращает на себя внимание информация (более нигде не фигурирующая) о том, что Хеопс «заставил египтян почитать Солнце» (2). Очень может быть, что здесь мы встречаемся – в передаче Иоанна Никиуского – с египетской традицией, отражающей реминисценции о сложении при фараонах IV династии представления о верховном солнечном боге Ра. Об этом см.: Ладынин 2024; 2025а, где к тому же доказывалось (в том числе и с учетом еще одного свидетельства Иоанна Никиуского – о правлении после Гефеста/Солнца его сына, также именовавшегося Солнце: XII), что почитание бога Ра берет свое начало раньше, по меньшей мере, со II династии.

ники» Иоанна Никиуского, оказалось у него в целом мозаичным, малоупорядоченным, где отдельные важные события из этого прошлого не получили должного либо вообще никакого внимания, а целый ряд второстепенных, напротив, нашел определенное место (и это притом, что у Иоанна Никиуского были, конечно, все возможности сделать иначе, если бы он, скажем, просто продуманно, взвешенно сократил соответствующие разделы труда Малалы, добавив при необходимости к его сведениям – для их уточнения или исправления – информацию, почерпнутую из других источников²²)? То, что Иоанн Никиуский оказался попросту неспособен разобраться в том, что здесь важно, а что нет, – такой приходящий сразу на ум ответ нужно признать несостоятельным: он еще мог бы быть допустим для греко-римского мифологического материала, но никак не для ветхозаветного, с которым коптский хронист был, разумеется, отлично знаком. Поэтому остается предположить, что Иоанн Никиуский при составлении этой начальной части своего труда не особенно заботился об ее содержательной отделке, видя в ней пусть и необходимый, но все же сравнительно малозначимый раздел создаваемого сочинения, призванный главным образом к тому, чтобы служить введением к описанию им последующих, более существенных, с его точки зрения, событий (отсюда, по-видимому, и принятие Иоанном Никиуским в данном случае простого принципа: «как получилось, так получилось»). При всем том, однако, отнюдь не исключено, что подобная ситуация с начальной частью его сочинения была еще более усугублена позднее, уже в процессе деятельности переводчиков, которые вполне могли внести некоторые (какие именно, правда, сказать трудно) сокращения в оригинальный текст. Но даже если и так, оснований для того, чтобы считать данные сокращения здесь весьма значительными, не имеется, а следовательно, нет и причин для сомнений в том, что главная ответственность за то, какой оказалась в содержательном отношении эта начальная часть «Хроники», лежит на самом ее авторе, т.е. на Иоанне Никиуском.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Charles, R.H. 1916: *The Chronicle of John, Bishop of Nikiu, Translated from Zotenberg's Ethiopic Text by R. H. Charles*. London.
- Crum, W.E. 1939: *A Coptic Dictionary*. Oxford.
- Elagina, D. 2018: *The Textual Tradition of the Chronicle of John of Nikiou: Towards the Critical Edition of the Ethiopic Version*. Diss. Hamburg.
- Erman, A., Grapow, H. 1930: *Wörterbuch der Ägyptischen Sprache*. Bd. IV. Leipzig.
- Eskhult, J. 2014: The Primeval Language and Hebrew Ethnicity in Ancient Jewish and Christian Thought until Augustine. *Revue d'études augustiniennes et patristiques* 60, 291–347.
- Fiaccadori, G. 2009: John of Nikiou. In: D. Thomas, B. Ruggema (eds.), *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. I. Leiden–Boston, 209–218.
- Fokin, A.R. Epifaniy Kiprskiy [Epiphanius of Cyprus]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]*. Vol. XVIII. Moscow, 557–580.
- Фокин, А.Р. 2008: Епифаний Кипрский. В кн.: *Православная энциклопедия*. Т. XVIII. М., 557–580.
- Frantsouzoff, S.A. 2010a: Ioann, ep. Nikiuskiy [John, the Bishop of Nikiu]. In: *Pravoslavnaya entziklopediya [Orthodox Encyclopedia]*. Vol. XXIII. Moscow, 371–372.

²² Как, скажем, поступил, когда описывал у себя греко-римские мифологические «древности», анонимный автор «Пасхальной хроники» (первая половина VII в.).

- Французов, С.А. 2010а: Иоанн, еп. Никиуский. *Православная энциклопедия*. Т. XXIII. М., 371–372.
- Frantsouzoff, S.A. 2010b: Khronika Ioanna Nikiuskogo: nekotorye osobennosti yazyka i sodержaniya [The Chronicle of John of Nikiu: Some Specifics of Its Language and Contents]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities 4 (22). Ser. III: Filologiya [Series III: Philology], 77–86.
- Французов, С.А. 2010b: Хроника Иоанна Никиуского: некоторые особенности языка и содержания. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета* 4 (22). Сер. III: Филология, 77–86.
- Frantsouzoff, S.A., Kalchenko, E.S., Khizhniakova, S.O. 2025: On the Original Language and Translations of John of Nikiu's Chronicle. *Vostok (Oriens)* 5 (forthcoming).
- Frazer, P.M. 1991: John of Nikiou. In: *The Coptic Encyclopedia*. Vol. V. New York–Toronto, 1366–1367.
- Gale, R., Gasson, P., Hepper, N., Killen, G. 2000: Wood. In: P.T. Nicholson, I. Shaw (eds.), *Ancient Egyptian Materials and Technology*. Cambridge, 334–371.
- Gusarova, E.V. 2022: A Case of Məhərkä Dəngəl. How an Ethiopian Historian Left the “Alexandrian Faith” and Became a Roman Catholic. *Scrinium* 18, 427–433.
- Howard-Johnston, J. 2010: *Witnesses to a World Crisis. Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century*. Oxford.
- Kholod, M.M. 2022: Aleksandr Velikiy v «Khronike» Ioanna Nikiuskogo [Alexander the Great in the Chronicle of John of Nikiu]. *Mnemon* 22 (1–2), 297–317.
- Холод, М.М. 2022: Александр Великий в «Хронике» Иоанна Никиуского. *Мнемон* 22 (1–2), 297–317.
- Kholod, M.M. 2023: The Argead Kings of Macedonia in the Chronicle of John of Nikiu. *Karanos. Bulletin of Ancient Macedonian Studies* 6, 63–79.
- Kholod, M.M. 2024a: Kir Velikiy v «Khronike» Ioanna Nikiuskogo [Cyrus the Great in the Chronicle of John of Nikiu]. *Proslogion* 7 (2), 78–97.
- Холод, М. М. 2024а: Кир Великий в «Хронике» Иоанна Никиуского. *Proslogion* 7 (2), 78–97.
- Kholod, M.M. 2024b: Persidskiy tsar Kambis v «Khronike» Ioanna Nikiuskogo [The Persian King Cambyses in the Chronicle of John of Nikiu]. *ΣΧΟΛΗ* 18 (2), 606–628.
- Холод, М.М. 2024b: Персидский царь Камбис в «Хронике» Иоанна Никиуского. *ΣΧΟΛΗ* 18 (2), 606–628.
- Korpaneva, D.D. 2022: Rimskiy imperator Neron v «Khronike» Ioanna Nikiuskogo [The Roman Emperor Nero in the Chronicle of John of Nikiu]. *Mnemon* 22 (1–2), 318–324.
- Копанева, Д. Д. 2022: Римский император Нерон в «Хронике» Иоанна Никиуского. *Мнемон* 22 (1–2), 318–324.
- Ladynin, I.A. 2024: XIX glava «Khroniki» Ioanna Nikiusskogo i evolutsiya solnechnogo kulta v Egipte «0-oy»–IV dinastiy. Chast' I. [Chapter XIX of the Chronicle of John of Nikiu and the Evolution of the Egyptian Solar Cult under Dynasties “0”–IV. Part I]. *Vostok (Oriens)* 6, 21–32.
- Ладынин, И.А. 2024: XIX глава «Хроники» Иоанна Никиусского и эволюция солнечного культа в Египте «0-й»–IV династий. Часть I. *Восток (Oriens)* 6, 21–32.
- Ladynin, I.A. 2025a: XIX glava «Khroniki» Ioanna Nikiusskogo i evolutsiya solnechnogo kulta v Egipte «0-oy»–IV dinastiy. Chast' II. [Chapter XIX of the Chronicle of John of Nikiu and the Evolution of the Egyptian Solar Cult under Dynasties “0”–IV. Part II]. *Vostok (Oriens)* 1, 26–37.
- Ладынин, И.А. 2025а: XIX глава «Хроники» Иоанна Никиусского и эволюция солнечного культа в Египте «0-й»–IV династий. Часть II. *Восток (Oriens)* 1, 26–37.

- Ladynin, I. A. 2025b: K rekonstruktsii pervonachalnogo cyuzheta o nashestvii na Egipet Navukhodonosora II (po dannym antichnykh i srednekovykh narrativov [A Reconstruction of the Original Story about the Incursion of Nebuchadnezzar II into Egypt (from the Classical and Medieval Narratives)]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 5–17.
- Ладынин, И.А. 2025б: К реконструкции первоначального сюжета о нашествии на Египет Навуходоносора II (по данным античных и средневековых нарративов). *ПИФК* 2, 5–17.
- Nöldeke, T. 1883: Rez. La Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Texte étiopien publié et traduit par H. Zotenberg. 4Paris. Imprimerie nationale 1883. (Extrait des Notices des Manuscrits. Tome XXIV, 1re partie. – 10 und 488 S. in Quart). *Göttingische Gelehrte Anzeigen* 2, 1364–1374.
- Vasilik, V.V., Kopaneva, D.D. 2022: Obraz Konstantina Velikogo v «Khronike» Ioanna Nikiuskogo [The Image of Constantine the Great in the Chronicle of John of Nikiu]. *Mnemon* 22 (1–2), 325–340.
- Василик, В.В., Копанева, Д.Д. 2022: Образ Константина Великого в «Хронике» Иоанна Никиуского. *Мнемон* 22 (1–2), 325–340.
- Weninger, S. 2007: John of Nikiu. In: *Encyclopedia Aethiopica*. Vol. III. Wiesbaden, 298–299.
- Witakowski, W. 2006: Ethiopic Universal Chronology. In: M. Wallraff (ed.), *Julius Africanus und die christliche Weltchronistik*. Berlin–New York, 285–301.
- Zotenberg, H. 1883: *Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Texte étiopien publié et traduit par H. Zotenberg*. Paris.

THE OLDEST (OLD TESTAMENT AND ANCIENT MYTHOLOGICAL) PAST IN THE CHRONICLE OF JOHN OF NIKIU

Maksim M. Kholod

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

E-mail: mmkholod@yandex.ru

The present essay focuses on the initial part of the *Chronicle* of John of Nikiu (late 7th century), which covers the events of the Old Testament and the mythological past of antiquity (ch. I–L, LII–LV). The author concludes, among other things, that in compiling this section, John did not pay particular attention to its substantive refinement, viewing it as a necessary but relatively minor part of his work, intended primarily to serve as an introduction to the description of subsequent events, which he considered more significant.

Keywords: John of Nikiu, Chronicle of John of Nikiu, the Old Testament, ancient mythology, John Malalas, Byzantine chronicles

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 207–220

© The Author(s) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-207–220

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 207–220

© Автор(ы) 2026

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ АММОНИЯ ГЕРМИЯ И ЕГО ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ХРИСТИАНИЗАЦИИ АЛЕКСАНДРИИ (475–520 гг.)

И.В. Абдулманова

*Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел России
им. И.Д. Путилина, Белгород, Россия;*

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

E-mail: abdulmanova@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0001-5374-0510

В статье рассматривается стратегии культурной адаптации александрийской неоплатонической школы под руководством Аммония Гермия в период христианизации Восточной империи. Комплексное изучение источников позволяет реконструировать механизмы компромисса с церковными властями, проследить эволюцию учебных программ и выявить методы сохранения философской преемственности. Центральное место в исследовании занимает анализ соглашения Аммония с патриархом Петром Монгом, ставшего поворотным моментом в истории позднеантичного образования. Исследование демонстрирует то, каким образом александрийские философы выработали особую модель культурного синтеза, обеспечившую сохранение античной мудрости в христианизированном обществе.

Ключевые слова: Аммоний Гермий, александрийская школа, неоплатонизм, христианизация, культурная адаптация, поздняя античность

Личность Аммония, сына Гермия (ок. 435/440–517/526 гг.), представляет исключительный интерес для историков поздней античности как создатель уникальной модели взаимодействия языческой философии с христианской властью¹. Его работа в Александрии на рубеже V–VI вв. ознаменовала критический момент в судьбе неоплатонической традиции, когда философские школы оказались перед выбором между полным исчезновением и кардинальной перестройкой собственной деятельности.

В одном из своих комментариев к Аристотелю сам Аммоний формулирует принцип, ставший основополагающим для его подхода: «φιλοσοφία δὲ ἀρχὴ μὲν θεολογίας, τέλος δὲ εὐδαιμονίας» – «философия есть начало богословия, а цель [ее] – блаженство» (Ammon. *In Cat.* 7. 15–16). Характерно, что здесь употребляется термин θεολογία, который в христианском контексте приобрел значение, существенно отличавшееся от неоплатонической теологии.

Данные об авторе. Ирина Валерьевна Абдулманова – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ», профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин БелЮИ МВД России им. И.Д. Путилина.

¹ Watts 2006, 198–225.

Долгое время в историографии, начиная с работ К. Прехтера², поздняя александрийская школа рассматривалась как период упадка неоплатонизма, отмеченный компромиссами и утратой философской оригинальности. Современные исследователи, в частности Э. Уоттс³ и И. Адо⁴, кардинально пересматривают подобные оценки, выявляя творческий потенциал адаптационных процессов. Тем не менее до настоящего времени отсутствует подробный анализ конкретных механизмов, благодаря которым Аммоний и его последователи сумели обеспечить продолжение школы в условиях коренных религиозных трансформаций.

Принципиальное значение для понимания александрийской стратегии имеет сохранившийся у Дамаския фрагмент письма Аммония: «οὐ γὰρ δεῖ τὸν φιλόσοφον μάχεσθαι τοῖς καιροῖς, ἀλλὰ συντίθεσθαι τῇ ἀνάγκῃ» – «ибо философу не должно сражаться с обстоятельствами, но приспосабливаться к необходимости» (Dam. *Vit. Is.* fr. 118). Данный принцип «приспособления к необходимости» стал теоретическим основанием компромиссной политики александрийской школы.

Цель настоящего исследования заключается в реконструкции адаптационных стратегий, разработанных Аммонием Гермием в условиях христианизации Александрии. Исследовательские задачи включают: рассмотрение биографических данных Аммония в контексте политических изменений эпохи; изучение его соглашения с церковными властями; анализ трансформации образовательных программ через призму источниковедческого исследования; оценку долгосрочного воздействия адаптационной модели на развитие византийской культуры.

Источниковая база работы охватывает различные категории материалов, каждая из которых требует специфических методов критического анализа. Основным источником биографических сведений об Аммонии является «Βίος Ἰσιδώρου» («Жизнь Исидора») Дамаския (Dam. *Vit. Is.* fr. 116), созданная в первой трети VI в. Несмотря на явную тенденциозность автора, стремившегося представить последних языческих философов в героическом освещении, данное произведение содержит уникальную информацию о внутренней жизни неоплатонических школ.

Дамаский, описывая Аммония, использует характерную формулировку: «ἦν δὲ ὁ Ἀμμώνιος φύσει μὲν φιλόσοφος, τρόπῳ δὲ πολιτικός» – «был же Аммоний по природе философ, а по образу жизни – политик» (Dam. *Vit. Is.* fr. 116). Это определение четко передает двойственность позиции александрийского мыслителя, сочетавшего философскую деятельность с активным участием в общественной жизни.

Дополнительную биографическую информацию предоставляют «Βίοι φιλοσόφων» («Жизни философов») Евнапия (Eunap. *VS* 456. 12–13), хотя хронологически это произведение предшествует эпохе Аммония. Евнапий формулирует важнейший принцип позднеантичной философии: «τῆς φιλοσοφίας τὸ τέλος οὐχὶ τὸ εἰδέναι μόνον, ἀλλὰ καὶ τὸ πράττειν» – «цель философии не только знать, но и действовать» (Eunap. *VS* 456. 12–13). Этот принцип единства теории и практики стал основополагающим для александрийской школы.

Существенные сведения о структуре александрийского образования содержатся в комментариях самого Аммония к произведениям Аристотеля (Ammon. *In Cat.*). В прологе к комментарию на «Категории» он излагает свое понимание философского образования: «ἡ φιλοσοφία ἐστὶν ἐπιστήμη τῶν ὄντων ἢ

² Praechter 1910, 105–156.

³ Watts 2006, 201–202.

⁴ Hadot 1984, 126–145.

ὄντα» – «философия есть наука о сущем как сущем» (Ammon. *In Cat.* 5. 24–25). Данная аристотелевская формулировка показательна тем, что избегает специфически неоплатонической терминологии, связанной с эманацией и теургией.

Особую методологическую ценность представляет анализ терминологических трансформаций в текстах Аммония. Сопоставление его словоупотребления с предшествующей неоплатонической традицией позволяет выявить стратегии адаптации философского языка к христианизированной среде.

Церковные источники, включающие жития alexandрийских патриархов (Vita Petri Mongi. PG 86, col. 2125A) и соборные акты⁵, освещают политику церковных властей по отношению к философским школам. В житии патриарха Петра Монга содержится важное свидетельство о его подходе к философам: «οὐ γὰρ τοὺς φιλοσόφους ἐμίσει, ἀλλὰ τὰς δαιμονικὰς αὐτῶν πράξεις» – «ибо не философов он ненавидел, но их демонические практики» (Vita Petri Mongi. PG 86, col. 2125A). Это различие между философией как таковой и теургическими практиками стало краеугольным камнем для соглашения с Аммонием.

Папирологические материалы последних десятилетий существенно расширили наши представления о повседневной жизни alexandрийской школы. Особенную ценность представляет папирус P.Oxy. LXXXV 5514, содержащий фрагмент школьного упражнения с интерпретацией платоновского текста (P.Oxy. LXXXV 5514). Учащийся комментирует знаменитый пассаж из «Федра»: «ἡ ψυχὴ πᾶσα ἀθάνατος· τὸ γὰρ ἀεικίνητον ἀθάνατον» – «всякая душа бессмертна, ибо вечнодвижущееся бессмертно», но добавляет христианизированную интерпретацию: «τοῦτο δὲ συμφωνεῖ τῇ χριστιανικῇ διδασκαλίᾳ» – «это же согласуется с христианским учением» (P.Oxy. LXXXV 5514, ll. 15–18).

В методологическом плане исследование опирается на принципы микроисторического анализа, дающие возможность реконструировать индивидуальные стратегии исторических деятелей⁶. Применяется также сравнительный подход, сопоставляющий alexandрийскую модель адаптации с аналогичными процессами в других интеллектуальных центрах поздней античности. Особое внимание уделяется семантическому анализу ключевых терминов в их историческом развитии.

АММОНИЙ И ЕГО АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ШКОЛА: СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ

Аммоний принадлежал к поколению философов, интеллектуальное становление которых происходило в условиях нарастающего давления на языческие школы. Родившийся около 435–440 г. в семье философа Гермия и Эдесии (Dam. *Vit. Is.* fr. 57), он происходил из третьего поколения неоплатонической династии, что обеспечивало ему непосредственную связь с основателями традиции.

Его мать Эдесия, согласно свидетельству Дамаския, отличалась исключительной образованностью: «ἥν δὲ ἡ Αἰδεσία γυνὴ σοφωτάτη καὶ τῶν φιλοσόφων λόγων ἐμπειροτάτη» – «была же Эдесия женщина мудрейшая и опытнейшая в философских рассуждениях» (Dam. *Vit. Is.* fr. 57B). Данное свидетельство указывает на то, что интеллектуальная традиция в семье Аммония передавалась по

⁵ *Acta Conciliorum Oecumenicorum* 1914–1940.

⁶ Ginzburg 1980, 52.

материнской линии, что являлось характерной чертой позднеантичных философских династий.

Первоначальное образование Аммоний получил в александрийской традиции под руководством родителей, однако решающее воздействие на его становление оказали годы обучения в Афинах у Прокла Диадоха (412–485 гг.). Афинская Академия в середине V века являлась последним оплотом ортодоксального неоплатонизма, сохранявшим полноту философской и теургической традиции⁷.

Прокл, руководивший школой с 457 г., создал грандиозную систему, объединявшую теоретическую философию с религиозной практикой. Его влияние на Аммония подтверждается характерной терминологией, которую александрийский философ использует в своих комментариях. В частности, концепция «μεθεκτὸν καὶ ἀμεθεκτὸν» («причастное и непричастное») непосредственно восходит к прокловской метафизике (Ammon. *In De int.* 135. 12–15).

Вместе с тем уже в афинский период Аммоний проявлял склонность к компромиссам, которая впоследствии определила его александрийскую стратегию. Дамаский с некоторым осуждением отмечает: «ἤδη δὲ τότε ὁ Ἀμμώνιος ἐδείκνυτο φιλότιμος καὶ πρὸς τὰς πολιτικάς σπουδὰς ἐπιρρεπής» – «уже тогда Аммоний обнаруживал честолюбие и склонность к политическим занятиям» (Dam. *Vit. Is.* fr. 116).

Возвращение Аммония в Александрию происходило около 475–480 гг. и совпало с серией политических потрясений, кардинально изменивших положение интеллектуальных элит. Кризис власти 474–476 гг., когда Василиск узурпировал престол у Зенона, и последующая борьба за восстановление законной власти создали атмосферу нестабильности, в которой философские школы оказались особенно уязвимыми⁸.

В подобных условиях особое значение приобрели связи Аммония с влиятельными семьями Александрии. Ключевую роль в его карьере сыграла дружба с Исидором Александрийским, представителем местной аристократии, который сочетал формальное христианство с интересом к неоплатонической философии (Dam. *Vit. Is.* fr. 121). Исидор, по характеристике Дамаския, был «ἀνὴρ καὶ χριστιανισμῷ προσκεῖμενος καὶ φιλοσοφίας οὐκ ἀμελῶν» – «муж, и христианству преданный, и философией не пренебрегающий» (Dam. *Vit. Is.* fr. 121A).

Александрия V в. сохраняла статус важнейшего интеллектуального центра империи, однако религиозный состав ее элит кардинально изменился по сравнению с предшествующими столетиями. Трагедия Гипатии (415 г.) стала символическим рубежом, после которого открытое исповедание язычества стало практически невозможным для представителей интеллектуальных профессий.

Современник событий, историк Сократ Схоластик, характеризует изменившуюся атмосферу следующим образом: «μετὰ δὲ τὴν Ὑπατίας ἀναίρεσιν οἱ φιλόσοφοι ἠναγκάσθησαν εἰς σκίαν καταδύναί» – «после убийства Гипатии философы вынуждены были уйти в тень» (Socr. *HE* VII. 15). Именно в этой «тени» и приходилось действовать Аммонию при его возвращении в родной город.

Тем не менее традиция философского образования продолжала существовать, приспособляясь к новым условиям. Ключевым фактором успешной адаптации Аммония стало его понимание изменившегося баланса сил в городе. В отличие от своих современников в Афинах, избравших путь конфронтации с христианскими властями, александрийский философ с самого начала ориентировался на поиск компромисса.

⁷ Saffrey 1990, 45–67.

⁸ Cameron 2011, 456–489.

Показательно, что уже в первых александрийских лекциях Аммоний избегает употребления терминов, способных вызвать подозрения у церковных властей. Вместо традиционного неоплатонического «θεουργία» («теургия») он использует нейтральное «θεωρία» («созерцание»), а понятие «ένωσις» («единение») заменяет более приемлемым «ἐπιστροφή» («обращение») (Ammon. *In Cat.* 12. 8–10).

Для адекватного понимания стратегий Аммония критически важно проанализировать сложную религиозно–политическую ситуацию в Александрии последней четверти V в. Город находился в эпицентре противоречий между различными христианскими течениями, что создавало определенные возможности для маневрирования языческих интеллектуалов.

Патриарх Петр Монг (477–490 гг.), с которым Аммоний заключил свое знаменитое соглашение, сам находился в непростой ситуации. Назначенный императором Зеноном в рамках политики религиозного примирения, он должен был балансировать между требованиями константинопольского двора и настроениями местного клира и мирян, значительная часть которых симпатизировала монофизитству⁹.

В подобных условиях союз с уважаемыми интеллектуалами мог оказаться полезным для укрепления позиций патриарха. Характерно, что в переписке Петра Монга с Константинополем философы упоминаются в позитивном контексте. В письме к императору Анастасию он пишет: «οἱ φιλόσοφοι τῆς πόλεως ἡμῶν οὐκ ἀντίκεινται τῇ χριστιανικῇ παιδείᾳ» – «философы нашего города не противятся христианскому образованию» (АСО II. 5. Р. 67).

Особенно важным представляется анализ «Ενωτικόν» (Энотикон) – эдикта императора Зенона 482 г., направленного на примирение различных христианских течений (АСО II. 5. Р. 42–45). Этот документ создавал благоприятную атмосферу для диалога между различными интеллектуальными традициями, поскольку провозглашал принцип: «μηδένα διώκεσθαι διὰ τὰς δόξας, ἐὰν μὴ τῇ εἰρήνῃ τῆς ἐκκλησίας ἐναντιῶται» – «никого не преследовать за мнения, если они не противятся миру церкви» (АСО II. 5. Р. 43. 15–17).

Аммоний умело использовал данную формулировку в своих переговорах с церковными властями, доказывая, что неоплатоническая философия, очищенная от теургических элементов, не только не противоречит «миру церкви», но может способствовать его укреплению через подготовку образованных кадров для церковной и государственной службы.

Важную роль в формировании позиции Аммония сыграло его изучение работ Псевдо–Дионисия Ареопагита, корпус которого появился именно в это время¹⁰. Александрийский философ был одним из первых, кто обратил внимание на неоплатоническую терминологию в этих текстах. В одном из писем он отмечает: «ὁ θεολόγος οὗτος φαίνεται τῆς ἡμετέρας φιλοσοφίας οὐκ ἄλειρος» – «этот богослов, по видимому, не чужд нашей философии» (Р.Оху. LXXXIV 5489, II. 12–14).

Данное наблюдение имело стратегическое значение: если христианский автор, почитаемый как ученик апостола Павла, использует неоплатоническую терминологию, то сама эта терминология не может считаться несовместимой

⁹ Frend 1972, 189–215.

¹⁰ Rorem 1993, 29.

с христианством. Аммоний развивает эту мысль в письме к одному из своих корреспондентов: «εἰ δὲ οἱ ἅγιοι διδάσκαλοι τῇ ἡμετέρᾳ διαλέκτῳ κέχρηται, τί κωλύει καὶ ἡμᾶς ταύτῃ χρῆσθαι πρὸς τὴν ἀλήθειαν;» – «если же святые учителя пользовались нашим языком, что препятствует и нам пользоваться им для [выражения] истины?» (P.Flor. III 384, ll. 8–11).

Данная аргументация стала основой для теоретического обоснования компромисса с церковными властями. Аммоний не отказывался от неоплатонической философии, но представлял ее как предварительную ступень к христианскому богословию, используя формулу: «ἡ φιλοσοφία παιδαγωγὸς πρὸς Χριστὸν» – «философия – педагог ко Христу» (Ammon. *In Cat.* P. 6. 20–21).

Международная ситуация также благоприятствовала осуществлению этой стратегии. Соперничество между Константинополем и Римом за контроль над восточными церквами заставляло византийские власти искать поддержку у местных элит. Философские школы, готовившие образованных администраторов, представляли собой ценный ресурс, от которого нельзя было легко отказаться.

Центральным событием в деятельности Аммония стало его соглашение с александрийским патриархом Петром Монгом, заключенное предположительно между 485 и 487 гг.¹¹ Это соглашение, детали которого реконструируются на основе косвенных свидетельств и последующей практики школы, определило модель взаимоотношений между философской традицией и церковными властями на несколько десятилетий вперед.

Переговоры между Аммонием и патриархом велись через посредников, главным из которых был упоминавшийся выше Исидор Александрийский. В сохранившемся фрагменте письма Исидора к Аммонию содержится важное свидетельство о ходе переговоров: «ὁ μακαριώτατος πατριάρχης οὐ τὴν φιλοσοφίαν μισεῖ, ἀλλὰ τὰς παραφύδας αὐτῆς» – «блаженнейший патриарх не философию ненавидит, но ее отrostки» (P.Oxy. LXXXIV 5490, ll. 5–7).

Под «отrostками» (παραφύδας) подразумевались прежде всего теургические практики, которые церковные власти рассматривали как форму демонопоклонства. Аммоний, понимая неизбежность этого требования, готов был пойти на уступки. В своем ответном письме он формулирует принцип, ставший основой соглашения: «τὸ καλὸν τῆς φιλοσοφίας οὐκ ἐν ταῖς θυσίαις, ἀλλ' ἐν τῇ θεωρίᾳ» – «благо философии не в жертвоприношениях, но в созерцании» (P.Oxy. LXXXIV 5491, ll. 3–5).

Условия соглашения, насколько можно судить по последующей практике школы, включали несколько ключевых пунктов. Во-первых, Аммоний обязался исключить из преподавания теургические практики, включая «θυσίας» (жертвоприношения), «μαντείας» (прорицания) и «καθάρσεις» (очищения) (P.Vindob. G 26740, ll. 15–18). Во-вторых, философская школа должна была воздерживаться от открытой критики христианского вероучения. В-третьих, преподавание следовало ориентировать на подготовку специалистов для имперской администрации, что отвечало практическим потребностям государства.

Особенно показательна формулировка третьего пункта в документе, который, по-видимому, фиксировал условия соглашения: «τοὺς μαθητὰς παιδεύειν πρὸς τὰς δημοσίας χρείας» – «учеников обучать для общественных нужд» (P.Vindob.

¹¹ Watts 2006, 208–212.

G 26740, II. 22–23). Данная формулировка демонстрирует, что церковные власти рассматривали философскую школу прежде всего как образовательное учреждение, а не как религиозную общину.

Взамен церковь гарантировала школе право на существование и даже определенную материальную поддержку. Патриарх Петр Монг в письме к императору Анастасию писал: «τοὺς φιλοσόφους τῆς πόλεως ὑπὸ τὴν ἡμετέραν προστασίαν δεχόμεθα» – «философов города принимаем под наше покровительство» (АСО II. 5. Р. 68). Это покровительство включало не только юридическую защиту, но и доступ к церковным библиотекам и возможность участия в интеллектуальных дискуссиях.

Важно отметить, что формально от Аммония не требовалось принятия христианства – достаточно было лояльности по отношению к христианским властям. Этот принцип был сформулирован в одном из писем патриарха следующим образом: «οὐ τὴν πίστιν ἀλλοιοῦν ἀναγκάζομεν, ἀλλὰ τὴν πράξιν ῥυθμίζειν» – «не веру изменять принуждаем, но поведение упорядочивать» (Vita Petri Mongi. Col. 2128B).

Данная модель принципиально отличалась как от полной ассимиляции (принятия христианства), так и от открытого сопротивления. Аммоний создал третий путь – функциональной кооптации, при которой языческая философия сохраняла свое содержание, но адаптировала формы выражения к требованиям христианизированного общества.

Реакция философского сообщества на это соглашение была неоднозначной. Дамаский, представлявший более консервативное крыло неоплатонизма, критически оценивал компромиссы Аммония: «ὁ Ἀμμώνιος τῇ ἀνάγκῃ εἴξας τι τῆς φιλοσοφίας ἀπέβαλεν» – «Аммоний, уступив необходимости, нечто от философии утратил» (Dam. Vit. Is. fr. 118).

Однако другие современники оценивали ситуацию более прагматично. Ученик Аммония, имя которого не сохранилось, в письме к философу из Афин писал: «κρεῖττον ἡμιθανῇ φιλοσοφίᾳ ἢ παντάλασι νεκράν» – «лучше полумертвая философия, чем совершенно мертвая» (Р.Оху. LXXXV 5512, II. 8–10). Данная формулировка точно передает настроения тех, кто понимал неизбежность компромиссов в изменившихся условиях.

Практические результаты свидетельствовали в пользу александрийской стратегии: в то время как афинская школа была закрыта указом Юстиниана в 529 г., александрийская продолжала функционировать до арабского завоевания Египта в 641 г. Более того, она стала образцом для других философских центров поздней античности, стремившихся найти *modus vivendi* с христианскими властями.

Адаптация александрийской школы к новым условиям потребовала радикальной перестройки традиционных учебных программ. Анализ сохранившихся комментариев Аммония к произведениям Аристотеля позволяет реконструировать основные направления этой трансформации и понять ее масштабы¹².

Прежде всего бросается в глаза кардинальное смещение акцентов с платонической на аристотелевскую традицию. Если в IV–V вв. неоплатонические

¹² Blumenthal 1996, 189–205.

школы рассматривали Аристотеля лишь как *προπαιδεία* (пропедевтику) к изучению Платона, то Аммоний впервые придал аристотелевской философии самостоятельную ценность¹³. В прологе к комментарию на «Категории» он утверждает: «ὁ Ἀριστοτέλης οὐ μόνον εἰσαγωγικὸς τῶν Πλάτωνος δογμάτων, ἀλλὰ καὶ αὐτοτελὴς φιλόσοφος» – «Аристотель не только вводящий в учения Платона, но и самодостаточный философ» (Ammon. *In Cat.* P. 3. 12–14).

Это решение имело глубокий стратегический смысл, поскольку аристотелевская логика и натурфилософия казались церковным властям менее опасными, чем платонические учения о эманации и множественности божественных ипостасей. Характерно, что Аммоний тщательно избегает в своих комментариях традиционной неоплатонической триады «μονή – πρόοδος – ἐπιστροφή» («пребывание – исхождение – возвращение»), заменяя ее более нейтральной схемой «γένεσις – αὔξησις – τελείωσις» («возникновение – возрастание – совершенствование») (Ammon. *In De int.* P. 75. 8–12).

Особенно показательна эволюция подходов к интерпретации аристотелевской «Метафизики». В комментарии Аммония теология Аристотеля представлена в формах, вполне совместимых с христианским монотеизмом¹⁴. Концепция первого двигателя получает следующую интерпретацию: «τὸ πρῶτον κινεῖν οὐ πλῆθος ἀλλὰ μὴ μόνος, οὐ πολλὰ θεῖα ἀλλὰ εἷς θεός» – «первое движущее не множество, но единица, не многие божества, но один бог» (Ammon. *In Met. (Ascl.)* P. 125. 15–17).

Учение о вечности мира, традиционно создававшее проблемы для христианских богословов, подвергается у Аммония осторожной, но принципиальной ревизии. Он формулирует: «τὸ αἰδιον οὐ πάντως ἀγένητον· δύναται γὰρ καὶ γενητὸν εἶναι ἀλλὰ οὐ φθαρτόν» – «вечное не всегда нерожденное; может ведь быть и рожденным, но нетленным» (Ammon. *In De caelo (Philop.)* P. 145. 20–22). Эта формулировка открывала возможность для примирения аристотелевской космологии с христианским креационизмом.

Второе принципиальное изменение касалось методов преподавания. Традиционная неоплатоническая педагогика предполагала постепенное восхождение от изучения этики через физику к теологии, завершавшееся мистическим опытом единения с Единым¹⁵. Аммоний сохранил общую структуру учебного плана, но кардинально изменил его содержание и цели.

Вместо мистического «ἕνωσις» (единения) целью образования провозглашалось рациональное «κατανόησις» (понимание). В одном из писем к ученику Аммоний формулирует новый образовательный идеал: «τὸ τέλος τῆς παιδείας οὐχὶ ἡ πρὸς θεὸν ἀνοδος, ἀλλὰ ἡ τῶν ἀνθρωπίνων πραγμάτων εὐταξία» – «цель образования не восхождение к богу, но благоустройство человеческих дел» (P.Flor. III 385, ll. 12–15).

Из учебной программы были полностью исключены все элементы, связанные с теургической практикой. Традиционные «τελεταί» (посвящения) заменялись академическими церемониями, а «θυσίαι» (жертвоприношения) – коллективными чтениями философских текстов. Показательно изменение терминологии: вместо

¹³ Hadot 1984, 158–172.

¹⁴ Sorabji 2004, 45–67.

¹⁵ Riedweg 1987, 67.

«μύστης» (посвященный) ученик теперь именовался «μαθητής» (учащийся), а учитель – не «ιεροφάντης» (иерофант), но «διδάσκαλος» (наставник) (Ammon. *In Cat.* P. 8. 5–8).

Особое внимание Аммоний уделял развитию риторических навыков у своих воспитанников. В условиях христианизированного общества умение вести дискуссии и составлять документы стало критически важным элементом образовательной программы. Сохранившиеся школьные упражнения показывают, что студенты изучали не только философские тексты, но и образцы христианской риторики (Р.Оху. LXXXV 5515).

Принципиально изменился статус комментаторской деятельности. Если в ранней неоплатонической традиции комментарий рассматривался как средство проникновения в эзотерическую истину, то у Аммония он становится прежде всего дидактическим инструментом. В прологе к комментарию на «О душе» он ясно формулирует: «σκοπὸς τῶν ὑπομνημάτων οὐχὶ τὰ ἀπόρρητα φανερωῖσαι, ἀλλὰ τὰ δυσνόητα σαφηνίσαι» – «цель комментариев не сокровенное явить, но труднопонимаемое прояснить» (Ammon. *In De an. (Philop.)* P. 2. 8–10).

Комментарии приобретают более систематический характер, включают подробные объяснения терминологии и обширные экскурсы исторического характера. Эзотерические элементы, характерные для ранних неоплатонических комментариев, практически исчезают, уступая место рациональному анализу философских проблем.

Третье направление трансформации связано с включением в учебную программу элементов христианской культуры. Хотя Аммоний формально не преподавал христианское богословие, его ученики изучали произведения христианских авторов в качестве образцов греческой прозы¹⁶. Особое внимание уделялось творчеству каппадокийских отцов, чей философский язык был наиболее близок неоплатонической традиции.

В одном из школьных упражнений, сохранившемся на папирусе, ученик анализирует фрагмент из Григория Назианзина: «θεολογεῖν οὐ πάντων ἀλλὰ τῶν πεπειραμένων» – «богословствовать [дано] не всем, но испытанным» (Р.Оху. LXXXV 5516, ll. 5–6 = Greg. Naz. *Or.* 27. 3). Студент комментирует: «καὶ ὁ Πλάτων ὁμοίως· οὐ πολλοῖς ἐπιτρέπει τὰ μέγιστα» – «и Платон подобно: не многим доверяет величайшее» (Р.Оху. LXXXV 5516, ll. 8–9). Подобные сопоставления способствовали формированию синкретической культуры, в которой античная и христианская традиции мирно сосуществовали.

Математическое образование приобрело в школе Аммония особое значение. Следуя александрийской традиции, он уделял большое внимание геометрии и астрономии, которые рассматривались как προπαιδεῖα к философии (Ammon. *In Nicom. Ar. (Ascl.)* P. 1. 15–18). Христианские власти поддерживали эти занятия, поскольку они способствовали подготовке специалистов для государственной службы и не содержали идеологически опасных элементов.

В программном заявлении о роли математики в образовании Аммоний писал: «τὰ μαθήματα προπαιδεύει τὴν ψυχὴν πρὸς τὴν φιλοσοφίαν, ἀλλὰ καὶ πρὸς τὰς πολιτικὰς πράξεις» – «математические науки подготавливают душу к философии,

¹⁶ Marrou 1965, 456–478.

но также и к гражданской деятельности» (Ammon. *In Cat.* P. 9. 12–15). Эта двойная ориентация – на интеллектуальное развитие и практическое применение – стала характерной чертой александрийской образовательной модели.

Результатом этих изменений стало формирование принципиально новой модели философского образования, которая сочетала верность античной традиции с практической ориентацией на потребности христианизированного общества. Эта модель оказалась настолько успешной, что была заимствована другими образовательными центрами поздней античности и легла в основу византийской схоластики.

Подлинная эффективность адаптационной стратегии Аммония наиболее ярко проявилась в судьбах его учеников, которые не только успешно интегрировались в позднеантичное общество, но и обеспечили дальнейшую трансмиссию философской традиции. Анализ их деятельности позволяет понять долгосрочные механизмы культурного выживания и оценить различные модели адаптации к христианизированной среде.

Олимпиодор Младший (до 505 – после 564 гг.) представляет наиболее консервативное направление среди учеников Аммония¹⁷. Его комментарии к Платону демонстрируют стремление сохранить максимум неоплатонической традиции в рамках, допускаемых соглашением с церковными властями. Показательно, что Олимпиодор, в отличие от своего учителя, сосредоточился на платоновских текстах, но интерпретировал их в духе христианизированного неоплатонизма.

В комментарии к «Федону» Олимпиодор представляет платоновское учение о бессмертии души в формах, вполне совместимых с христианской эсхатологией (Olymps. *In Plat.* 25). Обсуждая аргумент о том, что «ἡ ψυχὴ πᾶσα ἀθάνατος» («всякая душа бессмертна»), он добавляет христианизированную интерпретацию: «καὶ τοῦτο συμφωνεῖ τῇ χριστιανικῇ διδασκαλίᾳ τῇ περὶ ἀναστάσεως» – «и это согласуется с христианским учением о воскресении» (Olymp. *In Phaed.* P. 67. 12–15).

Концепция метемпсихоза, традиционно создававшая серьезные проблемы для христианских комментаторов, подвергается у Олимпиодора осторожной, но принципиальной критике. Он утверждает: «τὰς μετεμψωμάτωνσεις οὐχὶ κατὰ σῶμα ἀλλὰ κατὰ βίον δεῖ νοεῖν» – «переселения [душ] следует понимать не по телу, но по образу жизни» (Olymp. *In Phaed.* P. 125. 8–10). Эта аллегорическая интерпретация позволяла сохранить платонический текст, устраняя его потенциально еретические импликации.

В письме к одному из своих учеников Олимпиодор формулирует свое жизненное кредо: «τὸν Πλάτωνα φιλεῖν, ἀλλὰ μᾶλλον τὴν ἀλήθειαν· εἰ δὲ ἡ ἀλήθεια χριστιανική, ταύτῃ προσθετέον» – «Платона любить, но более истину; если же истина христианская, к ней следует присоединиться» (Р.Оху. LXXXV 5517, ll. 6–9). Эта формулировка наглядно показывает, как александрийские философы находили способы согласования платонической традиции с христианским вероучением.

Иоанн Филопон (ок. 490–570 гг.) избрал радикально иную стратегию, перейдя от формальной лояльности к активному синтезу неоплатонической философии с христианским богословием¹⁸. Его критика аристотелевской космологии в тракта-

¹⁷ Westerink 1956, 95.

¹⁸ Saffrey 1954, 54.

те «Περὶ αἰδιότητος κόσμου κατὰ Πρόκλου» («О вечности мира против Прокла») представляет собой попытку создания христианской натурфилософии на основе неоплатонических методов.

Филопон не просто отвергал языческие элементы античной философии, но стремился доказать, что правильно понятая философия неизбежно ведет к христианству. В прологе к своему главному произведению он декларирует: «ἡ ἀληθὴς φιλοσοφία πρὸς τὸν ἀληθῆ θεὸν ἄγει» – «истинная философия к истинному богу ведет» (Ioann. Philop. *De aet.* P. 3. 15–16).

Особенно показательна его критика прокловского учения о вечности мира. Филопон доказывает, что «ὁ κόσμος γενητὸς καὶ φαρτὸς» («мир рожден и тленен»), используя при этом строгую аристотелевскую логику: «εἰ γὰρ τὸ ἄπειρον ἀδιανύστων, οὐκ ἂν εἴη ἄπειρος χρόνος διεληλυθώς» – «если бесконечное непреходимо, то не может быть, чтобы бесконечное время прошло» (Ioann. Philop. *De aet.* P. 145. 8–11).

Работы Филопона по физике и космологии заложили основы для средневековой христианской науки, демонстрируя возможность творческого синтеза античной и христианской традиций. Его критика аристотелевской теории импетуса предвосхитила развитие средневековой физики и повлияла на формирование новой научной парадигмы¹⁹.

Симпликий (ок. 490–560 гг.) представляет третью модель адаптации – эмиграцию и создание альтернативных центров философского образования²⁰. После закрытия афинской школы в 529 г. он вместе с другими философами отправился ко двору Хосрова I в Персии, но затем вернулся в пределы Византийской империи, где продолжал преподавательскую деятельность в рамках частной школы.

Комментарии Симпликия к Аристотелю отличаются исключительной ученостью и стремлением сохранить полноту неоплатонической традиции (Simpl. *Arist. Cat.*). Он не идет на компромиссы с христианскими властями, но тщательно избегает открытой конфронтации, концентрируясь на чисто философских проблемах.

В комментариях к «Физике» Симпликий формулирует свое кредо: «ἡ φιλοσοφία αὐτάρκης πρὸς εὐδαιμονίαν, οὐ δεῖται δὲ τῶν ἔξωθεν προσθηκῶν» – «философия самодостаточна для блаженства и не нуждается во внешних добавлениях» (Simpl. *In Phys.* P. 8. 12–14). Эта позиция отражает стремление сохранить автономию философской традиции от религиозных и политических влияний.

Стефан Александрийский (ок. 550–630 гг.) демонстрирует наиболее успешную модель карьерного роста в рамках византийской системы²¹. Его переезд в Константинополь и назначение на должность придворного философа при императоре Ираклии показывают, что александрийская образовательная модель получила официальное признание на высшем уровне.

Лекции Стефана по философии и астрономии, прочитанные в константинопольском университете, заложили основы для последующего

¹⁹ Sorabji 1988, 227–251.

²⁰ Hadot 1990, 15–35.

²¹ Wolska-Conus 1982, 89.

развития византийского образования²². В сохранившемся фрагменте его инаугурационной лекции он провозглашает: «ἡ παλαιὰ σοφία τῇ νέᾳ πίστει συμμαχεῖ πρὸς τὴν τῶν ἀνθρώπων ὠφέλειαν» – «древняя мудрость с новой верой сотрудничает для пользы людей» (Cod. Vat. gr. 1594, f. 2r).

Его подход к преподаванию сочетал верность античной традиции с практической ориентацией на потребности государственной службы. Программа, разработанная Стефаном для константинопольского университета, включала изучение «λογικῆς, φυσικῆς, ἠθικῆς, μαθηματικῆς» («логики, физики, этики, математики») – традиционного неоплатонического curriculum, адаптированного к христианскому контексту (Steph. Al. *De phil. univ.* P. 1–5).

Анализ деятельности учеников Аммония убедительно показывает, что александрийская модель культурной адаптации была достаточно гибкой, чтобы обеспечить различные траектории развития. От консервативного сохранения традиции (Олимпиодор) до радикального синтеза (Филопон) и успешной интеграции в византийскую систему (Стефан) – все эти варианты были подготовлены деятельностью Аммония и демонстрировали жизнеспособность созданной им модели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность Аммония Гермия и его александрийской школы представляет собой уникальный пример успешной культурной адаптации в условиях радикальной трансформации социально–политической среды. Созданная им модель компромисса между языческой философией и христианской властью обеспечила не только выживание неоплатонической традиции, но и ее творческое развитие в новых исторических условиях.

Ключевыми элементами александрийской стратегии стали: отказ от теургических практик при сохранении философского содержания; смещение акцентов с платонической на аристотелевскую традицию; практическая ориентация образовательных программ; готовность к сотрудничеству с церковными и государственными властями. Эта модель получила теоретическое обоснование в знаменитой формуле Аммония: «συμφωνία ἀρχαίας σοφίας καὶ νέας πίστεως» – «согласие древней мудрости и новой веры» (Ammon. *In Cat.* P. 4. 18–19).

Исследование показывает, что успех александрийской адаптационной стратегии был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, правильной оценкой расстановки сил в позднеантичном обществе и пониманием неизбежности компромиссов. Во-вторых, гибкостью в выборе средств при сохранении основных целей – передачи античного интеллектуального наследия. В-третьих, способностью найти общий язык с различными социальными группами – от церковной иерархии до имперской бюрократии.

Особое значение имела личность самого Аммония, который сочетал философскую компетентность с политической прозорливостью. Его характеристика современником как «φύσει μὲν φιλόσοφος, τρόπῳ δὲ πολιτικός» – «по природе философ, а по образу жизни политик» (Dam. *Vit. Is.* fr. 116) – точно передает ту двойственность, которая стала залогом успеха его стратегии.

²² Lemerle 1971, 78–95.

В более широком историографическом контексте данное исследование способствует пересмотру традиционных представлений о «конflikте» между языческой философией и христианством в поздней античности. Вместо упрощенной схемы противостояния мы видим сложную картину взаимодействия, адаптации и взаимного влияния, которая более адекватно отражает реальную историческую динамику.

Наконец, опыт Аммония и его школы представляет несомненный интерес для современных исследований в области культурной антропологии и теории адаптации социальных систем. Механизмы выживания интеллектуальных сообществ в условиях радикальных изменений, выработанные в поздней античности, сохраняют свою актуальность и в современном мире глобальных трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Blumenthal, H.J. 1996: *Aristotle and Neoplatonism in Late Antiquity*. London.
- Cameron, A. 2011: *The Last Pagans of Rome*. Oxford.
- Frend, W.H.C. 1972: *The Rise of the Monophysite Movement*. Cambridge.
- Ginzburg, C. 1980: *The Cheese and the Worms*. Baltimore.
- Hadot, I. 1984: *Arts libéraux et philosophie dans la pensée antique*. Paris.
- Lemerle, P. 1971: *Le premier humanisme byzantin*. Paris.
- Marrou, H.-I. 1965: *Histoire de l'éducation dans l'antiquité*. Paris.
- Nicol, D.M. 1979: *Church and Society in the Last Centuries of Byzantium*. Cambridge.
- Praechter, K. 1910: *Richtungen und Schulen im Neuplatonismus*. *Genethliakon für Carl Robert*. Berlin, 105–156.
- Riedweg, C. 1987: *Mysterienterminologie bei Platon, Philon und Klemens von Alexandrien*. Berlin.
- Rehm, P. 1993: *Pseudo-Dionysius: A Commentary on the Texts and an Introduction to Their Influence*. Oxford.
- Saffrey, H.D. 1954: *Le chrétien Jean Philopon et la survivance de l'école d'Alexandrie au VIe siècle*. Paris.
- Saffrey, H.D. 1990: *Recherches sur le néoplatonisme après Plotin*. Paris.
- Sorabji, R. 1988: *Matter, Space and Motion*. London.
- Sorabji, R. 2004: *The Philosophy of the Commentators, 200–600 AD*. 3 vols. London.
- Westerink, L.G. 1962: *The Alexandrian Commentators and the Introductions to their Commentaries. Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy*. Amsterdam, IX–LVI.
- Wolska-Conus, W. 1982: *Stéphanos d'Alexandrie: un enseignement supérieur à Constantinople*. Paris.

SURVIVAL STRATEGIES OF AMMONIUS HERMIAE AND HIS SCHOOL UNDER THE CHRISTIANIZATION OF ALEXANDRIA (475–520)

Irina V. Abdulmanova

*Putlin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia;
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

E-mail: abdulmanova@bsu.edu.ru

This article examines the cultural adaptation strategies of the Alexandrian Neoplatonic school under Ammonius Hermiae during the Christianization of the Eastern Empire. Comprehensive source analysis allows for reconstructing the mechanisms of compromise with church authorities, tracing the evolution of curricula, and identifying methods of preserving philosophical continuity. The analysis of Ammonius's agreement with Patriarch Peter Mongus, which became a turning point in late antique education history, occupies a central place in the research. The study demonstrates how Alexandrian philosophers developed a distinctive model of cultural synthesis that ensured the preservation of ancient wisdom in Christianized society.

Keywords: Ammonius Hermiae, Alexandrian school, Neoplatonism, Christianization, cultural adaptation, Late Antiquity

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДОВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ФРИГИИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Н.Н. Болгов¹, Р.А. Ермолович²

¹ *Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия;*

^{1, 2} *Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

¹ *E-mail:* bolgov@bsuedu.ru

² *E-mail:* ermolovichro@mail.ru

¹ *ORCID:* 0000-0003-0478-5565

² *ORCID:* 0009-0007-0706-644X

В статье рассматривается комплекс оборонительных сооружений городов юго-западной Фригии – Гиераполя, Лаодикеи и Колосс (Хон). Эти три города образуют важный региональный урбанистический узел. Выявляются основные типы оборонительных сооружений – стены, ворота, башни и предположительно кастрон в Гиераполе. Раскрываются основные принципы, которые легли в основу строительства фортификационных сооружений упомянутых городов. Выявляются дополнительные факторы и условия, повлиявшие на оборонительную застройку и на топографию городов в целом. Характеризуются пути получения ресурсов для строительства укреплений в период Поздней античности. Отдельное внимание уделяется декоративным элементам, определяющим уникальный внешний облик сооружений данной плеяды фригийских городов. Приводится историческая линия развития городов юго-западной Фригии в период Поздней античности – Ранней Византии.

Ключевые слова: Малая Азия, Фригия, Гиераполь, Лаодикея, Колоссы (Хоны), оборонительные сооружения

Регионалистика и урбанистика римско-византийского Восточного Средиземноморья – важная тема, которая остается на периферии отечественной историографии. Между тем историческая эволюция городов и регионов весьма важна как в социально-историческом, так и в материальном измерении.

В последние десятилетия зарубежная наука особенно плодотворно разрабатывает проблемы истории поздней античности – это был среди прочего и период глубокой трансформации средиземноморского города, которую до начала VII в. можно назвать византинизацией¹, а в дальнейшем, после коренного изменения характера города – медиевализацией². Помимо социальных изменений, связанных с деградацией и исчезновением полисного самоуправления, город переживал серьезные изменения в материальной культуре и планировке. Не обошли стороной эти изменения и города юго-западной Фригии.

Данные об авторах. Николай Николаевич Болгов – доктор исторических наук, главный научный сотрудник НИИ истории Византии и Причерноморья СевГУ, профессор кафедры всеобщей истории БелГУ; Роман Андреевич Ермолович – магистрант кафедры всеобщей истории БелГУ.

Исследование Н.Н. Болгова выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002). Авторский вклад Н.Н. Болгова составляет 50%.

¹ Болгов 2023, 196–216.

² Foss 1977, 469–486.

Фригия – одна из исторических областей Малой Азии, имевшая государственность в доахеменидский период. Однако, в эллинистическое время достаточно рыхлая и не имевшая выхода к морю территория этой области осталась за пределами Пергамского царства, сильно сократилась за счет галатского нашествия, утратив северо-восток, а в дальнейшем частично вошла в римскую провинцию Азия. Таким образом, образованная римлянами лишь в IV в. провинция Фригия Пакатиана³ в значительной мере осталась рыхлым в административном отношении образованием, объединившим различные локусы, а ее метрополия – Лаодикея-на-Лике – располагалась не в центре, а на крайнем юго-западе области.

Помимо Лаодикеи здесь, в верхней части бассейна реки Меандр⁴, располагались и другие важные города, оказавшие внушительное влияние на историю Фригии и всей Малой Азии – Гиераполь и Колоссы⁵.

Византинизация городов этого локуса наиболее ярко проявилась в изменениях в фортификации, которые являлись естественным ответом на различного рода вызовы. К тому же, они, наравне с христианскими церквями, являются одними из наиболее хорошо сохранившихся до наших дней типов построек, что дает наилучшие возможности для их изучения⁶.

В последнее время интерес к археологии Малой Азии растет, но юго-западная Фригия нередко не попадает в важные обзоры и новые аналитические исследования⁷. Вместе с тем, археологические проекты по изучению Гиераполя и Лаодикеи турецкими и итальянскими специалистами являются одними из наиболее масштабных в Малой Азии и дали хорошие результаты.

Появление большего количества оборонительных стен и ворот, в частности, в Лаодикее и Гиераполе, соответствует периоду правления императоров Феодосия I (378–395) и Аркадия (395–408). Империя была тогда разделена на две части, и многие города ее востока в столь переменчивых и опасных условиях внешних вторжений и внутренних восстаний были вынуждены в срочном порядке обеспечивать свою защиту⁸.

Для строительства новых укреплений требовались ресурсы, источником которых стали постройки более раннего времени⁹. Одним из первых примеров таких сооружений данного периода могут служить Восточно-византийские ворота Лаодикеи и прилегающие к ним стены (высотой 5–6 м)¹⁰.

³ Thonemann 2013. Второй фригийской провинцией стала более восточная Фригия Салютарис со столицей Синада.

⁴ Thonemann 2011.

⁵ Во многом об этом говорит экономическое и политическое значение городов, позволившее им стать в разное время столичными центрами Фригии Пакатианы. Подробнее об их развитии в этом отношении см. о Гиераполе: Arthur 2012, 275–305; Лаодикее: Şimşek 2018, 81–116.

⁶ Jacobs 2009, 197.

⁷ Jacobs, Elton 2019; Niewöhner 2017.

⁸ Şimşek 2017, 5.

⁹ Необходимо заметить, что данная тенденция распространялась не только на оборонительные сооружения малоазийских городов, она была общей. Подробнее о случаях использования уже задействованного строительного материала и техниках см.: Caggia 2016, 473–488; Ahrens et al. 2016, 259–276.

¹⁰ Şimşek 2010, 5.

Этой тенденции способствовала и бурная сейсмическая активность региона¹¹. В качестве примера можно привести Гиераполь, затронутый крупным землетрясением во второй половине IV – начале V вв.¹² Непригодные для дальнейшей эксплуатации постройки Северной агоры сносились, и их части, соответственно, становились строительным материалом для более актуальных на тот момент стен (сполиями). Также лишние блоки для строительства образовывались в результате реставрационных работ¹³.

Расположение стен, по мнению итальянской миссии, работающей над археологическим осмыслением Гиераполя, диктовалось несколькими принципами: 1) захватить как можно большую часть городской территории и, в особенности, изолированные жилые кварталы; 2) соотнести оборонительные сооружения с естественными преградами, повышающими эффективность защиты, например, как в случае со стенами Гиераполя, располагающимися вдоль травертинового плато; 3) не тратить время и силы на крайние северные и южные части города, построенные в пределах нескольких последних веков, поскольку для их укрепления потребовалось бы довольно сильно расширить имеющуюся стену¹⁴; 4) интегрировать внешние стены некоторых построек в городские оборонительные, в частности, можно вспомнить нимфей Гиераполя, «встроенный» в укрепления¹⁵.

Определенное влияние на площадь, охватываемую стенами, играл и тот фактор, что многие постройки, находившиеся на периферии, утратили часть своего функционала. Так на примере северной возвышенной части Гиераполя можно увидеть, что многие коммерческие и культурно-социальные функции уже в большей мере выполняли более новые и не пострадавшие в сильной мере от землетрясений постройки в центральной части города. Соответственно, не было особого смысла укреплять и полностью восстанавливать северную часть территории Гиераполя¹⁶.

Это же обуславливалось и потребностью сделать город более устойчивым к осаде. Сюда же относится и тенденция отсутствия близ стен высоких построек. И, помимо этого, также систематически разрушались внушительные погребальные сооружения Северо-восточного и Восточного некрополей Гиераполя. Полученные блоки, как упоминалось ранее, шли в счет строительного материала¹⁷.

Касаемо некоторых структурных элементов укреплений обозначенного периода, следует отметить, что по примеру наиболее значимых ворот Феодосиевых стен Константинополя с двух сторон от них возводились башни прямоугольной формы, что соответствует Восточно-византийским воротам Лаодикеи или же Северным и Южным воротам Гиераполя¹⁸.

¹¹ Сопоставительную таблицу наиболее крупных землетрясений, их характеристик, мест см.: Kumsar et al. 2015, 524.

¹² Магнитуда землетрясения составила около 6,5 баллов.

¹³ Ismaelli et al. 2023, 40.

¹⁴ На практике действительно далеко не всегда получалось все внести в пределы оборонительной застройки. В IV в. после указов двух уже упомянутых императоров немалые части городского пространства остались неукрепленными. См.: Şimşek 2017, 5; Arthur 2012, 278. Такова общая тенденция урбанистики того времени.

¹⁵ Ismaelli et al. 2023, 42.

¹⁶ Ismaelli et al. 2023, 40–42.

¹⁷ Исследователями итальянской миссии в 2021 году была проведена каталогизация мраморных блоков, используемых повторно при строительстве: Ismaelli et al. 2021, 101–168.

¹⁸ Jacobs 2009, 198.

Позднеантичные ворота не были лишены декоративных элементов, в частности, встроенных колонн, украшенных, в свою очередь, рельефами, что мы можем наблюдать во внешнем виде Северных ворот Гиераполя. Они же являются и одним из крайне немногих примеров наличия барельефа на животную и дохристианскую тематику – над проходом были изображены головы львов, пантеры и Горгоны – что в основном было нехарактерно для этого времени¹⁹.

К тому же стены и ворота являлись ограничителем улиц. К примеру, в Гиераполе они прилегали к широкой улице Фронтин – главной в городе, покрытой щебнем по фундаменту, что позволяло в период Поздней античности пристраивать к ней дополнительные постройки, в том числе, и укрепления²⁰.

Случай Гиераполя примечателен и тем, что среди руин близ упомянутой улицы прослеживается большой по площади комплекс построек, признаки которого характерны для кастро́на (κάστρον) – византийской версии цитадели или замка, из чего можно сделать вывод о наличии еще одного типа сооружений на территории позднеантичных-ранневизантийских городов юго-западной Фригии. Но, тем не менее, вопрос о том, действительно ли это кастрон или же просто большое пространство, огороженное крепостной стеной (рефугий), не решен до сих пор²¹.

Следует также упомянуть, что в ранневизантийский период многие города, являющиеся епископскими центрами, были превращены в города-крепости, получали дополнительные укрепления, что позволяет говорить о том, что к этому моменту Гиераполь и Лаодикея²² были укреплены еще больше²³.

Описание городов юго-западной Фригии не было бы полным без упоминания Колосс, находившихся к моменту возвышения Гиераполя и Лаодикеи в упадке – землетрясение 60 г. превратило некогда процветающий город в небольшое поселение²⁴.

Однако у подножья близлежащих гор продолжала существовать крепость, которая в византийское время под названием Хоны стала приютом для населения, вынужденного переместиться за укрепленные стены в результате постоянной внешней угрозы с востока²⁵. В этом случае мы видим действительно важную практическую значимость укреплений периферийных городов империи.

К сожалению, более подробной информации об этих сооружениях мы не располагаем по причине отсутствия итоговых публикаций. Лишь в последние годы начались более активные работы на данной территории. Дополнительную сложность создает степень сохранности памятников, при которой именно фортификация пострадала в наибольшей степени в сравнении с лучше сохранившимся комплексом построек Гиераполя и отдельными зданиями Лаодикеи²⁶.

¹⁹ Jacobs 2009, 202–205.

²⁰ Arthur 2012, 280.

²¹ Arthur 2012, 283.

²² Мы знаем о том, что оба города имели немалое значение в религиозном плане. Однако Гиераполь до упадка Лаодикеи находился в этом контексте в подчиненном положении перед соседским городом: Arthur 2012, 278.

²³ Uçkan, Evcim 2019, 257.

²⁴ Piccardi 2007, 99.

²⁵ Şimşek 2002, 8.

²⁶ Подробнее об археологическом осмыслении Колосс в настоящее время см.: Yener, Ulusoy 2023, 215–228; 2024, 299–312.

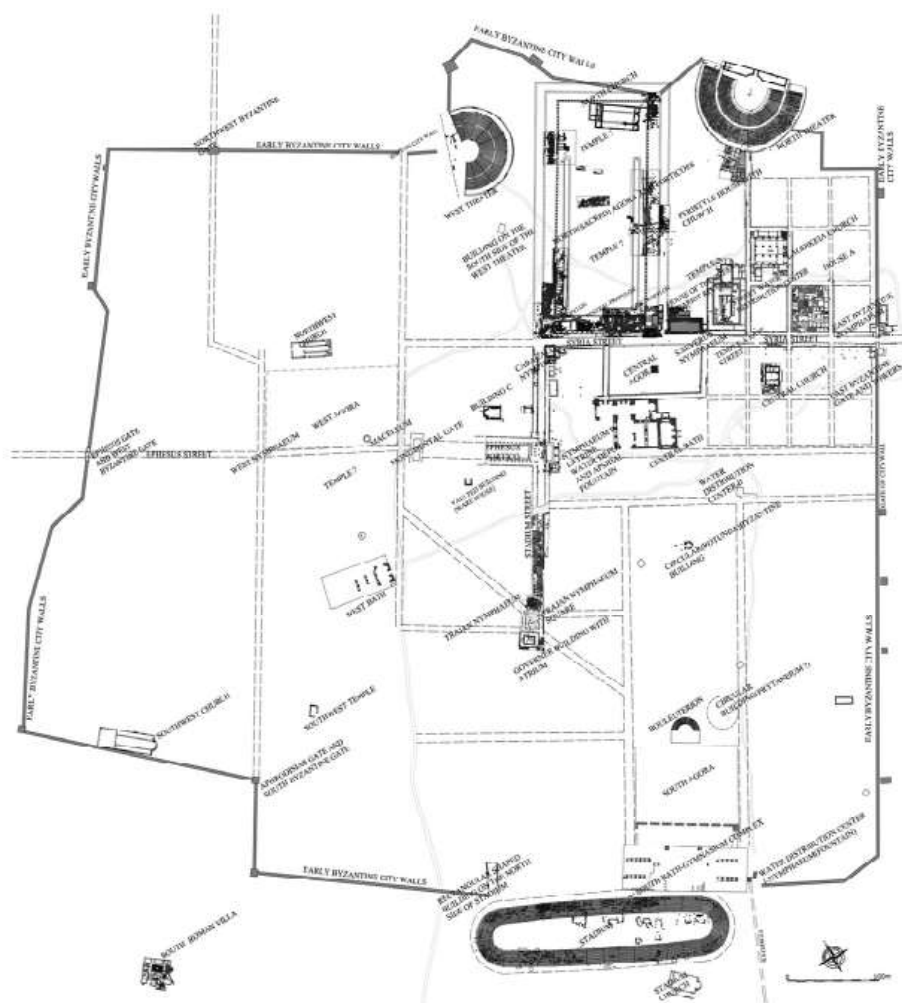

Рис. 1. План Лаодикеи (по: Şimşek 2017, 32, fig. 13)

Рис. 2. План Гиераполя (по: Arthur 2012, 276, fig. 10, I)

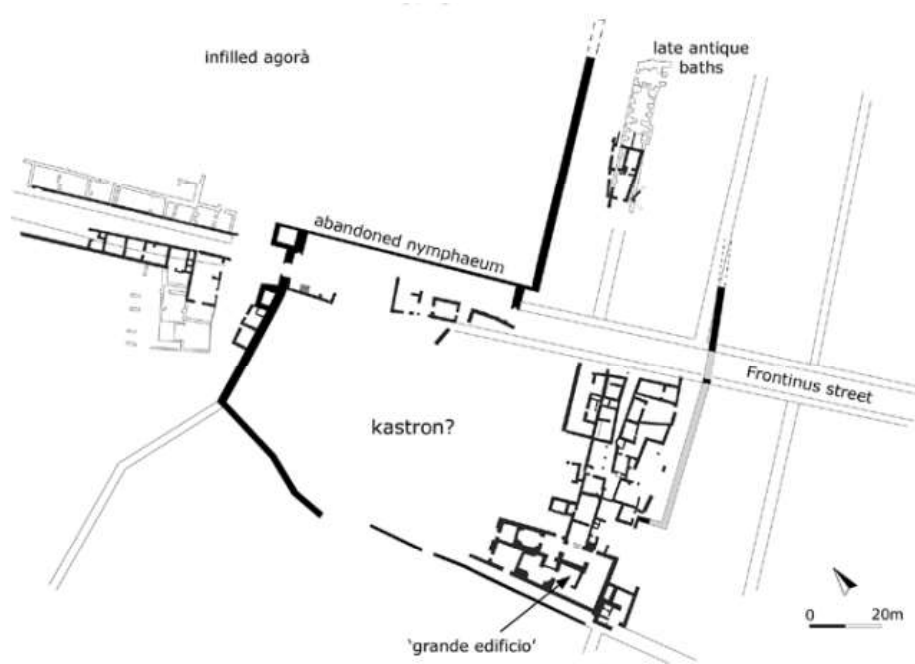

Рис. 3. Предполагаемый кастрон на фрагменте плана Гиераполя (по: Arthur 2012, 280, fig. 10, 4)

Таким образом, можно сделать вывод о том, что позднеантичные города юго-западной части Фригии были дополнительно укреплены в позднеантичное время, в условиях кризиса империи и угрозы внешних вторжений. В то время старались окружить стенами как можно большую по площади территорию, но этого однозначно не получалось сделать в полной мере. Общей тенденцией в урбанистике тех лет было оставление части городской территории без стен.

Предположительно выделяемый кастрон в Гиераполе станет важной тенденцией на будущее, так как в VII в. византийские города будут переходить к концентрации обороны в кастроне, не имея сил и возможности удержать весь большой контур оборонительных стен²⁷.

²⁷ Foss, Winfield, 1986.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Ahrens, S., Brilli, M., Piera Caggia, M. 2016: Marble Sarcophagi from the St. Philip Church of Hierapolis and the North-East Necropolis: Archaeometric Characterization and Marble Provenance Identification. In: T. Ismaelli, G. Scardozzi (eds.), *Ancient Quarries and Building Sites in Asia Minor. Research on Hierapolis in Phrygia and Other Cities in South-Western Anatolia: Archaeology, Archaeometry, Conservation*. Bari, 259–276.
- Arthur, P. 2012: Hierapolis of Phrygia: the Drawn-Out Demise of an Anatolian City. In: N. Christie, A. Augenti (eds.), *Urbes Extinctae. Archaeologies of Abandoned Classical Towns*. Farnham, 275–305.
- Bolgov, N.N. 2023: Vizantinizatsiya pozdneantichnogo goroda v Vostochnom Sredizemnomor'e: k postanovke problemy [Byzantinization of a Late Antique City in the Eastern Mediterranean: Towards a Problem Statement]. In: *Byzantinoturica. Zhurnal vizantiyskikh i sredizemnomorskikh issledovaniy* [Byzantinoturica: Journal of Byzantine and Mediterranean Studies] 1, 196–216.
- Болгов, Н.Н. 2023: Византинизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы. *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований* 1, 196–216.
- Caggia, M.P. 2016: The Marbles of the Church of St Philip in Hierapolis. Phases of Construction and Opus Sectile Flooring. In: T. Ismaelli, G. Scardozzi (eds.), *Ancient Quarries and Building Sites in Asia Minor. Research on Hierapolis in Phrygia and Other Cities in South-Western Anatolia: Archaeology, Archaeometry, Conservation*. Bari, 473–488.
- Foss, C., Winfield, D. 1986: *Byzantine Fortifications. An Introduction*. Pretoria.
- Foss, C. 1977: Archaeology and the “Twenty Cities” of Byzantine Asia. *American Journal of Archaeology* 81 (4), 469–486.
- Ismaelli, T., Scardozzi, G., Bozza, S., Ungaro, R. 2021: Monumenti “in search of location”: il contributo dello studio dei blocchi reimpiegati nelle Mura Bizantine alla conoscenza della città di epoca imperiale e protobizantina. In: F. D'Andria, M.P. Caggia, T. Ismaelli (eds.), *Hierapolis di Frigia. Le attività delle campagne di scavo e restauro 2012–2015*. Istanbul, 101–168.
- Ismaelli, T., Scardozzi, G., Bozza, S., Ungaro, R. 2023: The Early Byzantine City Walls of Hierapolis in Phrygia: Demolishing and Recycling the Imperial Era Monuments. *Acta Ad Archaeologiam et Artium Historiam Pertinentia* 23, 39–69.
- Jacobs, I. 2009: Gates in Late Antiquity in the Eastern Mediterranean. *Babesch: Bulletin Antieke Beschaving* 84, 197–213.
- Jacobs, I., Elton, H. (eds.). 2019: *Asia Minor in the Long Sixth Century. Current Research and Future Directions*. Oxbow.
- Kumsar, H., Aydan, O., Şimşek, C., D'Andria, F. 2015: Historical Earthquakes That Damaged Hierapolis and Laodikeia Antique Cities and Their Implications for Earthquake Potential of Denizli Basin in Western Turkey. *Bulletin of Engineering Geology and the Environment* 75 (2), 519–536.
- Niewöhner, P. (ed.) 2017: *The Archaeology of Byzantine Anatolia*. Oxford.
- Piccardi, L. 2007: The AD 60 Denizli Basin Earthquake and the Apparition of Archangel Michael at Colossae (Aegean Turkey). In: L. Piccardi, W.B. Masse (eds.), *Myth and Geology*. London, 95–105.
- Şimşek, C. 2002: Kolossai. *Arkeoloji ve Sanat Dergisi* 107, 3–16.
- Şimşek, C. 2010: The Ancient City of Laodicea (Introduction Guide-English). Denizli.
- Şimşek, C. 2017: Urban Planning of Laodikeia on the Lykos in the Light of New Evidence. In:

- C. Şimşek, F. D'Andria (eds.), *Landscape and History in the Lykos Valley: Laodikeia and Hierapolis in Phrygia*. Cambridge, 1–51.
- Şimşek, C. 2018: Laodikeia in the Late Antiquity. In: C. Şimşek, T. Kaçar (eds.), *The Lykos Valley and Neighbourhood in Late Antiquity*. Istanbul, 81–116.
- Thonemann, P. (ed.). 2011. *The Maeander Valley A Historical Geography from Antiquity to Byzantium*. Cambridge.
- Thonemann, P. (ed.). 2013. *Roman Phrygia: Culture and Society*. Cambridge.
- Uçkan, B.Y., Evcim, S. 2019: Phrygia in the Byzantine Period and the Continuity of the Rock-Cut Architecture Tradition of the Region. In: G.R. Tsatskheladze (ed.), *Phrygia in Antiquity: From the Bronze Age to the Byzantine Period*. Leuven, 253–270.
- Yener, B., Ulusoy, P. 2023: Kolossai Antik Kenti ve Territoryumu 2021 Yili Arkeolojik Yüzey Araştırmaları (1. Sezon). In: *Uluslararası Kazı, Araştırma ve Arkeometri Sempozyumu* 42 (Araştırma Sonuçları Toplantısı 1), 215–228.
- Yener, B., Ulusoy, P. 2024: Kolossai Antik Kenti ve Territoryumu 2022 Yili Arkeolojik Yüzey Araştırmaları (2. Sezon). In: *Uluslararası Kazı, Araştırma ve Arkeometri Sempozyumu* 43 (Araştırma Sonuçları Toplantısı 1), 299–312.

DEFENSIVE STRUCTURES OF THE CITIES OF SOUTH-WESTERN PHRYGIA IN LATE ANTIQUITY

Nikolay N. Bolgov¹, Roman A. Ermolovich²

¹ *Sevastopol State University, Sevastopol, Russia;*

^{1, 2} *Belgorod National Research University, Belgorod, Russia*

¹ *E-mail:* bolgov@bsuedu.ru

² *E-mail:* ermolovichro@mail.ru

The article examines the complex of defensive structures in the cities of south-western Phrygia: Hierapolis, Laodicea, and Colossae (Chonae). These three cities form an important regional urban hub. The study identifies the main types of defensive structures, including walls, gates, towers, and a presumed *kastron* in Hierapolis. The paper reveals the fundamental principles underlying the construction of fortifications in these cities and identifies additional factors and conditions that influenced the defensive layout and the overall topography of the urban centers. The authors characterize the methods of resource acquisition for the construction of fortifications during Late Antiquity. Special attention is paid to the decorative elements that define the unique appearance of the structures in this group of Phrygian cities. The article also outlines the historical development of the cities of south-western Phrygia during the Late Antique and Early Byzantine periods.

Keywords: Asia Minor, Phrygia, Hierapolis, Laodicea, Colossi (Chonae), defensive structures

ПУБЛИКАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 230–237
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 230–237
© Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-230–237

КЛАД С ЗОЛОТЫМИ СТАТЕРАМИ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ТИПА ИЗ ВОСТОЧНОГО КРЫМА

М.Г. Абрамзон¹, А.В. Куликов²

¹ *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

² *Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия*

¹ *E-mail:* abramzon-m@mail.ru

² *E-mail:* kulikov_akra@mail.ru

¹ *ORCID:* 0000-0001-6111-048X

² *ORCID:* 0000-0002-1630-3984

В статье публикуется часть клада с золотыми статерами, отчеканенными от имени Александра III, найденного, в окрестностях с. Золотое Ленинского района Крыма в 2010 г. В кладе было около 30 статеров, из которых 7 стали доступны для изучения. Это выпуски монетных дворов Македонии («Амфиполь»), неопределенного монетного двора в Причерноморье, Магнесии-на-Меандре, Милета, Сард, Тарса – по одному экземпляру от каждого двора, кроме Сард (2 экз.). Позднейшим является очень редкий статер с символом в виде головы льва влево на реверсе (*Price* 1313), отчеканенный на неизвестном причерноморском монетном дворе ок. 250–200 гг. до н.э. Он определяет *terminus post quem* для тезаврации. Клад иллюстрирует развитие денежного обращения спустя около 75–100 лет после смерти Александра III Великого, демонстрируя, что прижизненные и посмертные выпуски от имени Александра продолжают играть значительную роль в обращении золотой монеты. Вслед за Мирмекийским кладом македонского золота (2022 г.), сокрытым на полвека раньше, публикуемый комплекс выступает новым редким свидетельством международных торговых операций эпохи эллинизма с участием боспорской элиты.

Ключевые слова: Боспорское царство, Восточный Крым, монетные клады, Александр III Великий, македонские золотые статеры, денежное обращение

Данные об авторах. Михаил Григорьевич Абрамзон – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; Алексей Владиславович Куликов – научный сотрудник ИАК РАН.

Исследование выполнено в рамках темы НИР ИА РАН «Античность и Раннее Средневековье на юге России, в Абхазии и Центральной Азии: археологические исследования и исторические реконструкции (№ НИОКТР 126011315524-1).

Открытие в 2022 г. Мирмекийского клада из 30 золотых статеров александровского типа представляет ярчайшее событие в археологии Боспора. До сих пор он считался единственным известным боспорским кладом македонского золота, и, что особенно ценно, был найден при регулярных археологических раскопках¹.

Вместе с тем с 2010 г. ходили смутные слухи о находке на Керченском полуострове еще одного клада македонского золота, попавшего в частные руки, без точных данных о его локализации и составе². Информация о находке статеров подтвердилась, хотя проверить релевантность сведений о полном составе клада пока не представляется возможным. Со слов кладоискателей-находчиков, в 2010 г. в окрестностях с. Золотое Ленинского района Крыма в ходе нелегальных поисков с помощью металлодетектора был найден большой кувшин, содержащий до 2000 бронзовых тетрадрахм типа «сатир / голова льва, осетр» с клеймами «звезда» и «горит»³. Кроме них в кладае оказалось 4 серебряных тетрадрахмы «Аполлон / пасущийся конь»⁴ и около 30 золотых статеров александровского типа (в большинстве – посмертные выпуски Александра III). Тетрадрахмы и золото лежали сверху, возможно, они были завернуты в текстиль или кожу/замшу. Клад был распродан, но 7 статеров нам удалось сфотографировать. Часть их была в темной патине (рис. 1).

Публикуемая здесь часть клада включает выпуски монетных дворов Македонии («Амфиполь»), неопределенного монетного двора в Причерноморье, Магнесии-на-Меандре, Милета, Сард, Тарса – по одной монете от каждого двора, от Сард – две. Исключительно редкий статер Сард (№ 6; рис. 2, 2, в), с факелом под левым крылом Ники и монограммой Δ под правым, не опубликован ни в одной из баз (Pella, CoinArchives, ANS). Лишь недавно подобный экземпляр, отчеканенный той же парой штемпелей, появился на одном из аукционов Classical Numismatic Group (CNG)⁵ (рис. 2, 2, г). Данный тип представляет вариацию *Price* 2669 со звездой под левым крылом Ники⁶, но с тем же штемпелем аверса, что и *Thompson* 361⁷ = *Price* 2643. Этим статерам соответствуют тетрадрахмы *Price* 2669A с факелом под левым крылом и Δ под треном. Выпуск датируется ок. 319–315 гг. до н.э.⁸, по М.Дж. Прайсу.

¹ Абрамзон, Бутягин 2025; Abramzon, Butyagin 2025.

² *CH* XI, 1; Абрамзон, Бутягин 2025, 720.

³ Анохин 1986, № 130; *SNG BM* I 887–889.

⁴ Анохин 1986, № 117.

⁵ CNG Electronic Auction 671 (17.06.2026). Lot 141. См.: <https://www.acsearch.info/search.html?id=16769290>. Выражаю искреннюю благодарность Ф. де Каллатаю за консультацию.

⁶ Thompson 1983, ser. XX.

⁷ Thompson 1983, ser. XVI. Pl. 17, 361.

⁸ Соответственно, данные монеты чеканились Антингоном I Одноглазым, стратегом Азии в период с 320 по 306/5 гг. до н. э.

Рис. 1. Золотые статеры из клада 2010 г. Фото А.В. Куликова

Рис. 2. 1 – статеры из клада 2010 г.; 2а, б – статеры *Price* 1313; клад 2010 г., № 2. Фото А.В. Куликова (а), Мэрэшешти, 1909 г., ANS (по: <http://numismatics.org/collection/1944.100.38444>) (б); в, г – статеры Сард: клад 2010 г., № 6. Фото А.В. Куликова (в), CNG EA 671 (17.06.2026). Lot 141 (г) (по: <https://www.acsearch.info/search.html?id=16769290>)

Самым поздним в группе является очень редкий статер № 2 с символом в виде головы льва влево под левым крылом Ники (рис. 2, 2, а)), атрибутируемый М. Прайсом как выпуск неизвестного причерноморского монетного двора ок. 250–200 гг. до н.э.⁹ До сих пор был известен единственный такой экземпляр из клада из Мэрэшешти 1909 г. (*IGCH* 958 = *CH* I, no. 93 = *CH* III, no. 44), отчеканенный той же парой штемпелей¹⁰ (рис. 2, 2, б). Большая часть данного клада относится к середине III в. до н.э., но к этим старым накоплениям добавились поздние статеры Лисимаха, и окончательная дата тезаврации сместилась на начало I в. н.э.

ДАТИРОВКА КЛАДА

Если следовать датировке М. Дж. Прайса для статеров неизвестного монетного двора в Причерноморье¹¹, то клад из Золотого с позднейшим в нем статером *Price* 1313 не мог быть сокрыт ранее середины III в. до н.э. Это заставляет предполагать прибавление к основной массе, состоявшей из клейменных тетрахапков с головой льва и осетром на реверсе, более поздней золотой части. Между тем все многочисленные клады таких клейменных тетрахапков и перечеканок из них в новый тип «сатир / лук и стрела»¹², маркирующие начало денежного кризиса, не выходят за рамки начала – первой четверти III в. до н.э.¹³ Основная же масса надчеканенных тетрахапков была переплавлена в это время. Редкие экземпляры, избежавшие переплавки/перечеканки, иногда присутствуют в кладах деградированной пантикапейской меди с луком и стрелой на реверсе ок. 275–250 гг. до н.э. (например, *CH* XI, no. 75, 92) и даже в кладах митридатовского времени (*CH* XI, no. 139). Хронологический разрыв между общей датой кладов с клейменными монетами «сатир/голова льва, осетр» и позднейшим статером *Price* 1313 в кладах из Золотого предполагает, что либо датировка М. Прайса нуждается в корректировке (а для этого нет оснований!), либо каким-то образом старая (медная) часть данного клада сохранилась до середины столетия, когда к ней добавились сильно изношенные золотые статеры александровского типа, и финальная дата клада сместилась к ок. 250 г. до н.э. В таком случае, золотая часть клада присоединяется к выделенной суммарно М. Прайсом группе кладов середины III в. до н.э., в которой представлены всего два золотых клада 230–225 гг. до н.э.: из Анадолы 1895 г. (*IGCH* 866) и Тарик-Дарреха 1974 г. (*CH* II, no. 70 = *CH* VII, no. 78). Первый был сокрыт после 230 г. до н.э., возможно, до 220 г., второй – около 226/225 г. до н.э.¹⁴ Клад из Золотого же, по-видимому, синхронен большей, ранней, части клада из Мэрэшешти, сформировавшейся в середине III в. до н.э.; в обоих комплексах, как отмечалось, присутствует вариация *Price* 1313. Тогда, дата сокрытия публикуемого клада – ок. 250 г. до н.э. или немного позднее.

Клад из с. Золотое иллюстрирует развитие денежного обращения спустя примерно 75–100 лет после смерти Александра III Великого, демонстрируя,

⁹ Price 1991, no. 1313.

¹⁰ Место хранения части клада – ANS. См.: <https://coinhoards.org/id/igch0958>.

¹¹ Price 1991, nos. 1312–1324.

¹² *SNG BM* I 898, 899.

¹³ *CH* XI, nos. 40–53, 61, 63, 69–75.

¹⁴ Houghton 1980, 31.

что прижизненные и посмертные выпуски от имени этого царя продолжают играть значительную роль в обращении золотой монеты очень долго¹⁵. Вслед за упомянутым Мирмекийским кладом 2022 г., сокрытым на полвека раньше, публикуемый комплекс македонского золота выступает новым редким свидетельством международных торговых операций эпохи эллинизма с участием богатых боспорян. Следующий за ними в хронологическом порядке боспорский клад золотой международной валюты – из окрестностей Туапсе 1908 г. (*IGCH* 1120 = *CH* XI, no. 103) – состоял уже из статеров лисимаховского типа и был сокрыт около 190–180 гг. до н.э.

Приложение

СПИСОК СТАТЕРОВ ИЗ КЛАДА¹⁶

Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме вправо, украшенном изображением свернувшейся змеи (грифона, сфинкса).

О.с. ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ или ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ¹⁷ справа сверху вниз. Ника стоит влево, держа венок и стилиду.

МАКЕДОНИЯ («АМФИПОЛЬ») 330–320 гг. до н.э.

	Вариант	Литература
1	<i>О.с.</i> Слева трезубец ↓	Cf. Price 1991, no. 172

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ 250–200 гг. до н.э.

2	(B) <i>О.с.</i> Голова льва влево слева внизу	Cf. Price 1991, no. 1313. Общ. пар. шт. с http://numismatics.org/collection/1944.100.38444 (Mărășești 1909, no. 53)
---	---	--

МАГНЕСИЯ-НА-МЕАНДРЕ 319–305 гг. до н.э.

3	<i>О.с.</i> Слева внизу в венке	Cf. Price 1991, no. 1975
---	---	--------------------------

МИЛЕТ 323–319 гг. до н.э.

4	<i>О.с.</i> Слева , справа внизу двойной топор	Cf. Price 1991, no. 2114
---	--	--------------------------

¹⁵ Благодаря широте ареала, где охотно принимались статеры александровского типа в качестве интерлокальной валюты, они могли оставаться в денежном обращении в течение очень длительного времени, вплоть до конца эллинистической эпохи. Об этом ярко свидетельствует упомянутый клад из Мэрэшешти, сокрытый в самом начале I в. до н.э.

¹⁶ Номера монет в списке соответствуют номерам на рис. 2.

¹⁷ Сокращение легенды: (B).

САРДЫ			
334–323 гг. до н.э.			
5		О.с. Змея слева в поле	Cf. Thompson 1983, no. 8 = Price 1991, no. 2532. Общ. шт. с № 19 из Мирмекийского клада 2022 г.
319–315 гг. до н.э.			
6		О.с. Слева внизу факел, справа внизу 	Cf. CNG Electronic Auction 671 (17.06.2026). Lot 141. URL.: https://www.acsearch.info/search.html?id=16769290
ТАРС			
323–317 гг. до н.э.			
7	(B)	О.с. и Θ слева внизу	Cf. Price 1991, no. 3040

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Abramzon M.G., Butyagin A.M. 2025. A Hoard of Gold Staters in the Name of Alexander III and Philip III from Myrmecium. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 85/3, 711–726.
- Абрамзон М.Г., Бутягин А.М. 2025: Клад золотых статеров Александра III и Филиппа III из Мирмекия. *ВДИ* 85/3, 711–726
- Abramzon M.G., Butyagin A.M. 2025: A Hoard of Macedonian Gold Staters from Myrmecium. *NC* 185, 279–287.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [*Coinage of the Bosporus*]. Kiev.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- CH I – *Coin Hoards*. Vol. I. London, 1975
- CH II – *Coin Hoards*. Vol. II. London, 1976
- CH III – *Coin Hoards*. Vol. III. London, 1977
- CH VII – *Coin Hoards*. Vol. VII. London, 1985
- CH XI – Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. *Coin Hoards*. Vol. XI: *Greek Hoards. The Cimmerian Bosporus* (Colloquia Antiqua 32). Leuven–Paris–Bristol, 2021
- Houghton, A. 1980: Tarik Darreh (Kangavar) Hoard. *American Numismatic Society Museum Notes* 25, 31–44.
- IGCH – Thompson, M., Mørholm, O., Kraay, C.M. (eds), *An Inventory of Greek Coin Hoards*. New York, 1973
- Price, M.J. 1991: *The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. A British Museum Catalogue*. 2 vols. Zurich–London.
- Thompson, M.E. 1983: *Alexander's Drachm Mints*. Vol. I. *Sardes and Miletus*. (ANS Numismatic Studies, 16). New York.
- SNG BM I – *Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain*. Vol. IX. *British Museum*. Pt. I. Price, M. *The Black Sea*. London, 1993

A HOARD OF ALEXANDER-TYPE GOLD STATERS FROM
EASTERN CRIMEAMikhail G. Abramzon¹, Aleksey V. Kulikov²¹ *Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*² *Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia*¹ *E-mail: abramzon-m@mail.ru*² *E-mail: kulikov_akra@mail.ru*

The article discusses a portion of a hoard of gold staters, minted in the name of Alexander III, presumably found in the vicinity of the village of Zolote, Leninsky District, Crimea, in 2010. The hoard incorporated over 30 staters, of which 7 became available for study. These are issues from the mints of Macedonia (Amphipolis), an uncertain Black Sea mint, Magnesia-on-Meander, Miletus, Sardes, and Tarsus. The hoard's latest coin, the uncertain Black Sea mint's issue *Price* 1313, c. 250–200 BC, provides a *terminus post quem* for the concealment. The hoard illustrates the development of currency approximately 75–100 years after the death of Alexander III the Great, showing that the lifetime and posthumous issues in his name continue to play a significant part in the gold coinage in circulation. Following the Myrmecium 2022 Hoard of Macedonian gold, concealed half a century earlier, the published complex serves as new rare evidence of international trade operations of the Hellenistic period involving the Bosporan elite.

Keywords: Bosporan Kingdom, Eastern Crimea, Greek coin hoards, Alexander III the Great, Alexander-type gold staters, monetary circulation

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 238–252
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 238–252
© Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-238–252

КЛАД БОСПОРСКИХ ЭЛЕКТРОВЫХ СТАТЕРОВ 211/2–227/8 гг. н.э. ИЗ УСТЬ-ЛАБИНСКА (CH XI, No. 196)

М.Г. Абрамзон

*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

E-mail: abramzon-m@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6111-048X

В 2016 г. на меотском городище на окраине Усть-Лабинска был случайно найден клад из 84 электровых статеров 211/2–227/8 гг. н.э. (CH XI, no. 196). Краткая информация о находке была опубликована В.И. Сухановым (2017 г.). Клад попал в частные руки и был распылен. Однако нам удалось атрибутировать 66 статеров Рескупорида III и один Котиса III, что позволяет значительно уточнить состав этого важного комплекса.

Ключевые слова: Боспор, Рескупорид III, Котис III, Правобережье Кубани, меоты, монетные клады, электровые статеры, денежное обращение

К настоящему времени растет число неизученных боспорских кладов, найденных случайно при сельскохозяйственных работах или в ходе нелегальных поисков с помощью металлодетекторов на хоре Боспора. Такая ситуация вызвана неопределенностью охранного статуса большинства памятников хоры и полной их доступностью для распашки или неофициальных поисков монет. Абсолютное большинство кладов, попавших в руки нелегальных дилеров, распылено по частным коллекциям, нумизматическим магазинам и аукционам. Между тем, чтобы такие комплексы не были окончательно потеряны для науки, необходим максимальный их учет, позволяющий расширить представление о денежном обращении и процессе кладообразования на хоре Боспора в конкретной исторической и экономической ситуации.

Одну из важнейших находок представляет клад из 84 электровых статеров Рескупорида III и Котиса III (CH XI, no. 196), найденный во время земляных

Данные об авторе. Михаил Григорьевич Абрамзон – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова.

Исследование выполнено в рамках темы НИР ИА РАН «Античность и Раннее Средневековье на юге России, в Абхазии и Центральной Азии: археологические исследования и исторические реконструкции» (№ НИОКТР 126011315524-1).

работ в мае 2016 г. на восточной окраине Усть-Лабинска, на одном из поселений Усть-Лабинской группы меотских памятников Правобережья Кубани. Краткая информация о находке была представлена в докладе В.И. Суханова на 19-ой Всероссийской нумизматической конференции (2017 г.). В сборнике материалов конференции автор приводит фотографии клада в момент находки и характеризует состав по 54 монетам Рескупорида III, которые ему удалось определить: 508 г. б.э. – 2 экз., 510 – 1, 511 – 3, 512 – 4, 513 – 3, 514 – 2, 515 – 6, 516 – 4, 517 – 7, 518 – 3, 519 – 3, 520 – 3, 521 – 7, 522 – 6. Статеров 509 и 523 гг. б.э. в комплексе нет. Со слова находчика, в клада было 2 или 3 статера Котиса III 524 г. б.э. Монеты находились в лепном сероглиняном одноручном сосуде (горло и ручка отбиты). Клад попал в частные руки и был распродан, как и найденный ранее на том же поселении распаханый клад из 58 статеров Рескупорида III¹ (СН XI, по. 193).

Между тем размещенные в “Instagram” фотографии данного клада (рис. 1; 2) позволяют определить года чеканки для 66 статеров Рескупорида III и одного – Котиса III. По крайней мере, 13 проданных экземпляров зарегистрированы на веб-сайте «Монеты Боспора “Каталог-архив”», возможно, там есть еще какое-то их количество. На имеющейся в нашем распоряжении фотографии реверсов статеров Рескупорида III наиболее ранние несут дату АІФ – 511 г. б.э. = 214/5 г. н.э., самые поздние – ВКФ – 522 г. б.э. = 225/6 г. н.э. (рис. 2). Также, на другой фотографии различим аверс одного статера Котиса III² (рис. 1; 2, 4). Таким, образом, доступная для изучения часть клада с учетом упомянутых В.И. Сухановым статеров 508 и 510 гг. б.э. включает 70 монет следующих годов:

Таблица 1.

Хронологическое распределение статеров в клада

Год н.э.	Число	Год н.э.	Число	Год н.э.	Число	Год н.э.	Число
211/2	2	216/7	7	220/1	9	224/5	7
213/4	1	217/8	2	221/2	4	225/6	5
214/5	2	218/9	8	222/3	4	227/8	1
215/6	6	219/0	5	223/4	7	Всего: 70	

Публикуемый комплекс входит в группу, включающую 22 клада электровых статеров (табл. 2), сокрытых при Рескупориде III – Котисе III³. Самый поздний клад из Мысхако (СН XI, по. 205) кроме статеров Савромата II, Рескупорида III, Котиса III, Савромата III включал еще статеры Рескупорида IV⁴. Тринадцать комплексов включают также статеры Савромата II, восемь, вместе с таковыми, и статеры Евпатора⁵. По крайней мере, 8 кладов сокрыты между 216/7 и 225/6 гг. н.э., в трех позднейшими являются статеры 522 г. б.э. (№ 6–8), что, по-видимому, неслучайно.

¹ Суханов 2017.

² Полагаю, что именно данный статер представлен на веб-сайте «Монеты Боспора “Каталог-архив”»: <https://bosporan-kingdom.com/654-4228/20.html> (staraya-moneta.ru). Возможно, кладу принадлежит еще два экз.: <https://bosporan-kingdom.com/654-4228/33.html> (staraya-moneta.ru) и <https://bosporan-kingdom.com/654-4228/35.html> (meshok.net (08.2024)).

³ В свое время К.В. Голенко (1978, 14) выделил 11 кладов, зарытых при Рескупориде III – Котисе III.

⁴ Безуглов 2000, 94. Нумизматические данные свидетельствуют, что в 530–531 гг. б.э. Рескупорид IV правил вместе с Котисом III и Инифимеем. См. Безуглов 2015, 25.

⁵ О составе еще одного клада, из Кобяковского городища 1850 г. (СН XI, по. 194), надежных сведений нет: предположительно он включал статеры Реметалка, Евпатора и Савромата II или Рескупорида III. См. Безуглов 2000, 87.

Рис. 1. Общий вид клада (по: Instagram)

1

2

3

4

Рис. 2. Статеры из клада (по: Instagram). Нижний ряд справа – статер Котиса III (по: Instagram) и, возможно, он же после чистки и продажи (по: <https://bosporan-kingdom.com/654-4228/33.html>)

Анализ нумизматических и эпиграфических источников говорит о какой-то войне на Боспоре, завершившейся победой боспорян незадолго до 220 г. н.э.⁶ Ряд надписей свидетельствует о событиях на Боспоре в 220–230-х гг., в частности о восстановительных работах в Танаисе (КБН 1242, 1243, 1246–1248) и Фанагории⁷, пострадавших, по-видимому, одновременно накануне 220 г. Отмечено, что сведения о реконструкции танаисских укреплений наиболее многочисленны для периода между 220 и 236 гг. н.э.⁸ Наличие целой подгруппы кладов со статерами 222/223–225/226 гг. н.э. (№ 6–8), по всей видимости, свидетельствует о сохранении напряженной обстановки в середине 220-х гг., а более поздние комплексы, кроме того, – о выпадении в клады электровых статеров Рескупорида III и его предшественников в связи с усиливающейся порчей металла и девальвацией главной денежной единицы, достигших апогея в правление Котиса III⁹.

Таблица 2.

Клады, сокрытые при Рескупориде III – Котисе III

№	Клады	Дата ¹⁰	Кол-во статеров	Реметалк	Савромат I	Котис II	Реметалк	Евнатор	Савромат II	Рескупорид III	Котис III	Савромат III	Рескупорид IV
1	Нижне-Гниловское городище, 1958 г. (CH XI, no. 185)	216/7	35					X	X	X			
2	Медведовский Ерик-1 ¹¹	После 218/9	10–15							X			
3	Майкоп, 1910–1912 гг. (CH XI, no. 186)	220/1	2+					X		X			
4	Нимфей, 1941 г. (CH XI, no. 187)	220/1	4							X			
5	Неизвестно, до 1949 г. (CH XI, no. 188)	222/3	14							X			
6	Казанская, 1972 г. (CH XI, no. 191)	225/6	14+						X	X			
7	Таманский п-ов, до 1935 г. (CH XI, no. 190)	225/6	21						X	X			

⁶ Абрамзон 2013.⁷ Кузнецов 2007, 227–238.⁸ Кузнецов 2007, 235 с литературой.⁹ Абрамзон и др. 2020.¹⁰ В случаях, когда год тезаврации не известен, указываются даты правления царя, монеты которого оказываются позднейшими в кладе.¹¹ Пьянков 2025, 134–137.

8	Неизвестно, до 1914 г. (СН XI, по. 189)	225/6	73						X	X			
9	Хапrowsкое городище, 1868 г. (СН XI, по. 195)	211/2–226/7	100–500					X	X	X			
10	Кобяковское городище 1850 г. (СН XI, по. 194.) ¹²	211/2–226/7	12	X			X	X	X	X			
11	Усть-Лабинская, 1845 г. (СН XI, по. 192)	211/2–226/7	9+							X			
12	Усть-Лабинск, до 2016 г. (СН XI, по. 193)	211/2–226/7	58							X			
13	Усть-Лабинская, 1849 г. (СН XI, по. 200)	227/8–233/4	ок. 600		X	X	X	X	X	X	X		
14	Окрестности Анапы, 1852 г. (СН XI, по. 201)	227/8–233/4	ок. 800		X	X	X	X	X	X	X		
15	Керчь, 1867 г. (СН XI, по. 202)	227/8–233/4	99+			X	X	X	X	X	X		
16	Ханская, 1913 г. (СН XI, по. 203)	227/8–233/4	129						X	X	X		
17	Раевская, 1998 г. (СН XI, по. 204)	227/8–233/4	ок. 400						X	X	X		
18	Усть-Лабинск, 2016 г. (СН XI, по. 196)	227/8	84							X	X		
19	Прогресс, 2004 г. (СН XI, по. 197)	228/9	18								X		
20	Усть-Лабинск, 2003 г. (СН XI, по. 198)	230/1	44+		X		X	X	X	X	X	X	
21	Волна 1, 2014 г. (СН XI, по. 199)	232/3	99								X	X	
22	Мысхако, нач. 1990-х гг. (СН XI, по. 205)	233/4–234/5	ок. 200						X	X	X	X	X

Двенадцать кладов сокрыты при Рескупориде III (№ 1–12), 7 – при Котисе III, последние – на территории от Керченского и Таманского полуостровов (№ 15, 19, 21) на севере до Усть-Лабинска (№ 11–13, 18, 20) и станиц Ханская и

¹² Включен в группу условно: см. прим. 5.

Раевская (№ 16, 17) на юге¹³. К ним примыкает упомянутый клад из Мысхако (№ 22). Топография кладов говорит о географии военных действий, охвативших фактически всю территорию Боспорского царства: от Танаиса и нижнедонских городищ на севере до юго-восточной окраины Боспорского царства¹⁴.

С другой стороны, формирование всей группы кладов золота/электра (за исключением комплексов, конкретно связанных с военными действиями) определяется падением пробы металла: по-видимому, для денежного обращения Боспора, ежегодно пополнявшегося новыми эмиссиями статеров, до определенного момента была характерна терпимость к монетам разной пробы золота – от Евпатора до Котиса III, но после резкого сокращения доли золота в сплаве электр (а затем серебро/биллон) быстро выпадает из обращения в клады¹⁵. Если до конца первой четверти III в. н.э. золото все еще предназначалось в основном для экономических нужд малочисленной элиты Боспора, то со второй четверти столетия статер утрачивает статус дорогих денег; при этом резко возрастают темпы чеканки статеров и увеличивается число деградирующих монет от электра до биллона. При Котисе III происходит стремительное обрушение боспорского статера как престижного платежного средства. При этом на начальных этапах деградации безусловно происходило разграничение старых, «дорогих», и новых, «дешевых» монет, что влекло демонетизацию первых. Это обстоятельство и стало универсальной причиной формирования кладов на Боспоре¹⁶.

Приложение

СПИСОК МОНЕТ ИЗ КЛАДА СН XI, no. 196¹⁷

РЕСКУПОРИД III (211/212–228/229 гг. н.э.)

Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. Бюст Рескупорида III в диадеме вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора в лавровом венке вправо; внизу дата. Точечный ободок.

№ n/n	Дифф. л.с.	Дифф. о.с.	г	мм	Примечание
1.					<i>О.с.</i> НФ – 508 г. б.э. = 211/2 г. н.э.
2.					То же.
3.					<i>О.с.</i> ІФ – 510 г. б.э. = 213/4 г. н.э.
4.		трезубец			<i>О.с.</i> АІФ – 511 г. б.э. = 214/5 г. н.э. Ср. Юшков 2012, № 127а; https://bosporan-kingdom.com/631-4311/19.html .
5.		звезда			<i>О.с.</i> АІФ. Нет в публикации? Ср. Юшков 2012, № 1266 (вар.).

¹³ Голенко 1978, 36–37; Безуглов 2000, 94; Суханов 2017, 18–20.

¹⁴ Безуглов 2000, 94.

¹⁵ Голенко 1978, 21.

¹⁶ Безуглов 2000, 94–95.

¹⁷ Номерам списка соответствуют номера в фототаблицах (рис. 3–5).

6.		звезда	7.60	19	<i>О.с.</i> ВІФ – 512 г. б.э. = 215/6 г. н.э. Ср. Фролова 1997, IV, 26. Изд.: https://bosporan-kingdom.com/632-4328/47.html (продана: http://www.ncoins.ru , Лот 2770).
7.		звезда			То же.
8.		звезда			<i>О.с.</i> ВІФ. Ср. Юшков 2012, № 130д.
9.		звезда			<i>О.с.</i> ВІФ. Ср. https://bosporan-kingdom.com/632-4328/11.html .
10.		звезда			<i>О.с.</i> ВІФ.
11.		трезубец			<i>О.с.</i> ВІФ. Ср. Юшков 2012, № 131б, в.
12.	трезубец		7.63	19	<i>О.с.</i> ГІФ – 513 г. б.э. = 216/7 г. н.э. Ср. Фролова 1997, V, 11. Изд.: https://bosporan-kingdom.com/633-4316/31.html (продана: http://www.ncoins.ru , Лот: 2768; Münz- und Edelmetallhandel Andreas Fenzl GmbH).
13.	трезубец				Тот же шт. о.с.
14.	трезубец				<i>О.с.</i> ГІФ. Ср. Юшков 2012, № 136.
15.	трезубец				<i>О.с.</i> ГІФ. Ср. Юшков 2012, № 136в; https://bosporan-kingdom.com/633-4316/5.html .
16.	трезубец				То же?
17.	трезубец		7.62	19	<i>О.с.</i> ГІФ. Изд.: https://bosporan-kingdom.com/633-4316/32.html (продана: http://www.ncoins.ru , Лот: 2771). 12
18.	трезубец				<i>О.с.</i> ГІФ. Ср. Юшков 2012, № 136б; https://bosporan-kingdom.com/633-4316/9.html .
19.		звезда			<i>О.с.</i> ДІФ – 514 г. б.э. = 217/8 г. н.э. Ср. Фролова 1997, VI, 10–12; https://bosporan-kingdom.com/634-4013/1.html ; https://bosporan-kingdom.com/634-4013/7.html .
20.		звезда	7.64	19.5	<i>О.с.</i> ДІФ. Ср. Фролова 1997, VI, 8. Изд.: https://bosporan-kingdom.com/634-4013/25.html .
21.					<i>О.с.</i> ЕІФ – 515 г. б.э. = 218/9 г. н.э. Ср. Фролова 1997, VI, 24; VII, 15 (рев.); https://bosporan-kingdom.com/635-5226/1.html (рев.).
22.					<i>О.с.</i> ЕІФ. Нет в публикации? Реверс близок к Фролова 1997, VII, 18–21 со звездой справа. Возможно, звезда удалена механически.
23.					<i>О.с.</i> ЕІФ. Ср. Юшков 2012, № 144в.
24.		звезда	7.64	20	<i>О.с.</i> ЕІФ. Ср. Фролова 1997, VIII, 12; Юшков 2012, № 143а. Изд.: https://bosporan-kingdom.com/635-4282/41.html (продана: http://www.ncoins.ru , Лот: 2769; Münz- und Edelmetallhandel Andreas Fenzl GmbH).
25.		звезда			<i>О.с.</i> ЕІФ. Ср. Фролова 1997, VII, 18–20; https://bosporan-kingdom.com/635-4282/4.html .
26.		звезда			То же.
27.		звезда			<i>О.с.</i> ЕІФ. Ср. https://bosporan-kingdom.com/635-4282/5.html .
28.		звезда	7.70		<i>О.с.</i> ЕІФ. Ср. Фролова 1997, VII, 23. Изд.: https://bosporan-kingdom.com/635-4282/44.html (продана: Münz- und Edelmetallhandel Andreas Fenzl GmbH).

29.		звезда			<i>О.с.</i> Σ IF – 516 г. б.э. = 219/0 г. н.э. Ср. Фролова 1997, IX, 3; https://bosporan-kingdom.com/636-4198/3.html .
30.		звезда			То же.
31.		звезда			То же.
32.		звезда			<i>О.с.</i> Σ IF. Ср. https://bosporan-kingdom.com/636-4198/9.html .
33.					<i>О.с.</i> Σ IF. Ср. Юшков 2012, № 147?
34.		звезда			<i>О.с.</i> ZIF – 517 г. б.э. = 220/1 г. н.э. Ср. Юшков 2012, № 149д; https://bosporan-kingdom.com/637-4326/2.html .
35.		звезда	7.58		<i>О.с.</i> ZIF. Ср. Фролова 1997, IX, 22; Юшков 2012, № 149, 149а, в. Изд.: https://bosporan-kingdom.com/637-4326/33.html (продана: www.ncoins.ru . Лот: 3395).
36.		звезда			То же.
37.		звезда			<i>О.с.</i> ZIF. Ср. Юшков 2012, № 149а.
38.		звезда			<i>О.с.</i> ZIF. Ср. Юшков 2012, № 149в.
39.		звезда			То же.
40.		звезда			<i>О.с.</i> ZIF.
41.		звезда			<i>О.с.</i> ZIF. Ср. Фролова 1997, IX, 20; X, 8; Юшков 2012, № 149е; https://bosporan-kingdom.com/637-4326/8.html .
42.					<i>О.с.</i> ZIF. Ср. Юшков 2012, № 150г.
43.		звезда			<i>О.с.</i> HIF – 518 г. б.э. = 221/2 г. н.э. Ср. Фролова 1997, X, 16; https://bosporan-kingdom.com/638-4230/12.html .
44.		звезда			То же.
45.		звезда			<i>О.с.</i> HIF. Ср. Фролова 1997, X, 22; Юшков 2012, № 152б; https://bosporan-kingdom.com/638-4230/6.html ; https://bosporan-kingdom.com/638-4230/9.html .
46.	трезубец		7.61		<i>О.с.</i> HIF. Ср. Юшков 2012, № 153; Изд.: https://bosporan-kingdom.com/638-4309/13.html (продана: Münz- und Edelmetallhandel Andreas Fenzl GmbH).
47.		звезда			<i>О.с.</i> Θ IF – 519 г. б.э. = 222/3 г. н.э. Ср. Фролова 1997, XI, 18; Юшков 2012, № 155в.
48.		звезда			<i>О.с.</i> Θ IF. Ср. Фролова 1997, XI, 13; Юшков 2012, № 155в; https://bosporan-kingdom.com/639-4053/7.html .
49.		звезда			<i>О.с.</i> Θ IF. Ср. Фролова 1997, XI, 17; Юшков 2012, № 155; https://bosporan-kingdom.com/639-4053/13.html .
50.		звезда			<i>О.с.</i> Θ IF. Юшков 2012, № 155б? ФОТО
51.		звезда			<i>О.с.</i> KФ – 520 г. б.э. = 223/4 г. н.э. Ср. Фролова 1997, XI, 23; XII, 8–11; Юшков 2012, № 158, 158б (рев.); https://bosporan-kingdom.com/640-4014/1.html .
52.		звезда	7.56	19	То же. Изд.: https://bosporan-kingdom.com/640-4014/31.html (http://www.ncoins.ru . Лот: 2829; Münz- und Edelmetallhandel Andreas Fenzl GmbH).

53.		звезда	7.62		То же. Изд.: https://bosporan-kingdom.com/640-4014/33.html (прдана: Münz- und Edelmetallhandel Andreas Fenzl GmbH).
54.		звезда			То же.
55.		звезда			То же.
56.		звезда			То же.
57.		звезда			О.с. ОИФ. Юшков 2012, № 158а?
58.		звезда			О.с. АКФ – 521 г. б.э. = 224/5 г. н.э. Ср. Юшков 2012, № 161е; https://bosporan-kingdom.com/641-4086/2.html .
59.		звезда			То же.
60.		звезда			О.с. АКФ. Ср. Юшков 2012, № 161в; https://bosporan-kingdom.com/641-4086/56.html .
61.		звезда			О.с. АКФ. Ср. Юшков 2012, № 161; Ср. https://bosporan-kingdom.com/641-4086/21.html .
62.	трезубец				О.с. АКФ. Ср. https://bosporan-kingdom.com/641-4322/5.html ; https://bosporan-kingdom.com/641-4322/11.html .
63.	трезубец		7.40		О.с. АКФ. Ср. Юшков 2012, № 162, 162а; https://bosporan-kingdom.com/641-4322/7.html (продана: Münz- und Edelmetallhandel Andreas Fenzl GmbH).
64.	трезубец				То же.
65.	трезубец				О.с. ВКФ – 522 г. б.э. = 225/6 г. н.э. Ср. Фролова 1997, XIII, 5; Юшков 2012, № 165; https://bosporan-kingdom.com/642-4317/12.html .
66.	трезубец				То же.
67.	трезубец				О.с. ВКФ. Возможно, изд.: https://bosporan-kingdom.com/642-4317/6.html (продана: Münz- und Edelmetallhandel Andreas Fenzl GmbH)?
68.		звезда			О.с. ВКФ. Ср. Фролова 1997, XIII, II; https://bosporan-kingdom.com/642-4720/2.html .
69.		звезда			То же.

КОТИС III (227/8–234/5 гг. н.э.)

Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ. Бюст Котиса III в диадеме вправо. Точечный ободок.
О.с. Бюст императора в лавровом венке вправо; внизу дата. Точечный ободок.

70		звезда	7.49		О.с. ΔΚΦ – 524 г. б.э. = 227/8 г. н.э. Ср. Фролова 1997, XXII, 9. Возможно, изд.: https://bosporan-kingdom.com/654-4228/20.html (staraya-moneta.ru) или https://bosporan-kingdom.com/654-4228/35.html (meshok.net (08.2024))?
----	--	--------	------	--	---

Рис. 3. Статеры Рескупорида III из клада

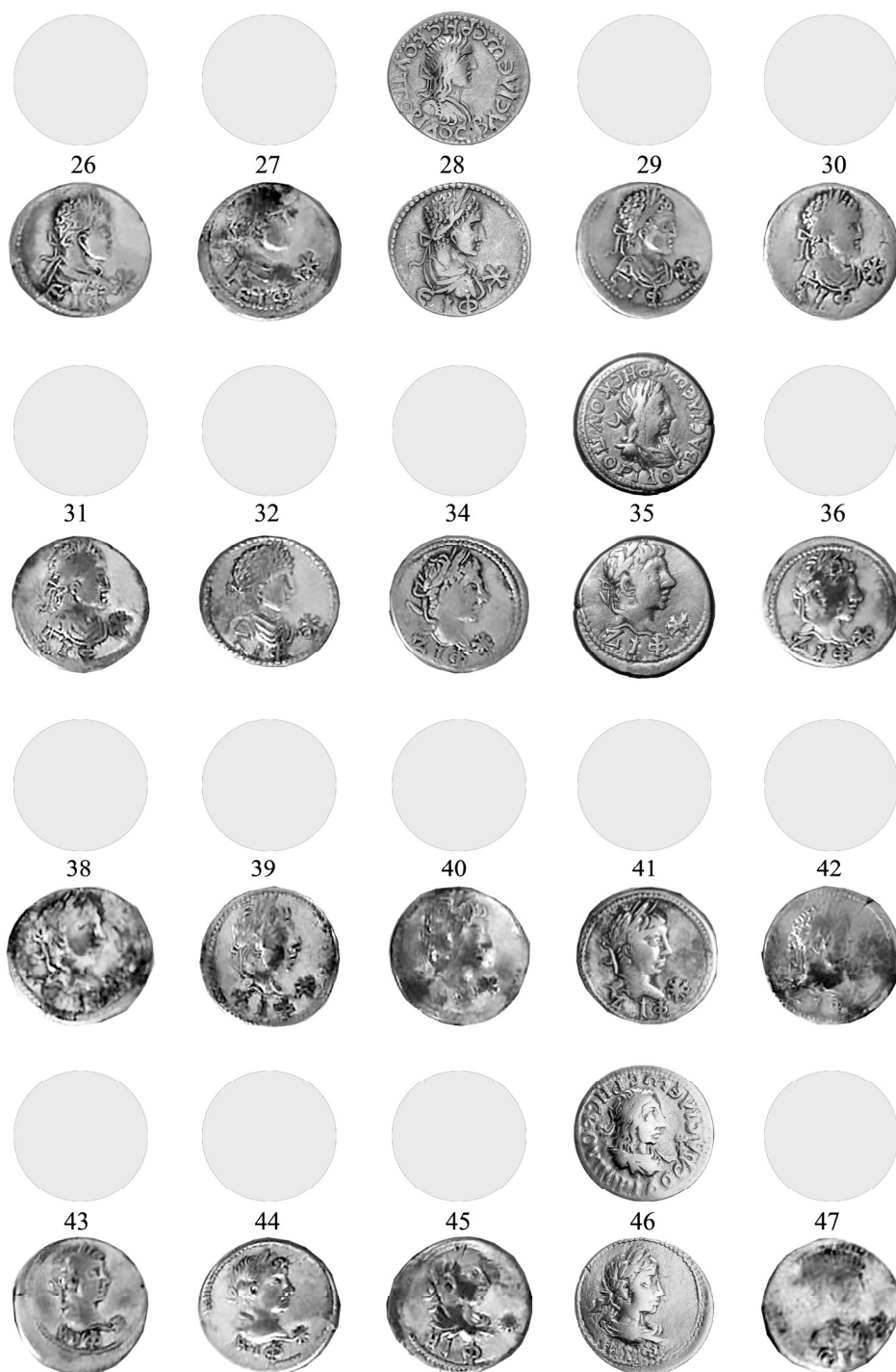

Рис. 4. Статеры Рескупорида III из клада

Рис. 5. Статеры Рескупорида III из клада

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Abramzon, M.G. 2013: Numizmaticheskiy kommentariy k nadpisi vremeni Reskuporida III iz Fanagorii [Numismatic Commentary on an Inscription of the Reign of Rhescuporis III from Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii I* [Materials on the Archaeology and History of Phanagoria] (Fanagoriya [Phanagoria I] I). Moscow, 5–60.
- Абрамзон, М.Г. 2013. Нумизматический комментарий к надписи времени Рескупорида III из Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории I*. М., 5–60.
- Bezuglov, S.I. 2000: K rekonstruktsii sostava donskikh kladov bosporskogo zolota [Towards the Reconstruction of the Composition of Don River Hoards of Bosporan Gold]. *Donskaya arkheologiya* [Don Archaeology] 2, 86–97.
- Безуглов, С.И. 2000. К реконструкции состава донских кладов боспорского золота. *Донская археология* 2, 86–97.
- Bezuglov, S.I. 2015: K dinasticheskoy istorii Bospora v III v. n.e. [On the Dynastic History of the Bosporus in the 3rd Century AD]. In: V.N. Zinko (ed.), *XVI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i sotsium* [XVI Bosporan Readings. The Cimmerian Bosporus and the Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Geographical Environment and Society]. Kerch, 22–25.
- Безуглов, С.И. 2015: К династической истории Боспора в III в. н.э. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум*. Керчь, 22–25.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v do n.e. – seredina IV v. n.e.)* [Coinage of the Bosporus (Mid-1st Century BC – Mid-4th Century AD)]. Pt. II. Moscow.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. – середина IV в. н.э.)*. Ч. II. М.
- Kuznetsov, V.D. 2007: Novye nadpisi iz Fanagorii [New Inscriptions from Phanagoria]. *Vestik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 227–243.
- Кузнецов, В.Д. 2007: Новые надписи из Фанагории. *ВДИ* 1, 227–243.
- Pyankov A.V. 2025: Bosporskie monety iz Abinskogo rayona Krasnodarskogo kraya [Bosporan Coins from the Abinsky District of the Krasnodar Territory]. In: Yu.Yu. Klychnikov, A.L. Pelikh (eds.), *Chetvertye Vinogradovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati d.i.n., prof. S.L. Dudareva (Armavir, 6–7 sentyabrya 2025 g.)* [Fourth Vinogradov Readings. Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Doctor of Historical Sciences, Professor S.L. Dudarev (Armavir, September 6–7, 2025)]. Armavir–Stavropol, 133–137.
- Пьянков А.В. 2025. Боспорские монеты из Абинского района Краснодарского края. В сб.: Ю.Ю. Клычников, А.Л. Пелих (отв. ред.), *Четвертые Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти д.и.н., проф. С.Л. Дударева (Армавир, 6–7 сентября 2025 г.)*. Армавир–Ставрополь, 133–137.
- Sukhanov V.I. 2017: Klad bosporskikh staterov pervoy chetverti III v. n.e. iz Ust'-Labinskogo rayona [A Hoard of Bosporan Staters from the First Quarter of the 3rd Century AD from the Ust-Labinsky District]. In: *Devyatnadsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Velikiy Novgorod, 18–22 aprelya 2017 g. Tezisy dokladov i soobshcheniy* [Nineteenth All-Russian Numismatic Conference. Veliky Novgorod, April 18–22, 2017. Abstracts]. Moscow, 18–20.
- Суханов В.И. 2017: Клад боспорских статеров первой четверти III в. н.э. из Усть-Лабинского района. В сб.: *Девятнадцатая Всероссийская нумизматическая*

- конференция. Великий Новгород, 18–22 апреля 2017 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 18–20.
- Yushkov, V.N. 2012: *Bosporskie monety Savromata II i Riskuporida II: Katalog* [*Bosporan Coins of Sauromates II and Rhescuporis II: A Catalogue*]. Krasnodar.
- Юшков, В.Н. 2012. *Боспорские монеты Савромата II и Рискупорида II: Каталог*. Краснодар.

A HOARD OF BOSPORAN ELECTRUM STATERS DATING FROM
AD 211/2 TO 227/8, FOUND AT UST-LABINSK (CH XI, no. 196)

Mikhail G. Abramzon

*Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*

E-mail: abramzon-m@mail.ru

In 2016, a hoard of 84 electrum staters from AD 211/2–227/8 was accidentally discovered at a Maeotian settlement on the outskirts of Ust-Labinsk (CH XI, no. 196). Brief information about the hoard was published by V.I. Sukhanov. The hoard fell into private hands and was dispersed. However, we managed to attribute 66 staters of Rhescuporis III and one of Cotys III, which allows for a significant refinement of the composition of this important assemblage.

Keywords: Bosporus, Rhescuporis III, Cotys III, Kuban Right Bank, Maeotians, coin hoards, electrum staters, monetary circulation

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 253–260
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 253–260
©Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-253–260

О ЛОКАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ ПАКТИИКА XIII САТРАПИИ

О.Г. Хорилян

*Фонд «Ширакский государственный университет имени М. Налбандяна»,
Гюмри, Армения*

E-mail: hovhkhori78@mail.ru

ORCID: 0009-0006-9810-1441

В статье рассматривается местоположение страны Пактиика, упомянутой в XIII сатрапии. В ходе административных реформ Дария I Армения была преобразована в отдельную сатрапию, заняв 13-е место в перечне сатрапий у Геродота. В арменоведении в течение длительного времени было широко распространено мнение о том, что на территории Армении располагались XIII и XVIII сатрапии. Однако в последнее время была выдвинута обоснованная точка зрения (Б.А. Арутюнян, О.Г. Хорилян), согласно которой Армения не была разделена между XIII и XVIII сатрапиями, а последняя находилась между Курой и Большим Кавказским горным хребтом. Полностью разделяя точку зрения о том, что Армения целиком входила в состав XIII сатрапии, авторы стремятся на основе анализа первоисточников уточнить локализацию страны Пактиика, которая упоминается в составе данной сатрапии.

Ключевые слова: Армения, XIII сатрапия, Геродот, Пактиика, пактии, Кесария – Мазака, Катпатука, Каппадокия, Милиду, Малая Армения

Данные об авторе. Оганнес Георгиевич Хорилян – доктор исторических наук, доцент ШГУ им. М. Налбандяна.

Среди первоисточников особое место занимает «История» Геродота, которая содержит ценные сведения по рассматриваемой проблеме. Историк пишет: «Из Пактии¹, армений² и соседних областей до Евксинского Понта поступало 400 талантов. Это – тринадцатый округ» (Hdt. III. 93).

Пактию в исторической литературе пытались отождествлять либо с Хубушкой³ или с Кордуком (Гордиеной)⁴, либо же считали ее локализацию неопределенной, оставляя вопрос для дальнейших исследований⁵. Название «пактии», по мнению Н.Г. Адонца, сохранилось в наименовании современного Бохтана, расположенного на восточном берегу Тигра. Существует также курдское племя бохту⁶. И.Н. Хлопин локализует пактиев между Южным Закавказьем и Северной Месопотамией; при этом пактии могут быть помещены где-то восточнее или северо-восточнее армян⁷.

По мнению М.А. Катваляна, названия Пактиика, Катпатука, Капутке (у Себеса – *О.Х.*), Катаония относятся к одной и той же стране, которая располагалась к западу от границы Армении по Евфрату, к востоку от Великой, или Первой Каппадокии, к северу от Киликийской сатрапии и к югу от Евксинского Понта⁸.

Геродот под названием Пактиика⁹ упоминает страну, а под именем пактиев (*πάκτιες*) – народ (Hdt. III. 102; IV. 44; VII. 68), локализуя их на территории современного Афганистана¹⁰. В связи с пактиями следует отметить, что армений, упоминаемые в перечне народов, входивших в войско Ксеркса, не фигурируют там вместе с так называемыми пактиями, тогда как в списке сатрапий, напротив, отсутствует Пактиика, расположенная на территории Афганистана. В течение длительного времени в специальной литературе было распространено мнение, что пактии – это предки афганцев, однако связывать пактиев с паштунами является ошибочным¹¹.

Кроме того, есть мнение, что топоним Пуду, упоминаемый в китайских источниках, также относится к этнониму «пактии»¹². Согласно другой точке зрения, Пактиика, упомянутая в составе XIII сатрапии, на самом деле располагалась по соседству с Индией, хотя административно была объединена с XIII сатрапией¹³, что противоречит принципу административного деления Ахеменидской державы¹⁴.

¹ От Пактии – *ἀπὸ Πάκτιος*, в другой рукописи читается *Πάκτιος* (см. Доватур и др. 1982, 96, 195, примеч. 94).

² Мы считаем перевод с греческого «Армений» [т. е. две Армении] некорректным, поскольку само представление о Малой Армении в конце VI в. до н.э. является анахроничным, независимо от того, что территории будущей Малой Армении к западу от Евфрата входили в состав Сатрапской Армении (см. Khorikyan 2024, 63–67).

³ Еремян 1968, 92, 111.

⁴ Еремян 1971, 424.

⁵ Манандян 1977, 61.

⁶ Адонц 1987, 394.

⁷ Хлопин 1969, 288.

⁸ Катвалян 1976, 93.

⁹ Источником Геродота (Hdt. IV. 44) был Скилак Кариандский (см. Herzfeld 1968, 337).

¹⁰ Э. Херцфельд парапамисадов отождествлял с пактиями, которые располагались в Гандхаре (см. Herzfeld 1968, 337).

¹¹ Грантовский 1963, 10.

¹² Литвинский 1972, 164.

¹³ Грантовский 1962, 233, 235, 241.

¹⁴ Хорикян 2019, 20–28.

Основой деления Персидского государства на сатрапии служил принцип объединения различных этносов; при этом Пактиика, по-видимому, представляет собой географическое, а не этническое название.

Любопытную точку зрения по поводу локализации страны Пактиика высказал Б.А. Арутюнян. По его мнению, в 625 г. до н.э. царь Армении Арам-Арамани-Эримена завоевал восточные области Каппадокии – Кесарию-Мазак, которая в ту эпоху называлась Патука, или Пактука¹⁵ и отождествлялась с «Протин Арменианой»¹⁶ Мовсеса Хоренаци. Она не имела никакого отношения к римской провинции «Первая Армения», известной с IV в. н.э., и означала «Завоеванная Армения»¹⁷.

Ранее мы обсуждали вопрос границ XIII сатрапии с Каппадокией и Киликией¹⁸. Отметим, что персидский двор в середине V в. до н.э. по неизвестным нам причинам провел административные реформы. На юг были расширены границы Каппадокии; территория Пактиики была передана из сатрапии Армении в состав Каппадокии, а прибрежные южные районы Черного моря вплоть до Котиоры¹⁹ включены в Пафлагонию. Область Кесарии/Мазаки (современный Кайсери) следует выделить также потому, что Кесария фактически являлась главным узлом «Царской дороги», ведущей в Армению, а также важным пунктом пересечения торгового маршрута, соединявшего крупный киликийский торговый центр Тарс с Черным морем. Начиная с V в. до н.э. расширение Каппадокии в южном направлении достигло значительных размеров, что подтверждается рядом источников. Патука/Пактиика полностью перешла к Каппадокии, при этом население этих территорий было этнически близко друг к другу. Более того, первоисточники свидетельствуют, что одна из групп мушков-фригийцев обосновалась в районе Кесарии/Мазаки²⁰.

Название Катпатука/Каппадокия²¹, возможно, возникло именно во время персидского господства, когда формировалась III сатрапия, и тесно связано с названием страны Патука²². Не исключено, что в начале VI в. до н.э. мидяне, продвигаясь с востока на запад, могли распространить название страны Патука на земли в излучине реки Галис. В дальнейшем это наименование в форме Патука/Пактиика закрепилось за иной территорией и соотносилось с областью Катпатука, позднее известной как Каппадокия.

Если корень «кат» в слове «Катпатука/Каппадокия» означал «нижний» или «внутренний», а название целиком – «Нижняя, или Внутренняя Патука», то по сравнению с Патука/Пактиика находящиеся за ней территории так и воспринимались и обживались со стороны мидян. Вероятно, И.М. Дьяконов прав, считая земли внутри излучины Галиса зависимыми армянскими районами, из которых во

¹⁵ Некоторые исследователи раньше пытались локализовать Пактиику, упоминаемую в составе XIII сатрапии, на западной границе Армении, однако этот правильный подход не был глубоко проработан (см. Laird 1921, 308, 324; Debord 1999, 87; Murray, Moreno 2007, 489).

¹⁶ Хоренаци 1990, 27, 226; Арутюнян 1998, 78–79; Арутюнян 2005, 128–145. Важным является также сообщение Мовсеса Хоренаци о том, что Тигран собирал войско также из каппадокийцев. Это может относиться только к Ервандову Тиграну (см. Хоренаци 1990, 44).

¹⁷ Арутюнян 1999, 77–79.

¹⁸ Khorikyan 2022, 248–261; Хорикиан 2025, 1–21.

¹⁹ Khorikyan 2022, 259.

²⁰ О мушках подробнее см. Хорикиан 2025, 5–6.

²¹ Kent 1953, 117, 137, 141, 151.

²² Возможно, что название страны Патука вместо «Первая Каппадокия» сохранилось в искаженной форме в рукописи № 1898, которая хранится в Матенадаране имени Месропа Маштоца (см. Арутюнян 1997, 20).

время персидского господства формируется Каппадокия (III сатрапия) и соединяется с другими центральными районами Малой Азии²³.

Не исключено, что название Катпатука могло возникнуть после завоевания Патуки Арамом, в результате чего земли к северу получили название Каппадокия, а по окончании битвы при Галисе в 585 г. до н.э. мидяне передали эти территории Армении.

В любом случае позже название Каппадокия исчезает в северных районах и укрепляется на юге. Размещая группу мушков-фригийцев в районе Кесарии/Мазаки, мы получаем также другое объяснение информации Геродота о том, что армяне считались переселенцами-фригийцами (Hdt. VII. 73): ведь мушки, поселившиеся в районе Кесарии/Мазаки, долгое время находились на крайнем западном рубеже политического господства Армении. Согласно Мовсесу Хоренаци, Арам Нахапет (патриарх – родоначальник) заставил их изучать армянский язык и сделал их своим народом; греческий мир действительно мог считать их фригийскими переселенцами, с которыми прежде всего контактировали греки. Следовательно, армении у Геродота – это именно мушки. Возможно, Артохм был не военным начальником всех фригийцев, а только мушков-фригийцев, поселившихся в районе Кесарии/Мазаки, и армян, и во времена Мовсеса Хоренаци речь шла исключительно об исторической памяти.

Вероятно, Патука/Пактиика, которая располагалась в районе Кесарии/Мазаки, упоминается у Геродота (Hdt. I. 72) как Киликия, под тем же названием встречается у Страбона и Птолемея как одна из стратегий Каппадокии (Strabo. XII. I. 4; XII. II. 7; Ptol. VI. 14), существовавшая с древних времен. Однако Пактиика как страна была больше, чем Киликия как стратегия.

Ранее мы показали, что область Мелитине (современный город Малатья) входила в состав Сатрапской Армении²⁴. Это подтверждается также одним из вавилонских документов эпохи Дария II, где упоминается Шамаш/Илтаммеш-барраку, начальник урартов и мелитян²⁵.

Урашту/Урарту соответствует Армении, а упомянутая вместе с ним область Милиду/Мелитине была неотъемлемой частью Сатрапской Армении, что подтверждают сведения Геродота. По нашему мнению, отдельное упоминание Милиду связано с тем, что Милиду в результате административных реформ Дария I стала центром Пактиики, а значит, одним из центров XIII сатрапии. В V в. до н.э., несмотря на новые административные изменения, Милиду оставался в составе Сатрапской Армении и наместник, то есть сатрап, продолжал носить титул «управляющий людьми Урашту и Милиду (в широком смысле – Пактиики)».

Следовательно, можно утверждать, что Мелитине и другие районы к западу от Евфрата, позже ставшие частью Малой Армении, на протяжении всего периода Ахеменидского владычества были неотъемлемой частью страны Армина/Армения. Более того, судя по сведениям Арриана и Руфа, восточная часть Пактиики во время битвы при Гавгамелах в 331 г. до н.э. находилась в составе Сатрапской Армении²⁶.

В заключение отметим, что формирование XIII сатрапии происходило в следующей последовательности: по сути, до административной реформы Пактиика

²³ Дьяконов 1956, 356, 337 карта.

²⁴ Khorikyan 2015, 41-68.

²⁵ Clay 1904, 62, 107; Unger 1928, 32. Ср. Дандамаев, Луконин 1980, 294; Дандамаев 1990, 105; Дандамаев 2009, 341, 362.

²⁶ Подробнее см. Khorikyan 2017, 174-180.

входила в состав Армении, что создает в перечне Геродота определенное географическое несоответствие: сначала перечисляются территории с запада на восток, затем – соседи (или соседние районы, страны) вплоть до Евксинского Понта. Это свидетельствует о том, что в результате реформы Дария I по разделению сатрапий Пактиика и Армения объединяются с анонимными соседями (белыми сирийцами – каппадокийцами) до Черного моря. Вследствие этого XIII сатрапия на севере охватывает южные районы побережья Черного моря, расположенные между рекой Фермодонт и мысом Ясона.

Не исключено также, что географическое перечисление состава XIII сатрапии дано в порядке север-юг-запад (соседи – армении – Пактиика). Следует снова отметить, что во время мидян, а затем на начальном этапе персидского господства Армения была зависимым царством с обширной территорией, что учитывал Дарий I при административных реформах, сохраняя Армению как сатрапию с ее расширенной территорией. Важность Армении сохранялась и в последующие века как для парфян, так и для Сасанидов.

Подводя итоги, можно заключить, что Пактиика географически располагалась в районе Кесарии – Мазаки и соседних областях. В середине V в. до н.э. Пактиика вошла в состав Каппадокии. В широком смысле Пактиика на востоке доходила до Мелитине, которое в период разрушения Ахеменидской державы также оставалось неотъемлемой частью Сатрапской Армении. По сути, Геродот или более поздний переписчик под влиянием восточного Пактиике изменил название страны Патука на Пактиику.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Adonts, N.G. 1987: *Armeniya v epokhu Yustiniana* [*Armenia in the Age of Justinian*]. Yerevan.
Адонц, Н.Г. 1987: *Армения в эпоху Юстиниана*. Ереван (на арм. яз.).
- Arutyunyan, B.A. 2005: Strana Togarama i Khaykidy [The “House of Togarama” and Haykides]. In: *Bibleyskaya Armeniya* [*Biblical Armenia*]. Yerevan, 128–145.
Арутюнян, Б.А. 2005: Страна Тогарама и Хайкиды. В сб.: *Библейская Армения*. Ереван, 128–145 (на арм. яз.).
- Arutyunyan, B.A. 1999: K lokalizatsii XVIII satrapii Akhemenidksoy Persii [On the Localization of the 18th Satrapy of Achaemenid Empire]. *Andes Amsorea* [*Handes Amsoreay*] 1–12, 45–114.
Арутюнян, Б.А. 1999: К локализации XVIII сатрапии Ахеменидской Персии. *Андес Амсореа* 1–12, 45–114 (на арм. яз.).
- Arutyunyan, B.A. 1998: *O nekotorykh voprosakh istorii Armenii, armyano-iranskikh otnosheniy i drevneyshey istorii Peredney Azii (VII–VI vv. do n.e.)* [*On Some Problems of the Ancient History of Armenia, Armenian-Iranian Relations and Western Asia (7th–6th cc. BC)*]. Yerevan.
Арутюнян, Б.А. 1998: *О некоторых вопросах истории Армении, армяно-иранских отношений и древнейшей истории Передней Азии (VII–VI вв. до н.э.)*. Ереван (на арм. яз.).
- Arutyunyan, B.A. 1997: «*Armyanskaya geografiya*» i problema chetyrekh Armeniy [*Armenian Geography and the Problem of Four Armenias*]. Yerevan.
Арутюнян, Б.А. 1997: «*Армянской география*» и проблема четырех Армений. Ереван (на арм. яз.).
- Clay, A. T. 1904: *Business Documents of Murashû Sons of Nippur Dated in the Reign of Darius II*. Philadelphia.
- Grantovskiy, E.A. 1963: Iz istorii vostochnoiranskikh plemen na granitsakh Indii [From the

- History of the Eastern Iranian Tribes on the Borders of India]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta narodov Azii* [Brief Communications of Institute of Asian Peoples] 61, 8–30.
- Грантовский, Э.А. 1963: Из истории восточноиранских племен на границах Индии. *КСИНА* 61, 8–30.
- Grantovskiy, E.A. 1962: Sagartii i XIV okrug gosudarstva Akhemenidov po spisku Gerodota [The Sagartians and the 14th District of the Achaemenid State according to Herodotus' List (III, 93)]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta narodov Azii* [Brief Communications of Institute of Asian Peoples] 46, 227–251.
- Грантовский, Э.А. 1962: Сагартии и XIV округ государства Ахеменидов по списку Геродота (III, 93). *КСИНА* 46, 227–251.
- Dandamayev, M.A. 2009: Mesopotamiya i Iran v VII–IV vv. do n.e. Sotsial'nie instituti i ideologiya [Mesopotamia and Iran in the 7th to 4th cc. BC: Social Institutions and Ideology]. St. Petersburg.
- Дандамаев, М.А. 2009: Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н.э. Социальные институты и идеология. СПб.
- Dandamayev, M.A. 1990: Klinopisnie dannie ob armyanakh [The Cuneiform Evidence Concerning the Armenians]. In: *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya kul'turogeneza i etnogeneza Armyanskogo nagor'ya i sopredel'nykh oblastey* [Interdisciplinary Investigations of Culturogenesis and Ethnogenesis in the Armenian Highland and Adjacent Regions]. Yerevan, 102–106.
- Дандамаев, М.А. 1990: Клинописные данные об армянах. В сб.: *Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей*. Ереван, 102–106.
- Dandamayev, M.A., Lukonin V.G. 1980: *Kul'tura i ekonomika drevnego Irana* [Culture and Economy of Ancient Iran]. Moscow.
- Дандамаев, М.А., Луконин В.Г. 1980: *Культура и экономика древнего Ирана*. М.
- Debord, P. 1999: *L'Asie Mineure au IVe siècle (412–323 a. C.)*. Bordeaux.
- Diakonoff, I.M. *Istoriya Midii ot drevneyshih vremen do kontsa IV veka do n.e.* [History of Media from the Earliest Times to the Late 4th Century BC] Moscow–Leningrad.
- Дьяконов, И.М. 1956: *История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э.* М.–Л.
- Dovatur, A.I., Kallistov, D.P., Shishova, I.A. 1982: *Narody nashey strany v "Istorii" Gerodota* [Peoples of Our Country in Herodotus' "History"]. Moscow.
- Доватур, А.И., Каллистов, Д.П., Шишова, И.А. 1982: *Народы нашей страны в «Истории» Геродота*. М.
- Eremyan, S.T. 1971: *Istoriya armyanskogo naroda* [History of the Armenian People]. Vol. I. Yerevan.
- Еремян, С.Т. (ред.). 1971: *История армянского народа*. Т. I. Ереван (на арм. яз.).
- Eremyan, S.T. 1968: *Pervye armyanskies gosudarstvennye obrazovaniya (VII–VI vv. do n.e.)* [The First Armenian State Formations (7th – 6th cc. BC)]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal* [Historical-Philological Journal] 3, 91–120.
- Еремян, С.Т. 1968: Первые армянские государственные образования (VII–VI вв. до н.э.). *Историко-филологический журнал* 3, 91–120 (на арм. яз.).
- Herzfeld, E. 1968: *The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East*. Wiesbaden.
- Kent, R.G. 1953: *Old Persian: Grammar, Text, Lexicon*. New Haven.
- Khlopin, I.N. 1969: *Etnogeografiya derzhavi Akhemenidov po Gerodotu* [Ethnogeography of the Achaemenid Empire according to Herodotus]. *Strani i narodi Vostoka* [Countries and Peoples of the East] 8, 278–291.
- Хлопин, И.Н. 1969: Этногеография державы Ахеменидов по Геродоту. *Страны и народы Востока* 8, 278–291.

- Katvalyan, M.A. 1976: 13-oe i 18-oe satrapstva Akhemenidskogo vladichestva [13th and 18th Satrapies of the Achaemenid Dominion]. *Vestnik obshchestvennykh nauk [Journal of Social Sciences]* 7, 89–94.
- Катвалян, М.А. 1976: 13-ое и 18-ое сатрапства Ахеменидского владычества. *Вестник общественных наук* 7, 89–94 (на арм. яз.).
- Khorikyan, H.G. 2025: Territoriya i granitsi Kilikiyskoy satrapii v VI–IV vv. do n.e. [Territory and Boundaries of the Cilician Satrapy in the 6th–4th cc. BC.]. *Metamorfozi istorii [Metamorphoses of History]* 37, 1–21.
- Хорикиан, О.Г. 2025: Территория и границы Киликийской сатрапии в VI–IV вв. до н.э. *Метаморфозы истории* 37, 1–21.
- Khorikyan, H. 2024: On an Account of Arrian concerning Armenia in the Achaemenid Period. *Hunara: Journal of Ancient Iranian Arts and History* 2.2, 63–67.
- Khorikyan, H. 2022: The Territory and Boundaries of Cappadocia in Achaemenid Persia. *Journal of Oriental Studies* 21, 248–261.
- Khorikyan, H.G. 2019: Printsip administrativnogo deleniya v akhemenidskoy Persii [Principle of Administrative Division in Achaemenid Persia]. In: *Scripta antiqua. Voprosi drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury [Scripta antiqua. Ancient History, Philology, Arts and Material Culture]* 8, 20–28.
- Хорикиан, О.Г. 2019: Принцип административного деления в ахеменидской Персии. *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры* 8, 20–28.
- Khorikyan, H.G. 2017: The Administrative Division of the 13th Satrapy of Achaemenid Persia in the Reign of Darius II. *Metamorphoses of History* 10, 174–180.
- Khorikyan, H.G. 2015: The Western and Southern Boundaries of Satrapic Armenia in the VI–IV Centuries B.C. *Journal of Armenian Studies. International Review of Armenian Studies* 2, 41–68.
- Laird, A.G. 1921: The Persian Army and Tribute Lists in Herodotus. *Classical Philology* 16.4, 305–326.
- Litvinskiy, B.A. 1972: *Drevnie kочевniki «Krishi mira» [The Ancient Nomads of the “World Roof”]*. Moscow.
- Литвинский, Б.А. 1972: *Древние кочевники «Крыши мира»*. М.
- Manandyan, Ya.A. 1977: *Kriticheskiy obzor istorii armyanskogo naroda [A Critical Review of the History of the Armenian People]*. Т. I. Yerevan.
- Манандян, Я.А. 1977: *Критический обзор истории армянского народа*. Т. I. Ереван (на арм. яз.).
- Khorenatsi, Movses 1990: *Istoriya Armenii [History of Armenia]*. Yerevan.
- Хоренаци, Мовсес. 1990: *История Армении*. Ереван.
- Murray, O., Moreno, A. 2007: *A Commentary on Herodotus Books I–IV*. New York.
- Unger, E. 1928: Urartu. In: M. Ebert (ed.), *Reallexikon der Vorgeschichte* XIV. Berlin, 32.

ON THE LOCALIZATION OF PACTYICE COUNTRY OF 13TH SATRAPY

Hovhannes G. Khorikyan

*“M. Nalbandyan State University of Shirak” Foundation, Gyumri, Armenia**E-mail: hovhkor78@mailru*

The article examines the location of the country of Pactyice, mentioned in the 13th satrapy. During the administrative reforms of Darius I, Armenia was transformed into a separate satrapy, occupying the 13th place in Herodotus' list of satrapies. For a long time, the prevailing opinion in Armenology was that the 13th and 18th satrapies were located within the territory of Armenia. However, recently, a well-founded viewpoint has been put forward (B.A. Arutyunyan, O.G. Khorikyan) according to which Armenia was not divided between the 13th and 18th satrapies, and the latter was located between the Kura River and the Greater Caucasus mountain range. Fully sharing the viewpoint that Armenia was entirely part of the 13th satrapy, the authors aim to clarify the localization of the country of Pactyice, which is mentioned as part of this satrapy, based on the analysis of primary sources.

Keywords: Armenia, XIII Satrapy, Herodotus, Pactyice, Pactyes, Caesaria/Mazaka, Katpatuka, Cappadocia, Milidu, Armenia Minor

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 261–272
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 261–272
©Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-261–272

ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИЧНОЙ ОСТИИ РАИСОЙ КАЛЬЦЕЙ

А.В. Урядова

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: uryadovaana@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0091-0293

Статья посвящена итальянскому археологу русского происхождения Раисе Кальце (Гуревич, Кроль, де Кирико) – исследователю античной Остии. Основными источниками для написания работы явились архивные материалы (архив Университета Сиены) и публикации Р. Кальцы. В статье исследован путь и становление Р. Кальцы как археолога в 1930–1960-е гг. Через призму исследовательской биографии рассматривается трансформация взглядов автора на идентификацию античных артефактов, изменение подходов к их изучению, проводится их сопоставление с современными взглядами на атрибуцию отдельных памятников античной Остии.

Ключевые слова: классическая археология, Остия, Италия, Раиса Кальца

В 2004 г. в Италии вышла книга «Археология по-женски», в которой прослеживается путь всего лишь восьми женщин, занимавшихся классической археологией¹. Одна из них – «русская подданная» (так указывалось в ее первом паспорте) Раиса (Raissa) Кальца (Гуревич, Кроль, де Кирико). Об актуальности и важности ее работ говорит тот факт, что и сегодня их используют специалисты. Научная

Данные об авторе. Анна Владимировна Урядова – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории ЯрГУ.

Работа выполнена при поддержке проекта ЯрГУ VIP-018. 1 Nicotra 2004.

¹ Nicotra 2004.

актуальность данной статьи состоит и в том, что в России труды Кальцы практические не известны.

В источниках встречаются противоречивые данные: по одним, Р. Кальца училась в Сорбонне на факультете классической археологии, по другим – изучала античность в школе Лувра. В 1932 г. она переехала в Италию. В этом же году вышла ее первая статья, посвященная античному Риму². Прибыв в Остию, из-за отсутствия официальных документов, подтверждающих ее квалификацию, она не могла получить работу археолога и стала фотографом и секретарем на раскопках.

В 1937 г. вышла ее статья, посвященная находке в термах Семи мудрецов³ статуи остийской Гигиен⁴. Главным методом ее исследований был сравнительный анализ, выявление стилистических аналогий. В данном случае Р. Кальца сравнивала объект своего изучения с Гигиен из музея Виллы Торлония. Автор отмечала особенность драпировки одежды изучаемой статуи (маленькими круглыми складками, которые в последующих публикациях получают название «драпировка в форме яйца»).

В 1938 г. о Р. Кальце как об исследователе античности впервые написали в немецком археологическом журнале⁵. В Остии она работала под руководством Г. Кальцы, который вскоре стал ее мужем.

Одним из первых объектов ее изучения является остийская резиденция августалов (*Seda degli Augustali di Ostia*)⁶. Во время раскопок Г. Кальца под влиянием находки статуи севира трактовал комплекс как местопребывание коллегии августалов⁷. Параллельно с отчетом о раскопках Р. Кальца написала статью об обнаруженных скульптурах, не подвергая сомнению вышеуказанную идентификацию. Дальнейшие исследования показали, что здание имеет план типичный для позднеантичного *domus ostiensis*: с внутренним двором, портиком и апсидой. Также было установлено, что найденные во дворе статуи происходили из разных мест, вероятно, даже погребений. Их предназначение спорно. Возможно, хозяин планировал их вторичное использование⁸. Р. Кальца уделила особое внимание одежде, отметив, например, что тога севира была с классической драпировкой, полностью анахроничной работам III в. Дается и эмоциональное описание работы – «тусклая и дрянная»⁹. В той же статье упоминается о женской статуе, завернутой в хитон и гиматий в так называемой позе «скромности», то есть с левой рукой, согнутой вверх, и пальцем, касающимся лица. По прическе и месту находки Р. Кальца идентифицирует ее как жрицу, связанную с императорским культом, возможно, фламимику, датируя работу II в. н.э.¹⁰ Однако в более поздних статьях она меняет свою точку зрения, отождествляя ее с Фаустой, супругой Константина. Она характеризует

² De Chirico 1932, 28–40.

³ Термы семи мудрецов – остийская постройка времен Адриана, получившая свое название по остаткам росписей на стенах с изображением семи греческих мудрецов: Солона Афинского, Фалеса Милетского, Бианта Приенского, Питтака Митиленского, Клеобула Линдского, Периандра Коринфского и Хилоня Спартанского.

⁴ De Chirico, 1937, 518–527.

⁵ *Archäologische Fonde in Italien...* 1938, 656–664.

⁶ Calza de Chirico 1941a, 113–128; 1941b, 216–246.

⁷ Danner 2017, 280–291.

⁸ Murer 2016, 190; Danner 2017, 291.

⁹ Calza de Chirico 1941b, 216.

¹⁰ Calza de Chirico 1941b, 234–237.

взгляд статуи как «немного инертный», но при этом «жесткий и напуганный»¹¹. Современные исследователи согласны с датировкой и считают, что это произведение было создано на заказ¹². Среди других находок, ее внимание привлекла скульптура в тоге, покрывающей голову (*velato capite*)¹³. Она распознала в ней императора в одеждах понтифика. Сравнивая эту статую с аналогичной на вилле Дориа-Памфили, традиционно отождествляемой с Диоклетианом¹⁴, она пришла к выводу, что «выцветшие, нечеткие черты» и особенно выющиеся волосы принадлежат императору Квинтилле, правившему в течение нескольких месяцев 270 г.¹⁵

В ранних трудах Р. Кальца продемонстрировала свой авторский подход с характерной ей эмоционально-психологической характеристикой исследуемых портретов. Это видно и на примере статьи о статуе, обнаруженной в палестре терм форума¹⁶. Персонаж был облачен в классическую тогу, которая, однако, из-за графической визуализации складок и плоской стилизованной обработки была датирована Р. Кальцей концом IV – началом V вв. Археолог провела ее типологическое сравнение с восточной работой эпохи Феодосия Великого, в частности, со статуей магистрата из Афродисиады (археологический музей Стамбула)¹⁷, выявив при этом и стилистическое сходство с некоторыми саркофагами западного производства, особенно саркофагом Стилихона в базилике Сант-Амброджо в Милане. И в статье, и в музейной карточке-описании данной статуи Р. Кальца отмечала «болезненный вид» персонажа, «меланхолию», «опущенные уголки рта», характерные для поздней антики¹⁸. Эта идентификация была отвергнута Дж. Бекатти, который видел в статуе портрет Рагония Винченцо Цельса, префекта анноны и реставратора терм форума, откуда и взялась статуя. Его версию поддержали и другие исследователи¹⁹. Семь лет назад И. Ромео отвергла обе интерпретации, вернув произведению анонимность²⁰.

Р. Кальца много работала на раскопках. Как она говорила в своем интервью: «Помогала с живописью, скульптурой, описанием гробниц, делала самые скучные вещи, например, измерения <...> Но это была хорошая школа, потому что в Сорбонне и в школе Лувра учат прежде всего руководить музеями, а не заниматься раскопками»²¹. В связи с Всемирной выставкой, запланированной на 1942 г., с 1938 г. в Остии начались раскопки беспрецедентного масштаба, щедро профинансированные государством и с выделением дополнительных 18 га земли. Исследо-

¹¹ Calza de Chirico 1950, 201, 203; Calza, Squarciapino 1962, 49, fig. 22.

¹² Laird 2000, 57–58; Romeo 2019, 40.

¹³ Calza de Chirico 1941b, 222–229.

¹⁴ Сегодня считается, что голова, установленная на статуе в музее, не имеет отношения к телу (*Antichita di Villa Doria Pamphilj* 1977, 304–305; Benocci 2000, 541–542; Cadario 2012, 185).

¹⁵ Calza de Chirico 1941b, 222.

¹⁶ Calza de Chirico 1941a.

¹⁷ Статуя происходит из терм Афродисиады и, вероятно, изображает наместника провинции Кария, который жил в V в. (Inan, Rosenbaum 1966; Smith 1999, 155–189, tab. I). Есть и сравнение с аналогичной статуей правителя Экуменио (Smith 2002, 143, tav. XXXIII; Pasinli 2010, 51; *Last Statues of Antiquity*) Это сравнение, возможно, было предложено М.Ф. Скварчапино, автором тома о школе Афродисиады (Squarciapino 1943, 75, tav. XXIII).

¹⁸ Calza de Chirico 1941 b, 114, 121; Calza, Squarciapino 1962, 81.

¹⁹ Becatti 1948/III, 216–217; Valeri 1998, 49–50, 53; Bergmann, 2000, 648.

²⁰ Romeo 2019, 115–119.

²¹ Bassi, Vivi 2009, 209–224.

вания подверглись серьезной критике в связи с тем, что предпочтение отдавалось количеству, а не качеству: работа велась с размахом, на большой площади, а не поэтапно; фактически без должной документации были срезаны все слои после первых десятилетий II в. н.э., что не позволяет реконструировать более поздние периоды развития города. Еще одним объектом критики стала реставрация архитектурных памятников, в ходе которой здания были просто достроены, что в дальнейшем стало препятствием для оценки посетителями музея их истинной сохранности. Но, несмотря на эти недостатки, раскопки были весьма результативны.

Во-первых, с точки зрения топографии все обнаруженные памятники были увязаны в единый комплекс; были выделены две главные «артерии» города (Декумано Массимо (от порта Романа до порта Марина) и Кардо Массимо (от порта Лаурентина до Тибра) с прилегающими постройками); исследование осуществлялось не только с северной стороны (от Декумана до Тибра), но и в южной и западной частях, где до этого раскопки не проводились; раскоп (где это было возможно) был углублен для изучения республиканского города²².

Во-вторых, с научной точки зрения раскопки пролили свет на происхождение и эволюцию Остии, были выделены три этапа ее развития (как военной цитадели; в границах республиканской стены, построенной около 80 г. до н. э.; за границей этой стены, расширяясь по направлению к морю).

В-третьих, раскопки привели к «переформатированию» и практически к созданию заново музея Остии, действующего и поныне. Р. Кальца занялась экспозиционной деятельностью, подбором экспонатов из богатейшего материала, обнаруженного при раскопках, созданием каталогов²³. Она тщательно отбирала мужские и женские скульптурные портреты, с помощью которых можно было бы проследить эволюцию вкуса, стиля, моды и верований этого города с I в. до н.э. до V в. н.э. При раскопках были обнаружены как римские, так и греческие (в основном в копиях) скульптуры. Р. Кальца отмечала следующую специфику этих находок: они соответствовали запросам буржуазного купеческого класса, жившего в этом месте, поэтому здесь не было произведений известных мастеров, изысканных классических произведений или предметов высокой ценности. Она также уделила особое внимание декоративно-прикладному искусству, рельефам, изображающим жанровые сцены из жизни древнего города.

Выставка, к которой были приурочены раскопки, так и не состоялась. В 1943 г. началась эвакуация экспонатов, но раскопки продолжались до 1 января 1944 г. В это время Р. Кальца ведала вопросами сохранности произведений искусства.

Рост количества находок к концу войны потребовал дополнительных площадей для их экспонирования. 12 июня 1945 г. обновленный и существенно увеличенный музей Остии был вновь открыт. Тогда же его экспонаты были представлены в работе Г. Кальцы²⁴, а затем в 1947 г. – Р. Кальцы²⁵ (в 1962 г. расширенный каталог музея был сделан совместно с Р. Кальцей и М.Ф. Скварчапино²⁶, а в 1971 г. к ним присоединились и другие авторы²⁷).

²² Calza 1953.

²³ Calza, Squarciapino 1962; Calza et al. 1971.

²⁴ Calza 1945.

²⁵ Calza 1947a.

²⁶ Calza, Squarciapino 1962.

²⁷ Calza et al. 1971.

Исследователи отмечают, что именно Р. Кальца сыграла решающую роль в формировании идентичности остийских исследований после Второй мировой войны. Главной послевоенной задачей виделось не столько продолжение раскопок, сколько систематизация найденного и представление материалов научному сообществу. В связи со смертью в 1946 г. Г. Кальцы (координатора этой деятельности), за нее взялась Р. Кальца. В том же году она опубликовала исследования своего мужа, посвященные входу в абсидальный зал в Аттидейоне (Attideion), важном сакральном комплексе Остии, посвященном Великой Матери (Magna Mater)²⁸. Работа Р. Кальцы по перекомпоновке скульптурных фрагментов позволила ей дополнить материалы мужа собственными выводами. В рецензии на эту статью, цитируя Публия Сира «bis dat qui cito dat» («Вдвойне дает тот, кто дает быстро»), Ш. Пикар писал: «Нельзя не восхищаться оперативностью наших итальянских коллег, благодаря которой они сделали свои открытия доступными для ученых всех стран»²⁹.

Продолжением этой тематики стала публикация Р. Кальцы в 1949 г. об остийском «Святынище Кибелы» (Cybele Magna Mater), раскопанном в начале 1940-х гг.³⁰ Тогда же она вновь вернулась к идентификации статуи в тоге, покрывающей голову (velato capite), названной ей в 1941 г. «quintillo»³¹. В новом исследовании, благодаря сравнению с портретом Лициния на арке Константина, скульптура была датирована началом IV в.³² Лицо «с сильным нелатинским отпечатком» напомнило ей императора Максенция, который унаследовал от своей сирийской матери вьющиеся волосы. Доказательством стало сходство, обнаруженное автором при сравнении статуи с нумизматическим портретом Максенция на монетах Остии («плоское и расширенное лицо с низким лбом», «мягкая и свисающая губа», «слегка косые глаза»)³³. В заключение статьи Р. Кальца выдвинула гипотезу о том, что статуя была воздвигнута в центральном зале дома коллегии августалов Манлием Рустицианом, префектом претория и куратором Остии во время правления Максенция. Эта атрибуция позже была опровергнута М. Лэрд, которая видела в работе портрет жертвующего частного лица, возможно, почетную статую или погребальный портрет³⁴. В доказательство погребальной атрибуции приводится портрет Юлия Прокула из некрополя на Священном острове (Necropoli Isola Sacra). Более поздняя критика признала в этом произведении статую II в. н.э., переделанную в начале IV в. с добавлением пунктирной бороды и гравировкой зрачка³⁵.

В этих работах, так же как в характеристике экспонатов в каталоге Остийского музея много описаний-прилагательных и эпитетов, характеризующих статуи (*красивый, прекрасный, тяжелый, безжизненный*), чего обычно нет в публикациях подобного рода³⁶. Ее итальянский не был безупречен, поэтому коллеги-археологи нередко помогали в редактировании работ, отмечая при этом мелодичность русского стиля Р. Кальцы³⁷.

²⁸ Calza 1947b, 207–227.

²⁹ Picard 1949, 129.

³⁰ Welles 1949, 60–75.

³¹ Calza 1949, 83–94.

³² Речь идет о круге со сценой жертвоприношения Аполлону, где портрет Адриана был переделан в Лициния или Констанция Хлора (Pensabene 2016, 821–834).

³³ Calza 1949, 91.

³⁴ Laird 2000, 59–60.

³⁵ Romeo 2019, 39.

³⁶ Calza 1947, 7; Calza, Squarciapino 1962, 58.

³⁷ Carandini 1989, 21–25.

Несмотря на то, что, по мнению ряда исследователей, Р. Кальца не знала теорий, методологий, сложных концепций, у нее была хорошо развита интуиция, художественный взгляд, что позволяло ей выявлять сходства и различия скульптурных портретов, составлять воедино отдельные части, детали скульптуры³⁸. К 1950 г. Р. Кальца стала признанным экспертом по древнеримской портретной скульптуре, особенно погребальной³⁹. Ее исследования помогли выявить специфику остийского производства и идентифицировать местных мастеров⁴⁰.

В октябре 1950 г. Р. Кальца была приглашена для рассказа об остийских раскопках в Школу Лувра⁴¹. В течение 1956 г. Кальца помогала национальному архиву фотографии систематизировать коллекцию фото римской скульптуры⁴². В 1958–1959 гг. она стала научным сотрудником Фототеки архитектуры и топографии Древней Италии⁴³. Она и сама много фотографировала как во время раскопок, так и в периоды изучения найденных артефактов. В архиве университета Сиены сохранилось множество фотографий и негативов, сделанных Р. Кальцей на раскопках⁴⁴. В общей сложности А. Нери насчитывает около 2487 фото⁴⁵. Некоторые фотографии подписаны на обороте (чаще всего это наименование объекта изображения и дата). Есть и карточки из картотеки музея Остии. В архиве Управления археологического наследия Остии (SBAO – Soprintendenza per i Beni Archeologici di Ostia) есть отдельный фонд Кальцы (Z93 R. Calza), связанный с ее работой здесь, в том числе большой архив фотографий античных памятников, инвентарные описи и множество других документов.

В продолжение работы по атрибуции статуй в 1958 г. она провела исследование статуи Гая Картилия Попликолы, найденной в 1938 г. у подножия храма Геракла⁴⁶. Согласно атрибуции Р. Кальцы, статуя была создана около 40–30 гг. до н.э. в честь известного остийского политика, изображенного в героической наготе и в расслабленной позе, со скрещенными над левым коленом руками. На основании сравнения с другими находками, в том числе статуй из Кассино (гипотетическое отождествление персонажа с Теренцием Варроном⁴⁷) и особенно статуей Гермеса с виллы Адриана, Кальца сначала идентифицировала изучаемый объект как прототип известной скульптуры Лисиппа «Гермес, завязывающий сандалию» (об идентификации прототипа Лисиппея долгое время велись споры о том, расстегивает или застегивает он сандалию⁴⁸). Однако дальнейший анализ анатомии скульптуры, драпировки, изменили ее атрибуцию на неоаттическую переработку модели Лисиппа, которая больше соответствовала названию «Отдыхающий герой»

³⁸ Carandini 1989, 21–25.

³⁹ Toynbee 2012, 262–263.

⁴⁰ Shepherd 2009, 115–116.

⁴¹ Archives des musées nationaux, École du Louvre (série F).

⁴² С 1 января 1956 по 3 января 1957 года Раиса Кальца приезжала в Национальный кабинет фотографии (Gabinetto fotografico nazionale), с целью реорганизовать и разбить по тематике многочисленные археологические фотографии, а точнее историческую скульптуру, представленную в римской коллекции. Она занимала должность пресс-секретаря этой организации (Shepherd 2009, 116).

⁴³ Shepherd 2009, 117.

⁴⁴ Biblioteca dell'Università di Siena. Fondazione R. Calza.

⁴⁵ Neri 2012, 192.

⁴⁶ Calza 1958, 221–228; Picard 1976, 121–129; Zevi 1976, 56–60; Valeri 2001, 404–405.

⁴⁷ Carettoni 1943, 53–66; Coarelli 1995, 269–280.

⁴⁸ Caprino 1974, 106–114; Moreno 1995, 230–231; Parisi Presicce 1995, 405; Avagliano 2010, 425–446.

(предполагалось, что в недостающей руке у него мог быть меч). Таким образом, статуя подпадала под типологию позднереспубликанского героического портрета, использовавшего в качестве прототипа эллинистическую иконографию божеств. В данном конкретном случае Р. Кальца предположила, что Г. Картилий Попликола был изображен в облике Тесея, мифического царя Афин. Гипотеза звучит достаточно правдоподобно, учитывая связи между Тесеем и Гераклом, место находки, а также стремление Картилия называть себя аналогично Тесею «другом народа».

Еще одной областью исследований Р. Кальцы было раннехристианское искусство. Она подготовила каталог раннехристианских скульптурных фрагментов, найденных на территории Остии, в основном состоящих из частей саркофагов⁴⁹ (среди них саркофаг Сириака⁵⁰). Среди остийских религиозных находок ее внимание особенно привлекли фрагменты мраморных полукруглых «столешиниц». Отвергнув предположение о том, что они использовались для рефрижерииума или ритуального банкета (практики, исчезнувшей в IV в.), Р. Кальца выдвинула гипотезу о литургической функции – алтарь для подношений или евхаристии⁵¹. В свете этих находок она пересмотрела традиционную хронологию Остии, придя к выводу, что «...жизнь Остии, хотя и в сокращенном виде, существовала дольше, чем считалось до сих пор»⁵².

В 1961 г. при строительстве дороги в аэропорт Фьюмичино, расположенный в 5 км от Остии Антика, была обнаружена древняя синагога (построенная в конце I в., реконструированная и расширенная в IV в.). Этому объекту (идентификации еврейских символов в мозаичных полах, гравировке перекалин, масляным светильникам) Р. Кальца уделила внимание в путеводителе по Остии, изданном в 1965 г. Среди достижений автора было и изучение здания раннехристианской базилики, расположенной рядом с этой синагогой⁵³. В честь признания ее вклада в изучение истории христианства в 1963 г. она была приглашена папой на частную аудиенцию в Ватикан.

В 1964 г. в книжной серии «Раскопки в Остии» был опубликован том, посвященный портретам, датированным периодом до 160 г. н.э.⁵⁴ В нем были представлены памятники, найденные в Остии за долгую историю раскопок этой территории, хранящиеся не только здесь, но и в других музеях Италии и зарубежных стран. Среди открытий, сделанных Р. Кальцей, следует отметить три портрета Доминии Луциллы (матери Марка Аврелия), Фаустины Младшей и Луция Вера. В 1978 г. вышла вторая часть этого исследования⁵⁵. В ней рассматривались портреты с 160 г. н.э. по середину III в. н.э.

Не только Остия была темой ее исследований. В 1957 г. она составила каталог античной коллекции Галереи Боргезе⁵⁶. В «Энциклопедии древнего искусства» вышла ее статья, посвященная вилле Альбани-Торлонии⁵⁷, построенной в XVIII в., но принадлежавшей известному коллекционеру античной скульптуры.

⁴⁹ Calza 1964–1965, 155–257.

⁵⁰ Calza 1964–1965, 220–224; Romoli 2000, 618–619.

⁵¹ Calza 1964–1965, 242–249; De Angelis d'Ossat 1974, 31–47; Tocci 2012, 115–120.

⁵² Calza 1964–1965, 249.

⁵³ Frankley. <https://madan.org.il/ru/groups/raisa-gurevich-kalca-italyanskiy-arheolog>.

⁵⁴ Calza 1964.

⁵⁵ Calza 1978.

⁵⁶ Calza 1957.

⁵⁷ Calza, 1965, 936–939.

Важной публикацией явилась работа по иконографии императоров Рима от Караузия до Юлиана, сочетавшая в себе детальное описание различных скульптурных произведений императоров III–IV вв. с их словесными портретами, данными в письменных источниках. Том был частью серии «Тетради и гиды по археологии»⁵⁸. Это достаточно сложный для исследования исторический период как с точки зрения письменных источников и историографии, так и самого предмета изучения. Постепенно индивидуализация портретов уступила место официально-символическому изображению власть имущих, что затрудняло их идентификацию. И тем не менее использование сравнительного метода при сопоставлении памятников материальной культуры (скульптур, монет с изображениями) и словесных портретов вновь помогло Р. Кальце. Она даже выдвинула ряд гипотез и сделала некоторые открытия (например, идентифицировала в одном из портретов Елену, мать Константина, а в персонаже, приносящем жертвы Гераклу и Аполлону в адрианейских кругах арки Константина, – Констанция Хлора)⁵⁹.

Еще одна работа (в соавторстве с Дж.П. Сарторио) была посвящена вилле императора Максенция (307–312)⁶⁰. Топографические исследования комплекса выявили не только скульптуры, установленные этим императором для украшения территории, но и артефакты более ранних времен. Это подтвердило гипотезу о том, что данные территории (поместье Триопион) были собственностью Герода Аттика (ок. 101 – ок. 177 гг. н.э.), известного философа, высокопоставленного чиновника и наставника Марка Аврелия и Луция Вера. Особое внимание автор уделила саркофагу Цецилии Метеллы и пяти кариатидам⁶¹, найденным в непосредственной близости от него. Р. Кальца выдвинула гипотезу, что саркофаг был частью гробницы-кенотафа, воздвигнутой Геродом в честь его жены Ании Региллы.

Последняя работа, которую курировала Р. Кальца, была посвящена вилле Дориа Памфили⁶² в связи с передачей ее и прилегающего к ней парка в государственную собственность. Цель исследования состояла в том, чтобы собрать как можно более полную информацию о коллекции древностей Дориа Памфили, которая за долгие годы своего существования оказалась рассеянной по множеству музеев. Работа предусматривала как установление местонахождения предметов коллекции, так и их последующую идентификацию и каталогизацию.

Современные исследования, как правило, рассматривают искусство поздней Римской империи как объект, отражающий изменения социального поля, в котором оно развивалось (производителей, заказчиков и пользователей)⁶³. Оценивая вклад Р. Кальцы в науку, и, в частности, в изучение античной скульптуры, исследователи отмечают, что она оставалась в рамках научных традиций того времени: статуи считались произведениями искусства, оторванными от их контекста и предметом в основном искусствоведческого анализа (стилистики и типологии)⁶⁴. Несмотря на это, ее методы были аргументированы и приносили свои плоды. Вот

⁵⁸ Calza 1972.

⁵⁹ Calza 1960, 133–161.

⁶⁰ Calza, Sartorio 1976.

⁶¹ Calza, Sartorio 1976, 206–213.

⁶² *Antichità di Villa Doria Pamphili* 1977.

⁶³ Huskinson 2005, 297–304; Romeo 2019, 27–42.

⁶⁴ Daffara 2021, 161.

какую историю вспоминает ее племянница: «Будучи знатоком в изменчивых стилях причесок Древнего Рима, она однажды заметила на части изваяния женской головы в музее Стокгольма прическу, сходную с той, которую видела на фрагменте изваяния женщины, обнаруженной в Остии. После тщательного сравнения и измерения Рая установила, что стокгольмский экспонат точно соответствовал отсутствующей части скульптуры Остии. Признав заключение Раи, музей пригласил ее приехать, и этот экспонат был ей лично вручен шведским королем»⁶⁵.

Это была не единственная ее встреча со столь высокопоставленными персонами. Благодаря своему знанию языков, от имени Дирекции Остии она отвечала за прием иностранных ученых и почетных гостей, посещавших раскопки, а также занималась вопросами международных отношений музея. Например, она дважды (в 1956 и 1961 гг.) сопровождала в Остии принцесс Нидерландов⁶⁶.

Р. Кальца вела активную деловую переписку. В числе ее адресатов были издатели, галлеристы и музейные сотрудники из разных стран (например, хранитель Лувра Ф. Бремер, профессор А.И. Вошинин из Эрмитажа, директор ГМИИ И. Антонова), коллеги-археологи (например, Г. де Виссхер из Брюсселя, Г. Мебиус из Гамбурга). В ее записной книжке находим имя советского исследователя античной истории и искусства, профессора МГУ Г.И. Соколова⁶⁷.

Р. Кальца была редактором ряда каталогов, путеводителей и очерков, сотрудничала с престижной «Энциклопедией античного, классического и восточного искусства». Главным трудом ее жизни стала монография «Остия», переизданная в Италии за 1949–1965 гг. 27 раз. Рецензии на нее размещались в ведущих археологических журналах мира, например в *AJA*⁶⁸ указывалось, что эта книга не только для узких специалистов, но и для образованного круга читателей в целом. За свою жизнь Р. Кальца опубликовала 43 исследования, в т.ч. 12 монографий, 17 статей, 12 статей в энциклопедии и две рецензии на книги. В основном они посвящены древнеримским портретам и иконографии: “*I ritratti*” («Портреты», 1964–1978), “*Iconografia romana imperiale*” («Римская императорская иконография», 1972), “*Statua iconica femminile da Ostia*” («Женская иконическая статуя из Остии», 1950), “*Un problema di iconografia imperiale sull’arco di Costantino*” («Проблема императорской иконографии на Арке Константина») и многие другие.

Ведущие университеты, институты, музеи и коллекционеры приглашали ее для чтения лекций, консультаций и экспертизы. Раиса Кальца была первым научным сотрудником Союза фототек Американской академии, членом Германского института археологии в Риме, членом-корреспондентом Папской римской академии археологии. В знак признания ее вклада в итальянскую археологию 2 июня 1967 г. Кальца была награждена правительством Италии золотой медалью «За вклад в развитие культуры и искусства»⁶⁹. На церемонии чествования президент Альдо Моро вручил ей «Диплом за отличие» и медаль Института искусств и культуры.

Умерла Р. Кальца в Риме в 1979 г. Похоронена рядом с античной Остией, которой отдала несколько десятков лет своей жизни, в церкви Св. Эрколано. На эпитафии написано: «Благородный остийский археолог, прибывший издалека».

⁶⁵ Frankley. <https://madan.org.il/ru/groups/raisa-gurevich-kalca-italyanskiy-arheolog>.

⁶⁶ Biblioteca dell’Università di Siena. Fondazione R. Calza. Scatola VI. Diario.

⁶⁷ Biblioteca dell’Università di Siena. Fondazione R. Calza. Scatola VI. Diario.

⁶⁸ MacKendrick 1961, 329.

⁶⁹ Le onorificenze della Repubblica Italiana.

ЛІТЕРАТУРА/REFERENCES

- Avagliano, A. 2010: Un Hermes Agoraios nel Palazzo Nuovo in Campidoglio. In: *Annali dell'Università degli Studi Suor Orsola Benincasa di Napoli*. Napoli, 425–446.
- Calza, R. (cura) 1977: *Antichità di Villa Doria Pamphilj*. Roma.
- Archäologische Fonde in Italien, Tripolitanien, der Kvrenaika und Albanien vom Oktober 1937 bis Oktober 1938. 1938. *Archäologische Anzeiger* 3–4, 656–664.
- Archives des musées nationaux, École du Louvre (série F). URL: [FRAN_IR_053948 – Salle de lecture virtuelle (culture.gouv.fr)].
- Bassi, E., Vivi, G. 2009: L'ultima intervista a Raissa. In: *Per Raissa*. Siena, 209–224.
- Becatti, G. 1948: Case ostiensi del tardo impero II. *BdA* III, 197–224.
- Benocci, C. 2000: Statua togata del cosiddetto Diocleziano. In: E. La Rocca, S. Ensoli (cura), *Aurea Roma. Dalla città pagana alla città cristiana* (Cataloghi Mostre). Roma, 541–542.
- Cadario, M. 2012: Statua con ritratto di Diocleziano. In: G. Sena Chiesa (cura), *Costantino 313 d.C., l'editto di Milano e il tempo della tolleranza* (Catalogo della mostra di Milano–Roma, 2012–13). Milano, 185.
- Calza de Chirico, R. 1941: Nuova statua-ritratto del Basso Impero trovata ad Ostia. *Bollettino della Commissione Archeologica del Governatorato di Roma* 69, 113–128.
- Calza de Chirico, R. 1941: Ostia. Sculture provenienti dall'edificio degli Augustali (Ostia). In: *Atti della Accademia Nazionale dei Lincei, Notizie degli Scavi di Antichità* (Serie settima II), 216–246.
- Calza de Chirico, R. 1950: Statua iconica femminile da Ostia. *BdA* 35, 201–207.
- Calza de Chirico, R. 1953: Sui ritratti ostiensi del supposto Plotino. *BdA* 38, 203–210.
- Calza, G. 1945: *Introduzione a Museo Ostiense* (Estratto dalla Guida in coiso di staina presso il Poligrafico dello Stato). Roma.
- Calza, G. 1953: *Senni di Ostia. Topografia generale* I. Roma.
- Calza, R. 1957: *Galleria Borghese. Collezione degli oggetti antichi, Catalogo del Gabinetto Fotografico Nazionale*, 4. Roma.
- Calza, R. 1972: Iconografia romana imperiale, da Carausio a Giuliano, 287–363 d.C. *Quaderni e guide di archeologia* 65, Roma.
- Calza, R. 1964–1965: Le sculture e la probabile zona cristiana di Ostia e di Porto. *Rendiconti della Pontificia Accademia romana di archeologia* 37, 155–257.
- Calza, R. 1958: La statua ritratto di C. Cartilio Poplicola. In: M.F. Squarciapino, I. Gismondi, G. Barbieri, H. Bloch, R. Calza (cura), *Scavi di Ostia III. Le necropoli*. Pt. I. *Le tombe di età repubblicana e augustea*. Roma, 221–228.
- Calza, R. 1947a: *Museo ostiense*. Roma.
- Calza, R. 1947b: Sculture rinvenute nel santuario (della Magna Mater a Ostia). *Memorie Pontificia Accademia romana di archeologia* 2, 207–227.
- Calza, R., Sartorio, G. 1976: *La villa di Massenzio sulla via Appia, il palazzo – le opere d'arte*. Roma.
- Calza, R. 1965: Roma III. Monumenti principali – Musei e gallerie di antichità, III. Gallerie e raccolte varie 3 Villa Albani 4 Museo Torlonia. In: *Enciclopedia dell'Arte Antica Classica e Orientale* VI. Roma, 936–939.
- Calza, R. 1964: *Scavi di Ostia*. Vol. V. *I ritratti*. Pt. I. *Ritratti greci e romani fino al 160 d.C.* Roma.
- Calza, R. 1978: *Scavi di Ostia*. Vol. IX. *I Ritratti*. Pt. II. *Ritratti romani dal 160 circa alla meta del III sec.d.C.* Roma.
- Calza, R., Squarciapino, M.F. 1962: *Museo Ostiense*. Roma.
- Calza, R. Squarciapino, M. F., Veloccia Rinaldi, M.L. Zevi, F. 1971: *Museo Ostiense, nuove immissioni* (Supplemento alla Guida). Ostia.

- Calza, R. 1960: Un problema di iconografia imperiale nell'arco di Costantino. *Atti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia. Memorie* XXXII, 133–161.
- Calza, R. 1949: Una statua imperiale del IV secolo nel Museo Ostiense. *Bollettino della Commissione Archeologica del Governatorato di Roma*, 1946–48 72, 83–94.
- Caprino, C. 1974: Un nuovo contributo alla conoscenza dello Hermes che si allaccia il sandalo. *BdA* 59, 106–114.
- Carandini, A. 1989 : Raissa e le statue. In: D. Fagioli (cura), *Ricordando Raissa*. Roma, 21–25.
- Carettoni, G. 1943: Replica di una statua lisippea rinvenuta a Cassino. *Memorie Pontificia Accademia romana di archeologia* III 6, 53–66.
- Coarelli, F.I. 1995: Il ritratto di Varrone: un tentativo di paradigma indiziario. In: *Civitas Nostra. Studi archeologici in onore di Antonio Frova*. Roma, 269–280.
- Daffara, D. 2021: Tra le carte di Raissa: nota sulla produzione scientifica. *Bollettino di archeologia on line. Direzione generale: archeologia, belle arti e paesaggio* XII (3), 145–169.
- Danner, M. 2017: *Wohnkultur im spatantiken Ostia*. Wiesbaden.
- De Angelis d'Ossat, G. 1974: Mobilità e funzioni delle mense paleocristiane a «sigma» – la comunione dei laici. *Antichità altoadriatiche* VI, 31–47.
- De Chirico, R. 1932: La vie rumorosa della Roma antica. *Roma* 27 dicembre, 28–40.
- De Chirico, R. 1941: Nuova statua-ritratto del Basso Impero trovata ad Ostia. *Bollettino della Commissione Archeologica del Governatorato di Roma* 69, 113–128.
- De Chirico, R. 1937: Una nuova Igea di Ostia. *BdA* 11, 518–527.
- Frankley, N. *Raissa Gurevich-Calza is an Italian archaeologist*. URL: <https://madan.org.il/ru/groups/raisa-gurevich-kalca-italyanskiy-arheolog>.
- Inan, J., Rosenbaum, E. 1966: *Roman and Early Byzantine Portrait Sculpture in Asia Minor*. London.
- Huskinson, J. 2005: Eta tardo romana. In: J. Boardman (ed.), *Storia Oxford dell'arte classica*. Roma–Bari, 297–344.
- Laird, M.L. 2000: Reconsidering the So-Called «Sede degli Augustali» at Ostia. *Memoirs of the American Academy in Rome* 45, 41–84.
- Retrieved 3 January 2020. URL.: www.quirinale.it.
- MacKendrick, P. 1961: Reviewed Work: Ostia by Raissa Calza, Ernest Nash. *AJA* 65.3, 329.
- Moreno, P. 1995: Ermete che si slaccia il sandalo. In: *Lisippo: L'Arte e La Fortuna*. Milano, 230–231.
- Murer, C. 2016: The Reuse of Funerary Statues in Late Antique Prestige Buildings at Ostia. In: T. Myrup, L.M. Stirling (eds.), *The Afterlife of Roman Sculpture, II. Late Antique Response and Reception*. Ann Harbour, 177–196.
- Neri, A. 2012: La catalogazione delle fotografie del fondo Raissa Calza: metodi e obiettivi. *Annali della facoltà di lettere e filosofia* XXXIII, 191–208.
- Nicotra, L. 2004: *Archeologia al femminile : il cammino delle donne nella disciplina archeologica attraverso le figure di otto archeologhe classiche vissute dalla metà dell'Ottocento ad oggi*. Roma.
- Parisi Presicce, C. 1995: Ermete che si slaccia il sandalo. In: *Lisippo: L'Arte e La Fortuna*. Milano, 405–407.
- Pasinli, A. 2010: *Istanbul Archaeological Museums*. Istanbul.
- Pensabene, P.P. 2016. Arco di Costantino: esito di un compromesso. In: O. Brandt, V. Fiocchi (cura), Nicolai *Acta XVI Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae Costantino e i Costantinidi (Atti del XVI Congresso Internazionale di Archeologia Cristiana; Roma 2013)*. Città del Vaticano, 821–834.
- Picard, Ch. 1949: L'entrée de la salle absidale à l'Attideion d'Ostie. *Revue de l'histoire des religions* 135.2–3, 129–142.
- Picard, G.C. 1976: La statue du temple d'Hercule a Ostia. In: L. Bonfante, H. von Heintze (ed.), *Memoriam Otto J. Brendel, Essays in Archaeology and the Humanities*. Mainz, 121–129.

- Romeo, I. 2019: *Scavi di Ostia XVII. I ritratti. Parte III. I ritratti romani dal 250 circa al VI secolo d.C.* Firenze.
- Romoli, E. 2000: Sarcofago strigilato con Orfeo. In: E. La Rocca, S. Ensoli (cura), *Aurea Roma. Dalla città pagana alla città cristiana* (Cataloghi Mostre). Roma, 618–619.
- Shepherd, E.J. 2009: Da Ostia a Roma e Oltre: Raissa Calza e la Fotografia. *Lungo il Tevere. Da Roma a Ostia, un Percorso per Immagini. Acta Photographica* 2, 113–122.
- Sindoni, S. 2021/2022: *I sarcofagi di Ostia e Portus. Temi, produzioni, committenza. Tesi di dottorato (s.s.d. l-ant/07 archeologia classica). Università degli Studi della Tuscia di Viterbo.* Viterbo.
- Smith, R.R.R. 1999: Late Antique Portraits in a Public Context: Honorific Statuary at Aphrodisias in Caria, AD 300–600. *JRS* 89, 155–189.
- Smith, R.R.R. 2002: The Statue Monument of Oecumenius: A New Portrait of a Late Antique Governor from Aphrodisias. *JRS* 92, 134–156.
- Squarciapino, M. 1943: *La scuola di Afrodizia (Studi e materiali del Museo dell'Impero Romano).* Roma.
- Tocci, M. 2012: Le tavole «sigma»: alcuni frammenti da Bakchias. In: P. Buzi, S. Pernigotti (cura), *Lo scriba e il suo re: dal documento al monumento (Atti del V Colloquio; Bologna 2010).* Bologna, 115–137.
- Toynbee, J. M. C. 2012: R. Calza. Scavi Di Ostia, V: I Ritratti, Parte I: Ritratti Greci E Romani Fino Al 160 Circa d.C. Rome: Istituto Poligrafico dello Stato, 1964. Pp. 127 [Revue]. *JRS* 56 (1–2), 262–263.
- Valeri, C. 1998: Per un riordino della scultura ostiense: gli arredi statuari delle grandi terme di Ostia. *Rivista dell'Istituto Nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte* 53, 19–60.
- Valeri, C. 2001: Statue de C. Cartilius Poplicola. In: J–P. Descoeudres (cura), *Ostia: port et porte de la Rome antique (Catalogo della mostra di Geneve, 2001).* Geneve, 404–405.
- Welles, C. 1949: Bradford «Archaeological Digest». *AJA* 53 (1), 60–75.
- Zevi, F. 1976: Monumenti e aspetti culturali di Ostia repubblicana. In: Zanker (Hrsg.), *Hellenismus in Mittelitalien, Kolloquium in Göttingen.* Göttingen, 52–63

STUDIES OF ANCIENT OSTIA BY RAISA CALZA

Anna.V. Uryadova

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russia

E-mail: uryadovaana@gmail.com

This article is dedicated to the Italian archaeologist of Russian origin Raissa Calza (Raissa Gurevich, Krol, de Chirico) – a researcher of ancient Ostia. The primary sources for this work are archival materials (Archive of the University of Siena) and publications by R. Calza. The article examines Raissa Calza's path and development as an archaeologist in the 1930s–1960s. Through the lens of her research biography, the article explores the transformation of her views on the identification of ancient artifacts, changes in approaches to their study, and compares them with contemporary perspectives on the attribution of specific monuments of ancient Ostia.

Keywords: Classical Archaeology, Ostia, Italy, Raissa Calza

ПРИЛОЖЕНИЕ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 273–286
© The Author(s) 2026

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 273–286
©Автор(ы) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-273–286

ИСИДОР СЕВИЛЬСКИЙ ЭТИМОЛОГИИ. КНИГА XII О ЖИВОТНЫХ

Isidori Hispalensis ETYMOLOGIARUM SIVE ORIGINUM LIBER XII DE ANIMALIBUS

(Вступительная статья, перевод с латинского и комментарии А.А. Павлова)¹

«Этимологии» Исидора Севильского (ок. 560–636 гг.) – важнейший раннесредневековый энциклопедический труд, впитавший в себя античное знание и оказавший огромное влияние на всю последующую средневековую систему образования. Его двенадцатая книга посвящена животным. Она следует за книгами о Боге (VI–VIII) и человеке (IX–XI) и предшествует книгам, связанным с мирозданием (XIII) и географией Земли (XIV), что отражает иерархию христианского бытия космоса².

История зоологии восходит, по крайней мере, к Аристотелю (384–322 гг. до н.э.), написавшему о животных ряд сочинений, важнейшим из которых и наиболее объемным является «История животных» (Περὶ τὰ ζῷα ἱστορίαι) в десяти книгах³. Аристотель создал научную классификацию животных⁴, которая сохранила свое значение до Нового времени. На средневековом Западе подлинно зоологической литературы не существовало. Труд Аристотеля вплоть до XIII в., когда он впервые был переведен на латынь, известен только в переложениях и цитатах. Немало выдержек из него встречается в «Естественной истории» Плиния Старшего (23/24–79 гг. н.э.)⁵, которой Исидор

¹ Перевод и исследование выполнены за счет гранта РНФ № 25–28–00509; <https://ias.rscf.ru/>.

² О структуре труда см.: Павлов 2022, 279–280.

³ Это наиболее объемное и описательное сочинение Аристотеля. Его «О частях животных» и «О происхождении животных», созданные после «Историй», носят более аналитический характер. Книги I–IV имеют анатомо-физиологический характер, книги V–VII посвящены эмбриологии и онтогенезу, книги VIII–IX – этиологии и экологии. Книга X, стоящая особняком и вызывающая сомнения в ее аутентичности, посвящена вопросам бесплодия в браке. Подробнее о концепции Аристотеля см.: Старостин 1996, 7–68.

⁴ Аристотель классифицирует животных по родам и видам. Главным его делением является разделение животных на «бескровных» и «наделенных кровью». К первым он отнес мягкотелых (головоногих), мягкоскорлупных (ракообразных), черепокожих, насекомых, зоофитов; ко вторым – живородящих четвероногих, яйцеродящих четвероногих, яйцеродящих двуногих, живородящих безногих, яйцеродящих безногих.

⁵ Плиний посвятил животным 4 книги (VIII–XI), которые поместил после книги о человеке (VII). О человеке у Плиния см.: Павлов 2009, 202–210. Систематизация Плиния демонстрируется материалом его книг: VIII – сухопутные животные, IX – рыбы и прочие обитатели моря, X – птицы, XI – насекомые. Кроме того, труд Плиния содержит четыре книги (XXVIII–XXX; XXXII), посвященные описанию лекарственных средств, изготавливаемых из различных животных. О классификации Плиния см.: Fögen 2007, 184–198.

пользовался при написании XII книги «Этимологий»⁶. Именно энциклопедии, а также многочисленные «Бестиарии»⁷ станут в эпоху средневековья носителями сведений о животных⁸. Те и другие в своих истоках восходят, по сути, к энциклопедии Исидора.

Структурно книга XII Исидора состоит из 8 глав⁹. В основе его классификации лежит систематика Плиния, разделяющая животных по месту их обитания. В ней Исидор прибегает к ненаучным классификационным критериям. Так в соответствии с критерием полезности он делит животных на домашних (полезных) и диких (опасных) (гл. I); исходя из размера, выделяет мелких животных (гл. II), к их числу он относит как млекопитающих, так и насекомых, как одомашненных, так и диких. Третий критерий Исидора – среда обитания (земля, вода, воздух). Животных, обитающих в воде, он рассматривает в главе VI «О рыбах»¹⁰, а способных летать – в главе VII «О птицах»¹¹. Еще одним критерием, к которому прибегает Исидор, служит морфология животных: форма, организация, расцветка. В отдельные главы он выделяет червяков (V), при этом смешивая червяков с гусеницами и личинками, и змей (VI); вместе со змеями он рассматривает, например, ящериц. В отличие от Плиния, Исидор не использует общего термина для насекомых (insecta). Они рассматриваются в главе VIII «О мелких летающих существах», но отдельные их виды приводятся им в главах III (например, муравей) и V (например, мотылек).

В структуре глав можно материал группируется по различным основаниям. Так, мы встречаем группы животных, начинающихся на одну букву¹², и группы с общими морфологическими признаками¹³. Подобного рода группирование – не следствие компиляции, а результат работы самого Исидора, что следует из анализа использованных им источников¹⁴.

В тексте порой встречаются текстуальные повторы (XII. 4. 17 и 31; 4.13 и 32), что связано с незавершенностью текста, ошибки, связанные с незнанием терминологии (*capra agrestis* и *caprea* – XII. 1. 15; 16), с неверным чтением источников¹⁵, а также с использованием вторичных источников¹⁶.

Что касается источников, то Ж. Андрэ насчитал в тексте книги 58 цитат (из них 52 прямые, 6 переданы через Сервия), в основном из древних поэтов, среди которых наиболее цитируемым является Лукан (12). Гораздо реже встречаются цитаты из Овидия (3), Аффания (2), а также Плавта, Невия, Горация, Лукреция, Ювенала (1) и др. Семь раз Исидор цитирует «Естественную историю» Плиния Старшего. Четырежды он обращается к Священному писанию. Многочисленные цитаты из римских поэтов не говорят, однако, о хорошем знании их автором. Он черпает цитаты из вторых рук.

Так же, как он это делает и в других книгах, Исидор не упоминает здесь свои основные источники. Благодаря анализу французского филолога Жака Андрэ, мы можем представить характер работы Исидора с его источниками. По подсчетам Жака Андрэ, в книге XII имеется не менее 293 заимствований: из них 76 – из текстов христианских авторов¹⁷; 61 – из комментариев грамматика IV в. Сервия к поэмам Вергилия; 45 – из сочинения Плиния Старшего «Естественная история»; 6 – из труда римского агронома Рутилия Палладия (IV в.) «О сельском хозяйстве». Большое число заимствований (79) приходится также на «Собрание достопамятных сведений» Гая Юлия Солина (III в.), черпавшего свои сведения главным образом из текста Плиния¹⁸.

⁶ В своем труде Исидор ссылается на Плиния Старшего 7 раз и только в XII книге.

⁷ Van den Abeele 1994, 209–228.

⁸ Латинских авторов интересовала не зоология как таковая, они следовали всегда за практическим интересом. Сведения о них содержались в работах о земледелии, ветеринарии, охоте, кулинарии и т.п. Об отражении проблем зоологии в средневековых энциклопедиях см.: Van den Abeele 2020, 173–185.

⁹ (1) О скоте, тягловых и вьючных животных (§§ 1–61); (2) О диких зверях (§§ 1–40); (3) О мелких животных (§§ 1–10); (4) О змеях (§§ 1–48); (5) О червях (§§ 1–19); (6) О рыбах (§§ 1–64); (7) О птицах (§§ 1–81); (8) О мелких летающих существах (§§ 1–17).

¹⁰ При этом в этой главе рассматриваются как собственно рыбы, так и морские млекопитающие, крокодилы, бегемоты и др.

¹¹ Здесь же он рассматривает и летучих мышей.

¹² E.g.: *mullus* (VI. 25), *mugilis* (VI. 26), *melanurus* (VI. 27); *salamandra* (IV. 36), *saura* (IV. 37), *stellio* (IV. 38) etc.

¹³ Например: овцы (I. 9–12), козы (I. 13–16), олени (I. 18–22), коровы (I. 18–24), лошади (I. 43–52) и т.д.

¹⁴ См.: André 1986, 11–12.

¹⁵ Например, он путает рыбу и созвездие Рыб (XII. 6. 32).

¹⁶ Так он несколько раз ссылается на Плиния (XII. 2. 9; 2. 11; 2. 20), однако подтверждений сказанному в указанных местах не имеется.

¹⁷ Основные заимствования приходятся на тексты Амвросия (21), Иеронима (23), Августина (10). Встречаются также заимствования из Григория Великого (7), Лактанция (4), Орозия (3), Тертуллиана (2).

¹⁸ André 1986, 16–21.

Исидор, следуя за своими источниками, редко им возражает, даже в случае очевидной их недостоверности¹⁹. Он полностью следует за книжной традицией, не пытаясь соотносить книжное знание с реальной современной ему практикой²⁰.

Энциклопедическая по характеру книга, как и все книги второй декады, на первый взгляд мало сопрягается с христианской религией и мировоззрением. Однако Исидор не был бы Исидором, если бы античное знание не было интегрировано им в христианский канон. Кроме того, не стоит забывать о характере самой энциклопедии, где этот канон утверждается через обращение к этимологии.

Животный мир Исидор рассматривает как часть творения Бога, при этом структура книг Исидора не соответствует плану божественного творения, в соответствии с которым (Gen. 1:1–31) творение начинается созданием мира материального и завершается миром одушевленным; венцом творения является человек, созданный по образу и подобию Бога (Gen. 1:26). Порядок, избранный Исидором, имеет обратную последовательность. От книги о человеке (XI) он идет к рассмотрению животного мира (XII), ставя человека на первое место в мироздании²¹, после чего анализирует космос и светила (XIII) и Землю (XIV). Бог определил человеку господствовать над миром животных (Gen. 1:28). Мысль эта выражена у Исидора в самом начале книги: именно Адам наделил все живые существа их именами и сделал это на языке евреев (XII. 1. 1–2). Тем самым Исидор не только ставит животный мир в зависимость от человека, но и включает в картину христианского библейского канона истории²². Но животные не просто подчинены человеку (XII. 1. 38), подобно человеку, это живые и одушевленные существа (XII. 1. 3). Они способны помогать человеку (XII. 1. 7), любить его (XII. 1. 43); они наделяются им моральными качествами, которые служат христианской дидактике, вырабатывают нравственные каноны поведения человека²³.

Не остается в стороне и этимология – главное оружие Исидора. Характеризуя агнца (agnus), он именует его «угодным богам», «чистым», «непорочным» (XII. 1. 12); овна (aries) он связывает со словом «жертвенник» (ara; XII. 1. 11), а овцу (ovus) с «жертвоприношением» (oblatio; XII. 1. 9). В христианской традиции все они символизировали Христа (e.g. Isid. Diff. II. 17; 21).

В настоящей части публикуются главы I и II.

Перевод сделан по изданию: Lindsay, W.M. (ed.). Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX. Vol. II Oxford, 1911. В силу объемности текста в сносках нами даются в основном только отсылки к тем источникам, из которых Исидор заимствовал материал (Cp.), либо в которых содержится информация о рассматриваемом предмете (Cm.). Они составлены главным образом на основе комментариев Ж. Андрэ к его французскому переводу книги XII (André, J. (ed.). Isidore de Séville. Étymologies. Livre XII. De animalibus. Paris, 1986). Перевод сверен с современными переводами на английский (Barney, S.A., Lewis, W.J., Beach, J.A., Berghof, O. (eds.), The Etymologies of Isidore of Seville. Cambridge, 2006) и испанский языки (Reta, J.O., Casquero, M.M. Diaz y Diaz, M.C. (eds.). San Isidoro de Sevilla. Etymologías. T. II. Madrid, 2004).

Глава I. О скоте, тягловых и вьючных животных

(1) Всем живым существам Адам первым дал имена, называя каждого исходя из того природного предназначения, которому оно служит²⁴. (2) Языческие же народы каждому живому существу дали наименования сообразно своему языку. Адам установил имена не на латинском языке, и не

¹⁹ Встречается лишь несколько случаев, когда Исидор высказывает свое недоверие к сказанному (e.g.: XII. 3. 3).

²⁰ Живя в Севилье, недалеко от моря, Исидор повторяет утверждение Солина, что дельфины перепрыгивают через корабли, не зная, что журавли во время миграции перелетают через Испанию.

²¹ У Плиния Старшего человек также занимает приоритетное место: посвященная ему книга (VII) предшествует книгам о животных (VIII–XI). Однако последним он уделяет гораздо больше внимания, нежели человеку, да и сам разговор о мире животном (и человеческом) следует после рассмотрения мира материального (космос рассматривается им в книге II, географии Земли посвящены книги III–VI). У Исидора человеку посвящены три книги (IX–XI), столько же, сколько Богу и Священному писанию (VI–VIII). Человек у Исидора – подлинный венец творения, занимает центральное место в труде Исидора.

²² Связь эта подчеркивается и апелляцией к другим библейским сюжетам (XII. 1. 57; 58; 4. 43; 6. 18; 8. 12 и 14).

²³ Так, заяц у Исидора пуглив (XII. 1. 23), осел – глуп и упрям (XII. 1. 48), волк – кровожаден (XII. 2. 24), голуби – целомудренны (XII. 7. 61), а куропатка – коварная и грязная (XII. 7. 63) и т.д.

²⁴ Cp. Gen. 2:19; Tert. Verg. vel. 5; Aug. Gen. c. Manich. II. 1; Ambr. Parad. 49.

на греческом, либо каком-либо из варварских, но на том, что был до потопа один для всех, зовется который еврейским²⁵. (3) По-латыни животные (animalia) и живые существа (animantia) названы так оттого, что одушевляются (animare) жизнью и движимы духом²⁶. (4) Четвероногие (quadrupedia) названы так оттого, что передвигаются на четырех ногах (quattuor pedibus)²⁷: они хотя и подобны домашним животным, однако не являются предметом человеческой заботы; таковы, например, олени, лани, онагры и прочие. Не относятся они ни к диким хищникам (bestia), каковы, например, львы, ни к тягловому скоту (iumenta), поскольку не способны помогать (iuvare) людям.

(5) Скотом (pecus) мы называем всякое живое существо, которое не обладает человеческим языком и подобием²⁸. В собственном же смысле мы обыкновенно относим это имя к тем животным, которые либо пригодны в пищу, как овцы и свиньи, либо полезны для людей, как лошади и быки. (6) Существует различие между словами ресога (скот) и pecudes (домашние животные)²⁹, ведь древние обычно употребляли ресога в значении «скот вообще», тогда как pecudes – только в отношении тех животных, которые идут в пищу, как если бы мы говорили pecuedes³⁰. Вообще же всякое животное зовется pecus от pascere (пастись).

(7) Тягловые и вьючные животные (iumenta) обязаны своим именем тому, что помогают нам в трудах наших (iuvare), содействуя либо в переноске тяжестей, либо во вспашке земли³¹. Ведь бык тянет повозки и переворачивает сошником очень твердые глыбы земли; лошадь и осел перевозят грузы и помогают людям передвигаться. Потому и зовутся они iumenta, что помогают (iuvare) людям, ведь это животные, наделенные большой силой. (8) Называют их также armenta³²: либо оттого, что пригодны для оружия (arma), то есть для войны, либо оттого, что мы пользуемся ими, будучи при оружии. Некоторые под armenta понимают только быков, производя слово от arare (пахать), как если бы говорилось aramenta, [либо по той причине, что вооружены (armati) они рогами]³³. Имеется различие между стадом и отарой, ведь в стада (armenta) собираются лошади и быки, в отары (greges) же – козы и овцы³⁴.

(9) Овца (ovis) – животное с мягкой шерстью, беззащитное телом, кроткое нравом; названо так от принесения в жертву (oblatio)³⁵, поскольку в древности во время жертвоприношения первоначально закалывали не быков, а овец. Некоторых из них, у кого два зуба из восьми длиннее прочих, называют «двухзубыми» (bidentes)³⁶, именно их язычники приносили прежде всего в жертву. (10) Валух (vervex)³⁷ – холощеный баран – назван так либо от «силы» (vires), так как прочих он сильнее баранов, либо оттого, что он vir, то есть самец, либо потому, что в голове у него червь (vermen); возбуждаемые зудом его, нападают они друг на друга и, сходясь в поединке, наносят противнику мощный удар. (11) Баран (aries) назван так ἀλὸ τοῦ ἄρεος³⁸, то есть от Марса, откуда и у нас в стадах бараны-самцы зовутся mares; либо зовутся они так оттого, что язычники сначала именно барана возносили на алтарь (ara): оттого они aries, что возлагали их на жертвенники (arae). Оттуда и эта строка (Sedul. l. 115):

Овна в жертву на алтарь возносят³⁹.

(12) Хотя у греков агнец (agnus) зовется так ἀλὸ τοῦ ἁγνοῦ (от непорочности)⁴⁰, как бы «угодный богам», латинские авторы полагают, что назван он так оттого, что быстрее иных живых существ

²⁵ См. Isid. *Etym.* IX. 1. 1.

²⁶ См. Isid. *Diff.* I. 50.

²⁷ См. Lucr. IV. 1265; Aug. *Gen. ad litt.* III. 11. 17; D. 9. 1. 1.

²⁸ Cp. Serv. *Aen.* I. 435; Aug. *Gen. ad litt.* III. 11. 16.

²⁹ Cp. Varr. *LL.* V. 95; Isid. *Etym.* XII. 6. 1.

³⁰ Cp. edo, edi, esum, edere – есть, кушать.

³¹ Cp. Colum. VI. Pr. 3; Lact. *Inst.* II. 10. 1; Hier. In is. I. 3; Isid. *Etym.* XVI. 18. 3. См. Varr. *LL.* V. 135; Non. Marc. s.v. Iumentum. P. 54 M.

³² Cp. Serv. *Georg.* III. 49; Aen. I. 185; III. 540. См. Fest. s.v. Armentum. P. 4 L.

³³ См. Varr. *LL.* V. 96.

³⁴ См. Serv. *Georg.* III. 49; *Ecl.* VI. 55.

³⁵ См. Varr. *LL.* V. 96; Lev. (Vulg.) 3:6.

³⁶ См. Fest. s.v. Bidental. P. 30 L; Gell. XVI. 6. 3–15; Serv. *Aen.* IV. 57; Macr. *Sat.* VI. 9. 1–7.

³⁷ См. Varr. *LL.* V. 96.

³⁸ См. Macr. *Sat.* I. 12. 10; *Somn.* I. 21. 26; Isid. *Etym.* III. 71. 24.

³⁹ “Aries mactatur ad aram”.

⁴⁰ См. Varr. *LL.* V. 99; Fest. s.v. Agnus. P. 6 L; 13 L.

узнает (*agnoscere*) свою мать; так что даже если и заблудится в стаде большом, по блеянию глас материнский распознает он тотчас.

(13) Козлята названы *haedi* от глагола «есть» (*edere*)⁴¹, ведь молодые козлята жирны и приятны на вкус; отсюда и *edulium* (яства). (14) Козел (*hircus*) – животное похотливое и бодливое, всегда готовое к соитию. Глаза его вследствие похоти глядят косо, откуда и прозван, ведь согласно Светонию (*Prat.* 171), *hircui* – это уголки глаз⁴². Природа его столь горячая, что кровь растворяет алмаз⁴³, который ни огнем, ни инструментом железным одолеть невозможно. Крупные козлы от реки Кинифы в Ливии, где урождаются они очень большими, зовутся Кинифиями (*Cinyphii*)⁴⁴. (15) Одни говорят, что козлы (*sagri*) и козы (*caprae*) названы так от ощипывания (*capere*) кустарников⁴⁵. Другие – оттого, что стремятся ухватить (*captare*) терновник. Третьи полагают, что названы они так от скрипа (*crepitus*) копыт, откуда звались они также *sgerae* (дикие козы); греки за то, что она очень зоркая, то есть *δξυδερκέστερων*, прозвали ее *доркас*⁴⁶. Обитают они высоко в горах, но и оттуда видят тех, кто приближается к ним. (16) Зовутся они *sagrae* (серны)⁴⁷ и *ibices* (каменные козлы), как если бы *avices*, оттого что подобно птицам (*aves*) держатся круч и возвышенных мест, живут на стремнине, так что, находясь там, едва различимы для человеческого взора. (17) По этой же причине на экваториальном юге птиц, обитающих по течению Нила⁴⁸, называют ибисами (*ibices*). Итак, эти животные, как сказано нами, пребывают на высоких скалах и, если чувствуют опасность, исходящую от диких зверей или людей, устремляются вниз с высоких скальных вершин, помогая себе своими рогами, и остаются невредимыми.

(18) Олени (*cervi*) названы так *ἀλό τῶν κεράτων*, то есть от рогов (*cornua*), ведь по-гречески *кэрата* означает «рога»⁴⁹. Олени – враги змей, если они чувствуют, что сильно ослабли, то дыханием ноздрей своих выманивают тех из укрытий и, справившись с губительностью яда, восстанавливают здоровье, поедая их⁵⁰. Они сами обнаружили траву ясенец, поедая которую, они избавляются от впившихся стрел⁵¹. Свирелей звук их заворачивает. (19) Навострив уши, они все ясно слышат, опустив их, не слышат ничего⁵². Если приходится им преодолевать полноводные реки или морские глади, головы кладут они на круп плывущим спереди, следующие за ними, кладут, в свою очередь, головы на них, не чувствуют при этом они никакой тяжести⁵³.

(20) Козероги (*tragelaphi*) названы так греками⁵⁴. Они хотя и похожи на оленей, однако лопатки у них покрыты длинными прядками шерсти, как у козлов, а подбородки – мохнатыми бородами; обитают они только около Фасиса.

(21) Оленята (*hinnuli*) – детеныши оленя, [прозваны так от глагола «кивать» (*innuere*), потому что прячутся по кивку матери].

(22) Лань (*dammula*) названа так оттого, что вырывается из рук (*de manu*): животное боязливое и невоинственное⁵⁵; о нем Марциал (13. 94):

Страшен клыками кабан, рога охраняют оленя,
Я ж, беззащитная лань, только добыча для всех⁵⁶.

⁴¹ Cp. Varr. *LL.* V. 97; Isid. *Etym.* XVII. 9. 22.

⁴² Cp. Serv. *Ecl.* III. 8.

⁴³ Cp. Plin. *NH.* XX. 2; XXXVII. 59; Isid. *Etym.* XVI. 13. 2.

⁴⁴ Cp. Serv. *Georg.* III. 312.

⁴⁵ Cp. Varr. *RR.* II. 3. 7; Fest. s.v. *Caprae*. P. 42 L; Macr. *Sat.* I. 17. 63; I. 21. 26.

⁴⁶ Косуля, газель. Cp. Hier. *In Is.* XIII. 14.

⁴⁷ См. Plin. *NH.* VIII. 214.

⁴⁸ Cp. Greg. *Magn. Moral.* XXX. 36.

⁴⁹ Cp. Serv. *Aen.* I. 184; Fest. s.v. *Cervus*. P. 47 L. См. Varr. *LL.* V. 101.

⁵⁰ Cp. Serv. *Ecl.* VII. 30; Hier. *Hom. Orig. in Cant.* II. p. 528; *In Ier.* XIV. 5. p. 938 V. См. Plin. *NH.* VIII. 118; Solin. XIX. 15.

⁵¹ Solin. XIX. 15.

⁵² Cp. Solin. XIX. 11.

⁵³ Cp. Greg. *Magn. Moral.* XXX. 36; а также Plin. *NH.* VIII. 114; Solin. XIX. 12.

⁵⁴ От *τραγός* (козел) и *ἐλαφος* (олень). Cp. Solin. XIX. 19; а также Plin. *NH.* VIII. 120.

⁵⁵ См. Verg. *Ecl.* VIII. 28; Apul. *Met.* VIII. 4.

⁵⁶ “Dente timetur aper, defendunt cornua cervum; / inbelles damae quid nisi praeda sumus?” Перевод Ф.А. Петровского.

(23) Заяц назван *lepus*, как если бы говорили *levipes*⁵⁷, потому что быстро бежит. Потому и по-гречески из-за быстрого бега зовется *λαγώς*; животное это быстрое и довольно боязливое.

(24) Кролики (*cuniculi*) – род диких животных; названы так, как если бы говорили *caniculi*⁵⁸, потому что ловят их либо извлекают из нор, устраивая собачьи облавы (*canes*).

(25) Свинья (*sus*) названа так оттого, что «месит выгоны» (*subigere*), то есть роет землю в поисках пищи⁵⁹. Боров (*verres*) – оттого, что обладает огромной силой (*vires*). Боров назван *roscus*, как если бы говорили *spurscus* («грязный»), ведь объедается он нечистотами, валяется в грязи, роется в отходах⁶⁰. Гораций (*Epist.* 1. 2. 26):

иль свиньею в грязи бы валялся⁶¹.

(26) Отсюда произошли и слова *spurcitia* (грязь) и *spurii* (внебрачные дети). От свиньи (*sus*) волос свиной мы называем щетиной (*seta*); да и скорняки оттого зовутся *sutores*⁶², что шьют (*suare*), то есть сшивают шкуры, используя щетину.

(27) Вепрь (*aper*) назван так от свирепости (*feritas*), при этом буква *f* выпала, а *p* – прибавлена⁶³. Так и у греков зовется он *σῦαρος*, то есть «дикий». Ведь все свирепое и жестокое мы расширительным называем «диким» (*agrestis*).

(28) Бычок назван *iuvencus* оттого⁶⁴, что начинает помогать (*iuvare*) людям обрабатывать землю, либо потому что язычники Юпитеру всегда и везде приносили в жертву тельца, а не быка, ибо учитывался и возраст приносимых в жертву животных. *Taurus* (бык – слово греческое, как и *bos*⁶⁵.

(29) Индийские быки имеют рыжевато-коричневый окрас, они быстры как птицы, шерсть у них растет в обратную сторону⁶⁶; благодаря гибкости, голову они поворачивают, как захотят; благодаря крепости шкуры отражают они все стрелы в своей свирепой дикости. (30) Быка греки называют *βοῦς*. Латинские авторы оттого зовут его *trio* (вол), что топчет (*terere*) землю, как если бы *terio*⁶⁷. Невий пишет (*trag.* 62):

Вот селянин, быков усмиритель⁶⁸.

Шкура от головы до пят от названия самой кожи (*pellis*) зовется *palearia*, как бы *pellearia*; величина ее является показателем породистости быка. Преданность быков собратьям исключительная⁶⁹, ибо разыскивает один другого, с кем привык тот ходить под ярмом за плугом, и частым мычанием выражает свою преданность, если другого вдруг нет рядом.

(31) Корова названа *vacca*, как если бы *voacca*⁷⁰. Это слово изменяется подобно таким словам как *leo* и *leaeana* (лев и львица), *draco* и *dracaena* (дракон и драконица)⁷¹. (32) Телок (*vitulus*) и телка (*vitula*) названы так от «зеленого» (*viriditas*), то есть юного возраста, как и дева (*virgo*)⁷². Таким образом, телка – это молодая корова, которая еще не приносила приплода, ведь та, что разродилась, зовется коровой: молодой (*iuvensa*) либо взрослой (*vacca*).

(33) Слово «буйволы» (*bubali*) – производное от «быки» (*boves*), так как буйволы напоминают быков; они столь неукротимы, что не терпят ярма. (34) Происходят из Африки⁷³. Туры (*uri*) – дикие быки, обитающие в Германии⁷⁴ и имеющие рога такой длины, что из них изготавливают огромного размера сосуды для царских столов. Названы турами *ἀπὸ τῶν ὀρέων χαμαί*, то есть «от гор».

⁵⁷ «Легконогий»: *levis* (легкий) + *pes* (нога).

⁵⁸ Ср. *Placid.* C 61.

⁵⁹ См. *Varr. LL.* V. 96.

⁶⁰ Ср. *Lact. Inst.* IV. 17. 21; VI. 23. 16; *Ambr. Epist.* LVIII. 16.

⁶¹ “*Et amica luto sus*”. Перевод Н.С. Гинцбурга.

⁶² См. *Isid. Etym.* XIX. 34. 1.

⁶³ См. *Varr. LL.* V. 101.

⁶⁴ См. *Varr. LL.* V. 96; *Isid. Diff.* II. 81; *Etym.* XI. 2. 16; а также *Macr. Sat.* III. 10; *Isid. Etym.* VIII. 11. 34.

⁶⁵ См. *Varr. LL.* V. 96.

⁶⁶ Ср. *Solin.* LII. 36; а также *Plin. NH.* VIII. 72.

⁶⁷ См. *Varr. LL.* VII. 74; *Isid. Etym.* III. 71. 7.

⁶⁸ “*Trionum hic moderator rusticus*”.

⁶⁹ Ср. *Ambr. Exc. Sat.* I. 8. См. *Verg. Georg.* III. 517–518.

⁷⁰ Ср. *bos, bovis* (бык, корова).

⁷¹ Ср. *Prisc. Gram.* II. 146. 13.

⁷² Ср. *Serv. Ecl.* III. 30. См. *Varr. LL.* V. 96; *Isid. Etym.* XI. 2. 21.

⁷³ Ср. *Hier. In Am.* VI. 12. p. 319. См. *Plin. NH.* VIII. 38; *Solin.* XX. 3.

⁷⁴ См. *Caes. Gall.* VI. 28; *Sen. Phaed.* 65.

(35) Верблюды (*camelī*) получили свое наименование по той причине⁷⁵, что когда их нагружают, они ложатся, чтобы быть меньше и ниже, потому что греки низкое и короткое называют *χαμαί*; либо потому, что на спине у верблюда горб, ведь греческое слово *καμπύρ* означает «кривой»⁷⁶. Прибывают они, разумеется, и из иных областей, но по большей части из Аравии. Верблюды отличаются меж собой, ведь аравийские имеют на спине два горба, а те, что из других мест – один⁷⁷. (36) Дромадеры (*dromeda*) – вид верблюдов несколько меньших размеров, но более быстрых, почему так и названы, ведь по-гречески *δρόμος* означает «бег» и «быстрота». Дромадер за один день может пройти сто и более миль. Это животное жвачное, подобно быку, овце и верблюду. (37) Жевание жвачки названо *ruminatio* от *ruma*⁷⁸ – верхнего отдела глотки, через который некоторые животные возвращают назад проглоченную пищу.

(38) Осел (*asinus*) и ослик (*asellus*) названы так от *sedere*, то есть «сидеть» (*sedere*), как бы *asedus*. Это животное имя свое, которое более подходит лошади, получило потому, что люди стали использовать (*praesidere*) ослов прежде, чем приручили лошадей. Конечно, это животное медлительное и упирается безо всякой причины, но человек подчинил его себе сразу, как только пожелал. (39) Дикого осла называют онагром (*onager*), потому что по-гречески осел – *ὄνος*, а *ἄγριος* означает «дикий»⁷⁹. В Африке водятся крупные дикие ослы, которые бродят по пустыне. При этом один самец возглавляет стадо самок. Страстно ревнуют они к новорожденным самцам и откусывают у них тестикулы, поэтому бдительные матери прячут тех в укромных местах. (40) Аркадские ослы названы так оттого, что впервые были завезены из Аркадии⁸⁰; они крупные и рослые. Небольшие ослики в поле нужнее⁸¹, потому как они и работу делают, и почти не требуют ухода.

(41) Лошади (*equi*) названы так оттого, что когда их запрягали в квадриги, они «выравнивались» (*aequare*), то есть вместе ставили тех, которые равны меж собой статью и прытью схожи. (42) Рабочая лошадь (*caballus*) звалась некогда *сабо*, потому что, ступая, продавливает (*concavere*) она копытом землю, что другим животным несвойственно. (43) Отсюда и скакун *сопiрес* назван по той причине⁸², что звонко топочет ногами (*pedibus sonat*). Резвость коней велика: скачут они по долам, чуют войну⁸³, устремляются по звуку трубы в сражение, пускаются вскачь, понукаемые голосом, печалются, будучи побежденными, ликуют, когда одерживают верх. Некоторые чуют врага на войне, так что даже готовы укусить противника⁸⁴. Другие признают только собственных хозяев, и если те меняются, забывают о кротости. Третьи, никому кроме хозяина не позволяют оседлать себя⁸⁵, проливают обильные слезы, когда хозяин убит или умер⁸⁶. Одна только лошадь способна печалиться и проливать слезы по человеку. Поэтому в кентаврах и смешалась лошадиная и человеческая природа⁸⁷. (44) Намеревающиеся идти в сражение привыкли связывать его исход с тем, насколько подавлены или возбуждены лошади.

По общему мнению, век лошадей персидских, гуннских, эфирских, сицилийских – долог, живут они более пятидесяти лет, испанских же, нумидийских и галльских – короче⁸⁸. (45) В чистокровных лошадях, как говорили древние, ценятся четыре качества⁸⁹: сложение, красота, достоинство, масть. Сложение: корпус должен быть сильным и крепким, а рост – соответствовать силе; бока должны быть вытянутыми и подтянутыми, круп – округлым, грудь – широкой, тело – мускулистым, ноги – сухими и твердыми, с вогнутыми копытами. (46) Красота⁹⁰: голова должна быть небольшой и

⁷⁵ См. Varr. *LL.* V. 100; Macr. *Sat.* VI. 4. 23; Isid. *Etym.* XIV. 8. 23; XV. 8. 5; XX. 11. 2.

⁷⁶ Слово более нигде не встречается.

⁷⁷ См. Plin. *NH.* VIII. 67; Solin. XLIX. 9.

⁷⁸ Cp. Serv. *Ecl.* VI. 54; а также Fest. s.v. Rumen. P. 333 L; Non. Marc. s.v. Rumen. P. 18 M.

⁷⁹ См. Varr. *RR.* II. 6. 3; Plin. *NH.* VIII. 108; Aug. *In Psalm.* 103.

⁸⁰ Cp. Varr. *RR.* II. 1. 14; 8. 3; Colum. VII. 1. 1.

⁸¹ Cp. Pallad. IV. 14. 4.

⁸² См. Catul. LXIII. 40.

⁸³ Cp. Plin. *NH.* VIII. 157.

⁸⁴ Cp. Solin. XLV. 6.

⁸⁵ Cp. Solin. XLV. 10.

⁸⁶ Cp. Serv. *Aen.* XI. 89; а также Plin. *NH.* VIII. 157; Solin. XLV. 12.

⁸⁷ Cp. Serv. *Aen.* XII. 82.

⁸⁸ Cp. Veget. *Mulomed.* III. 7. 1.

⁸⁹ Cp. Pallad. IV. 13. 2. См. Varr. *RR.* II. 7. 4–5; Colum. VI. 29. 2–3.

⁹⁰ Cp. Pallad. IV. 13. 2.

сухой, кожа плотно прилегающей к костям, уши – короткими и выразительными, глаза – большими, ноздри – раскрытыми, шея – прямой, грива и хвост – густыми, копыта – округлыми и плотно пригнанными. (47) Достоинство: конь должен быть смелым, быстроногим, с трепещущими членами, что служит признаком силы; такого легко вывести из полного покоя, как и не сложно справиться с ним на полном скаку⁹¹. Познается норов лошади по ушам⁹², храбрость – по трепещущим членам.

(48) Должно, прежде всего, указать на масти такие⁹³: гнедая, золотая, светло-рыжая, миртовая, палевая, буланая, серо-голубая, серая в яблоках, пепельно-серая, ярко белая, белая, чубарая, вороная. Далее по порядку – пестрая из смеси гнедой и вороной; все иные пестрые масти и пепельная – хуже прочих. (49) Древние гнедую лошадь (*badium*) называли *vadium*, потому что среди других животных идет она вперед (*vadere*) решительнее. Ее называют также каштановой (*spadix*), и финиковой (*phoenicatus*); названа она каштановой от цвета пальмы, что сицилийцами зовется *spadica*⁹⁴. (50) У серо-голубой глаза будто нарисованные и излучают блеск: древние называли такую масть *glaucus*⁹⁵. Буланая (*gilvus*) – айвового цвета с белым отливом⁹⁶. Чубарая (*guttatus*) – белая в черных крапинках⁹⁷. (51) Ярко-белая (*candidus*) и белая (*albus*) отличаются друг от друга, ведь белый несколько бледен, ярко же белый – белоснежен и источает чистый свет⁹⁸. Пепельно-серая (*canus*) названа так оттого, что образована смешением ярко-белого и черного цветов. Серая в яблоках (*scutulatus*) названа из-за пятен, белых на темном⁹⁹. (52) Пестрая (*varia*) – оттого, что имеет отметины (*viae*) разных цветов¹⁰⁰. Те лошади, у которых белые ноги, зовутся *petili*¹⁰¹, а у кого лоб – *calidi* («горячие»). (53) Палевая (*cervinus*) – та, что в просторечии зовется *guaranen*, она же и *aeranen*, потому что масть ее цвета бронзы (*aes*). Миртовой же масти (*myrteus*) лошадь – та, чей окрас приглушенно бордовый. (54) Сивым (*dosina*) назван конь оттого, что окрас его как у осла (*de asino*); он же и пепельный (*cinereus*). Произошли таковые от лошадей диких, которых мы называем *equiferi*, а потому не способны они обладать достоинствами городских лошадей.

(55) Вороной (*maurus*) – черного окраса, ведь греки называют его *μαῦρος*¹⁰². Пони (*mannus*) – низкорослая лошадь, которую в народе зовут *brunicus*. Почтовых лошадей древние называли *veredi*¹⁰³ либо потому, что тянут повозки (*vehere redas*), то есть везут их либо потому, что курсировали они по общественным дорогам, по которым обычно передвигались четырехколесные экипажи (*redae*).

(56) Есть три рода лошадей¹⁰⁴: первый – породистые, пригодные для битв и исполнения обязанностей; второй – простые и обыкновенные, пригодные для упряжи, но не для седла; третий, появившийся из смешения различных видов, именуется *bigenerum*¹⁰⁵, потому что принадлежащие к нему животные, например, мулы, происходят от разных животных¹⁰⁶.

(57) Слово «мул» (*mulus*) пришло из греческого языка, поскольку оно действительно существует в греческом языке¹⁰⁷ либо оттого, что пребывая у пекарей в ярме,

Неспешно вращает он жернова, зерно в муку обращая¹⁰⁸.

Иудеи утверждают, что Ана – праправнук Исавы, первым подпустил ослов к табунам кобылиц в пустыне, чтобы породить, таким образом, мулов, новый противный природе вид животных. Говорят, что подобным образом и онагров стали подпускать к ослицам, и был такого рода союз изобретен,

⁹¹ Cp. Pallad. IV. 13. 7; Colum. VI. 29. 4.

⁹² Cp. Solin. XXVII. 18; Plin. NH. VIII. 49.

⁹³ Cp. Pallad. IV. 13. 7.

⁹⁴ См. Verg. Georg. III. 82; Serv. Georg. III. 82; а также Gell. II. 26. 9.

⁹⁵ См. Verg. Georg. III. 82; Plin. NH. XI. 143; Gell. II. 26. 18.

⁹⁶ См. Serv. Georg. III. 82. См. Varr. Men. 358; Pallad. IV. 13. 3;

⁹⁷ Cp. Pallad. IV. 13. 3.

⁹⁸ Cp. Serv. Georg. III. 82. См. Isid. Diff. I. 55.

⁹⁹ Cp. Pallad. IV. 13. 3.

¹⁰⁰ См. Isid. Etym. X. 277.

¹⁰¹ Букв. «тонкие». Cp. Fest. s.v. Petilam. P. 225 L.

¹⁰² См. Isid. Etym. IX. 2. 122; XIX. 23. 7;

¹⁰³ См. Isid. Etym. XX. 12. 2.

¹⁰⁴ См. Varr. RR. II. 7. 15; Colum. VI. 27. 1; Veget. Mulomed. III. 6. 2.

¹⁰⁵ Cp.: Fest. s.v. Bigenera. P. 30 L.

¹⁰⁶ Результат скрещивания осла и кобылы.

¹⁰⁷ Cp. *μῦκλος* (похотливый), *μύλη* (точильный камень).

¹⁰⁸ "...tardas molendo ducat in gyro molas". По мнению Ж. Андрэ эта часть строки Исидора представляет цитату из стиха неизвестного автора. См. Aug. Epist. CLXXXV. 15.

чтобы рождались от него самые быстрые ослы¹⁰⁹. (58) Разумеется, человек поспособствовал спариванию разных животных и благодаря противоестественному смешению вывел иные их виды¹¹⁰. Так и Иаков вывел овец противной природе масти, ведь овцы его зачинали потомство мастью подобной баранам, взгромоздившимся сверху на них, чей вид наблюдали они в зеркальной глади воды. (59) Наконец, говорят также, что то же самое происходит и в табунах лошадей: во время зачатия перед глазами кобыл ставят породистых коней, дабы могли они зачать и родить подобное тем потомство¹¹¹. Ведь и любители голубей устанавливают изображения прекрасных голубей в тех местах, где те пребывают, чтобы глядя на них, порождали им подобных. (60) Поэтому и беременным женщинам советуют не смотреть на отвратительного вида животных, таких как киноцефалы или обезьяны, чтобы не родить потомство похожее на тех, что случайно попали им на глаза¹¹². Действительно, женщин природа такова: что бы они ни увидели или о чем бы ни подумали в пылу крайней страсти во время соития, такое они и приносят потомство. Ибо животное во время зачатия формы извне переносит вовнутрь и, схватывая концентрированный их образ, переносит его на собственную суть. (61) Среди живых существ «двуродными» (*bigena*)¹¹³ зовутся те, что рождаются от различных родителей, как, например, мул – от кобылы и осла, лошак – от коня и ослицы, гибриды – от вепрей и свиней¹¹⁴, титир – от овцы и козла¹¹⁵, муфлон – от козы и барана¹¹⁶ (он – вожак стада).

Глава II. О диких зверях

(1) Термин «зверь» (*bestia*) в собственном смысле относится ко львам, леопардам, тиграм, волкам и лисам, собакам и обезьянам, и прочим животным (за исключением змей)¹¹⁷, что свирепы оскалом и когтиты. Названы они так от силы (*vis*), с которой нападают¹¹⁸. (2) Дикими (*ferae*) названы они оттого, что пользуются природной свободой и бродят (*fēte*) по собственной воле¹¹⁹.

(3) Слово «лев» (*leo*) в латинский язык попало из греческого, ведь по-гречески льва именуют λέων; это существительное смешанного типа, поскольку частично порочно¹²⁰. Львица (*leaena*)¹²¹ же слово чисто греческое, как и дракониха (*dracaena*)¹²². Поэты обычно называют львицу *lea*¹²³. Лев (*leo*) – это по-гречески, в латинском он понимается как «царь» (*rex*)¹²⁴, потому как первенствует среди всех зверей. Говорят о трех видах львов¹²⁵. (4) Из них те, чье тело коротко, а грива курчава, – невоинственны; те, что подлинней, и с гривой прямою, – свирепы. Лик и хвост выдают их настрой¹²⁶. Сила их заключена в груди, а стойкость – в голове. Окруженные охотниками, смотрят они в землю, дабы меньше страшиться вида рогатин. Боятся они скрипа колес, но больше того – огня¹²⁷. (5) Даже когда они спят, их глаза настороже¹²⁸; когда передвигаются, хвостом заматают следы, чтобы охотник их не выследил. Когда рождается детеныш, говорят, спит он три дня и три ночи; а затем пробуждается от рева и рыка отца, от которых логово словно бы сотрясается. (6) По природе они

¹⁰⁹ Cp. Hier. *Quaest. hebreu. in Gen.* XXXVI. 24.

¹¹⁰ Cp. Gen. 30:32–42.

¹¹¹ Cp. Hier. *Quaest. hebreu. in Gen.* XXX. 33; Cael. Aurel. *Gyn.* I. 50.

¹¹² Hier. *Quaest. hebreu. in Gen.* XXX. 33.

¹¹³ См. выше I. 56.

¹¹⁴ См. Plin. *NH.* VIII. 199; 21; Mart. VIII. 22.

¹¹⁵ См. Serv. *Ecl.* I. pr.

¹¹⁶ См. Strab. V. 2. 7; Plin. *NH.* VIII. 199; Serv. *Georg.* III. 446.

¹¹⁷ Cp. Aug. *Gen. ad lit.* III. 11. 16.

¹¹⁸ См. Isid. *Diff.* I. 248.

¹¹⁹ Cp. Serv. *Aen.* I. 215.

¹²⁰ Форма именительного падежа такая же, как у греческого слова, но в косвенных падежах склоняется как латинское существительное III скл.

¹²¹ Греч. λέαινα.

¹²² См. Isid. *Etym.* XII. 1. 31; 7. 50.

¹²³ Cp. Serv. *Georg.* III. 245.

¹²⁴ Cp. Aug. *In euang. Ioh.* XXXVI. 5.

¹²⁵ Аристотель (*Hist. an.* 629a 33–35) и Плиний (*NH.* VIII. 46) знают только два. Исидор следует здесь за Солином.

¹²⁶ Cp. Solin. XXVII. 18. См. Plin. *NH.* VIII. 49.

¹²⁷ Cp. Solin. XXVII. 20. См. Plin. *NH.* VIII. 51–52.

¹²⁸ Cp. *Physiolog.* I.

доброжелательны к человеку, так что не нападают на него, если им не досаждают¹²⁹. Мягкосердечие их подтверждается многочисленными примерами¹³⁰. Они шадят лежащих ничком; позволяют попадающим им на пути пленникам вернуться целыми и невредимыми; не нападают на человека, разве только будучи очень голодными. О них Лукреций говорит (5. 1036):

...и детеныши львов¹³¹.

(7) Тигр (*tigris*) назван так от стремительного бега, ведь персы и мидяне называют этим словом стрелу¹³². Зверь этот отмечен пестрыми пятнами, а также поразительной силой и быстротой. От него и река зовется Тигром, потому что она самая стремительная из всех рек. Больше всего тигров в Гиркании.

(8) Пантера (*panther*) названа так или оттого, что всем зверям подруга, за исключением дракона, или оттого, что радуется сообществу своего сородича и каждому воздаст то, что получает сама. Ведь по-гречески *πάν* означает «всё». Зверь этот покрыт мелкими черными и белыми крапинками, перемежающимися на рыжем фоне, словно круглыми глазками¹³³. (9) Пантера приносит приплод лишь единожды; причина этого очевидна¹³⁴. Ибо, когда в утробе матери котят подрастают и набирают сил для рождения, они не терпят промедления, так что рвут когтями нагруженную бременем вульву, как если бы препятствовала она их рождению. Побуждаемая болью, пантера плод извергает или, лучше сказать, роняет. Таким образом, введенное впоследствии плодородное семя не прилипает к поврежденной, покрытой шрамами матке, а отторгается безуспешно. Поэтому Плиний говорит (*NH.* VIII. 43), что животные с острыми когтями не способны часто производить потомство, поскольку котят, ворочаясь в утробе, чинят ей вред.

(10) Барс (*pardus*)¹³⁵ стоит в ряду хищников вслед за пантерой. Это пятнистый хищник очень быстрый и кровожадный. В прыжке он обрушивается на жертву и убивает ее.

(11) Леопард (*leopardus*) рождается от соития львицы и барса, которое дает начало роду иному. Так и Плиний в «Естественной истории» говорит (VIII. 42)¹³⁶, что, если лев сходится с самкой барса или барс с львицей, от обоих этих союзов рождается порочное потомство, как то бывает с мулом или лошаком.

(12) Носорог назван греками *rhinoceros*¹³⁷, что на латинский переводится как «рог на носу». Он же и *monoceros*¹³⁸, то есть «единорог», потому что у него посреди лба рог в четыре фута, столь острый и прочный, что всякого, на кого бы ни напал, он либо вздымает на рог, либо протыкает¹³⁹. Действительно, часто вступает он в поединок со слонами и повергает противника, пробивая тому рогом брюхо¹⁴⁰. (13) Такова его сила, что даже самые доблестные охотники не способны его поймать¹⁴¹. Но как утверждали те, что писали о природе животных, если выставить впереди молодую девственницу, а та откроет при его приближении свою грудь, на которую положит он голову, со всей присущей ему свирепостью, то усиленный и обезоруженный таким образом, может он быть пойман¹⁴².

(14) Греки полагают, что слон (*elephants*) назван так от величины тела, которое строением напоминает гору; ведь гора по-гречески зовется *λόφος*. У индийцев же слон зовется *barrus*, откуда и глас его – *barritus*, а зубы – *ebur*¹⁴³. Нос же его зовется хоботом (*proboscida*), потому что с его помощью он подносит пищу ко рту¹⁴⁴, похож на змею, защищенную частоклоном из бивней¹⁴⁵. (15) Древние

¹²⁹ Cp. *Serv. Aen.* XII. 6.

¹³⁰ Cp. *Solin.* XXVII. 15.

¹³¹ “*Scymnique leonum*”.

¹³² Cp. *Epit. Rer. Gest. Alex.* 70. См. *Varr. LL.* V. 100; *Plin. NH.* VI. 127; *Solin.* XXXVII. 5.

¹³³ Cp. *Solin.* XVII. 8. См. *Plin. NH.* VIII. 62.

¹³⁴ См. *Herod.* III. 108; *Arist. Hist. an.* 579b 1–5; *Gell.* XIII. 7. 1–6.

¹³⁵ См. *Solin.* XVII. 11; а также *Plin. NH.* X. 202.

¹³⁶ См. *Solin.* XVII. 11.

¹³⁷ Греч. *ῥινόκερος*.

¹³⁸ Т.е. *μονόκερος*.

¹³⁹ Cp. *Greg. Magn. Moral.* XXXI. 29. См. *Plin. NH.* VIII. 70–71; *Solin.* LII. 39–40.

¹⁴⁰ Cp. *Plin. NH.* VIII. 71; *Solin.* XXX. 21.

¹⁴¹ Cp. *Solin.* LII. 40.

¹⁴² Cp. *Greg. Magn. Moral.* XXXI. 29.

¹⁴³ Cp. *Serv. Aen.* I. 592. См. *Isid. Etym.* XVI. 5. 19; XIX. 17. 8.

¹⁴⁴ Cp. *pabulum* (пища) + *os* (рот); греч. *βόσκειν* (кормить). См. *Non. Marc. s.v. Proboscis.* P. 49 M.

¹⁴⁵ См. *Lucr.* II. 540–541.

римляне называли слонов «луканскими быками» (*boves Lucas*): быками – оттого что никогда не видывали животного крупнее быка; луканскими – оттого что Пирр впервые их выставил на бой с римлянами в Лукании¹⁴⁶. Действительно, этот вид животных пригоден для использования на войне: ведь персы и индийцы, установив на них деревянные башенки¹⁴⁷, мечут оттуда дроты, словно с городской стены. Обладают слоны и интеллектом, и завидной памятью¹⁴⁸. (16) Передвигаются в стаде; приветствуют друг друга присущим им жестом; бегут от мышей¹⁴⁹; спариваются, обратившись в противоположные стороны; а когда освобождаются от бремени, делают это из-за змей либо в воде, либо на островах, потому что для новорожденных слонят они враги¹⁵⁰ – обвитые ими они могут погибнуть. Слониха вынашивает плод в течение двух лет, родит единственный раз и только одного¹⁵¹. Живут [же] слоны триста лет¹⁵². Раньше слоны водились в Африке и в Индии, теперь только в Индии¹⁵³.

(17) Грифон (*grups*) зовется так оттого, что животное это крылатое и четвероногое¹⁵⁴. Этот вид зверей водится в Гиперборейских горах. Телом – львы, ликом и крыльями – подобны орлам, крайне враждебны к лошадям¹⁵⁵, да и людей, завидев, рвут на части.

(18) У хамелеона (*chameleon*) нет единой окраски, покрыт он пятнами разного цвета и формы, как барс. Назван же так... Маленькое его тельце легко меняет цвет на тот, который он видит, тогда как крупные тела других животных не способны к столь легкой смене окраса¹⁵⁶.

(19) Жираф (*camelopardus*)¹⁵⁷ назван так оттого, что подобно барсу испещрен белыми пятнами, шеей подобен коню, ногами – быку, головой же – верблюду. Водится он в Эфиопии.

(20) Рысь (*lynx*) названа так оттого, что причисляется к роду волков; шкура зверя покрыта пятнами, как у барса, но похож он на волка, отчего волк – *λύκος*, а рысь – *lynx*. Говорят, что моча рыси, затвердев, превращается в драгоценный камень, который зовется *lyncirius*¹⁵⁸, то, что об этом знают и сами рыси, доказывается тем, что излитую жидкость они прикрывают¹⁵⁹, насколько могут, песком, по некой природной ревности, чтобы столь ценное выделение не досталось человеку. Плиний Старший (ср. *NH*. VIII. 43) говорит, что рыси приносят не более одного детеныша.

(21) Бобры названы *castores* от *castrare* (кастрировать)¹⁶⁰, ведь их тестикулы используются при изготовлении лекарств; поэтому, когда они чувствуют приближение охотника, сами себя оскопляют, отгрызая собственное достоинство. О них Цицерон в речи, произнесенной в защиту Скавра, говорит (2. 7): «Откупаются тою частью тела, из-за которой их прежде всего и преследуют»¹⁶¹. И Ювенал (12. 34):

...который себя превращает
В евнуха, чтоб избежать гибели из-за тестикул¹⁶².

(22) Они же и *fibri*; зовутся также «понтийскими собаками» (*Pontici canes*)¹⁶³. Медведь, говорят, назван *ursus* оттого, что пастью (*os*) своей придает форму медвежонку, как бы *orsus*. Рассказывают, что порождают они потомство бесформенным, и когда рождается некая плоть, мать, вылизывая, придает ей форму тела¹⁶⁴. Отсюда и строка:

¹⁴⁶ Область на юге Италии. Речь о событиях 280 г. до н.э., связанных с приходом в Италию царя Эпира Пирра. См. *Plaut. Cas.* 846; *Varr. LL.* VII. 39; *Plin. NH.* VIII. 16.

¹⁴⁷ См. *Plin. NH.* VIII. 11; XI. 4.

¹⁴⁸ См. *Plin. NH.* VIII. 1; *Solin. XXV.* 2.

¹⁴⁹ См. *Plin. NH.* VIII. 29; *Solin. XXV.* 9; *Ambr. Hexam.* VI. 6. 37.

¹⁵⁰ См. *Plin. NH.* VIII. 32; *Solin. XXV.* 10.

¹⁵¹ Ср. *Solin. XXV.* 7. См. *Plin. NH.* VIII. 28.

¹⁵² Ср. *Solin. XXV.* 9. См. *Plin. NH.* VIII. 28.

¹⁵³ См. *Plin. NH.* V. 5; VIII. 1–3; 32.

¹⁵⁴ Ср. *grus* (журавль), *pes* (нога).

¹⁵⁵ Ср. *Serv. Ecl.* VIII. 27. См. *Plin. NH.* X. 136; *Solin. XV.* 22.

¹⁵⁶ Греч. χαμαιλέον. Букв. «маленький лев». Ср. *Arist. Hist. an.* 503 b 3 sq.; *Aug. Trin.* XI. 2. 5.

¹⁵⁷ Греч. καμηλοπάρδαλις. Букв. «верблюдолеопард». Ср. *Solin. XXX.* 19. См. *Varr. LL.* V. 100.

¹⁵⁸ Греч. λυγγούριον. Составлено из *λύγξ* (рысь) и *οὔρον* (моча). Ср. *Solin. II.* 38. См. *Plin. NH.* VIII. 137.

¹⁵⁹ См. *Plin. NH.* VIII. 137; *XXXVII.* 34; *Strab.* IV. 6. 2.

¹⁶⁰ Ср. *Serv. Georg.* I. 58.

¹⁶¹ “Redimunt se ea parte corporis, propter quod maxime expetuntur”.

¹⁶² “Qui se / eunuchum ipse facit, cupiens evadere damno / testiculū». Перевод. Ф.А. Петровского.

¹⁶³ Ср. *Serv. Georg.* I. 58. См. *Isid. Etym.* XIX. 27. 4.

¹⁶⁴ Ср. *Serv. Georg.* III. 247. См. *Varr. LL.* V. 100.

Так, приносит когда медведица плод, языком его формирует¹⁶⁵.

Связано это с преждевременностью родов, ведь медведица порождает на тридцатый день, отчего и происходит то, что поспешное вынашивание приводит к бесформенному порождению¹⁶⁶. Голова у медведей слабая; наибольшая сила сосредоточена в передних лапах и пояснице¹⁶⁷, почему иногда встают они на задние лапы.

(23) Волк (*lupus*) – слово, заимствованное в наш язык, производное от греческого, ведь греки волка называют *λύκος*¹⁶⁸; по-гречески зовется он *λύκος* в силу нрава, потому что с присущей ему неистовой хищностью умерщвляет все, что ни встретит¹⁶⁹. Другие полагают, что названы он *lupi*, как если бы говорили *leopi*, потому что, как и у львов, сила их в лапах – кого волк лапой прижмет, тому не жить. (24) Зверь этот хищный и кровожадный; селяне о нем говорят, что человек лишается дара речи, если волк заприметил его первым¹⁷⁰. Поэтому, когда кто внезапно умолкает, говорят: «*Lupus in fabula*» («Волк в басне»)¹⁷¹. Конечно, если волк почувствовал, что обнаружен, теряет присущую дикости его отвагу. Не более двенадцати дней в году волки спариваются с волчицами¹⁷²; они переносят голод в течение длительного времени, а после длительного голодания пожирают большое количество пищи. В Эфиопии водятся волки с гривой на шее и столь пестрые, что говорят, нет такого цвета, которого бы не было на их шкуре¹⁷³.

(25) Собака (*canis*) – слово латинское, имеющее, как кажется, греческое происхождение, ведь собака по-гречески *κύων*. Хотя некоторые полагают, что названа она от лая (*canor*), потому что он звучен; откуда и *canere* (петь). Нет никого разумнее собак, ибо понимают они больше, чем остальные животные¹⁷⁴. (26) Только они узнают свои клички; любят своих хозяев¹⁷⁵; охраняют их жилища¹⁷⁶; идут на смерть ради них; охотно преследуют добычу вместе со своим хозяином; не оставляют тело хозяина, даже если он мертв. Наконец, природа их такова, что не могут они обходиться без людей. Собакам присущи две вещи: неустрашимость и быстрота. (27) Щенками (*catuli*) могут зваться детеныши различных зверей, но в собственном смысле – это только детеныши собак: *catuli* – уменьшительная форма слова от *canis* (собака)¹⁷⁷. (28) Как говорит Плиний (VIII. 148), собаки, рожденные от случайной связи волка и собаки, зовутся *lyscisci*¹⁷⁸. Индийцы имеют обыкновение случать ночью в лесу, привязав их, сук с дикими тиграми¹⁷⁹. Покрытые ими, рожают они от союза этого собак столь быстрых и сильных, что повергают они в схватке львов.

(29) Лиса названа *vulpes*¹⁸⁰, как если бы *volupes*, ведь вертлява ногами (*volubilis pedibus*) и никогда не бежит прямо, но всегда петляя и запутывая следы. Это коварное животное, строящее козни. Так, когда ей нечего есть, притворяется она мертвой, ловит и поедает слетевшихся на пададь птиц¹⁸¹.

(30) *Simiae* (обезьяны) – слово греческое, то есть «со сплюснутыми носами»¹⁸². Потому и называем мы их *simiae*, что носы у них приплюснутые, а морда мерзкая, с безобразными морщинами; хотя и у коз носы уплощенные¹⁸³. Другие полагают, что названы они так в соответствии с латинским *similitudo*, потому что в них чувствуется значительное сходство с разумом человека¹⁸⁴; но

¹⁶⁵ «Sic format lingua fetum cum protulit ursam».

¹⁶⁶ Cp. Solin. XXVI. 4.

¹⁶⁷ Cp. Solin. XXVI. 7. См. Plin. *NH.* VIII. 130.

¹⁶⁸ См. Fest. s.v. *Agnus*. P. 6 L.

¹⁶⁹ Cp. (возможно) *λύσσα* (ярость, неистовство, бешенство).

¹⁷⁰ Cp. Ambr. *Hexam.* VI. 4. 26. См. Plin. *NH.* VIII. 79; Solin. II. 35; Isid. *Etym.* I. 37. 28.

¹⁷¹ В значении: «Легок на помине». Cp. Serv. *Ecl.* IX. 52.

¹⁷² Cp. Solin. II. 36. См. Arist. *Hist. an.* 580 a 11 sq.; Plin. *NH.* VIII. 83.

¹⁷³ Cp. Solin. XXX. 24.

¹⁷⁴ Cp. Hier. *In Is.* I. 3. p. 12 V.

¹⁷⁵ Cp. Solin. XV. 11.

¹⁷⁶ Cp. Hier. *In Is.* I. 3. p. 12 V.

¹⁷⁷ Cp. Serv. *Georg.* III. 438.

¹⁷⁸ Производно от *λύκος* (волк). В греческом не встречается. Cp. Serv. *Ecl.* III. 18.

¹⁷⁹ См. Solin. XV. 11. См. Arist. *Hist. an.* 607 a 3–5; Lucr. III. 750; Plin. *NH.* VIII. 148.

¹⁸⁰ См. Varr. *LL.* V. 101; Quint. *Inst.* I. 6. 33.

¹⁸¹ Cp. Greg. *Magn. Moral.* XIX. 1.

¹⁸² Cp. *σιμός* (курносый).

¹⁸³ Cp. Serv. *Ecl.* X. 7.

¹⁸⁴ См. Enn. *Sat.* 69; Cic. *ND.* I. 97

это ложно. (31) Они, завися от природы, ликуют в новолуние, и печалются в полнолуние и при убывающей луне¹⁸⁵. Детенышей, которых любят, носят они перед собой; отвергаемые же виснут на матери. Существует пять видов обезьян, из них у мартышек (*cercopithecī*) имеются хвосты, ведь это обезьяны с хвостами, некоторые называют их *clura*¹⁸⁶. (32) Сфинги (*sphingae*) покрыты длинной шерстью и имеют выступающую грудь¹⁸⁷; они становятся настолько ручными, что забывают о своей дикости. Киноцефалы (*cynocephali*) похожи на обезьян, но морда у них как у собак; откуда так и названы¹⁸⁸. (33) Сатиры (*satyri*) довольно приятны на вид, но беспокойны, постоянно жестикулируют¹⁸⁹. Каллитриксы (*callitricēs*) видом своим почти полностью отличны от других¹⁹⁰: у них длинная борода и длинный хвост.

(34) Леонтофон (*leontophonos*)¹⁹¹ – небольшой зверек; назван так оттого, что, будучи пойманным, его сжигают, а пеплом посыпают мясо и раскладывают на перекрестках проселочных дорог: губит оно львов, если те съедят хоть толику.

(35) Дикообраз (*histrīx*) – африканское животное¹⁹², похожее на ежа; назван так по треску (*stridor*) игл, которые дыбом расправляет на спине, чтобы ранить ими преследующих его собак.

(36) Энидр (*enhydros*) – зверек, названный так оттого, что водится в воде, прежде всего в Ниле. Найдя спящего крокодила, он заворачивается в ил¹⁹³, а затем проникает через пасть в его брюхо и выедаёт все внутренности, так что тот умирает.

(37) Ихневмон (*ichneumon*)¹⁹⁴ назван так по-гречески оттого, что обонянием своим отличает пищу здоровую и ядовитую. О нем Драконций говорит (*Laud.* 1. 515):

Свинка любого яда силу предскажет¹⁹⁵.

Свинкой (*suillus*) назван ихневмон от щетины (*saeta*). Он преследует также змей; когда сражается с аспидом, вздымает хвост, который тот начинает рассматривать как главную угрозу¹⁹⁶; а когда аспид переносит на него свое внимание, то обманутый, терпит поражение.

(38) Кошка (*musio*) названа так оттого, что враждебна мышам (*mus*). В просторечии зовется *cattus* – от *captura* (поймка); согласно другим – оттого, что *cattat*, то есть «видит», ведь ее зрение настолько острое, что блеском своих глаз преодолевает тьму ночи. Так что из греческого заимствовано и слово *catus*, то есть «остроумный», ἀπὸ τοῦ καίεσθαι¹⁹⁷.

(39) Хорек (*furo*) назван так от прилагательного «черный» (*furvus*); отсюда и «вор» (*fur*)¹⁹⁸. Ведь роет он темные тайные ходы, и прячет в них найденную добычу. (40) Барсук (*melo*) прозван так оттого, что весьма округл телом¹⁹⁹, либо оттого, что ищет соты и усердно собирает мед (*mella*).

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- André, J. 1986: Introduction. In: André, J. (ed.). *Isidore de Séville. Étymologies. Livre XII. De animalibus*. Paris, 7–34.
 Fögen, Th. 2007: Pliny the Elder's animals: some remarks on the narrative structure of Nat. Hist. 8–11. *Hermes*. 135.2, 184–198.
 Pavlov, A. A. 2009: Konstruiruya cheloveka: muzhskoe i zhenskoe v antropologii Pliniya Starshego [Constructing Man: Masculine and Feminine in the Anthropology of Pliny the Elder]. *Adam I Eva: Al'manakh gendernoy istorii* [Adam and Eve. The Almanac of Gender History] 17, 202–210.

¹⁸⁵ Ср. Solin. XXXVII. 57.

¹⁸⁶ Греч. κερκοπίθηκος («обезьяна с хвостом»). Ср. Solin. XXXVII. 58.

¹⁸⁷ Греч. σφίγξ. Ср. Solin. XXXVII. 59.

¹⁸⁸ Ср. κύων (собака) + κεφαλή (голова). См. Plin. NH. VIII. 216; Solin. XXVII. 58.

¹⁸⁹ Ср. Solin. XXVII. 60. См. Plin. NH. VIII. 216. Обитали в Индии (Plin. NH. VII. 24).

¹⁹⁰ Греч. κάλλιτρος. Обитала в Эфиопии. Ср. Solin. XXVII. 60. См. Plin. NH. VIII. 216.

¹⁹¹ Ср. λέων (лев) + φόνος (убийство). Ср. Solin. XXVII. 21.

¹⁹² Греч. ὕστριξ. Ср. Solin. XXVII. 28. См. Plin. NH. VIII. 125.

¹⁹³ Греч. ἐνυδρὸς. Ср. ὕδωρ (вода). Разновидность мангуста. См. Arist. Hist. an. 612 a 15–20; Plin. NH. VIII. 36; 90; Solin. XXXII. 25; Physiolog. 38–39.

¹⁹⁴ Греч. ἰχνεύμων. От ἰχνεύω (выслеживать).

¹⁹⁵ “Praecidit suillus vim cuiuscumque veneni”.

¹⁹⁶ См. Arist. Hist. an. 612 a 17; Plin. NH. VIII. 88.

¹⁹⁷ Т.е. «от [глагола] “зажигать”». Ср. Serv. Aen. I. 423.

¹⁹⁸ См. Isid. Etym. X. 106.

¹⁹⁹ Ср. malum (яблоко), μήλον (круглый плод). См. Isid. Etym. XVII. 7. 3.

- Павлов, А.А. 2009: Конструирование человека: мужское и женское в антропологии Плиния Старшего. *Адам и Ева. Альманах гендерной истории* 17, 202–210.
- Pavlov, A.A. 2022: Devyataya kniga “Etimologij” Isidora Sevil’skogo [The Ninth Book of Etymologies by Isidore of Seville]. In: *Tsari. Magistraty. Imperatory* [Rulers. Magistrates. Emperors]. Yaroslavl, 279–284.
- Павлов, А. А. 2022: Девятая книга «Этимологий» Исидора Севильского. В сб.: *Цари. Магистраты. Императоры*. Ярославль, 279–284.
- Starostin, B. 1996: Aristotelevskaya “Istoria zhivotnykh” kak pamyatnik estestvenno-nauchnoy i gumanitarnoy mysli [Aristotle’s “History of Animals” as a Monument of Natural Science and Humanities]. In: *Aristotel’. Istoria zhivotnykh* [Aristotle. *Animal History*]. Moscow, 7–68.
- Старостин, Б. 1996: Аристотелевская «История животных» как памятник естественно-научной и гуманитарной мысли. В кн.: Аристотель. *История животных*. М., 7–68.
- Van den Abeele, B. 1994: Bestiaires encyclopédiques moralises Quelques succédanés de Thomas de Cantimpré et de Barthélemy l’Anglais. *Reinardus*. 7, 209–228.
- Van den Abeele, B. 2020: Classifier et inventorier le monde animal: les choix des encyclopédies médiévales latines (VIIe–XIIIe siècles). *Anthropozoologica*. 55. 12, 173–185.

Andrey A. Pavlov

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
Syktyvkar, Russia

E-mail: aapavlov@rambler.ru

А.А. Павлов
заведующий кафедрой истории России
и зарубежных стран
Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БИ – *Боспорские исследования*. Симферополь–Керчь
ВДИ – *Вестник древней истории*. Москва
ДБ – *Древности Боспора*. Москва
КСИА – *Краткие сообщения Института археологии*. Москва
КСИНА – *Краткие сообщения института народов Азии*. Москва
ПИФК – *Проблемы истории, филологии, культуры*. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
АЕ – Cagnat, R. et al. (eds.). *L'Année épigraphique*. Paris, 1888–
AJA – *American Journal of Archaeology*. Chicago
Am. J. Philol. – *American Journal of Philology*. Baltimore
BCH – *Bulletin de correspondance hellénique*. Paris
BdA – *Bollettino d'Arte*. Roma
CH XI – Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. *Coin Hoards*. Vol. XI: *Greek Hoards. The Cimmerian Bosphorus* (Colloquia Antiqua 32). Leuven–Paris–Bristol, 2021
BNJ – Brill's New Jacoby / Jacoby Online (<https://scholarlyeditions.brill.com/bnjo/>)

Chr. Mitt. – Mitteis, L., Wilcken, U. *Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde*. Leipzig, 1912
CIL – Degraffi, A. (Hrsg.). *Corpus inscriptionum Latinarum*. Berlin, 1863–
Class. Q. – *Classical Quarterly*. Cambridge
EDCS-ID – *Epigraphik-Datenbank Clauss / Slaby*
EKM I. Beroia – Gounaropoulou, L., Hatzopoulos, M.B. *Epigraphes Katō Makedonias (metaxy tou Vermiou orous kai tou Axiou potamou). Teuchos A'. Epigraphes Veroias*. Athens, 1998
EKM – Επиграφές Κάτω Μακεδονίας. Αθήνα
FD – Fouilles de Delphes. Paris
FGrH – Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin–Leiden
HSCPh – *Harvard Studies in Classical Philology*. Cambridge
IACP – Hansen, M.H., Nielsen, T.H. (eds.). *An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 2004
IAAnkyaBosch – Bosch, E. *Quellen zur Geschichte der Stadt Ankara im Altertum* (Türk Tarih Kurumu Yayınlarından 7/46). Ankara, 1967
IEph – Engelmann, H., Wankel, H., Merkelbach, R. *Die Inschriften von Ephesos* (IGSK 11–17). Bonn, 1979–1984
IG – *Inscriptiones Graecae*. Berlin
IK Heraclea Pont – Jonnes, L. The Inscriptions of Heraclea Pontica. With a Prosopographia Heracleotica by Walter Ameling. In: L. Jonnes, W. Ameling (Hrsg.), *Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien* 47. Bonn 1994
IK Iznik – Şahin, S. *Katalog der antiken Inschriften des Museums von Iznik (Nikaia)* (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien 9, 10.1–2). Bonn, 1979, 1981–1982
IK Prusias ad Hypium – Ameling, W. *Die Inschriften von Prusias ad Hypium* (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien 27). Bonn, 1985
IK Prusa ad Olympum – Corsten, Th. *Die Inschriften von Prusa ad Olympum* (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien 39–40). Bonn, 1991–1993
ILLRP – *Inscriptiones Latinae liberae rei publicae*
ILS – Dessau, H. (Hrsg.). *Inscriptiones Latinae selectae* I–III. Berolini, 1892–1916
IScM – *Inscriptiones Daciae et Scythiae Minoris antiquae. Series altera: Inscriptiones Scythiae Minoris graecae et Latinae*
JLA – *Journal of Late Antiquity*. Baltimore

- JRS – *Journal of Roman Studies*. Cambridge
Marek, Kat. Amastris – Marek, Ch. *Stadt, Ära und Territorium in Pontus-Bithynia und Nord-Galatia* (Istanbuler Forschungen 39). Tübingen, 1993
NC – *Numismatic Chronicle*. London
OGIS – *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae*
RE – *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1893–1980
RIB – Collingwood, R.G., White, R. *Roman Inscriptions of Britain*. Vol. I. *Inscriptions on Stone*. Oxford, 1965
RIC – Mattingly, H., Sydenham, E. et al. 1984–1994, *Roman Imperial Coinage*. 10 vols. London
RPC – *Roman Provincial Coinage On-Line*
RRC – RPC – Burnett, A.M., Amandry, M. et al. 1992–. *Roman Provincial Coinage*. London.
SEG – *Supplementum Epigraphicum Graecum*, 1923–
St. Pont. III – Anderson, J.G.C., Cumont, F., Grégoire, H. *Studia Pontica, III. Recueil des inscriptions grecques et latines du Pont et de l'Arménie*. Fasc. 1. Brussels, 1910
TAM – *Tituli Asiae Minoris*
TAPA – *Transactions of the American Philological Association*. American Philological Association

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – О некоторых мнимых ойкистах.....	5
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Из истории афинских олигархических переворотов конца V в. до н.э. IV. Парадоксы режима Тридцати.....	29
<i>Разумов Н.В.</i> (Москва) – Вопрос ранней биографии афинского тирана Крития...	43
<i>Кузьмин Ю.Н.</i> (Самара) – Пелла после крушения монархии в Македонии (168– 30 гг. до н.э.): от царской резиденции к римской колонии.....	52
<i>Симаков М.А.</i> (Москва) – Древнегреческий полис Массалия в контексте рим- ской экспансии в Трансальпийскую Галлию.....	68
<i>Дементьева В.В.</i> (Ярославль) – Квинт Анханий (римский претор 56 г. до н.э.): во- просы реконструкции родственных связей.....	81
<i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород) – Императорское семейство в системе прин- ципата: смертельно опасные связи.....	94
<i>Данилов Е.С.</i> (Ярославль) – «Зонтики» Элагабала.....	116
<i>Творогов Г.М.</i> (Ярославль) – Верховный жрец понта, вифиниарх и понтарх: особенности титулатуры Марка Аврелия Александра из Амастрии.....	123
<i>Гуськов Е.А.</i> (Москва) – Преторианцы и население Рима.....	137
<i>Кириллова М.Н.</i> (Москва) – Обычай как источник римских землемерных практик.....	151
<i>Иванова Е.С.</i> (Нижний Новгород) – К вопросу о <i>ius conubii</i> римских центури- онов.....	163
<i>Кареев Д.В.</i> (Иваново) – История без историка: « <i>Origo gentis romanae</i> » как са- мостоятельный источник в позднеримском историческом дискурсе.....	176
<i>Холод М.М.</i> (Санкт-Петербург) – Древнейшее (ветхозаветное и античное мифо- логическое) прошлое в «Хронике» Иоанна Никиуского	193
<i>Абдулманова И.В.</i> (Белгород) – Стратегии выживания Аммония Гермия и его школы в условиях христианизации Александрии (475-520 гг.).....	207
<i>Болгов Н.Н.</i> (Севастополь), <i>Ермолович Р.А.</i> (Белгород) – Оборонительные со- оружения городов юго-западной Фригии в период поздней античности.....	221

ПУБЛИКАЦИИ

- Абрамзон М.Г.* (Магнитогорск), *Куликов А.В.* (Керчь) – Клад с золотыми статерами александровского типа из Восточного Крыма..... 230
- Абрамзон М.Г.* (Магнитогорск) – Клад боспорских электровых статеров 211/2–227/8 гг. н.э. из Усть-Лабинска (*СН* XI, No. 196)..... 238

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА

- Хорикян О.Г.* (Гюмри, Армения) – О локализации страны Пактиика XIII са-трапии..... 253

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

- Урядова А.В.* (Ярославль) – Исследования античной Остии Раисой Каль-цей..... 261

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Павлов А.А.* (Сыктывкар) – Исидор Севильский. Этимологии. Книга XII о жи-вотных..... 273

CONTENTS

<i>I.E. Surikov</i> (Moscow) – On Some Imaginary Oecists.....	5
<i>I.E. Surikov</i> (Moscow) – From the History of Athenian Oligarchic Coups D'état of the Late Fifth Century BC. III. The Paradoxes of the Thirty's Regime.....	29
<i>N.V. Razumov</i> (Moscow) – Issues in the Early Biography of the Athenian Tyrant Critias.....	43
<i>Yu.N. Kuzmin</i> (Samara) – Pella after the Fall of the Monarchy in Macedonia (168–30 BC): From Royal Residence to Roman Colony.....	52
<i>M.A. Simakov</i> (Moscow) – The Ancient Greek Polis of Massalia in the Context of Roman Expansion into Transalpine Gall.....	68
<i>V.V. Dementyeva</i> (Yaroslavl) – Quintus Ancharius (Roman Praetor, 56 BC): Questions of Reconstruction of Family Ties.....	81
<i>A.V. Makhlayuk</i> (Nizhny Novgorod) – The Imperial Family and the Principate: Fatal Ties.....	94
<i>E.S. Danilov</i> (Yaroslavl) – Elagabalus' "Umbrellas".....	116
<i>G.M. Tvorogov</i> (Yaroslavl) – High Priest of Pontus, Bithynarch, and Pontarch: Features of the Titulature of Marcus Aurelius Alexander of Amastris.....	123
<i>E.A. Guskov</i> (Moscow) – Praetorians and the Population of Rome.....	137
<i>M.N. Kirillova</i> (Moscow) – Custom as the Source of Roman Land Surveying Practices.....	151
<i>E.S. Ivanova</i> (Nizhny Novgorod) – Towards the Ius conubii of Roman Centurions..	163
<i>D.V. Kareev</i> (Ivanovo) – History Without a Historian: "Origo Gentis Romanae" as an Independent Source in Late Roman Historical Discourse.....	176
<i>M.M. Kholod</i> (Saint Petersburg) – The Oldest (Old Testament and Ancient Mythological) Past in the Chronicle of John of Nikiu.....	193
<i>I.V. Abdulmanova</i> (Belgorod) – Survival Strategies of Ammonius Hermiae and His School under the Christianization of Alexandria (475–520).....	207
<i>N.N. Bolgov, R.A. Ermolovich</i> (Belgorod) – Defensive Structures of the Cities of South-Western Phrygia in Late Antiquity.....	221

PUBLICATIONS

<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>A.V. Kulikov</i> (Kerch) – A Hoard of Alexander-Type Gold Staters from Eastern Crimea.....	230
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk) – A Hoard of Bosporan Electrum Staters Dating from AD 211/2 to 227/8, Found at Ust-Labinsk (<i>CH</i> XI, No. 196).....	238

ANCIENT CIVILIZATIONS OF THE ORIENT

<i>H.G. Khorikyan</i> (Gyumri, Armenia) – On the Localization of Pactyice Country of 13th Satrapy.....	253
--	-----

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>A.V. Uryadova</i> (Yaroslavl) – Studies of Ancient Ostia by Raisa Calza.....	261
---	-----

SUPPLEMENT

Isidori Hispalensis. Etymologiarum sive originum. Liber XII. De animalibus. Translation and Commentary by <i>A.A. Pavlov</i> (Syktyvkar).....	273
---	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в **References** указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoeetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'е* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifi v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma s fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	р	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	г	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	yo	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

16+

Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. 2026

Сдано в набор 01.09.2026. Подписано в печать 15.09.2026.

Дата выхода 30.09.2026.

Формат 70x100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный

технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.